АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
и
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К сведению авторов:
Рукописи авторам не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, тел. Б 8-81-42.

Подписано к печати 22/VII 1959 г. Т-09104 Формат бумаги $70 \times 108^1/_{16}$. Бум. л. 8
Печ. л. 21,92+2 вкл. Зак. 1734 Уч.-изд. листов 24,2 Тираж 3950 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Документы

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ В. И. ЛЕНИНА

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые документы В. И. Ленина связаны с подготовкой большевистской партии к Венскому (X) Международному социалистическому конгрессу II Интернационала, который намечено было созвать в августе 1914 г., а также к Брюссельскому совещанию Международного социалистического бюро, созванному в июле 1914 г.

Международное социалистическое бюро на своей декабрьской сессии 1913 г. предложило всем партиям, входившим в Интернационал, представить к 1 августа отчеты о своей деятельности за 1910—1914 гг. В связи с этим В. И. Ленин готовил отчет ЦК РСДРП Венскому конгрессу о деятельности большевистской партии в годы нового революционного подъема. В этом отчете нашла отражение огромная работа, проведенная большевистскими организациями, в результате которой к лету 1914 г. партии удалось сплотить вокруг себя «...*подавляющее большинство*, $^4/_5$ сознательных рабочих России» [1]. Используя все легальные и нелегальные формы работы, каждое выступление пролетариата, политическое и даже экономическое, большевики укрепляли свое влияние в рядах рабочего класса, готовя его к новой революции.

Наибольший интерес представляет публикуемый ниже ленинский набросок плана отчета ЦК (см. док. № 1). Документ этот является незавершенным, черновым наброском. Основные его пункты совпадают с докладом ЦК, написанным В. И. Лениным позднее для делегации большевиков на Брюссельском совещании [2].

План отчета Венскому конгрессу состоит из шести разделов, в которых сгруппированы основные вопросы, связанные с характеристикой положения дел в РСДРП и проблемой единства партии и рабочего движения в России. Разделы I—III систематизируют данные, характеризующие преобладание большевиков в различных массовых рабочих организациях, а также полное отсутствие ликвидаторов в нелегальной партийной работе, которая велась только большевиками. В разделах IV—VI сосредоточены данные о политических, тактических и программных разногласиях между большевиками и ликвидаторами.

Основная идея В. И. Ленина, красной нитью проходящая через весь отчет и развитая в его многочисленных статьях, состояла в том, что никако-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 466.

[2] См. там же, стр. 463—494.

го единства с ликвидаторами быть не может. Разногласие с ликвидаторами, писал он, «...не организационное, не о том, *как* строить партию, а расхождение по вопросу о *бытии* партии. Тут не может быть и речи ни о каком примирении, ни о каком соглашении, ни о каком компромиссе» [1].

По решению, принятому ЦК РСДРП на апрельских заседаниях 1914 г. [2], в связи с подготовкой к Венскому конгрессу в партии была усилена работа по собиранию сведений от партийных, профсоюзных, просветительных и других массовых рабочих организаций, характеризующих действительное положение рабочего движения в России. Эти же данные необходимо было иметь большевистской делегации, посланной на Брюссельское совещание. В. И. Ленин тщательно собирал и систематизировал сведения о денежных сборах рабочих групп, о тираже рабочих газет, о рабочих подписях под резолюциями и т. д. В запросе ЦК, посланном в Петербург, говорилось: «Для Вены нужны факты, а не фразы» (док. № 2).

Анализ этих данных убедительно показывал, что действительное единство было уже создано большевиками в 1914 г. Оппортунисты «хотят дать нам „бой" (генеральный) в Вене,— писал В. И. Ленин 21 июня (4 июля) 1914 г.— Пустая угроза!! Они ничего не *могут* сделать!!» [3].

Подавляющее большинство рабочих России, убедившись на опыте многих лет, что ликвидаторы ведут борьбу против партии и против революции, одобрило большевистскую тактику.

* * *

Документы №№ 1 и 2 хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и являются автографами В. И. Ленина. Документ № 3 обнаружен С. Т. Беляковым в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) и является перлюстрированной копией.

Публикация подготовлена к печати В. Т. Логиновым и Л. Ф. Никольской.

№ 1

План и конспективный набросок отчета ЦК РСДРП Венскому конгрессу II Интернационала

Апрель — май 1914 г.

Отчет Венскому конгрессу:

I. А. Стачечное движение. Демонстрации.
Рабочие газеты.
Страховая кампания.
Профессиональные союзы.
Кооперация.
Выборы в 4 Государственную думу.

II. Б. Срыв стачек и революционных демонстраций [1)].
Конкурирующая газета [2)].
Нелегальные издания 1912—1914 (0 у ликвидаторов).
Нелегальные собрания и конференции (1912, 1913, 1913) [3)].
Распад августовского блока.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 467.
[2] См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4, стр. 121.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3295.

III. В. 1) Рабочие группы.
2) Профессиональные союзы.
3) Страховые учреждения.
4) Ликвидаторская фракция без рабочих.
5) Голосование за *6* и за *7*.

IV. Г. I. Отрицание нелегальной партии.
II. Нападение в легальной печати на нелегальные лозунги.
III. Национальный вопрос: сепаратизм Бунда.
IV. » » Ягелло 4).
V. » » культурно-национальная автономия.
VI. Срыв воли большинства и дезорганизация его.
VII. Клеветническая кампания
(α) X 5) .(β) Малиновский 6).

V. Д. Двадцатилетняя история:
экономисты 1894—1903.
меньшевики 1903—1908.
ликвидаторы 1908—1914.

NB[1] Общий съезд? 7)

VI. Ввиду неслыханно-наглой лжи ликвидаторов и заграничных группок (троцкистов, впередовцев, плехановцев) мы заявляем:

1) что крайне сожалеем о несостоявшейся конференции *всех* «фракций» *вопреки* нашей просьбе ускорить;

2) что *единственной* целью такой конференции мы ставим **разоблачение** лжи ликвидаторов и группок и **собрание** объективных данных и фактов.

Условие нашего участия во всякой подобной конференции: гарантии собрания и **опубликования** таких данных в печати западноевропейских социалистических партий.

Ликвидаторы нагло использовали резолюцию Интернационала 8), чтобы проповедывать свободу нарушения воли большинства организованных рабочих. Это нестерпимо!!

Пример немецкой помощи à[2] 3000 марок «группкам» 9): Ягелло!!

Etwa[3].

1. Призыв к Aussprache versus...[4]... «отрицание старой партии»... Наглядное пояснение нужды в Klarheit и «Konfusion»[5].

2. «Die alte Partei verschwunden»...[6]. Не исключать товарищей etc. etc....[7]. Чудовищно! Подошел *боком* к «гвоздю»...

3. «Слезы доброго человека»: бандиты
эмигранты
личное раздражение
за од[ин] стол
легко etc. etc. P. S. D. вчера Roza
сегодня В[аршава] & Л[одзь]
Lewica? 11)

4. Сравни «Vorwärts» 1910. 26.III. 12)

5. Нет старой партии? Нельзя установить большинства?
Не может быть Massenorganisation?[8]

---

[1] Nota bene — заметьте.
[2] в.
[3] Примерно, приблизительно.
[4] обмен мнений по отношению к.
[5] ясность и «путаница».
[6] «Старая партия исчезла» 10).
[7] и т. д.
[8] массовая организация.

6. Gemeinplätze versus[1] факты!
7. Выборы.
8. Газеты.
9. Кампания *6* und[2] *7*.
10. А кругом? распад — либо заграничные гр[уппки] **nil**[3] (2 года 1912—3).
—либо *ликвидаторы*... отрицание партии (α)
... или Zweifler[4] (β)
11. Условия (I) безусловное признание старой партии (принципиально)... (в том числе национальный вопрос) (в том числе Lewica)
(II) безусловное признание большинства (для практич[еского] шаг[а] к единству)...

12. Единство? *Да!* 2500 групп рабочих, а не распад интеллигентских группок, сомневающихся насчет нелегальной партии!!

Aussprache über die tran[chanten] Punkte!![5]

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3284, лл. 1—2.— Автограф В. И. Ленина.

№ 2

Запрос ЦК РСДРП, направленный в Петербург, в Русское бюро ЦК

26 июня (6 июля) 1914 г.

Соберите немедля и пришлите точные данные:
1) о времени и частоте выхода с.-д. газет на грузинском, армянском и др. языках на Кавказе (с такого-то числа и года по...). Столько-то №№ *ликвидаторских* и *наших*.
2) тираж всех их;
3) число рабочих групп, делавших взносы и другие данные. Спешите. Для Вены [13)] нужны факты, не фразы.

* * *

1) Когда первый и когда последний номера каждой газеты? (с 1911 года).
2) Есть ли в газете денежные отчеты? Когда? Сколько?

Все подсчитать и подытожить.

3) Есть ли рабочие группы и взносы. (Все подсчитать *по годам*).
4) Тоже — рабочие приветствия и резолюции.
5) Тоже — остальные резолюции и приветствия.
6) Тоже — голосование за «6-ку» и «7-ку».
7) Все *аналогичное*.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23838, л. 1 и об.— Первая половина письма — автограф Н. К. Крупской; вторая — В. И. Ленина.

---

[1] Общие места против.
[2] и.
[3] ничего.
[4] сомневающиеся.
[5] Обмен мнениями по решающим пунктам.

План и конспективный набросок отчета ЦК РСДРП Венскому конгрессу II Интернационала, написанный В. И. Лениным. Май 1914 г. (Фотокопия док. № 1)

[illegible]

Оборот (Фотокопия док. № 1)

№ 3

Письмо В. И. Ленина в Петербург в книгоиздательство «Прибой»

28 июня (11 июля) 1914 г.

Уважаемый коллега! Очень благодарен вам за присылку конца книги «Марксизм и ликвидаторство» [14]. Имею к вам еще крайне важную просьбу. Пожалуйста, пошлите немедля все отпечатанные листы этой книги (т. е. всю книгу) по адресу: Брюссель, рю де Беффруа, 2, А, г. Ивану *Попову*. Дело крайне важное, не терпящее ни минуты отлагательства. Пошлите экспрессом, наймите посыльного и отправьте специально на Варшавский вокзал. Все расходы оплачу вам тотчас особым переводом, если потребуете.

При малейшей возможности прошу (это по делу столь важному, что бывает раз в два года) [15] собрать дополнительные мате[ри]алы (комплекты «Правды» и «Северной рабочей газеты» за 2 недели, «Нашу зарю» и *перлы* ликвидаторской литературы, посов[етуйтесь] с редактором «Трудовой правды»). Тем же пакетом. Надеюсь, не откажете. Статьи Булкина и Мартова в № 3 «Нашей зари», статьи Аксельрода о партийной реформе — то бишь революции, «Стойкую мысль» № 18, буржуазные газеты Питера *вечера* 4.IV.1914 г. и *утра* 5.IV.1914 г., статьи о блоке народников с ликвидаторами в страховой кампании. Все, что *успеете* до отхода (вече[р]него, кажись) поезда почтового Варшавской дороги.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, ч. 1, лит. Б, л. 133.— Перлюстрированная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеются в виду систематические выступления ликвидаторов в своей легальной печати против «стачечного азарта» — против революционных массовых стачек и демонстраций.— 4.

2) Речь идет о легальной ежедневной газете меньшевиков-ликвидаторов «Луч», издававшейся в Петербурге с сентября 1912 по июль 1913 г. В дальнейшем газета выходила под названиями: «Живая жизнь», «Новая рабочая газета», «Северная рабочая газета» и «Наша рабочая газета».— 4.

3) Речь идет о Шестой (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, происходившей 5—17 (18—30) января 1912 г.; о совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшемся в Кракове 26 декабря 1912 — 1 января 1913 г. (8—14 января 1913 г.) и названном по конспиративным соображениям «февральским», и о совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, происходившем 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г. в деревне Поронин, по конспиративным соображениям названном «летним».— 4.

4) Ягелло Е. И.— член Польской социалистической партии (ППС), избранный депутатом в IV Государственную думу от г. Варшавы. Большевики категорически возражали против предложения ликвидаторов о приеме Ягелло в думскую социал-демократическую фракцию, так как он прошел в думу благодаря поддержке буржуазии и блока ППС с Бундом, вопреки воле польских социал-демократов и рабочих. Под давлением депутатов-большевиков Ягелло получил во фракции лишь совещательный голос.— 5.

5) Х.— Данский Б. Г. (Комаровский К. А.) вступил в РСДРП в 1911 г., сотрудничал в «Звезде» и «Правде», принимал участие в работе по страховому движению, в 1913—1914 гг. входил в состав редакции большевистского журнала «Вопросы страхования». В целях дискредитации большевиков ликвидаторы выдвинули против Данского необоснованное обвинение в том, что он, будучи сотрудником большевистских изданий, якобы продолжал принимать участие в буржуазной печати. Образованная по этому делу комиссия в составе представителей ЦК РСДРП, большевистской фракции думы, редакций «Правды» и «Просвещения» установила, что Данский, вступив в ряды большевистской партии, перестал сотрудничать в буржуазной печати. Обвинения ликвидаторов были признаны клеветническими.— 5.

6) Уход Малиновского из Государственной думы 8 мая 1914 г. (осужденный Центральным Комитетом как дезорганизаторский, дезертирский поступок, за что Малиновский был исключен из рядов партии) использовали ликвидаторы для клеветнической кампании против большевистской партии. В 1917 г. Малиновский был разоблачен как провокатор.— 5.

7) Проект созыва общего съезда с ликвидаторами большевики считали неприемлемым (см. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 497—499).— 5.

8) Речь идет о резолюции Международного социалистического бюро, принятой в декабре 1913 г., в которой предлагалось созвать «все фракции рабочего движения в России» якобы в целях восстановления единства в РСДРП. В связи с этим решением ликвидаторская «Новая рабочая газета» поместила телеграмму из Лондона, в которой сообщалось, что якобы на заседании МСБ было отвергнуто требование большевиков послать представителя думской большевистской фракции в междупарламентскую секцию II Интернационала. По поручению В. И. Ленина представитель ЦК в Брюсселе обратился к секретарю МСБ Гюисмансу с вопросом, как он думает реагировать на эту выходку ликвидаторов. Гюисманс был вынужден официально опровергнуть лживое сообщение «Новой рабочей газеты» (см. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 35—36).— 5.

9) Весной 1912 г. Правление Германской социал-демократической партии обратилось к ЦК РСДРП и к различным социал-демократическим группам с запросом о созыве общего совещания «для достижения единства с.-д.» на выборах в IV Государственную думу и для распределения 80 000 марок, ассигнованных Правлением для избирательной кампании в России. (Ответ ЦК РСДРП см. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 181—197.) В связи с тем, что созвать указанное совещание не удалось, Правление отменило свое прежнее решение и предоставило часть денег ликвидаторским организациям: Организационному комитету, Кавказскому областному комитету, Бунду и ЦК Латышской социал-демократической партии, оказав тем самым поддержку ликвидаторам против большевиков.— 5.

10) Имеются в виду слова Каутского из его выступления на заседании МСБ в декабре 1913 г. по проекту резолюции. Более подробно об этом см. статью В. И. Ленина «Хорошая резолюция и плохая речь» (Соч., т. 19, стр. 478—480).— 5.

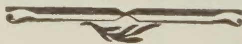
11) В 1906 г. Польская социалистическая партия (ППС) раскололась на две фракции: ППС-«левицу» и ППС-«правицу». Под воздействием польских социал-демократов (СДКПиЛ) и рядовых рабочих— членов ППС-«левицы», а также под влиянием большевиков «левица» постепенно изживала национализм. В годы первой мировой войны большая часть «левицы» заняла интернационалистскую позицию и в декабре 1918 г. объединилась с СДКПиЛ. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши.— 5.

12) По-видимому, здесь описка, должно быть: «1912.26.III». Имеется в виду анонимное клеветническое выступление Троцкого в газете «Vorwärts» против Пражской конференции и ее решений. (Ответ В. И. Ленина см. Соч., т. 17, стр. 477—489.) — 5.

13) Имеется в виду — для Венского международного социалистического конгресса.— 6.

14) «Марксизм и ликвидаторство. Сборник статей об основных вопросах современного рабочего движения, ч. II». Книга вышла в июле 1914 г. в изд. «Прибой». Сборник должен был состоять из двух частей, но первая часть сборника не вышла.— 7.

15) По-видимому, речь идет о Брюссельском совещании, к которому В. И. Ленин тщательно готовился и заботился о том, чтобы обеспечить посланную туда большевистскую делегацию всеми необходимыми материалами.— 7.



БОЛЬШЕВИКИ НА БРЮССЕЛЬСКОМ СОВЕЩАНИИ 1914 г.

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Документы, включенные в настоящую публикацию, раскрывают борьбу большевиков против российских и международных ревизионистов и центристов за партию в период с декабря 1913 по июль 1914 г., то есть за восемь месяцев, предшествовавших первой мировой войне.

В то время в России нарастал новый, высокий подъем рабочего движения, страна находилась накануне буржуазно-демократической революции.

Партия большевиков в упорной борьбе с ликвидаторами, троцкистами и другими антимарксистскими партиями и группами завоевала среди пролетариата огромный авторитет и успешно вела работу по подготовке рабочего класса и крестьянства к предстоящей революции. Ликвидаторы утратили к этому времени свое влияние на рабочие массы и были вытеснены большевиками из легальных рабочих организаций: профсоюзов, кооперативов, страховых органов и клубов. Потеряв свои позиции в рабочем движении, ликвидаторы, находившие постоянную поддержку у лидеров II Интернационала, снова обратились к ним за помощью и просили вмешаться в «русские дела», обвиняя большевиков в «раскольничестве», а себя провозгласив «борцами за единство РСДРП». Российские оппортунисты стремились использовать авторитет Интернационала, чтобы оказать давление на большевиков и заставить их примириться с ликвидаторами и объединиться с ними в партию по типу западноевропейских, в которых мирно уживались революционные и оппортунистические элементы.

Центристское руководство Международного социалистического бюро II Интернационала (МСБ) охотно пошло навстречу русским ревизионистам. На сессии МСБ, состоявшейся в Лондоне в декабре 1913 г., Каутский и другие деятели Интернационала обратились с призывом «к единству» ко всем социал-демократическим группам в России. В принятой резолюции Исполнительному комитету МСБ поручалось провести совещание социал-демократов России для «обмена мнениями» о существующих разногласиях в РСДРП.

Публикуемые письма М. М. Литвинова (представителя большевиков на сессии МСБ) в ЦК РСДРП показывают, что лидеры Интернационала очень мало интересовались существом разногласий между большевиками и ликвидаторами (см. док. №№ 2 и 3). Докладчик по русскому вопросу К. Каутский, поддерживая ликвидаторов, заявил, что «старой партии в России не существует, а поэтому восстановлять ее нечего. Старые организации переродились, возникли новые» (док. № 2). В. И. Ленин назвал

это высказывание Каутского чудовищным. В статье «Хорошая резолюция и плохая речь» он писал: «...Каутский договорился в Бюро до того, будто русская партия исчезла.

Как мог он договориться до этой чудовищной вещи?» и, указывая на неблаговидную роль ликвидаторов и троцкистов, клеветавших на большевиков в немецкой печати, отмечал:

«Пожалеем немецких вождей, что они.. не стыдятся выслушивать и повторять сказки ликвидаторских осведомителей» [1]. «Русские дела» были разобраны в какие-нибудь 15—30 минут, когда, как писал Литвинов, «начинался уже шапочный разбор» (док. № 3).

В. И. Ленин хорошо понимал, что в Международном социалистическом бюро затевается поход против большевиков и информировал об этом большевистские организации в России, о чем говорит письмо Н. К. Крупской, посланное в Петербург еще до совещания МСБ (см. док. № 1).

В решении Московской областной конференции РСДРП по поводу резолюции МСБ отмечалось, что Международное социалистическое бюро не знает действительного состояния рабочего движения в России, и решительно осуждалось ошибочное выступление Каутского на декабрьской сессии. «Конференция Московской области находит,— сказано в решении конференции,— что резолюция бюро явилась результатом полного незнакомства иностранных товарищей с действительным положением вещей в России. Конференция с величайшим сожалением констатирует, что даже товарищ Каутский, к которому мы относимся с очень большим уважением, столь мало осведомлен в русских делах, что он счел возможным заявить, будто наша старая партия не существует более» (док. № 4).

Большевики понимали, что мероприятие, намеченное декабрьской сессией МСБ, является не чем иным, как попыткой именем такой авторитетной организации, как Интернационал, нажать на большевиков, провести формальное объединение партии и этим облегчить ликвидаторам их работу, направленную на разложение рядов рабочего класса.

В резолюциях местных парторганизаций, опубликованных в «Правде», хотя и приветствовалось решение МСБ по русским делам, но отмечалось, что намечаемое совещание будет плодотворным лишь в том случае, если в нем будут участвовать представители социал-демократических организаций, находящихся в России, а не заграничные интеллигентские группки, не связанные с русским рабочим движением, а также, если МСБ окажет поддержку организованному большинству рабочих России.

В. И. Ленин резко критиковал объединительную затею МСБ и называл созываемое совещание «комедийным действом».

Получив в июне 1914 г. письмо Исполнительного комитета МСБ с приглашением на «конференцию по объединению социал-демократических групп России» (док. № 6), ЦК большевистской партии, руководимый В. И. Лениным, наметил участников делегации на совещание и разработал во всех деталях тактику большевиков на этом совещании. В состав делегации ЦК РСДРП вошли: Инесса Арманд, М. Ф. Владимирский и И. Ф. Попов.

Письма Я. А. Берзина, И. Ф. Попова, М. М. Литвинова, написанные В. И. Ленину в связи с подготовкой к Брюссельскому совещанию, показывают, насколько внимательно и кропотливо В. И. Ленин подготавливал членов делегаций ЦК РСДРП и Латышской социал-демократии к совещанию (см. док. №№ 8—11). Он написал весь текст доклада ЦК партии, который Инесса Арманд должна была перевести на французский язык и прочитать на совещании; следил, чтобы делегация имела под руками стати-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 480.

стические данные, газету «Правда» и другие необходимые материалы для выступлений. В. И. Ленин много внимания уделял латышской делегации, помогая ей усваивать революционную программу и тактику большевистской партии, что отчетливо видно из писем Я. А. Берзина В. И. Ленину (см. док. №№ 7 и 9).

Много сил положил В. И. Ленин на то, чтобы поддержать польскую «оппозицию» (представителей Варшавского и Лодзинского краевых комитетов), которая вела борьбу против ликвидаторов и стояла за нелегальную партию, за революционную программу и неурезанные лозунги, хотя и была в то время слабой и неустойчивой. По указанию ЦК партии, М. М. Литвинов настойчиво потребовал, чтобы Исполнительный комитет МСБ пригласил на совещание в Брюссель польскую «оппозицию» и добился того, что такое приглашение было послано (см. док. № 10).

Таким образом, на совещании, которое состоялось 3—5 (16—18) июля 1914 г. в Брюсселе, делегация большевиков могла рассчитывать на поддержку этих национальных организаций.

Обстановка, в которой проходило совещание, была крайне тяжелой (см. док. №№ 12—15 и 18). Исполнительный комитет МСБ пригласил на совещание все заграничные группки, именовавшие себя социал-демократическими, которые давно потеряли всякие связи с российским рабочим движением, никого не представляли и занимались исключительно склоками и интригами между собой. Все они лишь кричали о «единстве», а на деле стремились подорвать авторитет и работу большевистской партии в рабочем классе. Делегация ЦК, твердо и неуклонно проводившая ленинскую линию на раскол с реформистами и центристами, подвергалась на совещании всяческим притеснениям: ей не дали полностью прочесть доклад, составленный В. И. Лениным, под всякими предлогами затрудняли выступления в прениях, дело доходило и до оскорбительных выпадов. «Мы,— писал И. Ф. Попов В. И. Ленину,— были как пророк Даниил, брошенный в ров со львами. Наши львы хитрили против нас самым мелочным образом» (док. № 18). Но делегация ЦК выдержала все трудности и развернула на совещании активную борьбу против российских и международных ревизионистов и центристов.

Твердо и умело отстаивая линию партии, делегация большевиков добилась предоставления ей времени для оглашения доклада Центрального Комитета РСДРП. Доклад произвел на участников совещания сильное впечатление и поставил делегацию большевиков в центре внимания. Представители национальных организаций — латыши, польская оппозиция и представитель литовцев — выступили с заявлениями, поддерживающими ЦК РСДРП. Делегации большевиков, латышей, поляков и литовцев 4 (17) июля внесли заявление, в котором обращались ко всем делегациям с предложением после заслушания доклада ЦК выступить с формулировкой своих условий единства (см. док. № 14). Но ликвидаторы, бундовцы, троцкисты и другие антипартийные группки в ответ на эти справедливые требования большевиков не выдвинули своих условий объединения и отделывались лишь бранью и клеветою на ленинскую партию.

На последнем заседании Брюссельского совещания Гюисманс от имени Исполнительного комитета поставил на голосование резолюцию, предложенную Каутским. Характеризуя принятую Брюссельским совещанием резолюцию, В. И. Ленин писал, что Организационный комитет и «блок» ограничились «...дипломатической, уклончивой резолюцией, на *деле* никакого решительного поворота прежней ликвидаторской политики не обещавшей и не знаменовавшей» [1].

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 97.

Делегация ЦК предложила свой проект резолюции, в котором была сформулирована следующая платформа для объединения РСДРП: «признание партийной программы, тактики, партийного устава, выработанных на общепартийных съездах, а также признание всех решений партии вплоть до 1910 года. Мы предлагаем всем товарищам, кто признает работу в нелегальной партии, вступить в ряды с.-д. партии» (док. № 14). Эта простая и ясная платформа помогала разоблачить мнимое объединение, задуманное международными и российскими ревизионистами и центристами.

Делегация большевиков отказалась от участия в голосовании резолюции, которая по существу навязывала беспринципное объединение с ликвидаторами, так как обходила молчанием их оппортунистические взгляды и реформистскую деятельность и не предъявляла к ним требований осудить свои ошибки, признать обязательной работу в нелегальной организации и т. д.

Резолюция Исполнительного комитета МСБ была принята голосами инициаторов и организаторов «объединительного» совещания — ликвидаторов, плехановцев и троцкистов. Роза Люксембург, будучи непоследовательной в борьбе против оппортунизма, на совещании в Брюсселе заняла примиренческую позицию и тоже голосовала за резолюцию МСБ. Большое политическое значение имела декларация большевистской делегации, оглашенная на последнем заседании Брюссельского совещания. В декларации подчеркивалось, что единство рабочих в России возможно лишь «против буржуазных течений народников и ликвидаторов и против национализма, проповедуемого Бундом» (док. № 14). В декларации нашла яркое отражение ленинская установка на решительный разрыв большевистской партии с ревизионистами.

Польская «оппозиция» и представитель литовских социал-демократов, поддерживавшие на совещании делегацию ЦК, в последний день, когда выступили один за другим Каутский, Плеханов и Вандервельде, не устояли и после некоторых колебаний проголосовали за резолюцию МСБ. Представители латышских социал-демократов до конца решительно поддерживали делегацию большевиков.

По существу объединительная затея центристов из II Интернационала, ликвидаторов и примиренцев кончилась крахом. Им не удалось ни обмануть большевиков словесным признанием необходимости нелегальной партийной организации, ни запугать угрозами, что их как «раскольников» выставят «на суд» Венского международного конгресса. Несмотря на то, что за каучуковую резолюцию Каутского голосовало 9 делегаций, большинство из них были делегациями нулей, так как они никого в России не представляли.

Центральный Комитет партии выразил благодарность делегации большевиков на Брюссельском совещании «за умелое и энергичное отстаивание партийной линии» [1].

В связи с этим следует отметить, что высказанное И. Ф. Поповым в его письме В. И. Ленину от 21 июля 1914 г. (см. док. № 18) мнение о том, что лучше было бы, если бы делегация ЦК приняла участие в голосовании резолюции, внесенной Каутским, и голосовала бы против нее, является его личным мнением, с которым не согласились оба других члена делегации. В. И. Ленин неоднократно высказывал свое полное одобрение деятельности делегации ЦК на Брюссельском совещании.

Широко развернувшееся в июле 1914 г. революционное движение в Петербурге и во всей стране, проходившее целиком под большевистским

[1] «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 27.

влиянием, показало, что большевистская партия правильно и своевременно смела российских ревизионистов и центристов с своего пути.

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), в фондах В. И. Ленина (ф. 2) и ЦК РСДРП (ф. 17).

А. В. Овчарова, К. В. Шахназарова

№ 1

Письмо Н. К. Крупской из Кракова С. И. Кавтарадзе[1] *в Петербург*

21 ноября (4 декабря) 1913 г.

Дорогой друг, спасибо за письмо, в Пермь я уже написала. Посмотрим, удастся ли связаться. Вы жалуетесь на неосведомленность. Пришлите адрес для литературы, тогда будем посылать все новинки, а то по одному и тому же адресу писать письма и посылать литературу невозможно. Надо бы послать Вам листок ЦК о 9 января. ЦК призывает к всероссийской забастовке. Потом на днях выйдут резолюции летнего совещания и № 32 ЦО [2].

Не знаете ли чего о Серго? Где он сейчас?

Та кавказская конференция, о которой Вы писали, ведь была осенью? [3] Дело в том, что один товарищ писал нам о совещании, бывшем на Пасху [4]. Между совещанием и конференцией много общего, но, по-видимому, это вещи все же разные.

Напишите о питерских делах.

Против большевиков затевается поход в Международном бюро. 13 декабря заседание бюро. Роза Люксембург вносит заявление против ленинской группы. Заявление поляков (это Главное правление, Варшава, Лодзь теперь на стороне оппозиции) [5]. Заявление Розы собираются поддержать бундисты, латышский ликвидаторский ЦК и ликвидаторский августовский ОК. Все шлют туда своих представителей.

Ну, посмотрим.

Крепко жмем руки. Всего наилучшего.

Привет друзьям.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 25892.— Автограф.
Частично опубликовано в сб. «Из эпохи „Звезды" и „Правды"», вып. III, 1923, стр. 226.

№№ 2—3

Два письма М. М. Литвинова из Лондона в ЦК РСДРП в Краков

№ 2

1 (14) декабря 1913 г.

Дорогие друзья, все произошло, как Гюисманс предсказывал: русские дела задушили между 5 и 5½ ч. Заранее решили окончить заседание к 5.30 веч., русские дела отодвинули к самому концу, а затем за недостатком времени говорить не давали.

Каутский первым взял слово для обоснования внесенной им резолюции, копию которой посылаю Вам. В русских делах Интернационал плохо осведомлен, отчеты и заявления русских организаций односторонни, необходимо иметь заключение беспристрастного учреждения и таковым является Exécutif Comité [1]. Он-де созовет представителей всех фракций и

[1] Исполнительный комитет.

ознакомится с разногласиями. Если последние окажутся настолько значительными, что примирение окажется невозможным, то Exécutif Comité представит их на разрешение Венского конгресса.

После речи Каутского бундовец внес предложение о принятии резолюции без дискуссии. Бюро охотно готово было принять и это предложение, так как начинался уже шапочный разбор, но тут Роза взяла слово якобы для возражения бундовцу, но на самом деле, возражая Каутскому. Она, конечно, всей душой присоединяется к его резолюции, но с поправкой: если бюро хочет начать объединение разных партий, «исходя из хаоса», то это дело безнадежное. На самом же деле речь может идти только о восстановлении уже существовавшего единства, поэтому Exécutif Comité надлежит обращаться не «ко всем русским социал-демократам», как выразился Каутский, а лишь к тем организациям, которые входили уже в партию. Говорит мягко, без кивков. Недопущение PPS, видно, ей важнее всего.

После этого слово предоставляется мне, но через пять минут председатель останавливает меня, заявляя, что дискуссии не может быть за поздним временем. Я успеваю сказать лишь несколько слов о заграничных группах, о плохой осведомленности Интернационала и о том, что, присоединяясь к резолюции Каутского, я считал бы более практичным со стороны Exécutif Comité предложить свои услуги раньше всего думским фракциям для ослабления раскола, а затем уже ЦК и ОК и т. д.

Заявив, что Exécutif Comité примет к руководству мое предложение и согласно желанию Розы Люксембург снесется раньше всего с теми партиями, которые представлены в Бюро, Вандервельде пускает на голосование резолюцию Каутского, которая, конечно, принимается. Мартынов от имени Бунда и латышей заявляет о своей полной солидарности с резолюцией Каутского, то же самое говорит Скобелев от имени фракции, кавардак полный. Делегаты никого не слушают.

Поднимается вопрос об аффиляции ОК. Exécutif Comité предлагает отдать ОК 1/2 голоса, принадлежащего Плеханову. Я протестую и вношу свою резолюцию с краткой мотивировкой, при этом проливаю слезинку по поводу ухода Плеханова, который более чем кто-либо мог бы представлять будущее единство, если б это было желательно Бюро. Читаю также заявление по поводу мандата Чхеидзе. Предложение Exécutif Comité, понятно, принимается. Секретарь сообщает, что поступила масса заявлений в связи с русскими делами. Все будет присоединено к протоколам.

До наших предложений о польских делах и Vorstand'e[1] очередь не доходит, заседание закрыто. Да, еще Жорес успел высказать сожаление по поводу того, что он уходит с заседания, унося с собою такое же смутное представление о русских делах, какое было у него и раньше. Рубанович[6)] напоминает, что по смыслу резолюции Амстердамского конгресса надо бы подумать и об объединении с социалистами-революционерами, но никто не слушает его.

В общем, мы можем быть довольны. Резолюция предполагает длинную процедуру, да ее и легко дискредитировать указанием на обстановку, в которой она принята, когда не давали говорить даже представителям заинтересованных партий и т. д.

Ликвидаторы бегали весь день, как отравленные мыши, шушукались, совещались, писали, писали и писали. Для чего все это, непонятно. Повидимому, они пытались подсунуть Каутскому свою резолюцию[2], но успели лишь в том, что он согласился внести свою резолюцию. Если б он этого не сделал, внесла бы резолюцию Роза Люксембург и похуже.

---

[1] Правление.
[2] Они были за выборы специальной комиссии.— *Примечание документа.*

Да, Каутский не принял поправки Розы Люксембург, заявив, что старой партии в России не существует, а потому восстановлять ее нечего. Старые организации переродились, возникли новые.

Письмо Плеханова ошеломило ликвидаторов [7]. Шестерке он помог.

Ну, вот и все, простите бессвязность. Спешу на вокзал опустить письмо. Если что неясно и неполно, спрашивайте. Поручил Г-ру вести точные записи, но он сплоховал. О нерусских делах он пишет вам. Корреспонденцию в «Правду» о сегодняшнем заседании он обещал завтра послать, но напишите лучше сами, не полагаясь на него. О вчерашнем собрании корреспонденция послана.

Прилагаю копию письма Плеханова. Все документы отошлю завтра — послезавтра.

Жму руки
Ваш папаша [8]

Копии заявлений ликвидаторов Гюисманс обещал выслать из Брюсселя. Отчет ОК пошлю завтра. Распространяли они свою брошюру о русских делах, изданную, кажется, в Базеле. Но, вообще, никто, кроме Каутского, русской литературы и не просматривал. Я распространял все присланные вами документы, включая листок Варшавского комитета [9].

Роза Люксембург приехала лишь сегодня утром. Зачем? Заварила кашу, заставила двух депутатов приехать из Питера, Мартынова из Цюриха, Семковского, бундовца и латыша, а результаты?

Папаша

Пишите, пожалуйста, Ваше мнение.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 64, лл. 5—8.— Автограф.

№ 3

2 (15) декабря 1913 г.

Дорогие друзья, писал вчера наспех, чтобы поспеть к почтовому поезду, телеграмму послал вам сегодня утром. Было поздно вчера отправлять.

Остановлюсь теперь подробнее на главных моментах вчерашнего заседания. Делать нам там было нечего. Все было заранее решено, т. е. не допустить дискуссии, *отмахнуться* резолюцией о желательности единства, отдать ½ голоса Организационному комитету, а парламентский голос семерке, «согласно уставу». В русских вопросах бюро санкционировало бы все, что Exécutif Comité ни предложило бы. Сейчас, после обеда, всплыли разные вопросы об изменении представительства в бюро и на конгрессе, и Гюисмансу пришлось доложить о ходатайстве Организационного комитета. Exécutif Comité, сказал он, считает справедливым отдать ½ голоса, освободившегося за отставкой Плеханова, Организационный комитет и Международное социалистическое бюро наверно-де с этим решением согласится.

Он хотел уже перейти к следующему вопросу, но, когда я запротестовал и потребовал слова, Каутский заявил, что, если вопрос вызывает дискуссии, то его следует обсуждать вместе с другими русскими делами. Так и поступили, отложили на самый конец. Письмо Плеханова облегчило, конечно, задачу Организационного комитета, открыв вакансию. Догадался ли сам Плеханов вовремя уйти — не знаю, но полагаю, что ему дали знать о решении Exécutif Comité.

Русские дела разбирались последними, за ½ часа до *заранее* назначенного конца заседания, когда начинался уже шапочный разбор и частные беседы между делегатами. Мне удалось было повышенным голосом

овладеть вниманием бюро, но вскоре был остановлен Вандервельде. Успел я сказать, что к резолюции Каутского в общем присоединяюсь (это было еще до поправки ППС) и приветствую готовность Интернационала вникнуть в сущность наших разногласий, что может быть достигнуто лишь постановкой их на конгрессе, но что не только «со всеми социал-демократами» (первоначальное выражение Каутского), но даже с целым рядом социал-демократических групп мы ни в какие соглашения вступать не намерены, а именно с заграничными и т. д., что считаться (in Betracht kommen [1]) можно лишь с двумя борющимися в России течениями, что в возможности соглашения между ЦК и Организационным комитетом сомневаюсь, а потому советую начать с думской фракции, чтобы помешать углублению и обострению раскола.

Возражать Розе мне не дали уже. Она упрекала Каутского в том, что он хоронит РСДРП, предлагая обращаться ко всем социал-демократам и заново строить партию, когда партия еще недавно была едина и ее нужно лишь восстановить. Она клялась и божилась, что заново построить партию в России не удастся ни в каком случае (еще бы!).

Каутский в ответ заявил, что социал-демократия в России, конечно, не умерла и наоборот сильнее, чем когда бы то ни было, но прежней партии-де нет. В его речи звучали скептические нотки, заставлять объединяться Интернационал бессилен, но сделает это лишь русский пролетариат, когда захочет. Единственное, что мы можем, это получить заключение (exposé [2]) о разногласиях и, если понадобится, иметь о них суждение. Если же крупных разногласий нет, а на пути к единению стоят личности, то справиться с ними сможет тоже лишь общественное мнение русского пролетариата. Он добавил, что, по его мнению, наши разногласия менее значительны, чем немецкой и французской социал-демократии. Вообще, речь напоминала резюме английского судьи: если — если.

Розе он сделал уступку в том, что после слов: социал-демократов вставил: признающих программу русской партии (которой нет??). Он принял также поправку PPS, чему я, конечно, очень рад был. Пусть попробуют мирить Розу с PPS и с Бундом.

Я думаю, что без резолюции Каутского было бы хуже. Роза, наверно, внесла бы более осторожную и зловредную. В обстановке полного индифферентизма делегатов и ежеминутного посматривания на часы прошла бы всякая резолюция с упоминанием об единстве. Хотел я внести еще несколько поправок, но не дали с указанием на стрелки часов. Успел лишь кратко смотивировать резолюцию против аффиляции Организационного комитета и прочитать декларацию о думской фракции. Резолюция Каутского принята единогласно.

Все то, чего я не договорил, вы сумеете добавить теперь, когда Exécutif Comité обратится к вам.

Заявления ликвидаторов (внесена целая куча, вероятнее всего — возражения против нашего доклада) не были оглашены. Потребуйте у Гюисманса, или, если хотите, я потребую.

Суетились они оба дня бесконечно. О деньгах, понятно, разговоров не было.

Если нужна моя подпись под корреспонденцией в «Правду», подпишите (Литвинов).

Писал ли Вам Гернф [10)], что соглашение между центральными учреждениями английских партий достигнуто. British Socialist Party [3] предложит

[1] принимать во внимание.
[2] изложение вопроса.
[3] Британская социалистическая партия.

своему съезду присоединиться к Labour Party[1]. Independent Labour Party[2] и Fabians Society[3] обязались содействовать в изменении устава Labour Party, чтобы ее кандидаты могли выступать как «Labour and Socialist candidates»[4].

Кажись все.

Жму руку

Ваш М. Гаррисон

Хотел бы знать Ваше мнение о результатах, т. е. о резолюции Каутского.

Рубанович, говоря об объединении с эсерами, ссылался на какие-то обещания Плеханова на Базельском конгрессе.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 64, лл. 9—12.— Автограф.

№ 4

Резолюция конференции представителей организаций РСДРП Московской области

Не ранее 17(30) декабря 1913 г.

1. Обсудив подробнейшим образом резолюцию Международного социалистического бюро по вопросу о расколе в русской социал-демократии, конференция Московской области находит, что резолюция бюро явилась результатом полного незнакомства иностранных товарищей с действительным положением вещей в России. Конференция с величайшим сожалением констатирует, что даже товарищ Каутский, к которому мы относимся с очень большим уважением, столь мало осведомлен в русских делах, что он счел возможным заявить, будто наша старая партия не существует более.

2. По вопросу объединения с ликвидаторами Московская конференция заявляет о полном своем согласии с мнением, выраженным в резолюции организованных марксистов, опубликованной в № 9 «Пролетарской правды» [11)]. Тем не менее конференция считает, что обмен мнениями, предложенный Международным социалистическим бюро, не привел бы ни к какому полезному результату.

3. Конференция считает, что действительным и наилучшим средством для осведомления наших заграничных товарищей о положении вещей в России явилась бы организация на Венском конгрессе [12)] возможно более правильного и полного представительства русского пролетариата.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 311.— Машинописный текст на французском языке.

---

[1] Рабочая партия.
[2] Независимая рабочая партия.
[3] Фабианское общество.
[4] кандидаты от рабочих и социалистов.

№ 5

Письмо Заграничного бюро социал-демократической партии Литвы в Международное социалистическое бюро

30 мая (12 июня) 1914 г.

Уважаемые товарищи!

Приветствуя решение Международного социалистического бюро созвать конференцию всех социал-демократических партий и фракций России для обмена мнений по спорным вопросам и изысканию путей к объединению, если это окажется возможным, Социал-демократическая партия Литвы (СДПЛ) выражает желание принять участие в этой конференции. Для нее это тем более желательно ввиду того, что она стоит на вполне определенной социал-демократической точке зрения и ее программа и тактика не расходятся с программой и тактикой революционной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), между тем как до сих пор она находится вне организационной связи с Российской социал-демократической рабочей партией.

Пройдя длинный путь эволюций и, наконец, совершенно освободившись от налета мелкобуржуазной идеологии и вплотную подойдя к международной социал-демократии, СДПЛ уже в 1906 г. начала делать соответствующие шаги для сближения с РСДРП и объединения с нею. На Лондонском съезде РСДРП в 1907 г. уже принимал участие (в качестве гостя) и представитель СДПЛ и там констатировал факт сближения СДПЛ с РСДРП. Группа из пяти литовских социал-демократических депутатов второй думы, близко примыкавшая к СДПЛ, шла рука об руку с думской социал-демократической фракцией. Необходимость объединения тогда уже сознавалась всеми организациями СДПЛ и в том духе принимались соответствующие резолюции. Бывший в 1907 г. VII съезд партии (так называемый Краковский съезд) выработал условия объединения, ни в чем существенном не отличающиеся от условий, на которых произошло объединение с РСДРП социал-демократии Прибалтийского края. В 1908 г. была избрана общая комиссия из представителей РСДРП и СДПЛ для выработки общего проекта объединения. Выработанный этой комиссией проект ни в чем не отличается от выработанного Краковским съездом СДПЛ проекта, за исключением пункта об автономии Литвы. Этот вопрос оставляется проектом комиссии открытым до ближайшего общепартийного съезда.

Проект комиссии был принят в начале 1909 г. VIII съездом СДПЛ и в том же году принят областной конференцией РСДРП Северо-Западного края (в состав его входит и Литва). Он гласит следующее:

1. СДПЛ составляет автономную и территориальную социал-демократическую организацию, входящую в состав РСДРП.

2. СДПЛ работает среди пролетариата всех национальностей своей территории и объединяет партийную деятельность всех организаций той же территории.

3. Как границу территории, так и название этой территориальной организации установит будущий съезд всех объединенных организаций Литвы.

4. СДПЛ решает самостоятельно все вопросы, касающиеся ее деятельности, согласно с общепартийной программой и тактикой.

5. Вопрос об автономии Литвы остается временно открытым, причем СДПЛ имеет право агитировать и пропагандировать свои взгляды по этому вопросу.

6. Отношение к Бунду устанавливается на основе резолюции, принятой Объединительным общепартийным съездом.

7. СДПЛ имеет свои съезды, на которых решаются все местные вопросы, относящиеся к деятельности партии, а также выбирает Центральный Комитет для руководства социал-демократической работой в этом крае.

8. Местные организации строятся на принципе демократического централизма.

9. Общепартийные предприятия на территории СДПЛ устраиваются с согласия последней.

10. СДПЛ участвует в общепартийных съездах и конференциях на общих началах с остальными организациями РСДРП.

11. СДПЛ имеет своего представителя в Центральном Комитете РСДРП.

12. СДПЛ участвует в делегации РСДРП на международных социалистических конгрессах.

13. СДПЛ имеет право, ввиду особенных условий края, самостоятельно решать аграрный вопрос, который вносится в программу РСДРП, причем после объединения пересматриваются на общепартийном съезде те же пункты программы РСДРП.

Итак, ясно, что за исключением вопроса об автономии Литвы и аграрного вопроса, который, кстати сказать, в Литве далеко не играет такой роли, как в России (здесь на первом месте стоит вопрос об организации многочисленного сельскохозяйственного пролетариата), уже в 1909 г. не было у СДПЛ и РСДРП никаких спорных вопросов. Впрочем принципиальных разногласий и по этим вопросам не было. И если до сих пор не состоялось слияние СДПЛ с РСДРП, то это только потому, что после Лондонского общепартийного съезда в 1907 г. не было больше съездов Российской социал-демократической рабочей партии.

В настоящее время с наступлением подъема в рабочем движении опять выдвигается на первый план вопрос об объединении. Для достижения этого СДПЛ послала в августе 1912 г. своего представителя на конференцию, созванную организационной комиссией, но это не принесло желательных успехов, так как там принимала участие только часть Российской социал-демократии. На местах сближение идет дальше: выборная и страховая кампании проводились СДПЛ совместно с действующими в Литве социал-демократическими фракциями. Совместно происходили и другие выступления рабочих Литвы. Часто происходят совместные сборы на рабочую печать. Ввиду этого понятно то сочувствие, которым отозвались сознательные рабочие Литвы при известии о созыве Международным социалистическим бюро конференции всех социал-демократических партий и фракций России. Они верят, что эта конференция будет способствовать сплочению разъединенных сил рабочего пролетариата России, и поэтому хотят принять в ней участие в лице своих представителей. Надеемся, что Международное социалистическое бюро не откажет нам в этом.

По поручению Центрального Комитета Социал-демократической партии Литвы

Заграничное бюро СДПЛ

Краков.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 214.— Копия рукой неизвестного, заверенная печатью.

№ 6

Письмо Исполнительного комитета Международного социалистического бюро в Центральный Комитет РСДРП

16 (29) июня 1914 г.

Дорогие граждане

На своем последнем заседании, состоявшемся в Лондоне, Международное социалистическое бюро поручило Исполнительному комитету созвать перед Венским конгрессом конференцию по объединению социал-демократических групп России.

Настоящим мы просим заинтересованные группы назначить своих делегатов на это собрание, которое состоится в Брюсселе 16, 17, 18 июля в 10 часов утра.

Исполнительный комитет был бы очень рад присутствию членов бюро на этой конференции. Заседания будут закрытыми, то есть пресса не будет допускаться.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 23830.— Копия на французском языке.

№ 7

Письмо Я. А. Берзина из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

17 (30) июня 1914 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Только что получил я извещение, что «совещание» состоится в Брюсселе *16, 17 и 18 июля.*

Латышей буду представлять *я*, надеемся, что приедет еще кто-нибудь из Риги. Было бы желательно нам повидаться *до* собрания и потолковать о совместных шагах. Может быть и *поляки* могут принять участие в наших предварительных разговорах? Напишите, каковы Ваши планы. А также — когда и где нам встретиться?

Надеюсь, что приедете *Вы*. Это необходимо даже. Хорошо бы, конечно, вместе с местными работниками.

Статью для «Просвещения» я не мог написать до сих пор: безбожно я завален делами. К тому же еще захворала жена. Но я напишу на следующей неделе. А сегодня еще отправлю Вам небольшую статейку для «Правды» (против Ионова [13)] и других «заступников»).

Шлю горячий привет!

Павел Васильевич [14)]

P. S. По возможности заблаговременно известите *меня* о ваших планах.

Adr.: Jean Berzine, Hotel du Jardin Joyeux à Tervueren. Belgique.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, ед. хр. 47780.— Автограф.

№ 8

Письмо И. Ф. Попова из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

Не ранее 21 июня (4 июля) 1914 г.

Дорогой друг,

Согласен на все, что Вы мне предлагаете.

Сообщите, когда приезжают товарищи и где их встретить.

О «конференции» я узнал вчера от латышей и думал, что приедете Вы сами.

Печатных документов, кроме разрозненных №№ «Правды», у меня никаких нет, да и «Правды»-то только самые последние №№. У Берзина, кажется, есть. Но лучше будет, если Вы распорядитесь, чтоб прислали все самое нужное из Парижа. Если напишу я, то едва ли скоро ответят.

Переводы, какие понадобятся, я сделаю.

Денег на телеграфные и почтовые расходы пока не имею (иду сейчас занимать марку, чтоб отправить это письмо), дня же через два, надеюсь, будут деньги. Спокойней будет, если что-нибудь на телеграфные расходы пришлете; трудно очень здесь доставать; даже латыши без гроша сидят.

С Винком [15] какая-то канитель. Договора подписывать не хочет (хоть на гонорар очень льстится) и вместе [с тем] тянет, как будто не ждет от дела «интересной прибыли»: то он в разъездах, то возится с коммунальным съездом, а то Вандервельде не было. Подождем.

С приветом

И. Попов

P. S. Очень извиняюсь, что долг так задержал.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 269.— Автограф.

№ 9

Письмо Я. А. Берзина из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

23 июня (6 июля) 1914 г.

Дорогой В. И.! Сам я к Гюисмансу не ходил, все сведения имею от Брауна [16], которого Гюисманс недавно пригласил к себе для того, чтобы посоветоваться.

I. *О составе.*— Приглашены, кроме ЦК и ОК, *оба центра поляков* + + левица, Бунд, латыши, обе фракции думы — это, кажется, все. Относительно *Плеханова* Гюисманс колебался, но по совету Брауна пригласил его. Других не будет, ни Троцкого, ни Алексинского, ни Богданова. Из членов МСБ никто специально не приглашен, но всем дано право присутствовать. Этим правом воспользуются, поскольку уже известно, Каутский, Рубанович, Балабанова [17] (от итальянской партии), может быть и другие приедут.

Я нахожу, что при таком составе разговоры можно начинать. Для нас тоже решающее значение будет иметь *вопрос об участии польской оппо-*

зиции. Она приглашена, но против нее, кажется, возражает «Главное правление». Во всяком случае Роза Люксембург *справлялась* у Гюисманса, будет ли «оппозиция» или нет. Возможно, что под давлением Розы и компании Гюисманс решит как-нибудь устранить оппозицию от совещания. У Брауна вырвалась такая фраза: «Конечно, оппозиция тоже приедет, ведь предстоит же разбор и „*польских дел*". А может быть им захочется допустить „оппозицию" *только к* „польским делам"?»

Как бы то ни было, это выяснится в самом начале. *И только вначале,* а не раньше. Так что приехать вы (ваше делегация) *должны.* Если действительно поляков (оппозицию) устранят, то я уйду или с вами вместе или за вами.

II. *Об условиях.* Ваши условия (6 пунктов)[18] *по существу* я принимаю все и буду их отстаивать от имени латышей. Но относительно *тактики,* которой держаться при этом, я еще не успел все обдумать как следует. Несомненно одно: я *внесу* от имени нашей организации те пункты, которые имеются в съездовских резолюциях:

1) *Признание решений 1908 и 1910 гг.,* а также программы, устава и пр.— таким образом будет отвергнуто (это скажем прямо) культурно-национальная автономия и принятие Ягелло, и будет подтверждено (что тоже скажем ясно) интернациональное объединение на местах;

2) *Решительное осуждение ликвидаторства.*

Остается значит один пункт из ваших условий, который *я сам* не смогу внести — *это признание вашего большинства.* Не пугайтесь, я его признаю и буду отстаивать, но здесь весьма важную роль будет играть ваша формулировка и мотивировка. Вот тут-то и было бы страшно важно сговориться именно *с Вами лично.* Между прочим, я себе плохо представляю, что это должно означать конкретно: признание вашего большинства. В чем оно должно, по вашим планам, проявиться *практически?* Предполагаете ли вы «реализовать» свое преимущество немедленно, скажем соглашаясь на создание каких-нибудь объединенных учреждений? Если же нет, то к чему вам подобное подтверждение? Ведь, если будет созвана в дальнейшем какая-нибудь объединительная конференция (или съезд), то вопрос о большинстве решат выборы.

III. *О нашей тактике выступлений.* Какие пункты я могу внести самостоятельно, Вы уже видели. Но вопрос остается нерешенным, в какой момент внести нашу (латышскую) «декларацию» или «платформу». Я думаю, что это будет выгоднее сделать не в начале, *а в ходе дебатов.* Не забывайте, что мы вынуждены соблюдать некоторые формы, чтобы не подорвать свою позицию. А там уж и видно будет, как выгоднее: подать ли заявление нам всем вместе или порознь.

Я думаю, что приехать Вам необходимо. Мне кажется, что ликвидаторы не пойдут на все условия, предлагаемые вами и поддерживаемые нами. В таком случае *они сорвут* долгожданное «объединение». Если же Вы не явитесь совсем, то получится почва для демагогий, что, дескать, *Вы* сорвали совещание.

В Tervueren'е можно устроиться хорошо. Если в нашем отеле не освободятся комнаты (в данный момент нет), то найдем в другом. Стоят комнаты (посуточно) 2—3 фр. в сутки. Езды до города $^{3}/_{4}$ часа на хорошем электрическом трамвае. Днем трамвай ходит часто (каждые 20 или — после обеда — 10 минут), вечером реже. Приехать можно ночью, еще до $^{1}/_{2}$ 1-го. В нашем отеле нет телефона, а рядом есть.

В четверг я, кажется, увижусь с Гюисмансом. Может быть узнаю какие-нибудь подробности. Тогда, конечно, сейчас же Вам напишу.

Да, я Вам писал только *свое* личное мнение по всем вопросам. Если я буду *единственный* делегат от нашей организации, то моя линия поведе-

ния будет именно такова, как я выше наметил. Но возможно, что приедет кто-нибудь из цекистов (жду Путниса-Килиса) [19], тогда уж я не один буду решать подобные вопросы, может быть что-нибудь придется изменить в намеченных планах. Только бояться не приходится: у нас теперь дует «левый ветер», и изменения скорее возможны в сторону определенности, чем в сторону колебаний.

Буду ждать именно *Вас*.

С приветом П. В.

P. S. Да, относительно приезда лучше списаться с Поповым, он может проводить товарищей сюда или вызвать меня и т. д. У меня могут выйти затруднения из-за семейных дел (жена не совсем здорова), и, например, на вокзал в Брюссель я вряд ли смогу приехать. На всякий случай маршрут такой: от gare du Nord надо сесть на трамвай № 59, или 60, или 61 и доехать до Porte Tervueren, там пересесть на № 40 (или 45) и ехать до самого Tervueren'a (до Ferwinus). А там пойти в сторону *музея* и свернуть за вокзалом по первой уличке налево. Там сразу видна надпись нашего Hotel'я.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, ед. хр. 47784.— Автограф.

№ 10

Письмо М. М. Литвинова из Лондона В. И. Ленину в Поронин

30 июня (13 июля) 1914 г.

Дорогие друзья, получил Ваши заказное и простое письма. Как увидите из посланного Вам мною письма Гюисманса, мое письмо в бюро с требованием приглашения польской оппозиции носило ультимативный характер и что приглашение это послано.— Мандат послан в Брюссель на адрес Попова заказным *сегодня*.

Жму руки.

Ваш М. Литвинов

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 255.— Автограф.

№ 11

Письмо И. Ф. Попова из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

Ранее 3 (16) июля 1914 г.

Дорогой друг,

Мандат для всей делегации от Harrison получил. Ему ответил.

От Вас получил деньги и документы. Некоторые подобрал сам. Жду подробных инструкций.

Сейчас еду говорить с Берзиным.

Написал Владимирскому. Прошу его приехать за день до начала работ. От Инессы получил телеграмму, что будет в среду вечером. Устроим предварительное совещание в тот же вечер.

Готовлюсь к прениям. Доклад привезет Инесса? На всякий случай я составляю (хотя бы для собственного руководства) проект доклада.

Приехал Аксельрод. Виделся я с Триа [20], он настроен очень примиренчески. Ожидают Троцкого, Семковского, Зурабова [21] и Чхенкели.

Польская оппозиция может быть пошлет местного товарища, Познанского. Бегал к нему, не застал.

Говорят, приехал Плеханов. Не знаю еще, где остановился.

Винк дал проект письма — договора; сейчас некогда его переписывать. Пришлю на днях для Вашей подписи. Удивил он меня: сказал, что отправил письмо Цеткиной, чтоб зондировать почву. Отправил раньше, чем поговорил с Вандервельдом.— «Но мы же уславливались с Вами иначе!»,— сказал я.— «Но Вандервельда нельзя поймать. Он сейчас в Англии и приедет только 14 или 15 июля. И затем, дайте мне некоторую самостоятельность. Вначале *я* подействую на Цеткин; не поможет, пущу Вандервельде». Таков был приблизительно его ответ. А Брюссельское совещание? Винк ответит Цеткиной, что дело ему поручено не со вчерашнего дня, политические ходы его не интересуют и вопрос о деньгах к этим ходам отношения не имеет. С Вандервельдом же обещал не говорить, до нового свидания со мной. Подождем недельку — 10 дней.

Он просит, нельзя ли будет, даже в случае неудачи, покрыть ему некоторые расходы. Он считает, что может быть ему понадобится поехать поговорить с Цеткиной; например, он мог бы проехать в августе в Вену,— это ему будет небольшой крюк, так как он поедет в Берлин и Копенгаген по делам. Об этом напишу подробней после.

В эти же дни буду писать только о совещании.

Жму руки

И. Попов

P. S. Выходя из дому, получил от Ганецкого [22] телеграмму: Wenn möglich erwarte 9½ [1].

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 270.—Автограф.

№ 12

Письмо И. Ф. Попова из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

3 (16) июля 1914 г.

Дорогой друг,

Камский посылает Вам протоколы. Я шлю копию с своей корреспонденции в «Правду» [23]. Нет времени написать Вам *все*, что хочется и нужно. Смысл сегодняшнего дня таков: совещание потеряло попусту целый день, мы сплоховали в утреннем заседании, но к концу послеобеденного заставили совещание принять то, что нам хотелось. Можно сказать, что музыка начинается только теперь.

Я напишу Вам подробно, как и почему мы сплоховали. Помимо ложных соображений действовало и то, что может быть мы не сумели сразу взять смелый и независимый тон. Не судите строго. Все искупается тем, что под

---

[1] Если возможно, жди в 9½.

конец, по-моему, мы этот тон нашли, нас слушали и сделали так, как мы хотели. Tout est bien qui finit bien. Pourvu que ça dure comme ça [1]. Если Вы увидите, что мы не используем всех Ваших советов и материалов, не удивляйтесь: говорить много не удается, все лезут говорить.

План Comité Exécutif ясен: пухлые резолюции. План ликвидаторов — болтать и замалчивать основное. Завтра читает Инесса наш доклад. Мы предложили националам выступить вслед за нами, один за другим, от имени своих *организаций* с докладами и ясными ответами на наши четырнадцать: то-то принимаем, то и то... оговорки, не соглашайтесь с нами в мелочах, не беда, но *помогите нам затянуть ликвидаторов* на путь обсуждения нам выгодный и подчеркивайте, что у нас полная солидарность относительно китов, подполья, программы, признания нашего большинства. Утром снова устроим совещание с националами. Получил сейчас (1 час ночи) телеграмму из «Правды», что латышский ЦК целиком присоединился к нашим 14. *Использую во всю.* Павлу Васильевичу руки теперь развязаны.

От Петровского телеграмму получил.

Мы решили не участвовать в голосовании пухлых резолюций. Вопрос о нашей тактике в этом смысле обсуждали долго с националами и отдельно. Не буду Вам излагать наших соображений, скажу только, что мне кажется, что мы не выходим таким образом из предела директив (не расходимся с их основным смыслом). Я думаю, что такая тактика может дать хорошие результаты, если поможет бог удачно ее применить. Нет времени подробно излагать свои соображения, будем судить по результатам.

Предвижу, что многое не удовлетворит Вас в нашем поведении сегодняшнего дня, но не забудьте, дорогой наш учитель, что у нас не было времени столковаться как следует и что обстановка (иконостасная обстановка: Каутский и проч.) для нас (по крайней мере, для меня) в высокой степени необычна, чтоб мы сразу могли в ней найтись. Но, повторяю, результаты сегодняшнего дня все-таки очень удовлетворительны. Всем ясно стало, что без ЦК их объединение было бы чучелом и [2] ...вроде Гюисманса, позволявшего себе бросать нам оскорбления (мы вносим письменный протест), со скрежетом зубовным должны были с нами считаться.

Я написал Вам о своих впечатлениях; картину же того, что было, дадут Вам протоколы.

Пожелайте нам успеха. Крепко жму руки.

И. П.

P. S. Первое, что сказал мне Гюисманс при встрече, было «Et Lénine, est-il venu ou viendra? Pourquoi donc il n'est pas venu? Franchement, pourquoi? [3].

Мой ответ: «La délégation a été désignée par le Comité Central; et pourquoi il n'a pas désigné Lénine, moi je ne sais pas» [4].

ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 23839, л. 77.— Автограф.

---

[1] Все хорошо, что хорошо кончается. Лишь бы только так продолжалось.

[2] Далее слово зачеркнуто.

[3] А Ленин, приехал ли он, или приедет? Почему же он не приехал? Скажите откровенно, почему?

[4] Делегация была назначена Центральным Комитетом; а почему он не назначил Ленина, мне это неизвестно.

№ 13

Корреспонденция Павлова в газету «Правда»

Не ранее 3 (16) июля 1914 г.

С совещания при Международном социалистическом бюро (письмо от нашего корреспондента)

Совещание открывается 16 н. ст. утром под председательством Эмиля Вандервельде. Из членов МСБ, кроме Исполнительного комитета, присутствуют К. Каутский и вождь чешских сепаратистов Немец. Представлены: руководящее учреждение российских марксистов, латышские марксисты, польская «оппозиция», литовские марксисты, кружок Розы Люксембург, «примиренцы» (в лице Плеханова), бундовцы, августовский блок, группа «Вперед» (ячейка Алексинского) и ППС (левица).

Секретарь МСБ оглашает резолюцию, принятую в декабре п/г собранием МСБ в Лондоне относительно созыва совещания российских социал-демократов для выяснения разделяющих их разногласий.

Каутский предлагает разбить порядок занятий на три пункта: разногласия, касающиеся: а) программы, б) тактики, в) организации.

От имени руководящего учреждения российских марксистов делается заявление, что делегация марксистов намерена представить совещанию полный, единый и цельный доклад, характеризующий общее положение рабочих организаций в России и выясняющий разногласия по всем трем пунктам порядка дня. После краткого обмена мнений принимается, что намерение делегации марксистов не исключается предложением Каутского.

Делегация российских марксистов оглашает заявление, что ею вносится в МСБ сводка объективных статистических данных относительно действительной силы марксистского, ликвидаторского и других течений, и приглашает остальные делегации, последовав ее примеру, внести свои цифровые данные для сопоставления.

В послеобеденном заседании собрание переходит к выяснению программных расхождений. Дискуссия сосредоточивается на вопросе о национально-культурной автономии. Исполнительный комитет МСБ предлагает следующую резолюцию:

«Совещание, отмечая, что все социал-демократические организации в России принимают одну и ту же программу,

Констатирует, что программа эта может в настоящее время подвергаться толкованиям исключительно на основании постановлений съездов, предшествовавших расколу,

и что только восстановление единства сделает возможным новые интерпретации ее большинством объединенной партии».

Представитель латышей вносит добавление к резолюции с указанием на то, что национально-культурная автономия противоречит программе российских марксистов. Представитель августовского блока выступает с поправкой, утверждающей обратное положение.

Делегация российских марксистов заявляет, что она не примет участия в голосовании резолюции Исполнительного комитета, ибо по ее мнению занятия совещания должны носить совершенно иной характер: должны быть выслушаны доклады делегаций, формулированы каждой из них конкретные условия объединения и высказаны сторонами мнения относительно этих условий; опыт с отколовшимися от целого ликвидаторами показал, что резолюции общего, абстрактного характера оставляют открытым поле для срыва оппортунистическими группами воли большинства рабочих и не дают никаких прочных гарантий.

После горячих дебатов член Исполнительного комитета Эдуард Анзеле [24)] предлагает отступить от принятого совещанием порядка дня, предложенного Каутским, и перейти к заслушиванию докладов одновременно по всем спорным вопросам и к формулировке делегациями конкретных условий объединения, голосование же резолюций отложить на конец. Каутский в общем и целом присоединяется к Анзеле.

Принимается предложение президиума не производить никаких голосований до окончания всех дискуссий, заслушать в следующем заседании доклад руководящего учреждения марксистов и [в] прениях стараться по мере возможности держаться принятого порядка.

Заседание закрывается.

Павлов

ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 23839, лл. 73—76.— Автограф.

№ 14

Материалы делегации ЦК РСДРП на совещании в Брюсселе

4—5 (17—18) июля 1914 г.

I

Заявление делегаций ЦК РСДРП, Польской с.-д. (оппозиция), С.-д. Латышского края, С.-д. партии Литвы, внесенное 4 (17) июля 1914 г. на Брюссельском совещании

Резолюция, внесенная 17 на вечернее заседание.

Мы отмечаем (soulignons), что, во-первых, делегация польской оппозиции внесла (motion d'ordre) предложение к порядку, приглашающее все делегации после заслушания доклада ЦК выступить с формулировкой их конкретных условий единства, во-вторых, что предложение это встретило сопротивление со стороны делегации ОК и тов. Плеханова.

Стремясь к наибольшей плодотворности занятий настоящей конференции, мы приглашаем товарищей указывать, избегая бесплодных дискуссий, в своих выступлениях те условия, которые их делегации признают необходимыми для осуществления единства.

Делегации: Центрального Комитета, Польской С.-Д. (оппозиция)
С.-Д. Латышского края, С.-Д. партии Литвы

II

Проект резолюции по вопросу об объединении РСДРП, подготовленный делегацией в ходе совещания

Обсудив вопрос о партийных разногласиях и единстве рабочего движения, признали единство с.-д. в переживаемый момент необходимым. Для объединения предлагаем следующую платформу: признание партийной программы, тактики, партийного устава, выработанных на общепартийных съездах, а также признание всех решений партии вплоть до 1910 года.

Мы предлагаем всем товарищам, кто признает работу в нелегальной партии, вступить в ряды с.-д. партии.

III

Декларация делегации ЦК, внесенная на заключительном заседании 5 (18) июля 1914 г.

Признавая, на основании Амстердамской резолюции, необходимость единства рабочих в России, мы констатируем, что такое единство рабочих означает единство против буржуазных течений народников и ликвидаторов и против национализма, проповедуемого Бундом.

Делегация ЦК РСДРП

ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 23839, лл. 23, 59, 72.— Подлинники.

№ 15

Заявление делегатов Социал-демократии Латышского края на Брюссельском совещании

Не позднее 5 (18) июля 1914 г.

В ответ на внесенное тт. Ионовым и Семковским заявление, мы, делегаты Социал-демократии Латышского края, со своей стороны заявляем следующее:

Утверждение упомянутых товарищей, что на IV съезде Социал-демократии Латышского края политика Организационного комитета была поддержана известным числом делегатов, никоим образом не опровергает и не может опровергнуть тех фактов, на которые ссылался в своей речи оратор нашей делегации, а именно: что в среде организованных рабочих Латышского края подавляющее большинство находит чрезмерными уступки съезда беспринципному примиренчеству, что в резолюциях местных конференций, массовых собраний и т. д. гораздо решительнее осуждается ликвидаторская политика и выдвигается требование, чтобы Социал-демократия Латышского края поддерживала политику ЦК РСДРП и что поэтому упомянутое заявление совершенно беспредметное и бьет мимо цели.

По поводу утверждений бундовского оратора мы заявляем: Наш оратор тов. Фогель не сказал, что наша делегация солидаризируется *со всеми* условиями, выдвинутыми ЦК РСДРП, а сказал только, что Социал-демократия Латышского края готова поддержать *главные принципиальные требования ЦК РСДРП*. Если наш оратор не мог подробнее рассмотреть, какие именно из упомянутых требований мы признаем, какие нет, то виною тому, с одной стороны, недостаток предоставленного оратору времени (15 минут), с другой стороны, и то печальное обстоятельство, что остальные делегации — в том числе и Бунд — не выставили со своей стороны никаких условий объединения и не вступили на путь дискуссий по поводу условий ЦК РСДРП. При таких условиях сделанный представителем Бунда вывод о нашем отступлении от решений IV съезда СДЛК мы вынуждены назвать недобросовестным приемом полемики.

Делегаты С.-Д. Латышского края **Фогель**[25], **Винтер**

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 88.— Копия рукой Н. К. Крупской.

№ 16

Письмо М. Ф. Владимирского (Камского) В. И. Ленину в Поронин[1]

Не ранее 5 (18) июля 1914 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам копии с двух наших заявлений, остальные остались у Попова, он вышлет их Вам. У Вас нет копии нашего заявления о мотивах нашего неучастия в голосовании, она Вам, вероятно, очень нужна. К сожалению, у меня ее нет. Мотивов два:

1) Вынесение резолюции выходит из рамок полномочий этой конференции;

2) Мы представляем организацию, которая только и может давать окончательные решения. Кроме того, я хочу обратить Ваше внимание на попытку, сделанную ликвидаторами на самом совещании, получить голоса профессиональных союзов для Венского конгресса. После нашего протеста Гюисманс снял этот вопрос. Примите меры, чтобы эти голоса не достались ликвидаторам.

Еще один вопрос: здесь просят в группе сделать доклад. Можно ли? Кроме того, говорят, что Плеханов будет делать здесь доклад на «общепартийном» собрании. Ему надо будет ответить, может быть дадите какие-нибудь указания. Я не знаю, одобрили ли Вы нашу тактику. Черкните хоть два слова (на адрес Николая Васильевича) [26)]. Отчет поручено составить мне. Сделаю это быстро, не затяну. Пока всего лучшего.

Камский

ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 23839, л. 56.— Автограф.

№ 17

Запись Н. К. Крупской решений, принятых на заседании ЦК РСДРП

6 (19) июля 1914 г.

1) $^{1}/_{100}$ общей суммы будет (в телеграмме сумма в 100 р.>).
2) Адрес для денег (Wiener Bank) [2].
3) Правдовский фонд перевести за границу.
4) Письмо Цейтлину.
5) Почтовый ящик [27)]:
Сколько приехало на центральную явку, сколько выехало.
⟨В Москву⟩ [3]. Высылаем 12 экз. Предкальна.
Выслано 10 экз. Горького — юг.
Мытарств — Москва.
А. Б. Спиридоновой = легально
с полупасками — Ивановой
граница — Петровой
Высылаем = находится в таком-то городе.
Выслано = выехали.
Краковская явка
На «Правду»:

[1] По-видимому, письмо послано из Парижа.
[2] Венский банк.
[3] Здесь и далее в угловых скобках — зачеркнутый текст.

⟨задержите статью⟩. Погодите ⟨печатать⟩ публиковать (подразумевается до нового извещения) или X дней.
Возобновляйте — публикуйте.

1) ЦК отменяет постановление ЦО о помещении дискуссионной статьи поляков.
2) Прекратить моральную и материальную поддержку.
ЦК выражает благодарность делегации на Брюссельской конференции.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23841, л. 2.— Автограф.

№ 18

Письмо И. Ф. Попова из Брюсселя В. И. Ленину в Поронин

Вторник, утро. 21 июля.

Дорогой друг, я очень огорчен и поражен Вашим упреком в неаккуратности.

В эту неделю, начиная со вторника до сегодняшнего утра, у меня не было буквально ни минуты свободной.

До конференции в два дня мне нужно было уладить массу поручений, во время конференции с 7 часов утра мы совещались в нашей делегации, к 8 вместе с поляками и латышами; на заседаниях надо было быть настороже всегда, после заседаний и в обеденные перерывы у нас *каждый раз*, без исключений, были совещания; ведь положение наше было из наитруднейших.

Я не смог отправить Вам письмо в четыре днем, отправил его ночью. Тов. Камский также, несмотря на все свое желание, не смог отправить Вам днем протоколы. После же мы наладили аккуратную ежедневную посылку протоколов и в важных случаях слали телеграммы. Когда после конференции делегация разъехалась, у меня на руках осталась охапка дел в виде непереписанных заявлений, переговоров с Гюисмансом, приведения в порядок разных бумаг и проч.

Теперь перейду к делам и новостям.

Во-первых, о слухах. Дело было так. Винк пришел случайно в Maison [du peuple] [1]. Встретил в кафе внизу Вандервельда, разговорились о русских делах вообще. Вандервельде сказал, что Ленин, мол, здесь и скрывается. Тогда Винк побежал в залу заседаний, вызвал меня и спросил, нельзя ли ему повидать Вас и сговориться о деле с К. и Ц. [28]. Как только я узнал от Винка о слухах, я поймал Вандервельда и спокойным, насмешливым, твердым тоном сказал: «Как смешно, как дико верить подобным слухам». Он ответил: «Но Каутский тоже поверил им, подите скорее к нему и скажите, что это неправда». Сказал Каутскому. Тот с удивленнейшим видом: «Вот как,— он не здесь, Вы говорите, а тут вот рассказывали, что он в Брюсселе. Но теперь я вижу, что это неправда».— Что можно было сделать дальше? Протестовать на заседании?

Мне казалось, что это значило бы обнаружить волнение, которое для них могло бы показаться подозрительным. Я решил телеграфировать Вам и предложить написать в Бюро по какому-нибудь делу письмо за субботней датой, чтоб видели, что Вы были в это время на расстоянии двух дней от Брюсселя.

---

[1] Народный дом.

О нашем поведении и о ходе заседаний.

Делегация поручила Камскому написать Вам официальный отчет о нашей работе. Мои услуги были отклонены, по-видимому, потому, что я не совсем был согласен во всем с товарищами и по вопросу о нашей тактике при голосовании остался одиноким. Поэтому мне казалось неудобным писать Вам о нашей работе от себя лично, но я больше всего не хочу и боюсь, чтоб Вы упрекали меня за молчание.

Я писал Вам уже о первом дне.

Обстоятельства сложились для нас благоприятно к концу этого дня. Порядок дня Каутского, разбивавший дискуссию на три отдела, был фактически нарушен. Он был нам неудобен, во-первых, потому, что лишал возможности представить доклад, во-вторых, лишал дискуссию цельности и ставил все в формальную плоскость, мешал нарисовать общее положение и причины раскола. Ликвидаторы как раз и добивались того, чтоб все осталось в плоскости фраз. Не знаю, понятно ли Вам все из протоколов, но очень характерны в этом смысле были прения о статистике. Еще перед дебатами Вандервельде заявил, что «Интернационал не допустит, чтоб все было сведено к цифрам и к спорам о большинстве». Мы протестовали, и завязалась дискуссия о значении цифр в предстоящих дебатах. В результате президиум разъяснил, что цифр касаться можно, но что первостепенным моментом является выяснение вопроса о наличности программных, тактических и организационных разногласий, мешающих единству.

Затем перешли к первому пункту порядка дня: программа.

Впрочем, обо всем этом Вы знаете из протоколов. Чтобы успеть закончить мое письмо до 12 часов и сдать его сегодня на кельнский поезд, буду кратким.

Первый день для нас был удовлетворителен, ибо мы прения направили по иному руслу, чем тот, который диктовался порядком дня Каутского.

Второй день был лучше. Мы условились с поляками, латышами и литовцами, что после доклада ЦК они постараются немедленно же взять слово, дать картину положения в их организациях и формулировать конкретные условия единства. Таким образом мы предполагали увлечь на этот путь и другие делегации (ОК и проч.), хотя бы против их воли. Кроме того, мы внесли заявление, констатировавшее, что Плеханов и ОК противились накануне такому порядку ведения дел.

Доклад, к сожалению, был прочитан очень тихим голосом и не был перестроен в соответствии с ограниченным временем. Получилось так, что Каутский, Вандервельде петушком бежали к нашим местам, прикладывали руки трубочкой к ушам, чтоб уловить слова. Кроме того, цельность доклада пропала. Тем не менее хорошо было то, что мы выступали в докладе обвинителями; центром всей конференции сделалась наша делегация; все прения потом завертелись вокруг наших требований.

После поляки и латыши выступили хорошо. Но, вообще говоря, держались они очень неактивно и часто все наши хорошие советы, какие давали мы им на фракционных совещаниях и на которые они шли, пропадали зря исключительно благодаря какой-то их печальной робости перед ареопагом фразеров.

Прения были ограничены, 15 минут оратору. Перед нами был embarras de choix [1] для ответа. Приходилось выбирать даже не то, что было самым существенным, а то, что наибольшее впечатление произвело на собрание. А такой была, несомненно, парадная речь Семковского, прочитавшего августовскую «ррреволюционную» платформу голосом оскорбленной добродетели.

---

[1] затруднение в выборе.

Для печати прения дали нам богатейший материал. Вы сами видели это из протоколов. Замечательнейшая фраза Мартова, за которую я его тут же пригвоздил: «Nous ne sommes pas contre les grèves, mais nous protestons quand une petite société secrète abuse de son influence sur les ouvriers pous les provoquer aux grèves»[1]. (Революционер!! Негодяй!) — одна чего стоит.

Третий день был для нас неудачным, потому, что, *по-моему*, мы сделали кое-какие ошибки. Накануне стал перед нами вопрос о голосовании. Вечером на совещании делегация была согласна со мной, что надо принять участие в голосовании и голосовать против резолюции Каутского. Тут я должен вернуться к первому заседанию. Мы сделали в самом начале ошибку. Не надо было раскрывать наших карт и заявлять, что у нас имеется мандат не участвовать в голосовании. (Тем больше, что подобного мандата у нас не было!). Но это было просто несчастное выражение, которое сорвалось нечаянно (в русском переводе его не повторили), официальная же наша мотивировка отказа от участия в голосовании по пунктам: программа, тактика, организация не исключала нашего участия в голосовании заключительном; слова о том, что конференция ne peut rien statuer par le vote[2] (повторенные нами потом) только определяли, что постановлений решающих конференция не может принимать, но, конечно, высказывать свое мнение она может. Я лично полагал, что тактика участия в голосовании придала бы нашей позиции более решительный, выигрышный вид. Неучастие же граничит с воздержанием, противоречит нашему убеждению, подчеркнутому в докладе и в специальном заявлении по поводу резолюции Каутского («единство возможно против ликвидаторских, народнических идей и национализма Бунда»), и сводит нашу позицию к позиции выжидания. Одно из двух: *или* резолюция Каутского нам кажется недостаточной и мы голосуем против, заявляя, на каких условиях мы считаем единство возможным, *или* мы не участвуем в голосовании и тогда незачем заявлять, при каких условиях мы считаем единство возможным, т. е. незачем вносить своего заявления. Я, однако, настаивал на внесении заявления: пусть будет некоторое противоречие, но зато ясно будет, что мы *против* резолюции Каутского.

Пусть уж лучше нас обвиняют, что мы не совсем последовательно действовали, но не истолковывают наше неучастие, как то, что мы не против, но не имеем полномочий и ждем. Неучастие в голосовании было понято именно как недостаток смелости, как dérobade[3]. Это печально. Именно неучастие было замечено, а декларация против прошла незамеченной.

Голосование против обязало бы нас выступить с некоторыми объяснениями насчет резолюции Каутского, сделало бы нашу позицию более законченной; эффекту, произведенному речами Вандервельде и других, мы противопоставили бы твердое заявление, что по нашему убеждению рабочий класс может построить свои ряды, только преодолевая идейный разврат контрреволюционной эпохи (ликвидаторство) и отметая дезорганизаторов.

Чтоб сказать всю правду, я должен прибавить, что одна из ошибок в третий день была сделана отчасти по моей вине. После Вашей телеграммы о том, что нужно внести заявление о ликвидаторстве от имени трех делегаций, я заготовил такое заявление, оно было одобрено делегацией и принято поляками и латышами. Вы прочтете его в докладе Камского. (Надо

---

[1] Мы не против стачек, но мы возражаем, когда маленькое тайное общество злоупотребляет своим влиянием на рабочих, подстрекая их к стачкам.
[2] не может ничего постановлять путем голосования.
[3] увертка.

отметить, впрочем, что вопреки моему настоянию латыши и поляки не соглашались назвать по имени «Новую рабочую газету» и «Нашу зарю»). Мы решили прочитать это заявление.

Когда заседание началось, поднялась суматоха, стали раздавать отпечатанную на машинке резолюцию Каутского. Там был добавлен пункт, неизвестный нам накануне, пункт о том, что все группы до объединения руководятся резолюцией 1908 и прочих годов. Ко мне подбежали поляки и сказали: заявление читать нельзя, мы в нем говорим об осуждении ликвидаторов, упрекаем всех за отказ от этого осуждения, а тут вот в резолюции как раз стоит 1908 год; над нами посмеются. Эка, мол, хватились. То же самое сказал и Павел Васильевич.

В суете и суматохе мне показалось, что они правы, тем более, что заявление без названия по имени «Новой рабочей газеты» мне казалось и раньше в трезвом размышлении довольно опасным и неярким. Я боялся, а вдруг нас поймают, как поймали на пленуме 1910 г. И именно потому в суете мне показалось, что поляки и латыши правы и что мы попадем в ловушку.

Я подбежал к Инессе и Камскому и стал им быстро растолковывать, почему поляки и латыши не хотят заявления. Инесса что-то писала, Камский ответил, что он согласен. Я же держал все время в мысли то, что ретирада заявления компенсируется более ярким заявлением («единство возможно против ликвидаторов» и т. д.). Заявление от имени трех делегаций не было таким образом прочитано. Теперь я вижу, что это ошибка, хотя и не очень большая. Грустно же то, что меня упрекают, что я согласился с поляками и латышами без совета с нашей делегацией. Инесса заявляет, что она не слыхала того, что я ей говорил, Камский говорит, что он не совсем хорошо меня понял. Но ведь и времени-то не было для долгого совещания. Хотя, кажется, товарищи не придали большого значения этому грустному инциденту.

В заключение я должен сказать, что неголосование против очень сильно не испортило нашей тактики. Латыши находили тактику неучастия как раз самой удобной. После того, как конференция была кончена, я сам некоторое время колебался в критике поведения нашей делегации.

Перехожу теперь к другому.

На совещании [1] все, в особенности Роза, настаивали на самой осторожной тактике, «чтоб не дать повода для большевистской демагогии». Решили выпустить манифест о единстве. Составить поручили Мартову и Плеханову. (A propos [2], Плеханов так *позорно, дрянно* держался, что мы решили не вступать с ним ни в какие разговоры по поводу того, что Вы писали. Бог нас спас, что я послушал совета Павла Васильевича и не отправился с ним к Плеханову до конференции.) Алексинский предлагал выпустить специальный манифест на латышском языке к латышским рабочим против латышской делегации. К сожалению, отклонили. Этот франт вообще держался подлым лакеем ликвидаторов. (В одном месте он проболтался: «Я, конечно, не представляю рабочего движения, но я член партии» и т. д.). Когда отклонили его предложение, он сунулся с услугами: «Может быть вам неудобно это сделать, так я сделаю это за своей ответственностью». Не послушали.

Относительно публикования Bureau Exécutif [3] решило, что будет выпущен официальный отчет. До тех же пор предложено не касаться работ конференции. Когда об этом узнали, я пошел к Гюисмансу и сказал ему, что я уже написал в «Правду». Он ответил, что можно писать об общем ходе

[1] Речь идет о совещании, созванном ликвидаторами 18 июля 1914 г.
[2] Кстати.
[3] Исполнительное бюро.

работ конференции, но ни за что не касаться речей: un tél a dit ça, un autre ceci etc. [1] Мартов (на всякий случай, Мартов на конференции Берг) и Семковский после моего разговора с Гюисмансом предложили мне телеграммой задержать статью в «Правду», заявив, что они с своей стороны напечатают только (!) резолюцию и статьи о своем отношении к ней и к самой конференции. Я отказался, сославшись на свой разговор с Гюисмансом. Тогда они сказали, что передадут Гюисмансу о моем отказе и складывают с себя всякую ответственность (За что? За мое поведение?).

Надо кончать, а [то] опять не удастся отправить.

Денег не хватило. Пришлю подробный отчет. Завтра вообще напишу. Конференция мне оставила еще много дел.

Думаю протащить в «Peupl'e» статью о нашем отношении к единству и разослать ее бывшим на конференции членам МСБ.

В «Правду» не писал, жду пока Гюисманс окончательно не даст разъяснений, ввиду протеста Мартова и Семковского. Сегодня его увижу. Писать думаю много, но нужно, чтоб Вы сказали, о чем писать мне и о чем будете писать Вы. Не сделать ли так, посылать статьи Вам, а Вы уже будете судить сами, что подходит. Вопрос очень важный. Напишите.

Пишите скорее, как быть теперь с Винком. По-моему, *никаких* надежд на Вандервельде нет. Напишу об этом подробно, Винк напортил сам, по своей вине. Но гвоздь, конечно, в конференции. Понимаете, Винк не удержался и сболтнул Вандервельду в последний день конференции о деле с Ц. Когда я стал его упрекать за это, он ответил: «А я полагал, что конференция уже кончена. Vous savez, Vandervelde est trés mécontent des bolchévikis. Qu'est ce que vous avez fait ici?» [2]

Послали ли Вы письмо в МСБ?

Еще раз. У нас были ошибки. Мы растерялись в первом заседании (еще не освоились с обстановкой дела) и в последнем стали на не совсем верный путь. Эти ошибки не очень велики, по-моему, и дела не погубили. По протоколам Вам покажется может быть, что мы не очень много выступали с полемикой. Мы рвались к ней, но все было подстроено так, что у нас возможностей было мало. Президиум вел себя диктаторски по отношению к нам и по-кумовски по отношению к Плеханову и Розе. Кроме того, aux débats sur le fond [3] больше разу нельзя было выступить; речей противников было много, потому что их была целая орава, а нас всего трое. Как держались уважаемые столпы, покажет Вам такой пример: после второго дня, в конце заседания объявляется президиумом, что на следующий день осталось записанными четыре оратора. Мы полагали, что дело пойдет так: выскажутся эти четыре, будет предложена резолюция и откроют дебаты по поправкам. Вышло же так, все четверо *случайно* оказались спевшейся публикой: Каутский, Плеханов, Роза, Вандервельде.

Каутский предложил резолюцию, Плеханов поболтал о революционном марксизме, Роза разносила нас и предложила поправку (о подчинении легальных работников руководству нелегальных организаций), Вандервельде навел лоск. И больше никому ничего. Они держались воровски и мелко, нарушая элементарные правила ведения собрания. Наши протесты были для них поводом для выступлений против нас, выступлений самых бестактных. Надо это разоблачить, не щадить Интернационал, ибо это не Интернационал, а Вандервельде и Гюисманс, плясавшие под дудку Розы и Плеханова. Эти объединители (!!!) не скупились на оскорбления против пред-

---

[1] такой-то сказал это, другой то-то и т. д.

[2] Вы знаете, Вандервельде очень недоволен большевиками. Что вы здесь делали?

[3] в прениях по существу вопроса.

ставителей тех, кого они хотят объединять, и в особенности против их организаций.

Я спрашиваю, где, когда позволял себе Интернационал, объединяя какую-нибудь секцию, выступать против рабочих организаций, как врагов единства, совершающих преступление против революции (песни с голоса Плеханова). Где же беспристрастие? Неужели об этом будем молчать?

У нас были ошибки. Трудно было их не сделать. Мы были как пророк Даниил, брошенный в ров со львами. Наши львы хитрили против нас самым мелочным образом. Во мне выросла страшная злоба против этих великих мастеров на малые дела. Но мы должны помнить, что действительный шаг рабочего движения важнее дюжины брюссельских конференций и сотни обличительных речей Вандервельде и Гюисманса.

Что после этой конференции осталось ликвидаторам? Только эти речи, но ведь даже принятая резолюция ставит их в *оборонительное*, а нас *в наступательное* положение. Они голоснули за нее только благодаря крайней беспринципности. Мне рассказывали, что у них на совещании они похвалялись: Это, мол, хорошо, что внесено несколько пунктов из требований большевиков (строго говоря, мало, почти ничего), это, мол, убивает большевистскую демагогию. Но где же ваша принципиальная позиция?

Я лично боялся, что они преподнесут нам такую же резолюцию, как ответы на анкету Троцкого о петиционной кампании и частичных лозунгах. Они могли бы это сделать. Вандервельде и его друзья подмахнули бы все это, ежели бы это было формулировано «по-европейски». Но они не посмели при росте движения в России поднести нам «европейские пошлости».

Кончаю. Напишите о всех наших ошибках. Нужно учиться.

Завтра напишу еще. Сейчас пора кончать.

Жму крепко руки.

И. Попов

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 276.— Автограф.

№ 19

Письмо Г. И. Петровского из Петербурга в ЦК РСДРП в Поронин

Позднее 8 (21) июля 1914 г.

Дорогой друг!

Здесь стоит страшная жара и эпидемия, очень много больных, между прочим, много заболело и родственников [29]. Ваничка болен, только что приехавши, и сестра его Аня и четырехугольный заболел, а какой был здоровый.

Говорят, что будут приняты очень большие санитарные меры, как бы нашим всем бумагомаракам не лишиться заработка. Кстати сказать, насчет денег очень плохо, все оттяжками сулят добрые люди, так что и о сотой части нечего сообщать.

Говорят, что в Питере передовые рабочие хотели удержать события только в демонстрации, но масса пошла дальше, сильное озлобление, против газеты приняты серьезные меры, как будто бы она явилась коноводом. После этого покажется странным — попытки девяти приравнять себя равными к двум [30].

В общем и целом решения девяти соответствуют здешним настроениям (ведь и здесь как предварительное условие брали признание 10-го года),

так что нужно быть очень дипломатичным. Хотя попытки всяких интеллигентиков выступать от чужого имени вызовут злобу.

Но Вы должны писать, так как газета все-таки будет.

Торопитесь, насчет ходов и выходов на всякий случай, деньги в 30 обещают через неделю. Кланяется Волк.

С приветом Г.

Вчера приехал я, сегодня пишу.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 273.— Автограф.

№ 20

Письмо В. М. Каспарова[31] *(Славина) из Берлина В. И. Ленину в Поронин*

14 (27) июля 1914 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич!

С удовольствием буду информировать Вас.

Сегодня уже передал одному товарищу (большевику) несколько марок с просьбой ежедневно посылать Вам «Berliner Tageblatt».

Одновременно Вы будете получать от него же и «Русское слово», которое он выписывает для себя. Сам я послал сегодня Вам «Русские ведомости» и «День» (с 1/VII). Через несколько дней вместо «Дня» буду посылать «Речь». Что касается «Нового времени», то я в затруднении, так как газета эта стоит здесь бешено дорого — 40 пф. Если она непременно нужна — сообщите, и буду и ее высылать. На «Berliner Tagebaltt» остановился, потому что там телеграмм и больше и свежее. На случай экстренных и важных сообщений буду телеграфировать. Что касается расходов, то пока подождем: если будет не очень много, я покрою из своих, в противном случае — часть Вы пришлете. Сообщите немедленно о получении настоящего письма и газет, так как боюсь, что и то и другое могут до Вас не дойти. Если в течение недели не получу от Вас сообщения, буду телеграфировать. Кстати: получила ли Надежда Константиновна мое письмо, написанное ровно неделю тому назад?

Все сообщения «Vorwärts» о Брюссельской конференции буду присылать.

Здесь теперь Стеклов. Он виделся с Каутским и Аксельродом. И тот и другой отзываются очень плохо о присутствовавших на конференции «ленинцах». Между прочим, они поражаются непоследовательности этих «ленинцев», воздерживавшихся вообще от голосования и голосовавших лишь по вопросу об объединении поляков. На последнем совещании в Брюсселе, на котором наши уже не присутствовали, решено было от имени всех остальных групп выпустить манифест с простым изложением фактов и без всяких выпадов по нашему адресу. Между прочим, на конференции кто-то заявил, что видел Вас в Брюсселе, но Каутский говорит, что они не допускали этого и что, вероятно, видевший просто ошибся, приняв за Вас кого-нибудь другого.

Как могли поляки из «оппозиции» сплоховать?

Стеклов — большой примиренец и мне пришлось с ним немного поспорить. Еще до получения подробных сведений он говорил, что если ликвидаторы стали, в общем, на нашу точку зрения в вопросах «китов», подполья и т. д.— можно объединиться. Я с ним не соглашался и указывал на необходимость иметь на будущее время гарантию. Гарантию я видел в безусловном осуждении газеты ликвидаторов и всего этого направления, как

такового. До идеи закрытия ликвидаторской газеты я, признаться, не додумался, да и сейчас еще не могу решить, насколько это требование в такой форме целесообразно, тем более, что осуждением всей линии этой газеты последняя была бы объявлена «вне пределов». Другие два местных большевика сначала были на стороне Стеклова, но уже на другой день один из них изменил свой взгляд и стал на мою точку зрения.

Из России никаких сведений не имею.

Ларин заявляет, что его лично результаты конференции очень удовлетворяют [32)].

Каутский говорит, что ЦК [33)] дал ему директиву — не вмешиваться активно, но что он, видя, что дело плохо налаживается, *должен был* вмешаться более активно. Вот пока все.

Привет

Славин

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 282.— Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Кавтарадзе С. И. (р. 1885) — член КПСС с 1903 г. В 1910—1912 гг.— член Петербургской студенческой организации большевиков, с 1913 г.— сотрудник газеты «Правда». В настоящее время — персональный пенсионер. Публикуемое письмо послано на имя сестры С. И. Кавтарадзе, адрес которой служил для нелегальной переписки с ним.— 13.
2) Имеются в виду резолюции Совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшегося в конце сентября 1913 г. в Поронине и названного по соображениям конспирации «летним», а также № 32 газеты «Социал-демократ», датированный 15(28) декабря 1913 г.— 13.
3) Речь идет о Кавказской областной конференции, проходившей примерно в сентябре 1913 г. под руководством скрытых ликвидаторов. В ней принимали участие большевики-примиренцы. Бакинская и тифлисская большевистские группы, боровшиеся против ликвидаторов, отказались от участия в ней. Конференция по ряду важнейших вопросов приняла явно ликвидаторские решения (см. «Социал-демократ», № 32, 15(28) декабря 1913 г.).— 13.
4) По-видимому, речь идет о Кавказском областном совещании, состоявшемся весной 1913 г. под руководством ликвидаторов. Представители большевистских бакинской, тифлисской, елизаветпольской и кутаисской групп не принимали участия в совещании (см. «Социал-демократ», № 32, 14(28) декабря 1913 г.).— 13.
5) Между Главным правлением Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Варшавской краевой организацией польской социал-демократии еще в 1908 г. начались разногласия, приведшие СДКПиЛ к расколу в 1912 г. Варшавское краевое правление стало именоваться «оппозицией» или «розламовцами». По ряду основных политических вопросов польская оппозиция разделяла точку зрения большевиков, между тем как Главное правление стояло на примиренческих позициях по отношению к ликвидаторам. В годы первой мировой войны обе фракции СДКПиЛ вели непримиримую борьбу с прислужниками империалистов — пилсудчиками и эндеками. В 1916 г. на нелегальной конференции произошло объединение СДКПиЛ.—13.
6) Рубанович И. А. (1860—1920) — один из видных деятелей партии эсеров; был членом Международного социалистического бюро от эсеров. Присутствовал на Брюссельском совещании от Исполнительного комитета МСБ.— 14.
7) Речь идет о письме Г. В. Плеханова в МСБ, в котором он отказывался быть представителем РСДРП в МСБ в связи с расколом социал-демократической думской фракции, происшедшем по вине ликвидаторов. Письмо Плеханова опубликовано в газете «Пролетарская правда» № 9, 17 декабря 1913 г.— 15.
8) «Папаша», «Гаррисон» — М. М. Литвинов.— 15.
9) Речь идет о листке под названием «В Международное социалистическое бюро», изданном 1 декабря 1913 г. Варшавским и Лодзинским краевыми комитетами СДКПиЛ на немецком языке. — 15.
10) Гернф — секретарь Международного социалистического бюро.— 16.
11) Имеется в виду «Резолюция о решении социалистического бюро», опубликованная за подписью «Группа организованных марксистов» в газете «Пролетарская правда», № 9, 17 декабря 1913 г.— 17.
12) Венский Международный социалистический конгресс II Интернационала был назначен на август 1914 г. В связи с началом войны не состоялся.— 17.

13) Ионов (Ф. М. Койген) — один из лидеров Бунда. В июле 1914 г. участвовал на совещании в Брюсселе.— 20.

14) «Павел Васильевич» — партийная кличка Я. А. Берзина, видного деятеля Латышской социал-демократии.— 20.

15) Винк — видный бельгийский юрист, с которым И. Ф. Попов вел переговоры по делу о возвращении большевикам денег, переданных ими после пленума ЦК РСДРП в январе 1910 г. на хранение представителям международной социал-демократии К. Каутскому, К. Цеткин и Ф. Мерингу.— 21.

16) Браун (Я. Э. Янсон) (1872—1917) — один из основателей Латышской социал-демократической партии, в период 1907—1914 гг.— примиренец. С начала империалистической войны примкнул к большевикам. В марте 1917 г. погиб на пути из Англии в Россию на пароходе, который был торпедирован.— 21.

17) Балабанова Анжелика — первоначально примыкала к меньшевикам. Эмигрировала за границу и работала в Итальянской социалистической партии. Во время первой мировой войны — активный работник Циммервальдского объединения. В 1919 г. возвратилась в Россию, примкнула к Коминтерну; в 1924 г. была исключена из Коминтерна за примиренчество к центристам.— 21.

18) О каких шести пунктах условий идет здесь речь, установить не удалось. Можно предположить, что по содержанию они совпадают с кратким докладом В. И. Ленина на имя секретаря Исполнительного комитета МСБ К. Гюисманса (см. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 57—64).— 22.

19) Путнис-Килис (Эд. Звирбулис) — один из руководителей большевистской оппозиции Социал-демократической партии Латышского края.— 23.

20) Триа (В. Д. Мгеладзе) — грузинский меньшевик, участник Брюссельского совещания.— 24.

21) Зурабов А. Г.— представитель ликвидаторского августовского блока на Брюссельском совещании.— 24.

22) Ганецкий Я. С. (1879—1939) (Фюрстенберг) — видный деятель польского рабочего движения, член Главного правления СДКПиЛ, а после раскола партии в 1912 г.— член Краевого правления («розламовцев»), участник Брюссельского совещания.— 24.

23) О какой корреспонденции идет речь, выяснить не удалось.— 24.

24) Анзеле Эдуард — бельгийский социалист, член Исполнительного комитета МСБ.— 27.

25) Фогель — латышский социал-демократ, участник Брюссельского совещания.— 28.

26) Николай Васильевич — Кузнецов Н. В.— участник V Лондонского съезда РСДРП. В 1910—1914 гг.— член парижской большевистской секции. В начале первой мировой войны пошел добровольцем во французскую армию; убит на фронте.— 29.

27) В записи Н. К. Крупской приводится условный шифр, посредством которого комиссии по подготовке партийного съезда должны были извещать ЦК об отправке делегатов за границу, используя «Почтовый ящик» «Трудовой правды».— 29.

28) К. и Ц.— по-видимому, Каутский и Цеткин.— 30.

29) В письме в конспиративной форме сообщается об арестах большевиков; расшифровать, о ком именно идет речь, не удалось.— 35.

30) Имеются в виду девять групп, голосовавших на Брюссельском совещании за резолюцию, предложенную центристами из МСБ. Под «двумя» подразумеваются делегации ЦК РСДРП и латышских социал-демократов, отказавшиеся от участия в голосовании.— 35.

31) Каспаров В. М. (1883—1917) — большевик, в 1913—1914 гг. жил в Берлине. Через него велась конспиративная переписка ЦК РСДРП с некоторыми партийными организациями в России.— 36.

32) Ларин Ю. (Лурье М. А.) (1882—1932) — участвовал в революционном движении с 1900 г. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам, в годы реакции — ликвидатор. Член Коммунистической партии с августа 1917 г.— 37.

33) По-видимому, речь идет о Правлении Германской социал-демократической партии.— 37.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦК РСДРП ПО РУКОВОДСТВУ ГАЗЕТОЙ «ПРАВДА»

(1912—1914 гг.)

Деятельность «Правды», первой массовой легальной марксистской газеты, являвшейся фактически, как указывал В. И. Ленин, органом Центрального Комитета большевистской партии, проходила под непосредственным руководством ЦК во главе с В. И. Лениным. Вопросы, связанные с выпуском «Правды» и оказанием ей практической помощи, обсуждались на всех совещаниях и заседаниях ЦК РСДРП, о которых дошли сведения. В Краков, где с лета 1912 г. находилось Заграничное бюро ЦК, регулярно приезжали партийные работники и большевистские депутаты Государственной думы, принимавшие участие в издании и редактировании «Правды». В ЦК поступала подробная информация о «Правде», ЦК направлял в редакцию опытных большевиков, регулярно контролировал деятельность редакции. О большом значении, которое партия придавала «Правде», свидетельствует тот факт, что в газете в течение 1912—1914 гг. было опубликовано свыше 270 работ В. И. Ленина, посвященных актуальным вопросам внутренней и международной жизни. Ленин принимал непосредственное участие в редактировании материалов для «Правды». По указанию ЦК РСДРП редакция пересылала В. И. Ленину в Краков статьи по наиболее важным вопросам (см. док. № 2).

Настоящая публикация существенно дополняет имеющиеся сведения о партийном руководстве «Правдой», знакомит с состоянием работы и обстановкой в редакции, с конкретными мероприятиями партии по укреплению большевистской печати, показывает борьбу за коллегиальность в редакции, раскрывает формы и методы ее работы.

Большой интерес представляет группа документов, связанных с заседаниями ЦК РСДРП 27—29 декабря 1913 г. До настоящего времени из жандармского донесения было известно лишь о самом факте проведения этих заседаний и о том, что на них обсуждался вопрос о деятельности большевистской думской фракции [1]. Сейчас удалось обнаружить решения этих заседаний ЦК (см. док. №№ 1—3), которые показывают, что основным вопросом, обсуждавшимся в эти дни Центральным Комитетом, являлся вопрос о положении «Правды». Так, в резолюции о деятельности большевистской думской фракции указывалось, что «работа по укреплению „Правды“ есть теперь основа всего. Это, в буквальном смысле слова,— самая насущная, самая важная очередная задача» (док. № 1).

Документ № 4 представляет собой обращение к деятелям международного рабочего движения в связи с подготовкой к дню рабочей печати.

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 557.

На заседаниях ЦК РСДРП 2—4 апреля 1914 г. было принято решение о том, что это обращение, а также обращение к рабочим России должны быть выработаны Заграничным бюро ЦК [1]. Анализ документальных материалов позволяет установить, что уже 4(17) апреля через заграничные большевистские секции в Англии, Франции, Германии, Италии и других странах ЦК разослал обращение к представителям социалистических партий, профсоюзов и органов рабочей печати за границей [2], а в середине апреля из Кракова в редакцию «Правды» был переслан и текст обращения к рабочим от имени большевистской фракции Государственной думы [3]. Эти документы сыграли огромную роль в деле превращения двухлетнего юбилея «Правды» в день *«открытого утверждения широкими массами своей солидарности с последовательно-марксистской политикой,* с классовой позицией „Пути правды"» [4].

Включенные в публикацию письма активных работников «Правды» и отчеты самой редакции, адресованные в ЦК партии и непосредственно В. И. Ленину, дают яркую картину борьбы большевиков за проведение в жизнь решений ЦК РСДРП, за последовательную партийную линию газеты, за дальнейшее улучшение всей постановки дела по изданию и распространению «Правды».

Систематическое и повседневное руководство Центрального Комитета, возглавлявшегося В. И. Лениным, обеспечивало последовательное большевистское направление газеты. При решении всех принципиальных вопросов редакция руководствовалась прямыми директивами и установками ЦК РСДРП. Так, в заявлении редакции по поводу переговоров с группой плехановцев об их участии в газете мы читаем: «...в части, касающейся заявления о превращении „Пути правды" в коалиционный орган двух политических групп, отклонить рассмотрение вопроса, рекомендуя обратиться с ним в соответствующую инстанцию...» (док. № 14), то есть в ЦК.

Деятельность редакции «Правды» тесно переплеталась с работой другого легального центра партии — большевистской фракции IV Государственной думы. По указанию ЦК депутаты-большевики осуществляли конкретное руководство газетой, активно сотрудничали в ней. В ряде документов, включенных в публикацию, находят отражение связь «Правды» с думской фракцией большевиков, руководство их деятельностью со стороны Центрального Комитета (см. док. №№ 1, 8, 11 и др.).

Первый раздел публикации включает четыре документа ЦК РСДРП по руководству «Правдой» в 1914 г. Второй раздел состоит из отчетов редакции и писем партийных работников в Центральный Комитет (см. док. №№ 5—14).

* * *

Большинство публикуемых документов хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фонде ЦК РСДРП (ф. 17). Документы №№ 1—3 извлечены из фонда Департамента полиции, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ); они обнаружены и подготовлены к печати А. М. Володарской.

В. Т. Логинов, Г. В. Петряков

---

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4, стр. 120, 121.

[2] См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 151, 153.

[3] См. там же, ф. 364, оп. 6, ед. хр. 33. Обращение к рабочим было опубликовано в газете «Путь правды», № 63, 17 апреля 1914 г.

[4] «Путь правды», № 45, 25 марта 1914 г.

I. ДОКУМЕНТЫ ЦК РСДРП

№№ 1—3

Решения заседаний ЦК РСДРП

27—29 декабря 1913 г. (9—11 января 1914 г.)

№ 1

Резолюция руководящего учреждения марксистов[1] о деятельности Российской социал-демократической рабочей фракции

Принято

Руководящее учреждение прежде всего с радостью констатирует огромный успех в думской деятельности РСДРФ за первую полусессию ее существования[2]. В течение этого короткого и вместе с тем во многих отношениях особенно трудного для рабочих депутатов времени — сделан ряд прекрасных выступлений, внесен ряд запросов, сделаны подготовительные шаги ко внесению важных законопроектов и т. д.

На ближайшую полусессию из области думской работы необходимо выдвинуть на первый план следующее: 1) кроме законопроекта о 8-часовом дне, необходимо внести основные начала самостоятельного социал-демократического законопроекта о страховании; 2) ввиду огромного интереса к положению учителей, вызванного недавним съездом народных учителей[3], необходимо в той или иной форме поднять этот вопрос в думе — лучше всего в форме краткого законопроекта об увеличении жалованья народным учителям и страховании их (пенсии); 3) путем предварительного устройства анкет и оглашения потом этого материала в думе — необходимо возбудить интерес к положению отдельных категорий рабочих и служащих: шахтеров, железнодорожников, булочников, приказчиков, официантов, почтовых служащих и т. д.; 4) желательна разработка и внесение самостоятельного социал-демократического законопроекта о нормальном отдыхе и о найме приказчиков; 5) желательно издание время от времени наиболее важных и удачных речей особыми брошюрками по дешевой цене. Для этого надо стереотипировать речи при печатании их в «Правде»; 6) к концу сессии необходимо издать печатный отчет о деятельности фракции; 7) необходимо уделить больше внимания внесению формул перехода.

Вместе с тем Центральный Комитет признает, что центр деятельности 6-ки неизбежно должен теперь, в силу условий рабочего движения и положения дел в партии, передвинуться на *внедумскую* работу.

Поэтому является настоятельно необходимым, чтобы 6-ка занялась теперь систематической организацией своей *внедумской* работы, памятуя, что (на основании еще февральского 1913 года решения Центрального Комитета) 6 депутатов думы являются в первую голову партийными организаторами, пропагандистами и агитаторами[4].

Организовать участие всех шести депутатов во всех сторонах партийной жизни и рабочего движения — как непосредственно, так и в особенности путем содействия работе доверенных лиц и выдающихся рабочих — такова очередная задача 6-ки.

При этом особенно необходимо при всяком участии в нелегальной работе соблюдать максимальную конспиративность.

Участие на легальных съездах кого-либо из 6-ки обязательно хотя бы не для выступлений.

Но особенно важным руководящее учреждение считает обратить внимание РСДРФ на укрепление «Правды», положение которой сильно по-

шатнулось [5]. Без «Правды» вся думская работа потеряет 99/100 своего значения. Работа по укреплению «Правды» есть теперь основа всего. Это, в буквальном смысле слова,— самая насущная, самая важная очередная задача. И если бы даже думская работа пострадала временно (в смысле частоты выступлений), депутаты все-таки должны сосредоточить свои усилия на укреплении «Правды».

Необходимо: 1) строго проверять легальность содержания газеты, чтобы избегать конфискаций; 2) войти во все подробности хозяйственной стороны дела, чтобы все велось экономно; 3) во что бы то ни стало поднять тираж газеты.

I. В С.-Петербурге должны быть немедленно устроены в рабочих районах отделения газеты. Руководство этим делом и осуществление его руководящее учреждение просит взять на себя депутатов Бадаева и Муранова.

II. В крупных городах надо попытаться поставить отделения: Рига, Москва, Киев, Харьков, Екатеринослав.

III. РСДРФ должна выступить с несколькими воззваниями о поддержке «Правды» и разослать об этом письма на места.

IV. В С.-Петербурге депутаты должны разделить между собой районы и прямо обойти влиятельных рабочих крупнейших заводов, чтобы рассказать им о кризисе в газете и призвать к помощи. Для этого же должны быть использованы посещения рабочих во фракцию.

V. Депутаты должны обратиться к имущим людям, сочувствующим рабочему движению, с просьбой о поддержке газеты.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, лл. 361—363.— Перлюстрированная копия.

№ 2

К руководству редакции

Постановлено

1) Вся редакционная работа должна вестись строго коллегиально. Цензурность — прежде всего. Тремя неделями руководства Макса [6] доказано, что *можно* добиться того, чтобы не конфисковали. Необходимо идти на все внешние урезки, иначе — газета погибнет.

2) Необходимо сделать газету более разнообразной. Для этого вернуть обязательно Д. Бедного [7], отдать больше места под беллетристику, стихи, маленькие фельетоны и т. п.

3) Остается в силе прежнее постановление о том, что присылаемые статьи за тремя условленными буквами помещаются немедленно и без изменений [8].

4) *Постановляется относительно статей местного происхождения, в особенности — полемического характера: статьи эти обязательно должны проходить через всю коллегию; если меньшинство коллегии потребует, статья должна быть отложена и послана за границу; такое же право требовать отложения дается лично А. Витимскому [9]; такое же право дается лицу, которое назначит Российская социал-демократическая рабочая фракция. Статьи полемического характера, если они терпят отложение, вообще должны посылаться на просмотр в...*[1] (пример: письмо 2-х грузин и ответ на него [10]). Доказано, что не раз помещалось то, чего не нужно было помещать.

5) Необходимо привлечение к редакционной работе руководящих местных *рабочих*. Периодические совещания с рабочими о ведении газеты возможны и необходимы.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, лл. 364 и об.— Перлюстрированная копия.

---

[1] В тексте пропуск; по-видимому, имеется в виду Заграничное бюро ЦК РСДРП.

№ 3

К сведению редакции

Необходимо во что бы то ни стало повысить тираж газеты. Для этого необходимо поставить должным образом хозяйство, создать отделения в районах С.-Петербурга и в иногородних крупных рабочих центрах.

Затем необходимо улучшить литературную сторону дела.

Для этого желательно сделать содержание газеты более разнообразным.

1) Необходимо давать чаще беллетристику.

2) *Обязателен* маленький фельетон Демьяна Бедного. «Суд» его с ликвидаторами непричем. Никакой «суд» не отнимет у него таланта. Обвинения, предъявленные ему ликвидаторами, простая «склока».

3) Надо улучшить информационную часть: давать больше телеграмм, завести отдел «По России», где давать хотя бы только краткие вырезки из других газет, надо завести отделы — «Среди железнодорожников» (только самое легальное), «Среди учителей» и т. п.

4) Страшно хромает последнее время отдел профессиональных союзов. Отчеты о собраниях союзов появляются у нас на 3 дня позже, чем в «Новой рабочей газете». Это губит тираж. Необходимо это исправить.

5) Полемику против ликвидаторов надо давать максимум 2—3 раза в неделю (если только нет исключительных случаев). Полемика должна быть *только* разъяснительная, пропагандистская, ни в коем случае не «склочная».

6) Необходимо ангажировать Стеклова [11)] на одну корреспонденцию (картинки и пр.) в неделю из Парижа, Керженцева [12)] из Лондона и т. д.

7) Необходимо попытаться давать хоть раз в неделю карикатуру, портрет, снимок (примеры: Горький, группы народных учителей и т. п.).

8) Необходимо попытаться поставить естественно-научные маленькие статейки 1—2 раза в неделю, отделы «Что читать» и т. д.

9) Надо послать приглашение М. Н. Покровскому [13)] (Париж) и брать у него фельетоны на исторические и т. п. темы 1 раз в 10 дней.

10) Время от времени давать статейки о студенческой жизни.

11) Попытаться привлечь к сотрудничеству Плеханова.

12) Конфискабельный материал собирать в один номер и давать раз в 1—2 недели.

13) Конфискованные номера рассылать подписчикам, как это делает «Новая рабочая газета», посылать вместе со следующим неконфискованным номером.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, лл. 365—366.— Перлюстрированная копия.

№ 4

Обращение к деятелям международного рабочего движения в связи с празднованием дня рабочей печати в России

Ранее 4 (17) апреля 1914 г.[1]

Уважаемый товарищ!

По поручению ежедневной СПБ с.-д. газеты «Путь правды» [14)] я имею удовольствие сообщить вам следующее:

22 [апреля] — 5 мая исполнится 2 года со времени выхода в СПБ в свет первой ежедневной с.-д. газеты «Правда», поставленной усилиями самих рабочих на собранные ими деньги. Организованные рабочие СПБ

[1] Датируется на основании того, что обращение послано вместе с письмом Н. К. Крупской от 4(17) апреля 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 43129).

решили отпраздновать этот знаменательный [для] русского рабочего движения день устройством специального «дня рабочей печати» [15)], выпуском юбилейного номера и т. д. К этому решению присоединились профессиональные союзы, ряд других рабочих газет, выходящих в провинции, и пр.

Празднование «дня печати» приобретает для русских рабочих еще тем большее значение, что русское правительство уже совершенно подготовилось провести через Государственную думу новый ультра-реакционный закон о печати, имеющий главной задачей задушить нашу рабочую печать.

Мы очень желали бы, чтобы юбилейный номер «Пути правды» носил интернациональный характер. Для русских рабочих не могло бы быть большей радости, как засвидетельствование тех чувств симпатии и международного братства, которые так живы в пролетариате всех стран.

Мы были бы очень рады, если бы к юбилейному [номеру] и Вы, уважаемый товарищ, прислали бы нам хотя бы только несколько строк.

Рукопись должна быть в Петербурге не позднее 1 мая нового стиля, и для этого должна быть выслана (лучше всего заказным) не позднее 27 апреля нового стиля.

Адрес для посылки рукописей:

St. Peterburg, Redaktion «Puti Prawdy», Iwanowskaja, 11, 8.

В уверенности, что вы не откажете в нашей просьбе. По поручению редакции «Путь правды»

Член Государственной думы Г. И. Петровский [16)]

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 40953, л. 1. — Оттиск на стеклографе.

II. ОТЧЕТЫ И ПИСЬМА РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» В ЦК РСДРП

№ 5

Отчет редакции газеты «Правда», пересланный в ЦК РСДРП

Не ранее июня 1912 г.— не позднее февраля 1913 г. [1]

Содержание служащих в конторе газеты «Правда» за месяц

Заведующая конторой	— 50 руб.
Бухгалтер	— 50 руб.
Заведующая экспедицией	— 50 руб.
Помощник ее, заведующий кроме этого сбором денег по городу	— 40 руб.
Заведующий розничной продажей газеты в типографии	— 35 руб.
	225 руб.

Редакция

Четыре сотрудника по 50 руб., один — 80 руб., два по 75 руб., один — 30 руб. За границу — 200 руб. Велосипедист — 35.

—960 руб. [2]

Служитель при конторе и редакции — 40 руб. и мальчик 10 руб.— 50 руб.

Всего — 1035 руб. [2]

---

[1] Обоснование даты: Заграничное бюро ЦК было создано в Кракове в начале июня 1912 г. Тираж «Правды», указанный в отчете, приходится на период июнь 1912— февраль 1913 г.

[2] Так в тексте. Подсчет произведен неточно.

Кроме этого семь редакторов по 30 руб.— 210 руб.
Цифра колеблющаяся. 210 — максимальная [17].
Гонорар колеблется между 630—750 руб.
Тираж от 20 000 до 26 000 в праздники и воскресные дни.
Возврат в общем 25—30 % % не принимая в расчет конфискации, каковая часто принимается полностью.

1000—1300.

ЦПА ИМЛ, ф. 364, оп. 6, ед. хр. 1, л. 1.— Подлинник.

№ 6

Письмо Е. Ф. Розмирович В. И. Ленину

13 (26) января 1914 г.

Дорогие друзья!

Говорила сегодня со Скрыпником [18], он дал принципиальное согласие на участие в «Пролетарской правде» [19]. Видно, у него большое желание поработать там. Согласен заняться и хозяйственными делами. Впечатление произвел прекрасное. Сейчас в «Правде» пустыня. Думаю, что хорошо бы Скрыпника включить в состав редакции. Предложу это существующей редакции. Напишите, как относитесь к этому. Сейчас он ведет там страховой отдел.

Разыскивала заведующего беллетристическим отделом в «Правде» [20], он из-за Норина [21] ушел оттуда. Работает в «Просвещении» [22]. Это дело можно считать улаженным.

С Демьяном Бедным еще не виделась. Сегодня увижу и Михаила Степановича. Норин старается представить дело так, что без него газета велась чрезвычайно скверно, за многие номера ему было стыдно.

Задержка с «Работницей» [23] из-за редактора.

В «Просвещении» подписка идет прекрасно.

Жаль, что нет Кости [24], надо бы сейчас же приняться за реформы. Всем привет.

Евгения [25]

13/XII [1].

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 66, л. 1.— Автограф.

№ 7

Письмо К. Н. Самойловой в ЦК РСДРП

15 (28) января 1914 г.

У нас дела идут пока по-старому. Несколько последних дней газету не конфисковали, не было также и штрафов.

Получили ли Вы мое последнее письмо, где я подробно писала Вам о финансах, тираже и о нашей внутренней редакционной жизни.

Все пока идет по-старому, никакой коллегиальности в работе нет, хотя я прямо и определенно заявляла тов. Мирону, что хочу читать статьи и участвовать в их обсуждении. Он продолжает с этим не считаться и сегодня опять поместил «Письмо в редакцию» грузинских марк-

---

[1] Очевидно, описка. Е. Ф. Розмирович приехала в Петербург лишь в январе 1914 г. Одновременно с этим письмом ею было отправлено второе письмо аналогичного содержания в адрес А. А. Трояновского (Вена). Дата второго письма — 13 января 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. ДП, ед. хр. 25900).

систов, не показав даже этого письма мне. Кроме того, это письмо он снабдил огромным примечанием лично от себя, так как опять-таки я его увидала только в газете. А между тем примечание это пущено *от редакции*, следовательно и я несу за него, так же как и за помещенное у нас письмо «грузинских марксистов», большую долю ответственности. Сегодня опять заявлю ему свой протест по поводу единоличного ведения газеты, если это не подействует, то решайте сами, что делать. Елена Федоровна тоже страшно возмущена и помещением этого письма и примечанием к нему, без всякого обсуждения. Сегодня мы с ней поднимем этот вопрос на собрании. Мы решили с Вашего согласия (о котором мне передала Елена Федоровна) пригласить к нам Николая Алексеевича, может быть при его помощи нам удастся наладить как-нибудь коллегиальную работу, а иначе положение дел становится невозможным.

Простите, что плохо пишу, очень тороплюсь.

Товарищеский привет всем

N.[26]

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 47733, л. 1.— Автограф.

№ 8

Письмо Е. Ф. Розмирович в ЦК РСДРП

Ранее 21 января (3 февраля) 1914 г. [1]

Дорогой друг!

Постараюсь ответить на Ваше письмо по пунктам.

1) Деньги Вам из «Пролетарской правды» и «Просвещения» посланы. Деньги в «Просвещении» удалось получить без особых затруднений.

2) Статья по делу Х. [27] пойдет в 1-м номере «Просвещения». Редакции она очень понравилась, но все же они ее чуть-чуть переделали. Вычеркнули указания на различных ликвидаторов и их преступления. Я считаю это неправильным. Старалась убедить в этом редакцию.

С Х. лично говорила еще до Вашего письма. Он ответил, что сам писать не может, нет сил. Просил Николая Николаевича [28] сделать это за него. Николай Николаевич не соглашается. Относительно материалов обещал сделать. Хотя думает, что это трудно осуществить. Будто потому, что много потребует времени эта работа. Ссылается на то, что очень занят страховой энциклопедией [29]. У меня явилось сомнение, что у него только эта причина. Надо все же полагать, что материал он Вам пошлет. Впечатление производит он ужасно тяжелое. Узнать его трудно.

Просвещенская публика думает, что Ваша статья очень много сделает для выяснения этого вопроса. Находит выступление Х. не нужным.

Марк, мне кажется, слишком мрачно смотрит на это дело. Просто сам не разобрался.

3) Теперь о газете. Реформы там необходимы. Но сделать сейчас все, что мы с Вами намечали, нет возможности. Прежде всего тормозит работу отсутствие Кости. Затем целый ряд провалов среди наших друзей из рабочих. Я занята сейчас мобилизацией нужной публики, чтобы с приездом Кости начать решительно действовать. Во всяком случае по поводу отдельных намеченных нами реформ могу сказать следующее:

а) Демьяна Бедного лично я не видала. В редакции выяснилось, что все (в этом вопросе наблюдается редкое единодушие) [2] против его уча-

[1] Датируется на основании того, что в письме упоминается газета «Пролетарская правда», которая была закрыта 21 января 1914 г.

[2] Далее зачеркнуто слово «решительно».

стия в газете, хотя никто не решается сказать это прямо. Фирин находит, что до тех пор, пока Д. Б. не ликвидирует своего дела в «Новой рабочей газете», его нельзя привлекать в «Пролетарскую правду».

Для оживления беллетристического отдела мне удалось кое-что предпринять. Последнее время этим отделом заведывал Еремеев [30], который благодаря своим поразительным художественным принципам всех беллетристов переправил в «Новую рабочую газету». Я в «Просвещении» нашла Тихонова, который раньше заведывал этим отделом. Он обещал собрать группу беллетристов и наладить это дело. Результаты уже имеются. Вы их, вероятно, заметили. К Горькому на днях поедут от «Пролетарской правды» Еремеев и Григорий Иванович. Мы хотим предложить ему редакцию сборника стихов [31], который думает издать «Пролетарская правда». Вы, надо полагать, уже знаете о нем по «Правде». Тихонов в хороших отношениях с Горьким, часто с ним встречается. Я очень надеюсь на эту связь нашу с Горьким.

b) Относительно предложенных Вами других реформ литературного характера я говорила с публикой. Кое-что принято во внимание. Можно будет реформировать думский отдел, можно сократить полемику с ликвидаторами, можно сократить резолюции по поводу 6—7-ки [32]. Нельзя помещать карикатуры, снимки с убитых и т. д. благодаря цензурным условиям, нельзя сократить страховой отдел,— это вызовет возмущение со стороны рабочих. Материалов по этому вопросу в редакции масса,— рабочие требуют его помещения. Депутатов трудно заставить писать.

c) По моему предложению в редакцию включен Скрыпник. Когда он явился первый раз — Фирин попробовал засадить его за какую-то хроникерскую работу. Николай Алексеевич отказался ее исполнить под каким-то предлогом. Он не ожидал встретить в «Пролетарской правде» то, что оказалось. Пришлось мне ввести его в курс дел и предложить действовать энергично для создания необходимой коллегиальности. Вчера он в этом отношении многое сделал. Думаю, что будет работать, хотя Фирин произвел на него ужасное впечатление. Михаил Степанович в редакцию не является. Я до приезда Романа не хочу поднимать этого вопроса, тем более, что у меня есть планы еще кое-кого привлечь к делу, тогда с Фириным легко можно будет расстаться. Ругалась я с ним по поводу письма двух кавказских марксистов и особенно редакционного *примечания* к нему. Фирин чувствует, что надвигаются тучи... Страховики [33] вопят, что я от них отрываю Николая Алексеевича. Пугают провалом. Знаете, у них удивительное предпринимательское отношение к людям, которые у них работают. Готовы конкуренцию устраивать... О редакционных делах «Пролетарской правды», кажется, все.

d) Для ревизии дел «Пролетарской правды» я подыскала уже людей: Анатолия, Николая Алексеевича, Авеля [34], старого приказчика [35] и еще одного рабочего. Все охотно берутся за это дело — считая его необходимым. Без Кости и этого не могу начать.

Знаете ли Вы Анатолия? Он очень старается сейчас помочь «Правде» по части хозяйственной. Проявляет массу энергии. Устраивает опять бал в пользу «Пролетарской правды».

4) О «Просвещении» я уже Вам писала. Там работают сейчас Анна Ильинична [36], Ар. Ад., Куд-цев [37], Тихонов, часто бывает там и Николай Алексеевич. Дела идут недурно. Публика работает дружно. Просят присылать вовремя статьи. С рукописью Циперовича [38] вышло недоразумение: он подписался незнакомым псевдонимом и редакция не знала, что эта статья его. Пишите о делах «Просвещения» Анне Ильиничне, а то она, кажется, недовольна, что ее обходят и обращаются ко мне. Вы можете сообщать, если что-нибудь важное, и мне. Я постараюсь повлиять,

чтобы все осуществилось. Меня они чуть-чуть боятся, как проваленного человека. Беда... Забавный они народ.

5) Почему не шлете до сих пор запрос и речи о преследованиях профессиональных организаций. Необходимо вносить немедленно. Читали статью металлиста в № 15 «Правды» [39]. Здесь закрыли союз булочников, в Москве — типографских рабочих и т. д. Шлите немедленно. Запрос о 102 номере «Правды» не вносили, не советуют раздувать это дело. Внесем об арестах 9-го января. Пишите речи. Запрос здесь. Убийство в ресторане не может быть поводом для вопроса: офицер уже привлечен к судебной ответственности. Необходима 2-ая речь об арестах во фракции. Вообще торопитесь. Все, что у Вас отмечено, кроме бюджетных речей, нам необходимо немедленно. Я изнемогаю от работы. Помогите хотя Вы. Страховой законопроект скоро будет готов. С законопроектом о свободе коалиций — решили депутаты подождать. Они находят необходимым, чтобы высказались представители профессиональных союзов в рабочей комиссии. Я двинула эту кампанию в рабочих низах при помощи питерской организации с.-д. рабочих. Скоро начнут принимать резолюции против пункта 5-го: Петровский, Шагов, Бадаев против помещения нашего обращения к 7-ке немедленно. Боятся полемики.

6) Часть книг о 8-ми часовом рабочем дне я Вам послала. Послала «Нашу зарю», «Современный мир» [40]. Постараюсь устроить, чтобы «Просвещение» посылало Вам журналы.

Думские стенограммы посылаю. Посылаю еще и книги из списка... Устала писать...

О Бурьянове [41] необходимы статьи. Подробности о нем расскажет Вам Самойлов [42].

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 66, лл. 1—2.— Автограф.

№ 9

Из письма Е. Ф. Розмирович в ЦК РСДРП[1]

21 января (3 февраля) 1914 г.

Знаете, дорогая Надежда Константиновна, у нас опять большая неприятность. Газета опять погибла [43]. К счастью, на материальной стороне это не очень отразилось.

Получаете ли Вы мои письма?

Как Вы нашли Самойлова? Правда, удивительно славный...

Относительно Богданова — не волнуйтесь. Газета решила опубликовать письмо, которое было написано ему редакцией по поводу статьи «Идеология». Письмо это было составлено на основании критики из Кракова. Мы решили, что это письмо убедит читателей, что действительно существуют серьезные разногласия между редакцией и Богдановым [44]. Каждому должно быть ясно, что при таких условиях его участие в газете невозможно.

Почему Вы не пишете? Получили ли адрес? Привет горячий всем.

Ваша Лена

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 84.— Автограф.

[1] Первая половина письма, в которой идет речь об организации журнала «Работница», опубликована в журнале «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 34.

№ 10

Письмо К. Н. Самойловой в ЦК РСДРП[1]

25 января (7 февраля) 1914 г.

Уважаемые товарищи! Сообщаю печальную новость: нас опять закрыли, закрыли «Пролетарскую правду» и теперь ожидаем со дня на день закрытия новой газеты [45]. Вы уже знаете, что Петровского привлекли к ответственности за статью Мирона «Для чего она существует» [46]. В статье этой, действительно, в очень неосторожной форме было сказано, что все «Правды» представляют «один идейный организм» и эта статья подала повод к установлению преемственности между новой и старой газетой, так что и новой теперь дни сочтены.

Что делать дальше, не знаем. Конечно, будем дело продолжать, несмотря на все и всяческие препятствия. Думаем изменить теперь название, хотя вряд ли это поможет. Теперь к Вам большая просьба. Ввиду всех историй с сотрудничеством публики в буржуазной прессе (ввиду истории с Х., Германовым [47] и др., которых еще нет, но которые ликвидаторы могут создать и раздуть) убедительно просим Вас написать основательную и исчерпывающую статью, а то и несколько статей, с принципиальным освещением вопроса о сотрудничестве социал-демократов в буржуазной прессе, то есть вернее о недопустимости сотрудничества в хозяйской и буржуазной печати. Необходимо, чтобы статья была написана в возможно более популярной форме, ссылалась бы на резолюции конференции. Хорошо было бы, если бы Вы указали в этой статье, куда заводит некоторых, именующих себя марксистами, сотрудничество в буржуазной печати, как оно приводит их к утверждению что «Русские ведомости» [48] «*единственно* честный печатный орган» и т. п. Хорошо было бы указать также, в какую трясину забрались ликвидаторы (целый ряд их литераторов), сотрудничая в хозяйской прессе, до какой приспособляемости они дошли. Словом, необходимо полно и всесторонне осветить этот вопрос примерно так, как у нас был разработан Вами вопрос «об уголовных деяниях» [49]. Это одно.

Вторая просьба к Вам такая. Приближается юбилей Михайловского [50]. Необходимо было бы по этому поводу [дать] критические статьи, освещающие идеологию народников и целый ряд выдвинутых ими вопросов (о роли личности в истории, о героях и толпе и т. д.). Это теперь было бы особенно важно и необходимо, ввиду того, что народники стремятся всюду упрочиться и теперь более чем когда-либо нужно было бы дать критическую оценку их идеологии.

Затем, товарищи, еще раз напоминаю, вернее предлагаю Вам посылать статейки для студенческого журнала «Утро жизни» [51], этот журнал вполне свой, публика там правдистская и поддержать их в литературном отношении необходимо. Ваше согласие сотрудничать в «Зарю Поволжья» [52] переслано, так как никто ничего отрицательного сообщить про журнал этот не может, кроме неопределенности его физиономии. Там, кажется, пристроились и народники, по крайней мере в 1-м номере в передовице речь идет между прочим и «о трудовом народе». 1-й номер этого журнала я Вам пошлю. Получаете ли нашу газету? Вообще получаете ли все, что Вам отсюда посылается. Теперь у нас работает Николай Алексеевич и дела идут получше. Макс все там же. Привет всем.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 86, лл. 1—3.— Автограф.

---

[1] Ответ В. И. Ленина на это письмо см. Соч., т. 36, стр. 230.

№ 11

Письмо Е. Ф. Розмирович В. И. Ленину

5 (18) февраля 1914 г.

Дорогой друг!

Почему от Вас нет известий? Получаете ли Вы мои письма? Вы, конечно, уже знаете о тех реформах, которые нами произведены в «Речи» [53]. Норин ушел... Теперь главным образом работают в редакции Михаил Степанович и Николай Алексеевич. Пока в «Речи» атмосфера тяжелая, потому что на многих отставка Норина произвела очень тяжелое впечатление. Настойчивее всех был в этом вопросе Михаил Степанович. Он, кроме известных Вам доводов, указывал еще на факты — характеризующие этого человека с новой стороны. И сторона эта настолько ужасна и грязна, что мне даже не хочется Вам говорить о ней. Дела в «Речи» значительно поправились и в области финансов. Говорят рабочие взносы дали за эту неделю больше двух тысяч. Идет недурно и подписка.

Вам, вероятно, уже сообщали и о том, что мы организовали и книжный склад при «Речи» [54]. Скоро склад начнет функционировать. Норин предложил свои услуги как заведующий складом. Мы пока еще не решили этого вопроса.

Почему до сих пор нет материала для «Работницы». Надо сдавать в набор. Торопитесь...

Мои ближайшие друзья ворчат, что Вы ничего для них не делаете. Возмущены. Почему до сих пор не шлете речь по профессиональному запросу. Где же формула перехода по железнодорожным катастрофам? Шлите немедленно эту формулу, а также и по ленскому запросу. Пошлю на днях Вам материал, который нам доставили эстонцы. Представитель редакции «Голос труда» [55] обратился к нам с предложением взять их орган под свой контроль. Не только под контроль правленцев, но и под ваш...

Я теперь знакомлюсь со всем материалом, который они нам доставили, чтобы дать им ответ относительно участия правленцев в этом деле. Отвечайте и Вы поскорее. Могу их связать с Вами непосредственно.

Привет Вам от Ивана Ивановича [56]. Он вчера освобожден. Получил, кажется, три статьи. Хлопочет о выезде за границу. Вероятно не разрешат. Сообщила мне Ваша сестра, что у Степы корь. Вот так беда с ним! В каком состоянии он сейчас?

Почему не пишет Надежда Константиновна? Я все не соберусь послать Вам доклад Бурьянова. Он бывает теперь у нас на каждом заседании. Морочит нас с посылкой приглашения о сотрудничестве Плеханову. Между прочим, он ужасно оскандалился в думской комиссии по реформе полиции. Увлекся законодательством... Сознался, что сделал ошибку, когда мы ему на нее указали. Рвался выступить в печати с оправданием,— я посоветовала не торопиться. Наши с ним иногда бывают очень грубы.

Готовьте бюджетные речи. Все должны быть здесь у нас к 1-му марта обязательно. Если вы еще меня и здесь подведете, буду невероятно ругаться. Работы так много, что больше двух — трех недель я не протяну.

А где же наш приятель? Почему он до сих пор не с нами? Привет всем. Крепко жму руку.

Ваша Е. Ф.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 66, лл. 3—4.— Автограф.

№ 12

Письмо К. Н. Самойловой в ЦК РСДРП

9 (22) февраля 1914 г.[1]

Уважаемые товарищи! Вы наверно удивляетесь и возмущаетесь тем, что несколько дней не получаете газет — нашей и других.

Уже 2 дня, как газета не выходит, не выйдет, должно быть, и завтра, потому что в типографии, где она печатается, забастовка. Забастовали все рабочие и наборщики (около 400 чел.), в том числе и наши наборщики-правдисты и лучисты. Не выходит, следовательно, ликвидаторская газета и народническая, а также «Петербургский курьер» [57], который печатается там же, где и наша.

Для нас сейчас эта забастовка очень некстати, так как у нас есть очень спешный и неотложный материал (задержались речи Малиновского и Шагова), а также огромный отчет пожертвований, поступивших в наш фонд за последние дни после обращения к рабочим за поддержкой.

Но предотвратить забастовку наборщиков было невозможно,— они и так уже несколько раз порывались бастовать, но мы и союз печатников каждый раз отговаривали их, ссылаясь на то, что рабочие не могут остаться без своей газеты. И в этот раз союз печатников предлагал нашим наборщикам не бастовать, чтобы не лишать рабочих своей газеты, но они все же забастовали, несмотря на то, что союз печатников предупредил их, что не будет оказывать им никакой материальной поддержки.

Требования наборщики предъявили только два: восьмичасовой рабочий день (теперь они работают $9^1/_2$ часов) и повышение расценок. Администрация ни на какие уступки не идет, и стачка может затянуться. Наше положение получается прямо трагическое: отговаривать наборщиков от забастовки невозможно, а каждый день забастовки приносит убытки, особенно теперь, когда артели и газетчики снова начинают брать нашу газету. Переходить же в другую типографию тоже нельзя, потому что мы связаны с этой по многим соображениям. Приходится ждать, чем и когда разрешится конфликт. Но завтра, вероятно, газета тоже не выйдет. Теперь о наших внутренних делах. Вы, может быть, уже знаете, что т. Мирон ушел от нас, т. е. ушел не сам, а ему предложили это сделать после совещания шестерки.

Впечатление это на него произвело ошеломляющее, он был возмущен, что его удалили «по 3-му пункту» без всяких предупреждений и прочее, хотя с ним работать было действительно очень тяжело, но все же я тоже нахожу, что такая скорострельная расправа с ним была недопустима и я пробовала убедить в этом товарищей [58]. Я предлагала не давать этой отставки в такой грубой форме, а сначала сделать доклад на общем редакционном собрании, указать Мирону на все недостатки его работы и предложить ему ультиматум — вести работу на новых коллегиальных началах. Все остальные и особенно тов. Витимский и Елена Федоровна были за то, чтобы не предлагать ему никаких ультиматумов, ссылаясь на то, что он все равно их не исполнит, как не исполнял до сих пор прежних постановлений редакции. Шестерка тоже стояла за самый решительный образ действий и потому передали ему свое решение в довольно прямолинейной форме.

---

[1] Датируется по содержанию: забастовка типографских рабочих, о которой идет речь в письме, началась 8 февраля 1914 г.

Теперь вопрос этот уже решен и все кончено, Мирон здесь не бывает и не работает.

Коллегия у нас пока наладилась, и работа, надеемся, пойдет на лад. Кое-кого удастся еще привлечь к работе. В следующий раз напишу Вам подробный отчет о хозяйственных делах, тираже и пр. Сборы в фонд за последние 3—4 дня дали 1200 руб. Обращение к рабочим о поддержке, вызвавшее такой отклик в среде рабочих, это была лебединая песнь Мирона.

Ну, пока всего лучшего. Пошлите побольше материала к женскому номеру.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 47734, лл. 1—2.— Автограф.

№ 13

Отчет редакции газеты «Путь правды» о тираже газеты, пересланный в ЦК РСДРП

Позднее 8 (21) марта 1914 г.[1]

	№ 1	21 000
Конфискован	№ 2	22 000
	№ 3	22 400
	№ 4	24 300
	№ 5	24 700
Конфискован	№ 6	20 009
	№ 7	23 200
Конфискован	№ 8	24 200
	№ 9	22 600
Конфискован	№ 10	20 000
	№ 11	26 000
	№ 12	24 700
	№ 13	24 800
	№ 14	25 400
	№ 15	24 700
	№ 16	24 650
	№ 17	25 600
Транспорт		400 259

Транспорт		400 259
	№ 18	27 500
	№ 19	26 700
	№ 20	29 000
	№ 21	26 500
	№ 22	26 700
	№ 23	26 250
	№ 24	25 400
Марта 1	№ 25	27 200
	№ 26	29 700
	№ 27	27 700
	№ 28	26 900
	№ 29	28 000
Конфискован	№ 30 вечер.	27 300
и 8	№ 31	26 500
Всего:		781 609

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 122, л. 1.— Подлинник.

№ 14

Заявление газеты «Путь правды» о переговорах с плехановцами, пересланное в ЦК РСДРП[59)]

18 (31) марта 1914 г.

Более месяца тому назад редакция «Пути правды» обратилась к группе меньшевиков-партийцев с предложением сотрудничества в газете «Путь правды» на условиях, изложенных в письме Дневницкого от лета прошлого года. На это предложение редакцией в течение месяца ответа не получено. С своей стороны редакция «Пути правды» по-прежнему стоит на точке зрения возможности и полезности участия товарищей партийцев-меньшевиков в нашей газете.

Заявление представителя плехановцев:

Мы «партийцы» (большевики и меньшевики) требуем: 1) предоставить нам равноправное сотрудничество партийцев не как отдельных лиц,

[1] Датируется по содержанию: № 31 газеты «Путь правды», вышел 8 марта 1914 г.

а как целого партийного течения; 2) обращения «Пути правды» к рабочим с указанием, что отныне «Путь правды» не является органом одного Ленинского течения, но что она является и органом течения партийцев (большевиков и меньшевиков) и 3) постоянного представительства «партийцев» в редакции с решающим голосом.

Заслушав предложение товарища-плехановца об условиях сотрудничества группы плехановцев в газете «Путь правды», совещание редакции постановило: 1) в части, касающейся заявления о превращении «Пути правды» в коалиционный орган двух политических групп, отклонить рассмотрение вопроса, рекомендуя обратиться с ним в соответствующую инстанцию; 2) что касается литературного сотрудничества, то редакция повторяет, что она по-прежнему охотно будет помещать статьи товарищей-плехановцев (о чем и будет заявлено на ее страницах) и готова вступить в переговоры об условиях, которые гарантировали бы новым сотрудникам их литературные интересы, с своей стороны высказываясь принципиально за введение в редакцию их представителя с решающим голосом.

С своей стороны товарищи-плехановцы обязуются поддерживать газету всеми находящимися в их распоряжении как материальными, так и литературными и другими средствами.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 121, лл. 1—2.— Копия — рукой Н. К. Крупской.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Руководящее учреждение марксистов — конспиративное название Центрального Комитета РСДРП.— 41.

2) Имеются в виду заседания IV Государственной думы с 15 октября по 7 декабря 1913 г.— 41.

3) Всероссийский съезд по народному образованию происходил в Петербурге с 23 декабря 1913 г. по 3 января 1914 г.— 41.

4) По-видимому, подразумевается один из пунктов (пока еще не разысканный) резолюции «О думской с.-д. фракции», принятой Февральским совещанием ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшимся в Кракове 26 декабря 1912 г.— 1 января 1913 г.— 41.

5) В конце 1913 г. в результате усилившихся полицейских преследований «Правда» переживала чрезвычайно тяжелое положение. Во второй половине 1913 г. число номеров газеты, подвергшихся репрессиям, значительно возросло. Это вело к сокращению розничной продажи, уменьшению подписки, а в конечном счете и к падению тиража. К январю 1914 г. тираж «Правды» упал до 22—25 тыс. экземпляров; задолженность редакции выросла до 3 тыс. рублей.— 42.

6) «Макс» — М. А. Савельев (1884—1939) — член Коммунистической партии с 1903 г. В 1911—1913 гг. являлся редактором журнала «Просвещение». Одновременно с 1912 г. был членом редакции «Правды», а с 1913 г.— представителем ЦК РСДРП в издательстве «Прибой». С 1 декабря 1913 г. во время отпуска Черномазова некоторое время был редактором «Правды». В конце декабря 1913 г.— арестован и в марте 1914 г. выслан из Петербурга.— 42.

7) Демьян Бедный сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда», поддерживал непосредственную связь с В. И. Лениным. Стихи поэта пользовались большим успехом у рабочих.— 42.

8) Имеется в виду один из пунктов неопубликованной резолюции Краковского совещания ЦК РСДРП о «Правде». Текст резолюции см. в журн. «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 7.— 42.

9) Витимский — литературный псевдоним Михаила Степановича Ольминского (1863—1933), члена Коммунистической партии с 1898 г. В 1912—1914 гг. являлся одним из руководителей большевистской «Правды», бессмертным членом ее редакции — 42.

10) В «Пролетарской правде» № 11 от 15 января 1914 г. М. Е. Черномазовым без согласования с членами редакции было помещено «Письмо в редакцию» К. Церашвили и В. Дасели, содержавшее неправильные положения по национальному вопросу. К этому письму Черномазовым было написано заявление «От редакции»,

в котором еще более запутывалось существо вопроса. Приписка о письме двух грузин и об ответе на него внесена в текст резолюции позднее, во второй половине января (ст. ст.) 1914 г.— 42.

11) Стеклов Ю. М. (Нахамкис Ю. М.) (1873—1941) — член Коммунистической партии с 1893 г. С 1905 г. работал в Петербургской партийной организации. В мае 1910 г. эмигрировал за границу; в 1910—1914 гг. входил в состав большевистской секции в Париже.— 43.

12) Керженцев П. М. (1881—1940) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1912 г., скрываясь от ареста, эмигрировал в Англию, а затем в Америку. Являлся активным заграничным корреспондентом и сотрудником «Правды».— 43.

13) Покровский М. Н. (1868—1932) — крупный историк-марксист, член Коммунистической партии с 1905 г. В 1914 г. сотрудничал в «Правде».— 43.

14) «Путь правды» — одно из названий «Правды». Под этим названием газета выходила с 22 января по 21 мая 1914 г.— 43.

15) В праздновании первого в России дня рабочей печати совместно с «Правдой» приняли участие легальные марксистские журналы и газеты: «Просвещение», «Работница», «Вопросы страхования», «Металлист», «Вестник приказчика», литовская рабочая газета «Волна», эстонская газета «Голос труда», польская «Новая трибуна» и другие органы рабочей печати. В коллективных сборах на «Правду» участвовало по всей России 1915 рабочих групп, собравших в ее «железный фонд» свыше 16 тыс. руб. В юбилейном номере «Правды» (22 апреля 1914 г.) были опубликованы многочисленные приветствия от социалистических партий и рабочих газет Германии, Англии, Швейцарии, Бельгии, Голландии и других стран.— 44.

16) Петровский Григорий Иванович («Марк») (1878—1958) — член КПСС с 1897 г. С 1912 г. являлся членом, а затем председателем большевистской фракции IV Государственной думы. В конце 1912 г. кооптирован в состав ЦК партии, участник Краковского и Поронинского совещаний ЦК РСДРП, а также ряда заседаний ЦК. Вместе с другими депутатами-большевиками принимал активное участие в работе редакции «Правды».— 44.

17) Имеется в виду оклад официальных редакторов «Правды», подбиравшихся из добровольцев-рабочих и часто подвергавшихся аресту.— 45.

18) Скрыпник Николай Алексеевич (1872—1933) — член Коммунистической партии с 1897 г. С 1908 г. находился в ссылке в Якутской губ. В конце 1913 г. бежал из ссылки в Петербург. Был введен в состав редакции журнала «Вопросы страхования», а с января 1914 г.— в редакцию «Правды».— 45.

19) «Пролетарская правда» — одно из названий «Правды», под которым газета выходила с 7 декабря 1913 г. по 21 января 1914 г.— 45.

20) Речь идет о писателе А. Н. Тихонове, с 1902 г. работавшем в большевистских организациях и партийной печати. В 1912—1914 гг. сотрудничал в редакциях «Правды» и «Просвещения». Совместно с А. М. Горьким являлся организатором, а затем заведующим беллетристическим отделом этих изданий.— 45.

21) «Норин» — кличка М. Е. Черномазова, Мирона (литературный псевдоним «Фирин») (1882—1917), провокатора, работавшего по заданию охранки в рядах РСДРП. С апреля 1913 г.— ночной выпускающий редактор «Правды». Вскоре был заподозрен в провокаторской деятельности и по решению ЦК РСДРП в феврале 1914 г. отстранен от партийной работы и изгнан из редакции «Правды».— 45.

22) «Просвещение» — ежемесячный большевистский легальный общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 г.— 45.

23) «Работница» — легальный большевистский журнал, издававшийся под руководством ЦК РСДРП в Петербурге с февраля по июнь 1914 г.— 45.

24) «Костя» — Р. В. Малиновский — провокатор, работавший по заданию охранки в рядах РСДРП.— 45.

25) «Евгения» — Розмирович Елена Федоровна (1886—1953) — член КПСС с 1904 г. Участница Поронинского совещания ЦК РСДРП, после которого была направлена ЦК партии в Петербург. Работала секретарем Русского бюро ЦК и большевистской фракции IV думы. Входила в состав редакций «Правды» и «Работницы», сотрудничала в журнале «Просвещение».— 45.

26) «N» — Самойлова К. Н. (1876—1921) — член Коммунистической партии с 1902 г. С 1909 г. работала в Петербургской большевистской организации. С конца 1912 г.— ответственный секретарь редакции «Правды»; в 1914 г. входила в состав редакции журнала «Работница».— 46.

27) Дело X.— Дело К. А. Комаровского (Б. Г. Данского).— 46.

28) Имеется в виду Н. Н. Крестинский (1883—1937), сотрудничавший в 1912 г. в «Правде», а с 1913 г.— в издательстве «Прибой». Занимал в этот период примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам.— 46.

29) Вероятно, речь идет о подготовке двенадцатитомного издания «Страхование рабочих в России и на Западе», которое предполагало выпустить издательство «Прибой». Вышли в свет лишь 2-й и 3-й выпуски этого издания.— 46.

30) Еремеев К. С. (1847—1931) — член Коммунистической партии с 1896 г. В 1910—1914 гг. работал в редакциях большевистских газет «Звезда» и «Правда». В «Правде» заведовал отделом «Рабочая жизнь».— 47.

31) «Сборник пролетарских писателей», подготовленный под руководством А. М. Горького, был выпущен в Петербурге большевистским издательством «Прибой» летом 1914 г. В нем опубликованы произведения тридцати двух авторов, семнадцать из которых являлись сотрудниками «Звезды» и «Правды».— 47.

32) Имеются в виду резолюции рабочих собраний об отношении к большевистской фракции IV Государственной думы («шестерке») и к ликвидаторской фракции («семерке»).— 47.

33) Имеется в виду редакция большевистского легального журнала «Вопросы страхования», выходившего в Петербурге с октября 1913 г. с перерывами под руководством ЦК большевистской партии.— 47.

34) «Анатолий» — вероятно А. Е. Аксельрод (1879—1954) — член КПСС с 1901 г. В 1912—1914 гг. под псевдонимом «Петров» сотрудничал в «Правде»; Н. А.—Скрыпник; «Авель» — А. С. Енукидзе.— 47.

35) «Старый приказчик» — М. И. Сейфер (ум. в 1915 г.), один из организаторов и руководителей петербургского профессионального союза приказчиков-мануфактуристов и журнала «Вестник приказчика». Одновременно в 1911—1914 гг активно сотрудничал в «Звезде», «Правде» и «Просвещении».— 47.

36) Елизарова (Ульянова) А. И. (1864—1935) — в 1913—1914 гг. являлась секретарем редакции, а с февраля 1914 г.— редактором большевистского журнала «Просвещение», одним из организаторов и членов редакции журнала «Работница».— 47.

37) Ар. Ад., Куд-цев — о ком идет речь, не установлено.— 47.

38) Цыперович Г. В. (1871—1932) — член Коммунистической партии, литератор и экономист. В 1912—1914 гг. сотрудничал в «Правде» и «Просвещении».— 47.

39) В № 15 «Пролетарской правды» (19 января 1914 г.) был опубликован ряд материалов о деятельности петербургского союза металлистов. Среди них — статья петербургского рабочего — «Думская фракция и профессиональные союзы» за подписью «Металлист».— 48.

40) «Современный мир» — ежемесячный литературно-научный и политический журнал, выходивший в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. Ближайшее участие в журнале принимали меньшевики и Г. В. Плеханов. В период блока с плехановцами в нем сотрудничали и большевики. Так, в марте 1914 г. в журнале была напечатана статья В. И. Ленина «Еще одно уничтожение социализма». В годы войны журнал стал органом социал-шовинистов.— 48.

41) Бурьянов А. Ф.— плехановец, член IV Государственной думы от Таврической губ. В думе примыкал к ликвидаторской фракции, но в январе 1914 г. вышел из нее. После этого, не входя ни в одну из фракций, колебался между большевиками и ликвидаторами.— 48.

42) Самойлов Ф. Н. (1882—1952) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1912 г. был избран депутатом IV Государственной думы от Владимирской губ. В январе 1914 г., в связи с болезнью, выехал за границу, откуда возвратился в сентябре 1914 г.— 48.

43) Имеется в виду закрытие 21 января 1914 г. газеты «Пролетарская правда».— 48.

44) Богданов А. А. (1873—1928) — в 1903 г. примкнул к большевикам, входил в состав редакций ряда большевистских печатных органов. В годы реакции отошел от большевизма, активно пропагандировал реакционную махистскую философию и вульгарный материализм. В январе 1913 г., без ведома и согласия ЦК РСДРП, редакция «Правды» включила его в список сотрудников газеты. А. А. Богданов поместил в «Правде» несколько статей, содержавших грубые политические ошибки и теоретические искажения марксизма. По категорическому требованию В. И. Ленина редакция прекратила публикацию богдановских статей. 21 января 1914 г. А. А. Богданов выступил в «Новой рабочей газете» с заявлением, в котором объяснял свое исключение из числа сотрудников «Правды» «личными счетами» и «произволом заграничных литераторов». 23 января редакция «Правды» опубликовала ответ Богданову, в основу которого, вероятно, была положена статья В. И. Ленина, пересланная им в «Правду» 3 июня 1913 г. (см. об этом Соч., т. 19, стр. 521, примеч. 50). Сам текст ленинской статьи не разыскан.— 48.

45) Речь идет о газете «Путь правды», выходившей после закрытия «Пролетарской правды».— 49.

46) Имеется в виду статья Черномазова «Для того она существует», опубликованная в газете «Путь правды» 23 января 1914 г.— 49.

47) «Германов» — литературный псевдоним М. И. Фрумкина (1878—1938), сотрудничавшего в 1910—1913 гг. в «Звезде», «Правде и «Просвещении». Занимал примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам. В конце 1913 г. вышел из состава сотрудников «Правды».— 49.

48) «Русские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в Москве с 1863 по ноябрь 1917 г. С 1905 г. являлась органом правого крыла кадетской партии.— 49.

49) В связи с ростом стачечного движения в Государственной думе был поднят вопрос о привлечении бастующих к уголовной ответственности. В отличие от ликвидаторов большевики решительно выступали против этих мер царского правительства, направленных против рабочих.— 49.

50) Михайловский Н. К. (1842—1904) — один из идеологов либерального народничества, выступавший с начала 90-х годов с ожесточенной полемикой против марксистов.— 49.

51) «Утро жизни» — двухнедельный большевистский журнал, издававшийся Объединенным комитетом социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга. Первый и единственный номер журнала (апрельский) вышел в мае 1914 г.— 49.

52) «Заря Поволжья« — еженедельный социал-демократический легальный журнал, выходивший в Самаре с января по июль 1914 г. До № 24 в редакцию журнала входили большевики и меньшевики, затем журнал стал большевистским.— 49.

53) «Речь» — условное наименование большевистской «Правды», употреблявшееся в конспиративной переписке.— 50.

54) Книжный склад «Правды» был открыт в марте 1914 г. на базе книжного склада и магазина «Вперед», существовавших в 1906—1907 гг. и разгромленных полицией. Заведовал книжным складом «Правды» И. И. Рябков. Через этот склад местные партийные организации и подписчики «Правды» выписывали и получали большевистскую легальную и нелегальную литературу.— 50.

55) «Голос труда» («Тээ Хяаль») — одно из названий легальной рабочей газеты «Кийр» («Луч»), издававшейся на эстонском языке с июня 1912 г. в г. Нарве.— 50.

56) «Иван Иванович» — Закс-Гладнев С. М. (1884—1937). С 1910 г. сотрудничал в «Звезде», а затем в «Правде». С 1913 г. работал в издательстве «Прибой». Занимал примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам.— 50.

57) «Петербургский курьер» — ежедневная буржуазная газета, издававшаяся в Петербурге в 1914 г.— 51.

58) По конспиративным соображениям сотрудникам редакции «Правды» не сообщалась мотивировка принятого в середине февраля 1914 г. постановления ЦК РСДРП об отстранении Черномазова в связи с подозрением его в провокаторской деятельности.— 51.

59) В 1912—1914 гг. в целях усиления борьбы против ликвидаторов большевики в ряде случаев вели работу совместно с меньшевиками-партийцами (плехановцами). Так, в большевистских газетах «Звезда» и «Правда» публиковались статьи Г. В. Плеханова и П. Н. Дневницкого, направленные против ликвидаторов в защиту партийности. В публикуемом документе речь идет о переговорах редакции «Правды» с группой плехановцев.— 52.

ТОМСКИЙ КОМИТЕТ УЧЕНЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В суровые дни Великой Отечественной войны советские ученые своим плодотворным творческим трудом внесли достойный вклад в дело победы над врагом. Они самоотверженно работали на оборону страны, совершенствуя вооружение Красной Армии, помогая рабочим и колхозникам в подъеме промышленности и сельского хозяйства, развивая советскую науку и технику.

Вместе с учеными всей страны научные работники Сибири с первых дней Отечественной войны проявили горячий патриотизм, отдав на службу отечеству все свои силы, знания и опыт. Ученые-сибиряки первыми в стране создали штабы по мобилизации науки и техники — комитеты ученых. Инициатором создания комитета ученых выступил старейший университетский город Сибири — Томск, известный своими крупными институтами и научно-исследовательскими учреждениями.

Публикуемые документы дают возможность составить довольно полное представление об организации Томского комитета ученых, его плодотворной деятельности в годы войны и значении той разносторонней помощи, которую оказали томские ученые фронту, промышленности, сельскому хозяйству, госпиталям и шахтам Кузбасса.

В первые же дни войны с предложением о создании комитета ученых выступили: заслуженный деятель науки, лауреат Сталинской премии профессор В. Д. Кузнецов, профессор Н. И. Карташев, известный хирург страны, орденоносец А. Г. Савиных, профессора К. Н. Шмаргунов, Б. П. Токин и ряд других ученых города.

Патриотическая инициатива ученых была поддержана Томским городским комитетом партии. Уже 27 июня 1941 г. было принято постановление о создании городского комитета ученых (см. док. № 1), а вскоре разработано «Положение о Томском комитете ученых» (см. док. № 3). Большую роль в мобилизации всех научных сил города на помощь фронту, в перестройке работы на военный лад, в активизации и привлечении ученых к работе комитета сыграло общегородское собрание научных работников, проведенное горкомом партии 3 июля 1941 г. (см. док. № 2), а также обращение комитета ученых ко всем ученым, изобретателям, инженерно-техническим работникам, передовым рабочим с призывом связываться с комитетом, «выдвигать инициативные предложения, предлагать свои силы на наиболее боевые участки работы, организуемые комитетом» [1]. Горком партии утвердил состав Томского комитета ученых в количестве 22 человек (в том числе 17 профессоров); из них был создан президиум, имевший право решать срочные вопросы. В деятельности

[1] Томский областной партийный архив (ТОПА), ф. 1078, оп. 1, д. 9, л. 97.

Томского комитета ученых принимало участие до 300 ученых города, главным образом физики, геологи, химики, медики, биологи.

Основными задачами комитета являлись: «1) использование всех достижений науки на укрепление обороны страны, 2) форсированная постановка новых исследований и доисследований, имеющих оборонное значение, 3) координирование работы ученых для скорейшего разрешения актуальных проблем, 4) помощь изобретателям и рационализаторам, 5) подготовка кадров дефицитных специальностей, которые требуются для постоянного пополнения армии или для оборонных предприятий» [1].

Томский комитет ученых, являясь добровольным объединением научных сил Сибири, не имел ни штата, ни специальных средств. О своей работе он отчитывался перед Томским горкомом ВКП(б) и научным советом при Новосибирском облисполкоме. Наиболее полно организаторская деятельность комитета ученых, его стиль и формы работы освещены в письме Томского комитета ученых заместителю председателя СНК СССР тов. Р. С. Землячке (см. док. № 14), а также в ряде публикуемых протоколов заседаний комитета (см. док. №№ 4, 9, 12).

Комитет явился инициатором и организатором ряда научных конференций в Томске, на которых выступали с докладами ученые и инженеры Москвы, Омска, Новосибирска, Петропавловска, Кемерова и других городов (см. док. № 15). О большой помощи ученых промышленности в области замены импортного сырья местным, в изыскании новых видов топлива, улучшении электрохозяйства города, обеспечении бесперебойной работы транспорта ярко рассказывают документы из фонда Томского комитета ученых (см. док. №№ 5, 6, 8, 13).

Томские ученые оказали существенную помощь шахтам Кузбасса, способствуя своими изобретениями, открытиями, технической консультацией повышению производительности труда (см. док. №№ 11—13). Ученые — медики и биологи проделали значительную работу по изысканию новых видов лекарственных растений сибирского происхождения, открыли более эффективные методы лечения раненых, самоотверженно работали в госпиталях, спасая жизнь защитникам Родины (см. док. №№ 4, 13). По заданию госпиталей, научные работники тт. Кашкин и Одинцов изобрели прибор «радиощуп», помогающий хирургу находить и извлекать у раненого металлические осколки. Этот прибор получил высокую оценку в полевых госпиталях (см. док. №№ 7, 10).

Комитет ученых неоднократно выступал инициатором сбора средств в фонд помощи детям и семьям фронтовиков, на строительство вооружения для армии (см. док. № 16). Всю войну комитет работал под непосредственным руководством Томского городского комитета партии; на заседаниях бюро ГК КПСС неоднократно ставились отчеты о деятельности комитета, о помощи комитету в осуществлении ряда принципиальных и практических вопросов. Деятельность комитета ученых в годы Великой Отечественной войны получила высокую оценку партийных и советских организаций (см. док. №№ 13, 17).

Все публикуемые документы хранятся в Томском областном партийном архиве (ТОПА); в фондах Томского горкома КПСС (ф. 80); Томского комитета ученых (ф. 1078); документ № 17 — в архиве Томского облисполкома; документ № 15 извлечен из личного архива заместителя председателя комитета ученых академика В. Д. Кузнецова.

Публикация подготовлена к печати А. П. Акаченок и М. И. Чугуновым.

Т. Н. Петрова

---

[1] ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 1, л. 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. Горького.
ЗСГУ — Западно-Сибирское геологическое управление.
МЭМИИТ — Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского.
НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения.
НКО — Народный комиссариат обороны.
ППС — полевая почтовая станция.
СибВО — Сибирский военный округ.
СФТИ — Сибирский физико-технический институт.
ТГУ — Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева.
ТЭМИИТ — Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

№ 1

Постановление бюро Томского ГК КПСС о создании городского комитета ученых

27 июня 1941 г.

1. Принять предложение группы научных работников об организации в Томске городского комитета ученых содействия развитию предприятий промышленности и транспорта в военное время.

2. Утвердить комитет в следующем составе:

председатель комитета — профессор Токин;

заместители председателя комитета — профессора: Шмаргунов, Кузнецов, Савиных;

секретарь комитета — научный сотрудник т. Светланов;

члены комитета — профессора: Карташев, Бутаков, Геблер, Коровин, Кессених, Кузнецов.

3. Предложить председателю комитета т. Токину не позднее 1 июля с. г. составить план организационно-массовой работы и немедленно приступить к его исполнению.

Секретарь Томского ГК ВКП(б) Чернышев

ТОПА, ф. 80, оп. 2, д. 5. лл. 199—200.— Подлинник.

№ 2

Постановление собрания научных работников г. Томска о задачах ученых в период Отечественной войны

3 июля 1941 г.

Общее собрание научных работников г. Томска приветствует образование Государственного Комитета Обороны во главе с т. Сталиным. Томские ученые считают себя мобилизованными и готовыми выполнить любое за-

дание нашей партии и нашего правительства в Великой Отечественной войне против коварного врага — представителей грубого варваризма, разрушителей культуры и поработителей свободы человеческой мысли.

Мы знаем, что для достижения победы над врагом потребуется не мало жертв, но мы готовы вместе со всем многонациональным 200 миллионным советским народом на любое самопожертвование. Вся страна должна быть военным лагерем. Сейчас настало время, когда советские ученые мобилизуют все области естествознания и техники на обслуживание непосредственных нужд войны.

Мы полностью согласны с обращением Академии наук СССР к ученым всех стран и даем красноармейскую клятву нашей партии и нашему правительству в том, что мы направим все наши мысли, все наши знания, всю нашу волю и силы на то, чтобы вместе со всем воим монолитным народом победить врага и полностью его уничтожить.

Да здравствует наша Коммунистическая партия!

Президиум: Чернышев
Токин
Шмаргунов

ТОПА, ф. 80, оп. 2, д. 10, л. 47.— Подлинник.

№ 3

Положение о Томском комитете ученых

Не позднее июля 1941 г.

1. Томский комитет ученых является филиалом научного совета при Новосибирском облисполкоме.

2. Состав Томского комитета ученых определяется решением Томского горкома ВКП(б) и Томского горисполкома.

3. Задачей Томского комитета ученых является мобилизация научных сил города по обслуживанию промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства и нужд Красной Армии.

4. Томский комитет ученых создается на время Отечественной войны.

5. Томский комитет ученых отчитывается в своей работе перед Томским горкомом ВКП(б), горисполкомом и научным советом при Новосибирском облисполкоме.

6. Томский комитет ученых имеет право давать научно-технические и организационно-научные поручения ученым и инженерам.

7. Томский комитет ученых распоряжается средствами, отпускаемыми научным советом при Новосибирском облисполкоме, перед которым и отчитывается об их израсходовании.

Секретарь Томского горкома КПСС С. Чернышев
Председатель Томского горисполкома Г. Годовицин

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 1, л. 1.— Отпуск.

№ 4

Из протокола № 2 заседания Томского комитета ученых (п. 1) о замене импортных и дефицитных лекарственных растений дикорастущими в Сибири

4 июля 1941 г.

Присутствуют: проф. Б. П. Токин, проф. В. Д. Кузнецов, проф. В. Н. Кессених, проф. И. Н. Бутаков, проф. М. К. Коровин, проф. Ю. А. Кузнецов, проф. И. В. Геблер, проф. Н. И. Карташев, проф. А. Г. Савиных, научный работник А. В. Светланов.

1. Слушали: О замене импортных и дефицитных лекарственных растений дикорастущими в Сибири и снабжении ими гражданских и военных лечебных учреждений.

Докладывает проф. В. В. Ревердатто.

Проф. В. В. Ревердатто сообщает, что на ботанических кафедрах университета возникла инициатива о применении дикопроизрастающих в Сибири лекарственных растений взамен ранее импортируемых и ввозимых из Украины и побережья Черного моря.

Вопрос этот обсуждался на ботанических кафедрах университета, на кафедре химии, на кафедре фармакологии и родственных ей кафедрах медицинского института и всюду нашел единодушную поддержку научных работников.

У нас в Сибири находится около 150 растений, которые могут быть использованы в качестве заменителей.

В работе изъявили согласие принять участие по университету проф. Н. Т. Сухоруков, проф. В. В. Ревердатто, зав. гербарием Л. П. Сергиевская, зав. ботаническим садом А. Д. Бейкина, по медицинскому институту проф. Вершинин, проф. Б. И. Бояндуров, инженер фармзавода Гофштадт.

Запасами сырья Томский фармзавод не обеспечен даже на текущий квартал.

Выступали: проф. Б. П. Токин.

Постановили:

1. Признать очень ценной инициативу, проявленную сотрудниками университета проф. В. В. Ревердатто, зав. гербарием Л. П. Сергиевской, директором ботанического сада А. Д. Бейкиной, сотрудником медицинского института проф. Вершининым и руководством университета и мединститута.

2. Для координации деятельности ботанических кафедр ботанического сада и гербария университета, кафедры фармакологии и родственных ей кафедр мединститута, Томского фармзавода по замене импортных лекарственных растений, их исследованию, сбору и снабжению ими гражданских и военных лечебных учреждений — создать ботанико-фармакологическое бюро Томского комитета ученых в составе: проф. В. В. Ревердатто, проф. Вершинина, директора ботанического сада ТГУ А. Д. Бейкиной.

3. Рекомендовать ботанико-фармакологическому бюро обратиться к руководству и общественным организациям ТГУ, мединститута и пединститута о привлечении к этой работе студентов.

4. Поручить бюро подготовить от имени Томского комитета ученых обращение к домашним хозяйкам и учащимся школ города и района о привлечении их к сбору лекарственных растений.

Председатель комитета ученых проф. Б. П. Токин
Отв. секретарь комитета А. В. Светланов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 2, лл. 3—4.— Подлинник.

№ 5

Сообщение Томского комитета ученых в научный совет Новосибирского облисполкома об Итатском месторождении бурых углей[1)]

25 сентября 1941 г.

На днях из командировки в Итатское месторождение бурых углей, организованной комитетом ученых, возвратились два члена комитета: проф. Коровин М. К. и проф. Чинакал Н. А.

Вчера на пленуме комитета обсуждался этот вопрос. Этому предшествовало специальное совещание специалистов. Комитет ученых совершенно спокойно посылает вам проект постановления научного совета, считая вопрос абсолютно ясным по двум линиям:

1) высокое качество углей и

2) возможность промышленной эксплуатации.

Одновременно посылаем вам докладные записки проф. Коровина и проф. Чинакал [1].

В проекте постановления нам самим не ясен пункт о технике срочной доставки в Томск 100 тонн угля, требующегося для опытной проверки использования на паровозах и для аналитических целей.

Нельзя ли обязать управление Томской железной дороги доставить?

В проекте постановления нет решающего организационного пункта: кто, какая организация должна незамедлительно заняться Итатским месторождением?

Наше мнение — Кузбасскомбинат.

Председатель комитета ученых профессор Б. П. Токин
Отв. секретарь комитета ученых доцент К. А. Водопьянов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 5, л. 46.— Отпуск.

№ 6

Постановление бюро Томского ГК КПСС об использовании местного бурого угля

3 октября 1941 г.

1. Принять предложение комитета ученых об организации брикетирования местного бурого угля по способу, разработанному на основе научных экспериментов проф. Г. И. Фукс.

2. Технологический процесс изготовления брикетов является несложным. Брикеты могут быть изготовлены на обычном ленточном прессе кирпичного завода.

3. Сушка брикетов может быть произведена на открытом воздухе и искусственным путем. При этом влажность брикетов доводится до 9% против первоначальной влажности угля 40—50%.

4. Брикеты получаются достаточно прочными и устойчивыми против повторного увлажнения.

---

[1] В документах фонда комитета ученых докладных записок не имеется.

5. Теплотворная способность брикетов получается в пределах 4140—4350 кал/кг при теплотворной способности исходного угля 2000—2300 кал/кг. Брикеты легко загораются, и сжигание их возможно на обычных горизонтальных колосниковых решетках.

6. Учитывая особую важность использования местного бурого угля, как топлива домового отопления и мелких промышленных установок, считать необходимым немедленно перейти к опытным работам в промышленных условиях, для чего:

а) обязать директора Томского кирпичного завода № 1 т. Дубинина: 1) не позднее 5 октября изготовить первую пробную партию брикетов в количестве 1 тонны для уточнения технологического процесса; 2) не позднее 16 октября изготовить 20 тонн брикетов для исследования их в топках промышленных установок;

б) предложить директору гортопа т. Буркову: 1) обеспечить кирпичный завод необходимыми исходными материалами для производства брикетов; 2) выделить индустриальному институту необходимые средства для финансирования проводимой работы; 3) доставить в индустриальный институт до 5 октября бурый уголь с Казанского месторождения в количестве 3—5 тонн для проведения соответствующих лабораторных исследований.

Секретарь Томского горкома ВКП(б) Чернышев

ТОПА, ф. 80, оп. 2, д. 7, лл. 69—70.— Подлинник.

№ 7

Отзыв санитарного отдела Сибирского военного округа Томскому комитету ученых о радиощупе

12 ноября 1941 г.

Рассмотрев присланный Вами при отношении от 31 октября 1941 г. за № 849 материал по изобретенному прибору для обнаружения металлических включений в тело человека, санитарный отдел считает прибор чрезвычайно полезным и дает свое согласие на изготовление такового в количестве 20 экземпляров для госпиталей НКЗ Новосибирской области. Одновременно с этим ставится вопрос перед командованием округа об отпуске необходимых средств для заказа таких приборов в количестве 15 — 20 экземпляров для госпиталей НКО.

Начальник санотдела СибВО бригврач Правдин
Главный хирург СибВО профессор А. Мануйлов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 12, л. 34.— Копия.

№ 8

Отношение научного совета Новосибирского облисполкома к Томскому комитету ученых об организации производства анилиновых красок

5 января 1942 г.

В период первой империалистической войны томскими учеными было организовано производство анилиновых красок. В настоящий момент имеется крайняя необходимость организации такого производства в Томске.

Научный совет просит Томский комитет ученых срочно проработать вопрос о возможности организации производства анилиновых красок кустарным способом, в количестве, примерно, хотя бы одной тонны в месяц, и сообщить, какие для этого необходимы средства, материалы, а также, какой организацией может быть налажено это производство.

Отв. секретарь научного совета при облисполкоме Тыжнов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 3, л. 6.— Подлинник.

№ 9

Протокол № 12 заседания пленума Томского комитета ученых

29 января 1942 г.

Присутствовали: председатель научного совета при облисполкоме т. Гришин, секретари Томского горкома партии: инженер Чернышев, доцент Мальцев, инженер Тиркунов, председатель Томского горисполкома т. Годовицин, зам. председателя ВКВШ проф. Агроскин, ответственный секретарь научного совета при облисполкоме инженер Тыжнов, члены Томского комитета ученых профессора: Токин, Кузнецов, Шмаргунов, Савиных, Лаврентьев, Коровин, Бутаков, Чинакал, Бунтин, бригадный инженер Туклин; доценты: Логвиненко, Водопьянов и проф. Кудрявцева.

1. Слушали: О реализации изобретений, открытий и предложений, сделанных томскими учеными в военное время (Б. П. Токин).

Постановили: а. Считать особо важным внедрение дефектоскопов системы Сибирского физико-технического института в транспорте и промышленности по всему Советскому Союзу, для чего написать докладную записку от имени областных организаций в Совнарком СССР т. Вознесенскому с указанием, на каких предприятиях можно организовать изготовление дефектоскопов.

б. Изобретенный в Томске радиощуп (Кашкина — Одинцова) для обнаружения местонахождения металлических включений в теле раненого рекомендовать Наркомздраву СССР использовать во всех госпиталях Союза. Для госпиталей Новосибирской области организовать производство радиощупов в мастерских Сибирского физико-технического института. Снабжение радиодеталями, необходимыми для изготовления радиощупов, лежит на обязанности областных организаций.

в. Разработанный в СФТИ прибор для полевого люминесцентного анализа минералов имеет очень важное значение для ускорения поисковых геологических работ. Просить Томский горком партии принять необходимые мероприятия по организации производства данных приборов в количестве 50 экземпляров в мастерских СФТИ, освободив их от менее квалифицированной работы. Материалы для изготовления приборов должен представить заказчик (ЗСГУ, золоторазведка, цветметразведка и др.).

г. Предложение т. Кудрявцевой о скоростной починке резиновых изделий необходимо довести до сведения химслужбы СибВО для заключения о составлении индивидуальных пакетов для противогазов, изготовление которых организовать на базе Томского завода «Красный богатырь».

д. Поручить зам. директора ВИЭМ проф. Лаврентьеву написать докладную записку в облисполком о необходимых мероприятиях по борьбе с вошью.

е. Для популяризации и внедрения практических предложений и изобретений рекомендовать Томскому комитету ученых использовать Институт технико-экономической информации Госплана СССР и газету «Советская Сибирь» [2].

2. Слушали: О рациональном использовании разнообразных отходов промышленности Новосибирской области (Б. П. Токин).

Постановили: Просить облплан рассмотреть данный вопрос.

3. Слушали: О строительстве трамвая в г. Томске (И. Н. Бутаков).

Постановили: а. Необходимо приступить к разработке технического проекта, для чего просить облисполком выделить 50 тысяч рублей Томскому горплану.

б. Подобрать основное оборудование, необходимое для постройки трамвая, за счет использования городских внутренних ресурсов.

в. Просить облисполком передать г. Томску 4—6 моторных вагонов.

4. Слушали: О созыве совещания ученых Новосибирской области. Председатель научного совета при облисполкоме т. Гришин информировал, что на данном этапе необходимо принять соответствующие организационные мероприятия по лучшему использованию научных сил области, а также по быстрейшей реализации научно-технических предложений. После организации комитетов ученых в гг. Новосибирске, Сталинске и др. будет созвано совещание ученых всей области, которое предполагается созвать в первой половине февраля месяца.

Постановили: Информацию т. Гришина принять к сведению.

5. Слушали: О денежных средствах Томского комитета ученых (Б. П. Токин).

Постановили: Просить облисполком ассигновать из областного бюджета Томскому комитету ученых 15 тысяч рублей на экспериментальные работы и командировки.

Председатель Б. П. Токин
Секретарь К. А. Водопьянов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 2, лл. 74—75.— Подлинник.

№ 10

Отношение командования эвакогоспиталя НКО № 290 Западного фронта к доцентам Б. П. Кашкину и П. И. Одинцову с просьбой выслать чертежи и описание радиощупа

27 июля 1942 г.

Радиощуп вашей конструкции испытан в сортировочном эвакогоспитале № 290 Западного фронта при производстве многих операций по удалению инородных тел из разных частей тела, вплоть до удаления инородных тел из черепа.

Радиощуп показал весьма хорошие результаты в смысле быстрого обнаружения инородного тела, точного определения его местонахождения и значительного сокращения срока операции.

Оснащение радиощупом операционной каждого хирургического отделения госпиталя является весьма желательным и полезным мероприятием.

Командование СЭГ-290 Западного фронта принимает меры к серийному изготовлению радиощупа вашей конструкции, а посему просим выслать чертежи и техническое описание радиощупа.

Начальник госпиталя военврач 1 ранга Гиллер
Военком госпиталя батальонный комиссар Савинов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 15, л. 3.— Подлинник.

№ 11

Письмо Наркомата угольной промышленности СССР Томскому комитету ученых о поддержке его инициативы по оказанию помощи Кузбассу

1 ноября 1942 г.

С большим удовлетворением встречаем вашу инициативу и готовность оказать техническую помощь Кузнецкому комбинату «Кузбассуголь».

В период Отечественной войны, когда наш угольный бассейн является основным бассейном страны, снабжающим коксующимися и энергетическими углями черную металлургию, оборонные предприятия, железнодорожный транспорт и электростанции, ваше личное участие и участие многих ученых и специалистов комитета ученых сможет сыграть важную роль в лучшем разрешении и досрочном выполнении задач, поставленных Государственным Комитетом Обороны перед Кузбассом.

Для установления возможности, характера и форм участия комитета ученых в оказании помощи бассейну просим командировать к нам вашего представителя.

Прилагаем примерный перечень вопросов [1], в разрешении которых комбинат испытывает затруднения.

Заместитель народного комиссара угольной промышленности СССР и начальник комбината «Кузбассуголь»
К. Поченков

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 15, л. 20.— Подлинник.

№ 12

Протокол № 18 заседания пленума Томского комитета ученых

12 ноября 1942 г.

Присутствовали: профессора: Токин, Кузнецов, Коровин, Бунтин, Тронов, Адамов, Хонин, секретарь ГК ВКП(б) Мальцев, зав. промышленным отделом ГК ВКП(б) Савченко, Кельдюшев.

Слушали: О научно-технической помощи ученых г. Томска Кузбассу.

Проф. Токин сообщил, что решением бюро обкома ВКП(б) предложено комитету ученых организовать бригады специалистов для оказания

[1] См. ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 15, лл. 21—22

научно-технической помощи Кузбассу. Заместитель народного комиссара угольной промышленности, начальник Кузбасскомбината т. Поченков 8/XI прислал в комитет ученых докладную записку[1] с конкретным перечнем актуальных заданий, в разрешении которых томские ученые должны принять участие. Выступали профессора: Коровин, Кузнецов, Бунтин, Тронов.

Постановили: 1. Комитет ученых призывает руководителей и коллективы ученых Томского индустриального института, ТЭМИИТА'а, МЭМИИТ'а и геофака ТГУ развернуть работу по оказанию научно-технической помощи Кузбассу и не позднее 17/XI сообщить комитету ученых, какие и кем могли бы быть взяты [обязательства] и какие вопросы выдвигаются дополнительно. Ответственность по Томскому индустриальному институту (ТИИ) [3)] возложить на профессоров: Шмаргунова и Коровина, по транспортным институтам (ТЭМИИТ и МЭМИИТ) — на проф. Белиловского, по геофаку ТГУ — на проф. Хахлова.

2. Поручить проф. Коровину написать статью в газету «Красное знамя» с призывом о мобилизации научных сил г. Томска в помощь Кузбассу.

3. Вопрос об организации бригады для посылки в Кузбасс отложить до приезда проф. Чинакал.

Слушали: О научно-исследовательской работе по получению горючего и смазочного материала из местного сырья — деготь, смола и скипидар. Проф. Кузнецов В. Д. сообщил, что решением бюро горкома партии создано бюро химиков по внедрению в производство научно-обоснованных способов очистки горючего и получения смазочных веществ из древесных смол.

26.X решением президиума комитета ученых были организованы отдельные бригады: а) бригада по жидкому горючему и смазочному [материалу] в составе: проф. Хонин, проф. Тронов, проф. Геблер, доцент Норкин, проф. Нечаев, Кельдюшев; б) бригада по режущим жидкостям: проф. Измайльский; в) бригада по приспособлению моторов для работы на погонах древесных смол — проф. Нечаев, ассистент Кельдюшев. Работа бригад идет медленно, не удовлетворяет многочисленные запросы заводов г. Новосибирска и других городов, которые обязывают вести работу усиленными темпами.

Выступали: проф. Хонин сообщил, что до сих пор его бригада не имеет сырья (дегтя, смолы и скипидара) для работы, поэтому экспериментальные исследования не проводились. Бригада немного занималась проектированием установок для погонов. Проф. Хониным составлена технологическая схема разгонки смолы и дегтя.

Проф. Тронов сообщил, что по вопросу об очистке горючего материала с помощью глин ведутся эксперименты. Окончательных результатов пока нет. Работа по получению автола, солидола из смолы и скипидара будет проводиться в химлаборатории завода. Ассистент Кельдюшев: нами проведены подготовительные опыты по приспособлению моторов для работы на погонах древесных смол. Установлены некоторые параметры горючего из дегтя и смолы для двигателя внутреннего сгорания.

Проф. Бунтин: созданное химическое бюро, заместителем председателя которого я являюсь, работу в полной мере не развернуло, нет тесной связи с заводами, не известно, что сделано по вопросу о получении горючего из местного сырья в Новосибирске. Необходимо уточнить функции химического бюро, в частности выяснить, должно ли оно заниматься административно-хозяйственными вопросами.

[1] См. док. № 11.

Постановили: 1. Считать проделанную работу химического бюро неудовлетворительной.

2. Предложить химическому бюро координировать деятельность отдельных бригад, связаться с заводами, с химической лабораторией г. Новосибирска и систематически информировать комитет ученых о проделанной работе. Профессоров: Тронова, Хонина и Измайльского и ассистента Кельдюшева просить ускорить свои исследования.

Председатель комитета ученых профессор Б. П. Токин
Секретарь комитета аспирант Рубцова

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 2, л. 107.— Подлинник.

№ 13

Постановление бюро Томского горкома КПСС по отчету о работе комитета ученых

7 января 1943 г.

Бюро Томского горкома ВКП(б) констатирует:

За время Великой Отечественной войны научно-исследовательская работа многих лабораторий и кафедр томских вузов и исследовательских учреждений радикально перестроена и направлена на обслуживание фронта, оборонной промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Учеными Томска за время войны проведена большая консультационная работа для различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства и военной медицины и сделан ряд ценных открытий и изобретений, имеющих значение для народного хозяйства страны.

Изобретено, усовершенствовано и внедрено в производство новое щитовое крепление в шахтах угольных районов (проф. Чинакал); открыты новые месторождения олова (проф. Баженов); марганца (проф. Радугин), молибдена (доцент Александров) и вольфрама (ассистент Ананьев); разработаны новые главы физики твердого тела, имеющие оборонное значение в вопросах резания металлов, в теории бронепробиваемости (проф. Кузнецов); серьезные открытия, принятые на вооружение, сделаны проф. Кулевым; разработаны и использованы на многих заводах СССР и геологическими экспедициями методы спектрального и люминесцентного анализов металлов и руд (проф. Кудрявцева, проф. Прилежаева и др.); ученые-транспортники помогли расширить и углубить лунинское движение на транспорте и в промышленности, провели исследования по экономии топлива в паровозном хозяйстве (проф. Сыромятников и др.); сделаны полезные открытия и изобретения в области военной медицины и в профилактике эпидемических заболеваний (новые бактерициды проф. Токина, новые методы проф. Савиных по хирургии в области грудной клетки, новые методы проф. Анохина по лечению травм нервов, новая мазь Гольдберга, стимулирующая заживление ран, и др.

Ученые томских вузов явились инициаторами и провели большую работу по использованию растительных ресурсов Сибири для фармпромышленности СССР, по замене импортных и дефицитных лекарственных средств (проф. Вершинин, Ревердатто, работники ботанического сада университета, проф. Яблоков и др.), ученые Томска помогли партийным и советским организациям города и области по линии сельского хозяйства (участие в кампании по индивидуальному огородничеству, мобилизация продовольственных ресурсов, поиски суррогатов пищевых веществ и т. п.).

Ученые Томска, особенно за последние 3—4 месяца, теснее связались с заводскими лабораториями и помогли в ряде случаев в деле изыскания дефицитных материалов, заменителей и т. д.

Найдены заменители дефицитных электроизоляционных материалов (доцент Водопьянов, доцент Вендерович), разработаны и внедрены новые сплавы-заменители (проф. Большанина), использована на ряде заводов области, разработанная доцентом Куриным новая установка по производству карбида кальция; разработана и внедряется с учетом местного сырья технология получения химических реактивов (доцент Эффенди и др.), налажено лакомобильное электрохозяйство на Томской железной дороге бригадой ТЭМИИТ'а; проведена эффективная консультация по линии химии ряду заводов области и др. (проф. Геблер и др.); ученые помогли в налаживании инструментальных цехов и в технологии производства (проф. Розенберг, Добровидов, Богуславский и др.); помогли местной промышленности (проф. Белиловский, проф. Бутаков, проф. Кучин).

Ученые Томска помогли городским организациям в налаживании энергетического хозяйства (проф. Бутаков, проф. Белиловский и др.).

Наряду с этим, учеными Томска проведена теоретическая работа в разных областях естествознания и медицины; написана новая монография по эволюции гистологии проф. Заварзиным, вышла из печати монография проф. Токина о новых бактерицидах, вышла из печати книга проф. Коровина «Историческая геология», написана оригинальная математическая работа проф. Романовым и др.

Интенсивная исследовательская работа ряда ученых Томска отмечена правительственными наградами (присуждение премий имени т. Сталина, награждение орденами работников индустриального и транспортного институтов).

В деле перестройки исследовательской работы на военные рельсы положительную роль сыграл Томский комитет ученых. Эта новая форма научно-общественной организации, возникшая впервые в Томске и распространившаяся на другие города и области Союза, целиком оправдала себя. Бюро горкома ВКП(б) особенно подчеркивает, что Томский комитет ученых помог городской парторганизации мобилизовать разные области науки и техники на обслуживание задач фронта, сумел поставить ряд комплексных исследований, явился инициатором актуальной военной тематики, координировал деятельность ученых разных вузов, сумел координировать работу эвакуированных вузов и институтов с местными научными учреждениями, помогая горкому ВКП(б) проводить в жизнь среди ученых лозунги партии и т. Сталина на разных этапах Отечественной войны.

Наряду с этим, бюро горкома ВКП(б) отмечает, что не все кадры ученых и не все лаборатории вузов и институтов мобилизованы на действительно актуальную тематику и далеко не всегда научная работа, связанная с обслуживанием народного хозяйства, производилась военными темпами. Не произведена еще необходимая перестройка работы ряда кафедр университета (кафедра низших растений — заведующий проф. Лавров, некоторые кафедры историко-филологического факультета и др.). Томский и Московский институты инженеров железнодорожного транспорта не использовали еще все силы своих ученых и не согласовали взаимно свою работу. В работе Томского медицинского института имеется еще пестрота тематики и подчас внешняя показная «военная тематика» вместо сосредоточения усилий ученых на дело борьбы с эпидемиями, их профилактики, особенно сыпного тифа и желудочно-кишечных заболеваний. Химики индустриального института и университета ряд важных начинаний не про-

водили нужными военными темпами и не доводили до конца свои исследования (вопрос об использовании древесного сырья в качестве заменителей жидких горючих и смазок).

Томский комитет ученых, дав правильную линию на развертывание актуальных теоретических исследований, и вместе с тем на теснейшую связь лабораторий вузов и лабораторий заводов, не довел до конца эту работу. Правильно выдвинутый лозунг о посылке ученых в заводские лаборатории не проведен еще в жизнь.

Учеными Томска и Томским комитетом ученых мало сделано эффективного в деле изыскания новых видов вооружения и улучшения существующих.

Томским комитетом ученых проделана недостаточная работа в помощь изобретателям и рационализаторам.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Томский комитет ученых, вузы и исследовательские институты г. Томска на ближайшие месяцы основное внимание обратить на эффективную помощь Кузбассу, создав при индустриальном институте, транспортных вузах и мединституте постоянно работающие бригады из техников, физиков, химиков, врачей в помощь Кузбассу. Провести в конце января в городах Прокопьевске и Кемерово специальную конференцию ученых Томска с инженерно-техническими работниками Кузбасса. Обязать комитет ученых представить проект конференции к 12 января.

2. Обязать Томский комитет ученых провести специальную работу по всем заводам Томска по линии эффективных предложений в деле обеспечения высокого качества надежности всех видов вооружения и военных материалов, отправляемых заводами на фронт.

3. Считать важнейшей задачей ученых и техников — изыскание дополнительных ресурсов по увеличению выпуска продукции оборонных заводов.

Обязать комитет ученых принять активное участие в конференции по экономике и замене дефицитных материалов.

4. Организовать срочное разрешение вопроса, поднятого Томлесом, по использованию древесного сырья для выработки заменителей жидкого горючего для двигателей и по замене смазок эмульсии и в качестве топлива.

5. Обязать комитет ученых и вузы начать незамедлительную подготовку к весенней сельскохозяйственной кампании (огородной, вопросы каучука, подготовка квалифицированных кадров для сельского хозяйства и др.).

6. Обязать комитет ученых в феврале провести конференцию изобретателей г. Томска.

7. Считать главнейшей задачей томских медиков не допускать эпидемии сыпного тифа и подготовить к весне эффективные средства профилактики по борьбе с инфекционными кишечными заболеваниями.

Обязать химиков из местного сырья на базе местных заводов и артелей организовать производство мыла.

8. Обязать Томский комитет ученых, вузы и институты Томска к 20 января 1943 г. войти с предложением в Томский горком ВКП(б) о массовом производстве новых изобретенных учеными Томска аппаратов (дефектоскопы, радиощуп и т. д.).

9. Обязать комитет ученых и вузы оказать помощь в улучшении качества продукции местной промышленности.

10. Обязать Томский комитет ученых, наряду с еще большим обслуживанием учеными непосредственных технических нужд заводов, всемерно поощрять перспективные теоретические исследования, направленные на обслуживание фронта, транспорта, промышленности и сельского хозяйства.

11. Бюро горкома ВКП(б), считая, что в ряде вузов принижена роль ученых советов и кафедр, мало занимаются обсуждением действительно научных вопросов, обязывает поднять роль основных ячеек вузов-кафедр, авторитет зав. кафедрами и роль ученых советов.

12. Поручить секретарю горкома ВКП(б) по кадрам провести в течение 10 дней обследование бытовых условий семей научных работников, погибших на фронте и находящихся в настоящее время в действующей армии.

13 Поручить комитету ученых составить докладную записку о наиболее отличившихся своей научной и научно-организаторской деятельностью на службе фронту томских ученых для возбуждения ходатайства перед областными и центральными организациями о награждении данных ученых.

14. В связи с тем, что томские ученые реально помогли промышленности г. Томска — победителю в соцсоревновании городов области, обязать горисполком (т. Годовицина) выделить из фонда, отпущенного облисполкомом, ученым города промтовары и продукты питания.

Секретарь Томского горкома ВКП(б) Чернышев

ТОПА, ф. 80, оп. 2, д. 460, лл. 18—22.— Подлинник.

№ 14

Письмо Томского комитета ученых заместителю председателя СНК СССР Р. С. Землячке

Не позднее марта 1943 г. [1]

Заместитель директора ВИЭМ проф. Лаврентьев Б. И. сообщил нам, что Вы интересуетесь деятельностью Томского комитета ученых. Посылаем краткие сведения об этой деятельности. Мы даем здесь лишь иллюстрации деятельности томских ученых преимущественно по вопросам, которые проходили через комитет. Если бы Вас заинтересовали какие-либо подробности об открытиях и изобретениях, мы выслали бы Вам дополнительно все необходимые материалы.

Профессор К. Н. Шмаргунов, который передаст Вам этот отчет, является зам. председателя комитета ученых, и, если это требуется, он может рассказать о всех подробностях работы. Лаврентьев сообщил, что Вы особенно интересуетесь организационными формами мобилизации науки на службу фронту. В немногих словах сказать об этом трудно, ибо организационные формы мы уже неоднократно меняли в зависимости от очередных задач. Приведем лишь некоторые иллюстрации:

1. Абсолютно никакого аппарата в комитете ученых нет.
2. За все время войны мы работаем фактически без денег.
3. Заседания комитета ученых и его президиума, обычно кратковременные, созываются нерегулярно, а в зависимости от очередных задач.
4. Из постоянных «органов» комитета ученых можно лишь назвать: химическое бюро, геологическое бюро, металлургическую секцию и сельскохозяйственную комиссию. По мере вовлечения лучших научных сил города на обслуживание отдельных отраслей хозяйства, происходило фактиче-

---

[1] Дата установлена по времени проведения в г. Томске конференции по изучению электроизоляционных материалов.

ски сращивание работы комитета ученых с работой соответствующих хозяйственных и планирующих организаций и превращение ученых в постоянных добровольных консультантов советских организаций. Поэтому, по мере развертывания работ некоторых временных научных комиссий или секций и «сращивания» их с соответствующими хозяйственными организациями, они передавались этим организациям. Так, например, по мере развертывания работ энергетической секции мы передали ее местному совету, где она составила ядро аналогичной секции. Так же поступили с топливным бюро при комитете ученых.

5. Неоднократно создавались комиссии из ученых для разрешения конкретных научных задач, которые ставила перед нами жизнь. Например, комиссия по изысканию новых средств борьбы с танками, или — комиссия по вопросам брони, или — комиссия по регенерации смазочных масел, или химико-фармакологическое бюро и т. п. В комиссию вводятся лучшие специалисты в этой области, не для организационной работы, а для разрешения научно-технического вопроса по существу. После соответствующей работы ученые докладывают комитету о результатах, и, в случае положительных результатов, инструкции и т. п. спускаются на заводы, на транспорт и т. д.

6. Одна из важных форм работы, давшая серьезные результаты: на заседание комитета ученых вызываются инженеры, положим, некоторых оборонных предприятий. Они, инженеры, предварительно совещались на заводе по вопросу о том, какие задания дать томским ученым, исходя из неотложных научно-технических нужд завода. На заседании комитета оглашаются эти задачи, и здесь же решается вопрос, кто из ученых займется теми или иными исследованиями, определяются сроки, намечаются консультанты и проч. Возможность такого оперативного решения вопросов у нас имеется, т. к. в состав комитета ученых входит 17 ведущих ученых из разных областей естествознания и техники.

7. Широко практикуется прикрепление ученых к тем или иным предприятиям или заводским лабораториям.

8. Так как эвакуированным предприятиям было трудно в короткий срок создать свои хорошие заводские лаборатории, комитет ученых всячески поощрял фактическое сращивание вузовских лабораторий с фабрично-заводскими для совместного разрешения вопросов о заменителях тех или иных дефицитных материалов, для химических анализов и т. п. Недавно принято решение о посылке большой группы ученых на постоянную работу в заводские лаборатории в порядке совместительства с вузовской научно-педагогической деятельностью.

9. Практикуем иногда проблемные научно-технические конференции вместе с инженерами заводов. Так, в ближайшее время в Томске будет проходить фактически всесоюзная конференция по электро-изоляционным материалам — программу работ при сем прилагаем [1]. Другой пример: ученые Томска пытаются энергично помогать Кузбассу. В ближайшее время 20 лучших геологов, горняков, физиков, химиков и медиков поедут в Кузбасс и устроят там конференцию томских ученых в помощь Кузбассу. Как Вы увидите из прилагаемой программы конференции, речь идет о реализации уже имеющихся изобретений и открытий, могущих содействовать увеличению добычи угля. С другой стороны, ученые Томска получат там — в Прокопьевске и Сталинске — новый заказ для научной деятельности.

10. Нередко областные организации, городские и директора отдельных заводов обращаются в комитет ученых с предложениями разрешить тот или иной научно-технический вопрос.

---

[1] Программа не публикуется.

В заключение мы хотели бы обратить Ваше внимание, что, наряду с некоторыми достижениями в деле обслуживания текущих нужд промышленности, транспорта и сельского хозяйства, комитет ученых всячески поощрял и помогал развертыванию перспективной теоретической работы.

Обслуживание непосредственных нужд промышленности, транспорта и сельского хозяйства ни в какой мере, конечно, не мешало, а помогало развертыванию теоретических исследований.

За время войны Томский комитет ученых три раза отчитывался в своей деятельности перед Томским горкомом ВКП(б). Резолюцию по последнему отчету прилагаем [1]. Кроме того, два раза на общегородских собраниях ученых подводились итоги деятельности ученых в военное время.

Председатель Томского комитета ученых профессор-доктор
Б. П. Токин
Отв. секретарь доцент К. А. Водопьянов

ТОПА, ф. 1078, оп. 2, д. 1, л. 13.— Черновик.

№ 15

Доклад академика В. Д. Кузнецова на Новосибирской областной конференции по поточному методу о работе ученых г. Томска

5 сентября 1943 г.

С первых же дней войны в г. Томске был создан Томский комитет ученых для оказания помощи промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в условиях военного времени. Мы объединили всех ученых Томска мыслью уничтожения гитлеризма, и с этой мыслью мы все время работаем.

Наша работа заключается в том, чтобы придумывать и изобретать различные орудия и способы уничтожения гитлеризма, чтобы помогать партии, правительству и нашей героической Красной Армии увеличивать производство орудий для уничтожения немецких захватчиков и чтобы устранять различные трудности, связанные с нарушением мирной жизни. Особенно много трудностей выпало на долю эвакуированных в Томск заводов, и наша деятельность была направлена главным образом на их преодоление. Наш Томск — город науки и культуры — превратился в крупный промышленный центр. Между представителями заводов и учеными установилось дружественное плодотворное сотрудничество, и многие из нас превратились в постоянных работников и консультантов заводов.

Война научила нас очень многому. Она показала, что в недрах нашей Родины, в местных ресурсах кроются неисчерпаемые возможности, которые мы не умели использовать. Война показала, что каждый патриот-ученый, если он имеет искреннее желание, может в короткий срок сделаться полезным высококвалифицированным специалистом даже в несколько чуждой ему области.

Томский комитет ученых с момента его организации начал координировать работу ученых разных специальностей, организовывать комплексное разрешение вопросов, помогать вузам и научно-исследовательским институтам перестраивать тематику для обслуживания Красной Армии, оборонных заводов, транспорта и сельского хозяйства.

Наиболее важным организационным итогом деятельности комитета уче-

[1] См. док. № 13.

ных является то, что томские заводы знают теперь, к кому из специалистов обращаться, и используют специалистов в качестве консультантов, а также дают им отдельные поручения исследовательского характера. Томск не был промышленным городом. Во время войны он сразу превратился в крупный промышленный центр и несколько месяцев подряд удерживал переходящее Красное знамя Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома. В этом есть немалая доля участия томских ученых, которые помогали заводам освоить новую технологию, помогли найти сырье из местных ресурсов, помогли наладить производство и выпускать высококачественную продукцию для фронта.

Работа большинства томских ученых за время войны стояла на высоком уровне передовой советской науки. Об этом говорит тот факт, что в 1942—1943 году восемь ученых удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

1. Профессору Н. А. Чинакал Сталинская премия присуждена за то, что он создал новую систему разработки щитовым перекрытием мощных часто сближенных и крутопадающих пластов угля. Конструкция проф. Чинакал выдержала все практические испытания, оказалась наиболее эффективной и под руководством автора была внедрена на шахтах Кузбасса. Производительность рабочих и фронта очистных забоев увеличивается при щитовой системе в 3—4 раза, резко снижаются потери полезного ископаемого, достигается экономия в материалах для подготовки новых горизонтов и обеспечивается наибольшая безопасность рабочих, находящихся во время работы под щитом, сильно уменьшается вероятность возникновения пожаров при самовозгорающихся углях, значительно снижается себестоимость угля.

2. Профессору К. В. Радугину присуждена Сталинская премия за открытие Усинского месторождения марганца, которое является одним из самых крупных месторождений марганцевых руд в Советском Союзе и которое явилось основной сырьевой базой для металлургических заводов, предотвратив срыв производства металлургической промышленности Востока.

3. Профессор Л. П. Кулев получил Сталинскую премию за законченное исследование, принятое на вооружение Красной Армии.

4. Профессору, заслуженному деятелю науки А. Г. Савиных Сталинская премия присуждена за специальную работу, в которой он оформил новые оригинальные хирургические методы в трудно доступной для хирургии области средостения.

5. Сталинскую премию получил профессор, заслуженный деятель науки С. П. Сыромятников, который с привлечением работников паровозной кафедры МЭМИИТ'а разработал проект комплексной модернизации паровозов. Этот проект обеспечивает 25% экономии топлива для паровозов. В результате применения особой конструкции воздухоподогревателя и введением других усовершенствований достигается экономия топлива до 7 миллионов тонн в год.

6. Заслуженный деятель науки, профессор В. Д. Кузнецов и профессор М. А. Большанина получили Сталинскую премию за второй том монографии «Физика твердого тела», посвященный пластичности и прочности монокристаллов и поликристаллических металлов. Эта область имеет большое практическое значение при различных видах холодной и горячей обработки металлов.

7. Профессор А. А. Заварзин получил Сталинскую премию за монографию, посвященную эволюционной гистологии нервной системы.

Ввиду специальности настоящей конференции в своем докладе я совершенно не буду касаться большой работы томских ученых в области

математических, биологических, медицинских, геологических и транспортных наук, а также не буду касаться работ по обслуживанию Кузбасса. Я не имею возможности останавливаться также на целом ряде исследований, имеющих отношение непосредственно к вооружению Красной Армии. Значительная группа томских ученых занята этой работой, и результаты ряда исследований приняты на вооружение. Я остановлюсь только на очень немногих примерах работы томских ученых в области промышленности.

В целях обеспечения заводов высококачественным режущим инструментом бригада кафедры станков и резания металлов и кафедры технологии металлов Томского индустриального института в составе профессоров: А. М. Розенберга, А. Н. Добровидова, доцента Н. А. Балакина и ассистента Н. Н. Зорева разработала вполне доступный для заводов метод превращения любых отходов быстрорежущей стали (стружки, обломки, изношенные инструменты и т. д.) в высококачественные резцы. Метод проверен в заводских условиях. Полученные резцы обладают стойкостью, во много раз превышающей стойкость применяемых на заводах инструментов. Метод дает весьма крупный экономический эффект, измеряемый, по крайней мере, сотнями тысяч рублей.

По заданию Томского завода режущих инструментов бригада научных работников ТИИ под руководством профессоров: А. М. Розенберга и А. Н. Добровидова закончила работу по повышению стойкости сверл путем специального травления и специальной подточки ленточки сверла. Стойкость сверла повышается в 3—4 раза.

Бригада ученых под руководством профессора Розенберга на заводе «Фрезер» занялась вопросом увеличения режима резания. Вначале были выявлены фактические условия работы, проверены кинематические и динамические возможности станков и выявлена наиболее выгодная стойкость инструмента. Данные о фактических режимах резания показали, что на некоторых станках передовые рабочие и мастера, при прочих равных условиях, применяют более производительные режимы. Теоретическая проверка подтвердила, что эти более высокие показатели не только вполне допустимы, но и могут быть распространены на другие изделия. Таким образом, на основе глубокой исследовательской работы, было обеспечено введение нового метода обработки и лучшего использования станков.

Кафедрой органической химии Томского индустриального института по заданию Томлеса и совместно с работниками Томлеса под руководством профессора Б. В. Тронова проведена работа по изысканию метода очистки и стабилизации погонов древесной смолы. Очень простым методом окислительной полимеризации при продувании воздуха удается из смолы получать 10—11% бензиново-лигроиновых погонов, 8% керосиновой фракции и 8% масла с температурой кипения 300—350° С, которое может быть применено в качестве горючего для некоторых двигателей и в качестве смазочного. Дальнейшая перегонка даст 30—40 смазочных масел-заменителей автола и пек, пригодных для производства лаков. Аппаратура и методика настолько просты, что доступны для всех, даже небольших и слабо оборудованных предприятий. В настоящее время в системе Томлеса работает 8 примитивных установок, которые за истекший период 1943 г. дали свыше 20 тонн заменителей жидкого топлива и около 6 тонн заменителя автола.

Доценты: Н. А. Балакин и В. А. Надежницкий в ТИИ закончили и оформили большую работу по автоматической электросварке на основе изобретенного ими автомата. Новый автомат значительно расширяет область применения автоматической сварки, особенно в условиях тонкой технологии. Профессор И. В. Геблер разработал новый метод регенерации трансформаторных и турбинных масел, который нашел широкое применение на железнодорожном транспорте и на ряде заводов. Он же предложил

особый «антинакипин» — средство против накипи в котлах, широко принятый на транспорте. Доцент Н. П. Курин сконструировал установку для получения карбида кальция из местного сырья, которая получила осуществление, по крайней мере, на 20 заводах, в разных местах. Он же организовал мастерскую по восстановлению колб ртутных выпрямителей, без которых невозможна электровозная откатка в угольных шахтах.

Большую работу в области энергетики для томских заводов проводит профессор ТИИ И. Н. Бутаков. Им разработан вопрос об увеличении мощности существующих конденсационных электростанций за счет использования тепла циркуляционной воды. Он провел подготовительные работы для проектирования перевода новых локомобильных установок на местное торфяное топливо.

В Сибирском физико-техническом институте при ТГУ научные сотрудники доцент А. Б. Сапожников и ассистент Б. П. Кашкин и А. С. Кузнецов по заданию заводов, изготовляющих минометы, сконструировали и построили дефектоскоп для контроля стальных труб на трещины.

Те же работники по заданию Томского подшипникового завода сконструировали аппаратуру для контроля стальных прутков на продольные трещины. Метод заключается в осаждении на трещинах магнитных порошков при циркулярном намагничивании.

Лаборатория дефектоскопии СФТИ в течение ряда лет занимается вопросом о создании приборов для обнаружения различных дефектов рельсов, уложенных в пути. Создано 12 различных моделей путевых дефектоскопов. На основании отзывов целого ряда железных дорог дефектоскопы СФТИ признаны лучшими, и Наркомат путей сообщения СССР в августе 1943 г. принял решение о массовом изготовлении модели № 7 на двух заводах. В лаборатории диэлектриков СФТИ, руководимой доцентом К. А. Водопьяновым, систематически производятся испытания электроизоляционных материалов и изыскания новых материалов для целого ряда заводов электропромышленности г. Томска. Изучение электроизоляционных свойств дает возможность повысить качество выпускаемой продукции.

По заданию оборонных заводов профессор М. А. Большанина и ассистент Ю. А. Студенок в СФТИ разработали: 1) метод по переплавке стружек сплавов алюминия, который дает до 90% литья; 2) новые сплавы на цинковой основе взамен алюминиевых сплавов. М. А. Большанина и А. И. Костылева разработали рецептуру безоловянистых и малооловянистых припоев электропромышленности. Все эти работы использованы в производстве.

В лаборатории спектроскопии СФТИ под руководством профессора Н. А. Прилежаевой научными сотрудниками Н. К. Рубцовой, О. П. Семеновой и В. И. Даниловой по заданию ряда металлургических заводов разработан ряд методов спектрального анализа, которые по быстроте, дешевизне и отсутствию необходимости пользоваться дефицитными реактивами значительно превосходят методы обычного химического анализа. Эти методы во время войны внедрены на Челябинском заводе, на Беловском цинковом заводе, на Балхашском заводе и на других заводах.

Профессор В. Д. Кузнецов во время войны написал третий том монографии «Физика твердого тела». Этот том, посвященный физике резания металлов, в настоящее время печатается в Томске по указанию отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его объем около 800 печатных страниц большого формата. При помощи научных работников Сибирского физико-технического института удалось создать физическую теорию резания металлов и объединить процесс резания с процессом пластического сжатия и с другими видами пластической деформации. Особая глава посвящена физико-химическим основам смазки при резании металлов.

Книга выйдет в свет в конце этого года [4].

Комитет ученых оказал большую помощь Томску по обоснованию постройки новой ГРЭС. Постройка станции уже началась. После пуска станции в городе будет ликвидирован большой дефицит в электроэнергии, который является серьезным тормозом для работы заводов. По инициативе комитета ученых Московский электромеханический институт инженеров транспорта разработал проект городского трамвая. Мы надеемся, что трамвайная линия будет построена после пуска новой ГРЭС и трамвай окажет большую помощь заводам и вузам главным образом по доставке топлива и грузов [5].

В марте 1943 г. Наркомат электропромышленности СССР, Томский горком ВКП(б) и Томский комитет ученых провели в Томске расширенное совещание по электроизолирующим материалам. На совещании было заслушано и обсуждено 30 докладов по актуальным вопросам электроизоляционных материалов (лаков, смол, компаундов и др.), полученных из местного сырья взамен остродефицитных. На совещании принимали участие 122 делегата, из них: 44 ученых, 62 инженера и 14 других работников. Делегаты представляли 36 организаций Москвы, Новосибирска, Петропавловска, Кемерово, Прокопьевска, Томска и других городов. Совещание прошло весьма оживленно и принесло большую пользу электропромышленности.

В апреле 1943 г. Томский горком ВКП(б), комитет ученых и редакция газеты «Красное знамя» провели городскую конференцию по изобретательству и рационализации. На конференции принимало участие до 260 делегатов. Среди них были изобретатели, ученые, инженерно-технические работники, мастера-лунинцы и стахановцы заводов. На конференции обсуждались вопросы о конструкции новых машин, об экономии металла, о замене дефицитного сырья местными ресурсами, о мобилизации новых резервов во всех звеньях промышленности.

По инициативе ученых-транспортников (Московского и Томского транспортных институтов) в Томске были проведены две конференции лунинцев промышленных предприятий. Конференции имели своей целью обобщить опыт работы лунинцев заводов и фабрик, ознакомиться с методами их работы и принять меры к широкому распространению лунинского движения. На конференциях были заслушаны доклады целого ряда ученых. Заведующие производственными отделами информировали о работе лунинцев своих заводов, а лунинцы промышленных предприятий рассказывали о методах своей работы. В местной газете «Красное знамя» был помещен в порядке обмена опытом целый ряд статей научных работников и лунинцев промышленности и ряд статей по поточному методу.

Нельзя не упомянуть о громадной работе томских ученых по выпуску специалистов в годы войны при суровой военной обстановке, когда большая часть учебных площадей и общежитий была занята под госпитали, заводы и т. п. За время войны Томский индустриальный институт выпустил около 1000 специалистов, Томский государственный университет около 700, медицинский институт около 1700, МЭМИИТ — 350, ТЭМИИТ — около 500, Станкин около 400, а всего около 5000. Выпуск специалистов в то время, когда могучая промышленность разместилась в пределах Западной Сибири, имеет весьма большое значение, так как она обеспечивается местными стабильными кадрами.

Товарищи! Когда враг будет разбит и уничтожен, когда наступит радостный и счастливый день победы, когда снова будет продолжаться мирное строительство социализма нашей Родины и будут в первую очередь залечиваться раны, нанесенные войной, тогда томские ученые вместе со всем народом будут радоваться и ликовать потому, что во время войны

они служили той науке, «которая не отгораживается от народа, не держит себя в дали от народа, а готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин).

Томские ученые вместе со всем советским народом встали на защиту Родины и они будут продолжать работать для нашей героической Красной Армии до полного разгрома и уничтожения врага.

Личный архив академика В. Д. Кузнецова.

№ 16

Протокол совместного заседания президиума комитета ученых, президиума Томского обкома союза высшей школы и научно-исследовательских учреждений

22 декабря 1944 г.

1. Слушали: О помощи семьям фронтовиков.— Сообщение профессора Б. П. Токина.

Постановили: 1. Томский комитет ученых и обком союза высшей школы и научно-исследовательских учреждений берут на себя инициативу по сбору средств в фонд семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны.

2. Напечатать в газете «Красное знамя» обращение к населению г. Томска и подписать его всем присутствующим. Поручить написать обращение тт. Аксарину, Водопьянову и Токину.

3. Довести данное постановление до сведения общественных организаций всех вузов через присутствующих на заседании следующих тт.: Рогинского, Адамова, Бутакова и Окунцова.

4. Членам обкома союза и комитета ученых быть застрельщиками в подписке.

Председатель Томского комитета ученых проф. Б. П. Токин
Председатель обкома союза доцент Соколов
Секретарь доцент Окунцов

ТОПА, ф. 1078, оп. 1, д. 7, л. 115.— Подлинник.

№ 17

Из решения исполкома Томского областного Совета депутатов трудящихся о реорганизации комитета ученых в научный совет

18 мая 1945 г.

С первых дней войны в результате патриотической инициативы передовых ученых г. Томска был организован Томский комитет ученых. Это добровольная организация, поставившая задачей мобилизацию науки и техники в помощь промышленности, транспорту и сельскому хозяйству, интенсивно работала все время войны, сумев объединить ученых города на решение задач, поставленных партийными и советскими организациями перед учеными.

В целях большей мобилизации науки и техники на использование производительных сил Томской области исполнительный комитет решил:

1. Одобрить деятельность Томского комитета ученых.

2. За активную работу в Томском комитете ученых наградить почетными грамотами областного Совета депутатов трудящихся и премировать ценными подарками:

Председателя комитета ученых, профессора-доктора Токина Бориса Петровича.

Заместителя председателя комитета ученых, профессора-доктора Кузнецова Владимира Дмитриевича.

Ответственного секретаря комитета ученых, доцента-кандидата Водопьянова Константина Алексеевича.

Наградить почетными грамотами областного Совета депутатов трудящихся:

Заместителя председателя комитета ученых, профессора-доктора Савиных Андрея Григорьевича.

Члена комитета ученых, профессора-доктора Коровина Михаила Калиниковича.

Члена комитета ученых, профессора-доктора Бутакова Иннокентия Николаевича.

Члена комитета ученых, профессора-доктора Бунтина Александра Павловича.

Члена комитета ученых, профессора-доктора Гольдберга Даниила Исааковича.

Члена комитета ученых, профессора Адамова Семена Алексеевича.

Члена комитета ученых, профессора-доктора Геблера Иннокентия Васильевича.

Ученого секретаря комитета ученых, научного работника Рубцову Надежду Кузьминичну.

3. Реорганизовать Томский комитет ученых в научный совет при облисполкоме и утвердить положение о научном совете.

(прилагается) [1]

4. Утвердить научный совет при облисполкоме в следующем составе [1]

Председатель В. Куперт
Секретарь С. Киселев

Архив Томского облисполкома, ф. 1, оп. 3, д. 1925, лл. 225—227.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Итат — село, районный центр Кемеровской области,— 62.

2) Газета «Советская Сибирь» — орган Новосибирского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся.— 65.

3) В настоящее время Томский ордена Красного Знамени политехнический институт имени С. М. Кирова.— 67.

4) Третий том книги академика Б. Д. Кузнецова «Физика твердого тела» вышел в свет в 1944 г.— 77.

5) Строительство трамвайной линии в г. Томске было начато в 1947 г., а в 1949 г. сдана в эксплуатацию первая очередь трамвая.— 77.

[1] Положение и состав научного совета не публикуются.

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

(1924—1928 гг.)

Публикуемые ниже документы (относящиеся к периоду первой гражданской революционной войны в Китае, 1924—1928 гг.) отражают глубокое сочувствие советского народа, и в частности трудящихся Москвы и Ленинграда, Московской и Ленинградской губерний, китайскому народу в его борьбе за национальное и социальное освобождение.

Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала собой начало новой эпохи в борьбе колониальных и зависимых стран Востока за свою свободу и независимость. Она явилась мощным толчком для усиления борьбы великого китайского народа.

Движение, начавшееся в Китае 4 мая 1919 г., носило уже иной характер, чем прежние антиимпериалистические и антифеодальные выступления китайского народа. «„Движение 4 мая"— писал Мао Цзэ-дун,— родилось в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина. Оно явилось частью мировой пролетарской революции» [1]. С этого времени начался новодемократический этап китайской революции, который через 30 лет завершился полной победой и образованием нового социалистического государства — Китайской Народной Республики.

Все эти годы росла и крепла международная солидарность китайского и советского народов, воспитанная братскими коммунистическими партиями Советского Союза и Китая. С горячей симпатией следили трудящиеся молодой Советской республики за революционными событиями в Китае, за героической борьбой китайского народа. В годы гражданской войны и интервенции в России немало представителей китайского пролетариата принимало активное участие в борьбе за Советскую власть [2]. Верные своему интернациональному долгу, трудящиеся нашей страны в сложной международной и внутренней обстановке, будучи сами окружены враждебными капиталистическими государствами, оказывали большую моральную и материальную поддержку китайскому революционному движению.

Когда в 1924 г., в связи с подписанием советско-китайского соглашения (явившегося первым равноправным договором Китая с иностранным государством) империалистические силы стали угрожать китайской революции,— в эти грозные для китайского народа дни в Советском Союзе развернулось широкое народное движение под лозунгом «Руки прочь от Китая!». 6 сентября 1924 г. в советских газетах было опубликовано воззвание

---

[1] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, 1953, стр. 258.

[2] См. ГАОРСС ЛО, ф. 4868, оп. 1, д. 9, л. 203; д. 290, л. 40; ф. 5300, оп. 1, д. 619, л. 3; ф. 7387, оп. 1, д. 1067, л. 7 и др.

пленума ВЦСПС ко всем трудящимся СССР с призывом в знак солидарности с китайским народом вступать в общество «Руки прочь от Китая!».

Трудящиеся Советского Союза горячо откликнулись на этот призыв. В ленинградские и московские профессиональные организации стало поступать огромное количество индивидуальных и коллективных заявлений трудящихся с просьбой принять их в члены общества (см. док. №№ 1—5, 7 и 8). Ячейки общества «Руки прочь от Китая!» возникали на местах стихийно, по инициативе самих трудящихся (см. док. № 9). По заводам и фабрикам Москвы, Ленинграда и других городов в сентябре — октябре 1924 г. прокатилась волна митингов и собраний, на которых прозвучал решительный протест советского народа против вмешательства зарвавшихся империалистических хищников в дела Китая (см. док. №№ 5—8).

12 марта 1925 г. китайское революционное движение понесло тяжелую утрату — умер Сун Ят-сен, последовательно проводивший линию укрепления союза и дружбы китайского и советского народов. Незадолго до своей смерти Сун Ят-сен в своем обращении к ЦИК СССР писал: «Я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку» [1]. Эти слова вождя китайского народа оказались пророческими.

Весть о смерти Сун Ят-сена тяжелой скорбью отозвалась в сердцах трудящихся СССР. 15 и 16 марта 1925 г. в Ленинграде и Москве состоялись общегородские собрания памяти Сун Ят-сена. Траурные митинги прошли также на всех предприятиях и в учреждениях Москвы, Ленинграда и других городов. В своих резолюциях трудящиеся Советского Союза выражали китайскому народу братское сочувствие и глубокую веру в его революционные силы (см. док. № 10—15). При оценке этих документов следует иметь в виду, что в эти годы партия гоминдан, созданная Сун Ят-сеном, играла прогрессивную роль; этим объясняется то, что в публикуемых документах зачастую встречается положительная оценка гоминдана.

30 мая 1925 г. в Шанхае произошли трагические события, которые послужили поводом к новому подъему антиимпериалистического движения в Китае. В этот день английская полиция международного сеттльмента расстреляла демонстрацию протеста шанхайских рабочих и студентов против расправы, учиненной японцами в Циндао и Шанхае. В ответ на это в Шанхае началась всеобщая забастовка, вызвавшая движение солидарности по всей стране. Советские люди выразили горячее сочувствие борющемуся китайскому народу (см. док. № 16—23). На многих предприятиях рабочие делали отчисления из своей зарплаты для оказания материальной помощи борющимся китайским рабочим.

В июле 1926 г. кантонская Национально-революционная армия начала поход на север против контрреволюционных генералов-милитаристов У Пэй-фу, Сунь Чуан-фана, Чжан Цзо-лина и других, за спиной которых стояли империалистические государства. Опираясь на поддержку народа, Национально-революционная армия одерживала одну победу за другой. Великим успехом Северного похода было освобождение в марте 1927 г. Шанхая — цитадели империализма в Китае. Известие о взятии Шанхая и Нанкина было встречено с огромной радостью в Советском Союзе. Трудящиеся нашей страны откликнулись горячими поздравлениями в адрес китайских рабочих и крестьян (см. док. № 24—26).

Вслед за этим английские и американские военные суда обстреляли Нанкин; контрреволюционная китайская военщина по указке своих импе-

[1] «Правда» № 60(2991), 14 марта 1925 г.

риалистических хозяев совершила налеты на советские представительства в Пекине и Тяньцзине. Одновременно иностранная полиция блокировала советское консульство в Шанхае.

Провокационные действия империалистов против китайского и советского народов вызвали бурю возмущения как в Китае, так и в Советском Союзе. Советские люди заклеймили позором распоясавшихся колонизаторов и заявили о своей поддержке китайских трудящихся (см. док. №№ 27—30).

12 апреля 1927 г. китайской революции был нанесен удар в спину: командующий Национально-революционной армией генерал Чан Кай-ши открыто перешел на сторону врагов китайского народа. По его приказу в Шанхае, Нанкине и Кантоне были совершены контрреволюционные перевороты, сопровождавшиеся массовыми арестами и убийствами. Этот предательский акт с возмущением был воспринят трудящимися СССР, выражавшими вместе с тем твердую уверенность в конечной победе китайской революции (см. док. №№ 31—32).

Вера в грядущую победу не покидала передовых рабочих и крестьян Китая, руководимых Коммунистической партией, в самые тяжелые годы их борьбы. Об этом говорится в публикуемой ниже декларации китайской рабоче-крестьянской делегации, приехавшей в Советский Союз на Октябрьские торжества 1927 г. Выражая глубокую признательность советскому народу за братскую поддержку, участники делегации от имени китайского народа заявляли: «Несмотря на все неудачи и трудности, китайские рабочие и крестьяне не падают духом; несмотря на казни и беспощадный террор, китайские революционеры остаются неустрашимыми, ибо поражения являются предпосылками успеха, и кровь является фундаментом победы... Мы будем бороться за китайский Октябрь!» (док. № 33). Этот документ является еще одним ярким свидетельством нерушимой дружбы между двумя великими народами.

* * *

Публикуемые документы хранятся в Государственных архивах Октябрьской революции и социалистического строительства Московской и Ленинградской областей (ГАОРСС МО и ГАОРСС ЛО), в фондах областных комитетов профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и промышленных предприятий.

Публикация подготовлена совместно с Л. И. Давыдовой, В. С. Окуньковой и Л. С. Шатенштейном.

А. И. Алексеев, Л. Е. Анкудинова

№№ 1—4

Заявления советских граждан с просьбой принять в члены общества «Руки прочь от Китая»

№ 1

6 сентября 1924 г.

Я — участник трех кампаний: русско-японской, мировой и гражданской, многократно раненый и контуженный, глубоко возмущаясь дерзкими захватчиками, с радостью готов вступить в общество «Руки прочь от Китая» и буду счастлив быть чем-либо полезным, до пожертвования жизнью включительно.

Н. Кршивицкий[1]

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 9, д. 57, л. 2.— Подлинник.

[1] Н. Кршивицкий — бывший командир 24-го стрелкового Туркестанского полка.

№ 2

6 сентября 1924 г.

Прожив некоторое время в Манчжурии в положении мирной обстановки, я наблюдал неоднократно зверское обращение иностранцев с китайцами. В момент открытой военной интервенции нетрудно нарисовать картину ужасов, какие натворят просвещенные иностранцы с порабощенным пролетариатом. Китайский пролетариат с восторгом встретит известие об образовании в России общества «Руки прочь от Китая». В предстоящей борьбе с угнетателями китайский пролетариат, зная о поддержке со стороны трудящихся великой свободной Советской республики, силы его удесятерятся для окончательного свержения гнета своих и чужих угнетателей. Прошу принять меня в члены общества «Руки прочь от Китая».

Рабочий завода «Красная заря»,
релейная мастерская, Ицкевич

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 9, д. 57, л. 1.— Подлинник.

№ 3

7 сентября 1924 г.

Настоящим я, Егоров Петр, горя желанием, по прочтении обращения ВЦСПС «К трудящимся СССР», опубликованного в «Ленинградской правде» от 6 сентября 1924 г. за № 203, вступить в члены общества «Руки прочь от Китая», зная великолепно, что несет за собой иностранная интервенция. Так, нападение на революционно-демократическое правительство Сун Ят-сена затрагивает интересы СССР, так как СССР заключил соглашение с революционным демократическим правительством Китая и этим самым нападением оно затрагивает интересы трудящихся СССР, и поэтому я прошу вашего ходатайства перед ревтрибуналом 11-го стрелкового корпуса о возможности добровольно вступить в отряд для оказания помощи китайским революционерам в защите интересов трудящихся всего мира.

К сему П. Егоров[1]

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 9, д. 57, л. 6.— Подлинник.

№ 4

10 сентября 1924 г.

Зная китайский язык и китайский народ и имея возможность принять активное участие в организуемом обществе «Руки прочь от Китая» чтением лекций и путем собеседований о Китае, прошу принять меня в члены общества.

В случае надобности могу поехать в Китай, где за время моей многолетней службы на Китайско-Восточной железной дороге у меня с китайцами сохранились до сего времени добрые связи и хорошие отношения, особенно с рабочими, с которыми мне всегда приходилось иметь дело по роду моей службы.

Жду указаний.

Бывший переводчик китайского языка Наркоминдела А. Габеев

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 9, д. 57, л. 7.— Подлинник.

---

[1] П. Егоров — красноармеец 11-й Ленинградской стрелковой дивизии.

№№ 5—8

Выписки из протоколов общих собраний рабочих и служащих с протестом против вмешательства империалистов в дела Китая и с заявлениями о вступлении в общество «Руки прочь от Китая»

№ 5

13 сентября 1924 г.

Суконная фабрика им. Петра Алексеева

Слушали: 1. Доклад о событиях в Китае сделал т. Дегтерев, обрисовавший положение в Китае, осветивший все замыслы иностранных капиталистов и их роль против революционного народа Южного Китая. После речи были заданы вопросы, по которым докладчик т. Дегтерев дал надлежащие разъяснения, после сего т. Никонов предлагает следующую резолюцию.

Постановили: 1. Общее собрание рабочих и служащих суконной фабрики им. ткача Петра Алексеева акционерного общества «Москуст», заслушав доклад т. Дегтерева о событиях в Китае и учтя положение, что эта затея иностранных капиталистов и чиновников направлена с целью порабощения и угнетения революционного народа Китая, мы ясно отдаем себе отчет в хищническом вмешательстве иностранных капиталистов, против чего протестуем и как один вступаем в общество «Руки прочь от Китая».

Да здравствует международная солидарность!

Да здравствует III Коминтерн!

Да здравствует революционный народ Китая!

Резолюция принимается единогласно [1].

ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 2, д. 1111, л. 58.— Копия.

№ 6

22 сентября 1924 г.

Кружевная фабрика «Ливерс» [2]

Слушали: 1) Тов. Никонов делает доклад о международном положении, в котором подробно обрисовывает англо-советские отношения, политику Советского правительства в этом вопросе, описывает положение в других странах Европы и переходит к подробному освещению событий в Китае.

Постановили: 1) Заслушав доклад о международном положении, общее собрание рабочих кружевной фабрики «Ливерс» отмечает наглую грабительскую политику международных заправил, ведущую к неминуемой империалистической войне, если рабочий класс всего мира не примет самых решительных мер для предупреждения этой войны.

Общее собрание приветствует героическую борьбу Сун Ят-сена в его национальном движении за освобождение трудящихся от насилия и грабежа иностранцев.

---

[1] На собрании присутствовало 600 человек.

[2] На собрании присутствовало 120 человек.

Общее собрание требует от империалистической шайки не вмешиваться во внутреннюю жизнь Китая, ибо пусть знают, что трудящиеся СССР не дадут в обиду угнетенный народ. Общее собрание рабочих призывает всех трудящихся вступить в общество «Руки прочь от Китая».

Да здравствует международная солидарность рабочих!

Да здравствует Коминтерн!

ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 2, д. 1134, л. 27.— Подлинник.

№ 7

24 сентября 1924 г.

Завод «Борец» [1]

Заслушав доклад тов. Любовича о событиях в Китае, общее собрание рабочих и служащих завода «Борец» протестует против попытки империалистов закабалить китайских крестьян и рабочих. Посему постановляем: признать необходимым для содействия китайским крестьянам и рабочим в их борьбе с империалистами вступить в общество «Руки прочь от Китая».

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1002, л. 41.— Подлинник.

№ 8

8 октября 1924 г.

Ленинградская химическая лаборатория

Доклад о событиях в Китае делает тов. Ананичев. В своем докладе тов. Ананичев указывает, что китайский вопрос имеет тесную связь с международным положением и заключением договора с Китаем [2]. Заключение договора Советской России с Китаем не по вкусу пришлось западноевропейской буржуазии. Сближение Китая с Советской Россией поведет к более быстрому освобождению Китая от иностранного империализма. Сейчас еще трудно определить исход борьбы, но если даже сейчас трудящиеся массы Китая, борющиеся за свое освобождение, потерпят поражение, то это только временная неудача, за которой несомненно последует большая победа.

В России сейчас создается общество «Руки прочь от Китая». Цель этого общества — сказать борющемуся китайскому народу, что русский рабочий класс с ним. Это его поддержит в его борьбе.

Резолюция по докладу прилагается.

Единогласно постановлено вступить в общество «Руки прочь от Китая».

Заслушав доклад тов. Ананичева о событиях в Китае, мы через головы зарвавшихся мировых хищников империализма шлем наш братский привет революционному китайскому народу и говорим ему:

Мы, работницы, рабочие и служащие Государственной фабрики, собравшиеся на общее собрание, выражаем свой протест против империалистов, хозяйничающих в Китае.

---

[1] На собрании присутствовало 300 человек.

[2] В тексте ошибочно: «с Англией».

Рабочие всего мира! Обращаемся к вам — нажмите на свое подлое соглашательское буржуазное правительство и заставьте прекратить наглое вмешательство во внутреннее дело китайского народа.

Довольно угнетать трудовое человечество!

Руки прочь от Китая!

Довольно издеваться над слабыми народами!

ГАОРСС ЛО, ф. 4709, оп. 8, д. 75, лл. 98—99.— Копия.

№ 9

Информация правления общества «Руки прочь от Китая» об организации отделений общества на местах

7 октября 1924 г.

Общества «Руки прочь от Китая» на местах возникают стихийно, без руководства из центра, что является особенно ценным. Общество преследует цели исключительно информационного характера. Члены общества никаких сборов среди своих членов не производят, членских взносов не собирают. Добровольные вступительные взносы от учреждений направляются в кассу финчасти ВЦСПС, в фонд общества «Руки прочь от Китая». Там, где организуется ячейка общества, ее правление стремится к тому, чтобы данное учреждение внесло указанный вступительный взнос.

Стремясь к постановке точной и правдивой информации о происходящих событиях в Китае, общество в ближайшее время выпускает через Госиздат целый ряд популярных брошюр. За выходом брошюр следите в извещениях в газете «Правда».

С понедельника 6 октября выходит первая брошюра тов. Войтинского под заглавием «Что происходит в Китае», стоимость 18 коп.

При организации ячейки сообщите фамилию и адрес секретаря и вышлите копии протоколов в правление.

Секретарь общества [*подпись*] [1]

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 9, д. 57, л. 25.— Подлинник.

№№ 10—15

Протоколы собраний и резолюции, принятые в связи со смертью Сун Ят-сена

№ 10

14 марта 1925 г.

Металлический завод [2]

Слушали: Тов. Головешко. Великая и священная борьба против мирового империализма, которую ведут массы Китая, встречает горячее сочувствие и пламенную поддержку революционных рабочих всех стран, объединенных в Красный Интернационал профсоюзов. Угнетаемые миро-

---

[1] Подпись неразборчива.

[2] На собрании присутствовало 2800 человек.

вым империализмом, эксплуатируемые жадным капиталом трудящиеся Запада и Востока должны установить единый железный фронт с свободными рабочими СССР и вести борьбу против национального и классового гнета до конца, до полной победы.

Не будучи коммунистом, Сун Ят-сен сознавал общность интересов угнетенных тружеников Китая и мирового рабочего класса и глубоко сочувствовал революционно-освободительным идеям всемогущего пролетариата.

Сун Ят-сен, отдавший всю свою жизнь самоотверженной работе за освобождение своего народа, будет всегда служить примером для тех, кто хочет покончить с империалистическим гнетом и эксплуатацией.

Постановили: Мы, рабочие Ленинградского металлического завода, скорбим вместе с вами, трудящиеся Китая, о смерти вашего вождя и организатора национально-революционной борьбы рабочих и крестьян Китая. Мы верим, что дело Сун Ят-сена не умрет в сердцах китайского народа. Партия гоминдан будет высоко держать знамя Сун Ят-сена и под руководством Коммунистического Интернационала дойдет до полной победы над империализмом.

Сун Ят-сен умер — да здравствует дело Сун Ят-сена!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 9, д. 16, л. 121.— Копия.

№ 11

15 марта 1925 г.

Желатиновый завод

400 миллионов народа порабощенного Китая понесли тяжелую утрату великого вождя, передового революционера Сун Ят-сена. Почтим же память безвременно погибшего вождя китайского народа.

Вечная память передовому бойцу Сун Ят-сену!

Да здравствует пролетариат Китая!

ГАОРСС ЛО, ф. 4709, оп. 9, д. 109, л. 43.— Копия.

№ 12

16 марта 1925 г.

Завод им. Энгельса

Общее собрание рабочих завода им. Энгельса, узнав о смерти вождя китайской революции Сун Ят-сена, заявляет:

Мы с вами, трудящиеся Китая. Маяк, который был в руках Сун Ят-сена на пути к освобождению порабощенного империализмом Китая, партия гоминдана должна так же твердо держать в своих руках и объединять вокруг себя всех рабочих и крестьян Китая. Рабочие СССР зорко смотрят на Восток и со своей стороны всегда окажут необходимую поддержку трудящимся Востока.

Да здравствуют трудящиеся Китая!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 9, д. 16, л. 375.— Копия.

№ 13

16 марта 1925 г.

Завод «Красный летчик»

Слушали: 1. О смерти Сун Ят-сена. Тов. Левин сообщает о росте национального движения в Китае, а также и рост коммунистического движения из года в год все увеличивается, и что вождь китайского революционного движения Сун Ят-сен работал там до своей смерти 40 лет за освобождение Китая от империалистических захватчиков, и в последний момент он обратился к ЦИК СССР с тем, что он после себя оставляет сильную организацию, и что Республика Советов поддерживает как революционное освободительное движение, так и оставшуюся партию своим идейным руководством и что партия гоминдан после смерти [Сун Ят-сена] пойдет нога в ногу с правящей партией СССР.

Постановили: Заслушав сообщение о смерти великого вождя-революционера китайской революции Сун Ят-сена, мы, делегаты рабочих и служащих завода «Красный летчик», глубоко разделяем скорбь и потерю великого вождя и создателя сильной политической партии гоминдан и мы надеемся, что начатое дело Сун Ят-сена не умрет и товарищи рабочие и крестьяне Китая его будут продолжать до победного конца. Мы со своей стороны даем слово поддерживать со своей стороны солидарностью в нужный момент и протягиваем свою пролетарскую руку помощи.

Да здравствует союз СССР с Китаем!

Да здравствует пролетариат Китая!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 9, д. 15, л. 21.— Подлинник.

№ 14

16 марта 1925 г.

Завод «Большевик»

Слушали: Информационный доклад тов. Матвеева о смерти вождя партии гоминдан тов. Сун Ят-сена.

Докладчик кратко обрисовал работу и значение партии гоминдан, вождем которой был тов. Сун Ят-сен, что после смерти его китайский революционный рабочий понес большую утерю, но не приходится оплакивать: оставшаяся партия гоминдан, руководимая товарищами Сун Ят-сена, доведет начатое дело до конца.

Постановили: Заслушав сообщение о смерти вождя партии гоминдан, шлем свое искреннее соболезнование рабочим и крестьянам Китая, потерявшим в лице Сун Ят-сена выразителя мысли угнетенных масс народов Востока, и верим, что революционное движение китайского пролетариата и крестьянства под руководством левого крыла партии гоминдан завершится победой пролетарской революции и восстановлением в Китае власти Советов.

Мы, со своей стороны, даем обещание — в тяжелую минуту вашей революционной борьбы оказать вам всяческое содействие в деле завершения заветов мирового вождя В. И. Ленина.

Да здравствует революционная борьба китайского пролетариата!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 9, д. 18, л. 89.— Копия.

№ 15

16 марта 1925 г.

Частные предприятия химической промышленности

Жене покойного Сун Ят-сена

Дорогой товарищ!

Великое горе, постигшее Вас, рабочих и крестьян Китая, с болью отзывается в сердцах наших.

Не одно сердце русской работницы горем сковано потерей на фронтах за свободу труда, за лучшее будущее, но ни одно достижение немыслимо без жертв.

В долгие годы своей политической деятельности Сун Ят-сен начертал путь и вел по этому пути трудовой народ Китая к свободе и мы надеемся, что его последователи пойдут по этому верному пути, высоко держа знамя. Сун Ят-сен и Вы, дорогой товарищ, займете в нем не последнее место.

По учению вождя великой русской революции тов. Ленина и по опыту нашей борьбы, заявляем, что никакое освобождение народа немыслимо без активного участия в нем женщин (работниц — крестьянок).

Просим Вас совместно с партией гоминдан принять все меры к вовлечению женщин в дело свободы.

Да здравствует женщина-борец!

Да здравствует женщина Востока!

ГАОРСС МО, ф. 609, оп. 1, д. 661, л. 90.— Копия.

№№ 16—23

Резолюции и протоколы общих собраний и митингов рабочих и служащих с протестом против насилий империалистов над китайским народом и с постановлениями об оказании материальной помощи китайским рабочим

№ 16

10 июня 1925 г.

Завод «Ленинская искра»

Общее собрание рабочих и служащих завода «Ленинская искра», заслушав доклад о событиях в Китае, заявляет, что наше сочувствие и поддержка на стороне китайского народа, который борется против империалистических держав, хозяйничающих в Китае и издевающихся над рабочими. Мы уверены, что под руководством рабочего класса китайский народ освободит страну от захватчиков и тем самым ускорит гибель капитализма во всем мире.

Руки прочь от Китая!

Да здравствует Коминтерн!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 9, д. 15, л. 95.— Подлинник.

№ 17

12 июня 1925 г.

Государственный завод «Метрон»

Заслушав доклад о развивающихся революционных событиях в Китае в связи с наглым наступлением англо-американского и японского капитала, собрание выражает твердую уверенность, что, несмотря на все трудности и жертвы, трудящиеся Китая сплотятся под знаменем революционной борьбы и при поддержке рабочих всех стран свергнут империалистический гнет и рабство. Выражая свой протест против кровавых расстрелов и зверских насилий, творимых над трудящимися массами, собрание требует немедленного вывода из Китая англо-американских войск.

Долой белый террор!

Да здравствует победа восставших угнетенных трудящихся Востока!

Да здравствует мировая революция!

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1386, л. 10.— Подлинник.

№ 18

12 июня 1925 г.

Химико-фармацевтический завод им. 8 марта [1]

Заслушав доклад о событиях в Китае тов. Шокловской, общее собрание рабочих и служащих подчеркивает, что империалисты Японии, Англии и других стран стремятся подавить пробуждение сознания китайского пролетариата. В борьбе за улучшение своего положения китайский пролетариат всегда [находился] в самых тяжелых и ненормальных условиях. Гнет капиталистов Японии, Англии и других стран не давал возможности рабочим Китая иметь самые необходимые условия жизни. Рабочие Китая поняли, что только при восстании против капитала Англии, Японии и других стран могут создаться условия для нормальной и сознательной жизни пролетариата Китая и свергнув власть капитала, [они] устроят жизнь китайского пролетариата более сносно, а также заставят Англию, Японию и другие страны относиться к китайскому народу с должным вниманием.

Выражая протест против дикого расстрела китайских рабочих Англией и Японией, в то время когда они требуют лучшего отношения к себе и своему труду, клеймя хищников капитала Англии и Японии, в то время когда мы, рабочие и служащие Химического завода им. 8 марта, протягиваем братские руки и тем, ободряя пролетариат Китая в его освободительной борьбе, говорим китайскому рабочему — организуйся в профсоюзы и добивайся создания Коммунистической партии Китая, идя под руководством Коммунистического Интернационала для завоевания власти пролетариата Китая, к созданию власти Советов.

Да здравствует освобождение Китая из-под ига капиталистов Запада!

Единогласно принято отчислить полдневный заработок.

ГАОРСС МО, ф. 609, оп. 1, д. 597, л. 167.— Подлинник.

---

[1] На собрании присутствовало 330 человек.

№ 19

12 июня 1925 г.

Мы, рабочие и служащие фабрик: «5-й годовщины Красной Армии», им. Калинина (быв. [товарищества] Рябовской [мануфактуры]) и заводов: «Шоркож», фармацевтического завода, металлических изделий МСПО им. Землячки, заслушав сообщение представителя Замоскворецкого райкома РКП(б) о развертывающихся событиях на Востоке, в Китае, находим, [что] веками порабощенный трудящийся Китай со стороны англо-японских империалистов пробуждается и ведет борьбу за свое национальное освобождение.

Дело освобождающегося китайского народа от засилья хищников капиталистов, борьба китайского народа за свою национальную независимость есть также дело трудящихся СССР.

Мы вполне сочувствуем трудящимся Китая и народам Марокко. Протестуем против наглого вмешательства во внутренние дела их со стороны Англии, Японии, Франции, Америки и Италии.

Мы провозглашаем: «Руки прочь от Китая!»

Трудящиеся СССР октябрем 17-го года дали полное самоопределение всем народностям, бывшим в кабале царской России.

Мы обращаемся к рабочим всех стран одернуть зарвавшихся капиталистов и всячески способствовать начатому делу освобождения трудящегося китайского народа.

Мы приветствуем героический китайский народ, поднявший знамя революционного восстания. Мы ждем, что недалек тот час, когда присоединится к революционерам Китая и порабощенный народ Индии.

Рабочий класс России вполне учитывает выпавшую на него историческую ответственность быть во главе восставших и восстающих народов против своих угнетателей, тем самым будет всячески поддерживать движение в любой стране, если таковое направлено к захвату политического господства рабочего класса и крестьянства.

Да здравствует борющийся китайский народ!

Да здравствует революционное движение Индии!

Да здравствует революционное Марокко и борьба с засильем французских империалистов!

Да здравствует социальная революция на Востоке!

Руки прочь от Китая!

Вышеозначенная резолюция принята единогласно [1].

ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 2, д. 1624, л. 34.— Подлинник.

№ 20

16 июня 1925 г.

Завод «Металл» Электротехнического треста

Заслушав доклад тов. Юганова о последних событиях в Шанхае, общее собрание рабочих и служащих государственного завода «Металл» присоединяется к общему протесту рабочих Советской республики и пролетариата всего мира, возмущенных наглостью империализма, посягнувшего на независимость и жизнь китайского народа.

---

[1] На собрании присутствовало 600 человек.

Рабочие и служащие завода «Металл» приветствуют просыпающихся от векового гнета и эксплуатации трудящихся Китая и идущего вместе с ним рука об руку китайского студенчества и призывают китайский народ продолжать великое дело за освобождение от насилия иностранного империализма.

Общее собрание клеймит позором зарвавшихся английских и японских капиталистов и поддерживающую их социал-демократию, осмеливающихся все сообща убивать мирно демонстрирующих свою волю китайских рабочих и студентов.

Шанхайские события доказывают подгнивание корней капиталистического режима, и проснувшиеся народы Востока — лучшая в том порука.

Рабочие и служащие завода «Металл» приветствуют эту борьбу и для поддержания бастующих семей рабочих, для поддержки борьбы за окончательное освобождение от гнета и засилья иностранного капитала, общее собрание единогласно постановляет: отчислить в пользу рабочих и студентов Китая свой полдневный заработок.

Братский привет борющемуся Востоку!

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1388, л. 6.— Подлинник.

№ 21

22 июня 1925 г.

Коломенский машиностроительный завод

Слушали: О добровольном пожертвовании бастующим рабочим Китая (сообщение председателя ячейки МОПР при Коломзаводе).

Постановили: 1. а) Считать возможным провести добровольную подписку среди работающих завода в фонд денежной помощи бастующим рабочим Китая по подписным листам, при условии уплаты денег с рук.

б) Всю работу по подписке провести в недельный срок, возложив на уполномоченных цехов совместно с уполномоченным МОПР'а.

в) Средства и подписные листы сдавать в комиссию МОПР'а.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1376, л. 150. —Подлинник.

№ 22

23 июня 1925 г.

9-й объединенный завком металлистов Хамовнического района

Заслушав доклад о китайских событиях, мы придаем большое значение происходящей борьбе угнетенного китайского народа и считаем своим долгом помочь китайским рабочим в их борьбе с иностранными паразитами и отчисляем из своего месячного заработка 1% в помощь китайским забастовщикам.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1408, л. 14.— Копия.

№ 23

24 июня 1925 г.

Московский дроболитейный и патронный завод

Заслушав доклад т. Перфильева, постановили отработать в пользу бастующих рабочих Китая два часа в ближайшую субботу, т. е. 27 июня, и вынесли следующую резолюцию:

Общее собрание рабочих и служащих Московского дроболитейного и патронного завода, заслушав доклад о событиях в Китае, шлет свой братский привет бастующим китайским рабочим и свое горячее сочувствие в их борьбе с международными хищниками. Одновременно общее собрание постановляет отработать всем заводом два часа и полученную от сего сумму передать как материальную помощь китайским рабочим.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 1349, л. 12.— Подлинник.

№№ 24—26

Резолюции общих собраний рабочих и служащих с выражением симпатий борющемуся китайскому народу и поздравления по поводу освобождения Шанхая и Нанкина

№ 24

Не ранее 21 марта 1927 г.

Завод «Серп и молот»

Узнав о взятии Шанхая революционным пролетариатом и национальными войсками, рабочие завода «Серп и молот» шлют пламенный привет рабочим и крестьянам Китая, одержавшим, несмотря на казни и пытки, полную победу над ставленниками международного капитала, возглавляющими реакционные силы Китая.

Рабочие твердо уверены, что недалек тот час, когда во всем Китае не останется ни одного реакционного генерала, сопротивляющегося воле китайского пролетариата.

Рабочие Китая! Крепче держите завоеванные позиции! Доводите дело освобождения трудящихся от империалистического гнета до конца и помните, что мы напряженно следим за вашей героической борьбой и по первому зову окажем вам поддержку.

Да здравствует пролетариат Шанхая и революционная армия Китая!

Да здравствует Китайская компартия и гоминдан — организаторы побед!

ГАОРСС МО, ф. 244, оп. 1, д, 131, л. 46.— Копия.

№ 25

26 марта 1927 г.

Яхромская фабрика

Первая конференция рабочих и служащих Яхромской фабрики, собравшаяся в количестве 394 человек, шлет горячий привет трудящимся Китая в их борьбе против иноземного капитала. Мы, рабочие, зорко следим за ходом освободительной борьбы Китая. Взятие Шанхая и Нанкина показывают, что революционное движение Китая сильно и близок час, когда весь Китай будет освобожден из-под ига генералов и мировых хищников.

Да здравствует освободительное движение Китая!

Да здравствуют рабочие Китая!

ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 3, д. 364, т. 2, л. 80.— Копия.

№ 26

3 апреля 1927 г.

Конный завод Гапонтово-Новоивановское, Бегуницкой волости, Гатчинского уезда, Ленинградской губ.

Общее собрание, заслушав информацию тов. Душенкова о событиях в Китае, констатирует революционный подъем рабочих и крестьян Китая и героическую борьбу с обнаглевшей буржуазией, поздравляет революционный Китай с крупной победой — взятием Шанхая. Мы, рабочие и служащие, надеемся, что наши собратья в Китае выйдут из этой борьбы победителями и последуют примеру рабочих и крестьян СССР. Заявляем обнаглевшему капиталу, что наши симпатии на стороне революционного Китая.

Руки прочь от пламени революции! Да здравствует революционный Китай! Да здравствует руководитель — Коминтерн! Да здравствует всемирная революция!

ГАОРСС ЛО, ф. 6806, оп. 1, д. 254, лл. 32—33.— Копия.

№№ 27—30

Протоколы собраний и резолюции протеста против зверской расправы англо-американских империалистов с трудящимися Нанкина и против налетов на советские представительства в Пекине, Тяньцзине и на консульство в Шанхае

№ 27

28 марта 1927 г.

Завод «Часовой революции»

Слушали: 1. Тов. Третьяков говорит: Мы имеем такую обстановку в Китае. Это случилось потому, что международный капитализм хочет захватить Китай в свои руки, чтобы иметь больше возможности эксплуатировать рабочих Китая. Народную армию организовал китайский вождь Сун Ят-сен, которая захватила в свои руки Шанхай и Кантон. Английские и американские капиталисты хотят погубить завоевания революционных войск. Они расстреляли семь тысяч китайцев. Рабочие всего мира не допустят таких зверств капиталистов.

Тов. Нилов говорит, что Кантонская армия не так велика, но крепка, сплочена вместе с рабочими Китая. Кантонская армия завершит начатое дело до конца и покончит с буржуазией, как своей, так и внешней.

Постановили: Заслушав сообщение Третьякова о последних событиях в Китае, общее собрание рабочих и служащих завода «Часовой революции» клеймит позором международный капитализм в лице английского и американского капитала, расстреливающего мирное население Нанкина. Более зверского поступка быть не может. Капиталисты хотят снарядами задушить национально-освободительное движение в Китае, хотя в крови потопить китайскую революцию. Но трудящиеся всего мира не допустят этого сделать. Теперь, как никогда, нужен крепкий, единый фронт трудящихся против иностранного вмешательства во внутреннюю жизнь Китая.

Руки прочь от Китая, международный хищник!

Трудящиеся Китая найдут поддержку в лице международного пролетариата.

Да здравствует Кантонская революция!

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 11, д. 278, л. 56.— Копия.

№ 28

30 марта 1927 г.

Первая Детскосельская межсоюзная профконференция [1]

Первая Детскосельская межсоюзная профконференция, выражая волю 6000 трудящейся массы, шлет пламенный привет революционным борцам Китая. Конференция клеймит позором неслыханные зверства англо-американских империалистов в Нанкине и выражает уверенность, что кровью китайских рабочих капиталистам не залить революционного движения Китая. Конференция призывает еще тесней сплотить ряды рабочих в деле освобождения трудящихся Китая от гнета англо-американского капитала. Долой палачей китайского пролетариата! Долой убийц рабочих Нанкина! Руки прочь от пробуждающегося революционного Китая!

Да здравствует ВКП(б) — вождь пролетариата!

Да здравствует революционный Китай!

ГАОРСС ЛО, ф. 6805, оп. 1, д. 247, л. 3.— Копия.

№ 29

30 марта 1927 г.

Межсоюзное собрание профактива Вознесенской волости, Лодейнопольского уезда, Ленинградской губ.

Слушали: Информацию о событиях в Китае. Тов. Семенов останавливается на развертывающихся событиях в Китае, в частности в Нанкине, где иностранные капиталисты в лице Англии и Америки, прикрываясь провокационными выдумками, стремятся подавить революционное движение китайских трудящихся масс. Из своих судов с дальнобойных орудий разгромили гор. Нанкин, в котором убито и ранено свыше 7 тысяч китайцев. Мы сегодня своим собранием должны протестовать против наглого вмешательства иностранных капиталистов во внутренние дела Китая.

Постановили: Заслушав информацию т. Семенова, межсоюзное собрание профактива Вознесенской волости категорически протестует против насилий империалистических разбойников в Китае. Великое революционное движение не будет задушено пушками и пулеметами англо-американского капитала. Оно опрокинет все расчеты капиталистов и приведет к полному освобождению трудящихся от ига капитала.

Мы шлем пламенный привет китайским трудящимся массам и их авангарду — китайскому пролетариату.

Да здравствует Национально-революционная армия Китая!

Да здравствует китайская революция!

ГАОРСС ЛО, ф. 2512, оп. 1, д. 181, л. 43.— Подлинник.

---

[1] На конференции присутствовало 208 человек.

№ 30

8 апреля 1927 г.

Общегородское межсоюзное собрание г. Гатчина

Заслушав сообщение тов. Ридмана о китайских событиях, о бомбардировке Нанкина англо-американскими военными судами, насилиях над консульством СССР в Шанхае и полпредством в Пекине, мы, члены профессиональных союзов г. Гатчина, клеймим позором бандитский расстрел мирного китайского населения и разбойничий налет на советское полпредство и консульство со стороны империалистических хищников. Мы констатируем, что предсмертные судороги начавшего подыхать империализма не остановят развития китайской революции, что, наоборот, наглая провокация по отношению к СССР и борющемуся революционному пролетариату Китая со стороны капиталистических висельников и палачей усилит движение мировой социалистической революции, она поднимет новые пласты пролетариата и крестьянства на борьбу против империалистического разбоя.

Мы не можем иначе рассматривать нападение на советское посольство, как результат смертельной агонии реакционного Севера, приближающейся политической смерти империалистического наймита Чжан Цзолина. Мы не можем иначе смотреть на насилия в Шанхае и Нанкине со стороны капиталистической псарни, как на желание спровоцировать вооруженное вмешательство в дела Китая. Мы возмущены и требуем к ответу инициаторов насилий и провокаций.

Мы приветствуем революционные шанхайские профсоюзы, поднявшие знамя восстания, и призываем профсоюзы Пекина к тому же; мы заявляем, что помощь наша революционным китайским профсоюзам будет обеспечена по первому зову. Выше знамя борьбы за революционное дело трудящихся масс Китая! Мы с радостью следим за вашими успехами и болеем вместе с вами за ваши неудачи. Позор насильникам! Всегда готовы дать отпор зарвавшимся негодяям!

Да здравствует китайская революция!

Да здравствует Китайская коммунистическая партия большевиков!

Да здравствуют профсоюзы Китая!

Да здравствует единство мирового профдвижения и III Коминтерн!

Да здравствует ленинизм— оружие в борьбе пролетариата за социалистическую революцию!

ГАОРСС ЛО, ф. 6806, оп. 1, д. 254, лл. 24—25.— Копия

№№ 31—32

Протоколы собраний рабочих и служащих по поводу измены и предательских действий генерала Чан Кай-ши в Китае

№ 31

15 апреля 1927 г.

Монетный двор [1]

Слушали: Сообщение о наглой измене командующего Народной революционной армией Китая генерала Чан Кай-ши (докладчик т. Архипов).

Постановили: Заслушав сообщение о наглой измене командующего Народной революционной армией Китая генерала Чан Кай-ши,

[1] На собрании присутствовало 421 человек.

устроившего кровавую бойню над трудящимися Шанхая и Нанкина, уничтожившего сотни женщин и детей в угоду иностранному империализму и поставившего под удар китайскую революцию, мы, рабочие и служащие Монетного двора, клеймим позором изменника рабочего класса Китая и выражаем скорбь китайскому пролетариату по павшим за свое раскрепощение рабочим Шанхая и Нанкина.

Мы говорим, что никакая сила не в состоянии остановить ход революционной стихии в Китае и, несмотря на кровавые расправы наемных генералов, китайский пролетариат при поддержке мирового пролетариата добьется своих насущных и справедливых прав.

Позор изменникам китайской революции!

Вечная память павшим от руки палача!

Да здравствует китайская революция!

Предзавком В. Иванов
Секретарь А. Усачев

ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 11, д. 279, л. 98.— Подлинник.

№ 32

16 апреля 1927 г.

13-я конференция рабочих и служащих Реутовской прядильной фабрики [1]

Слушали: Внеочередное сообщение тов. Зарубкина об измене китайской революции генерала правого крыла гоминдана Чан Кай-ши, результатом чего были расстреляны рабочие, женщины и дети, участвовавшие в демонстрации в г. Шанхае.

Постановили: Заслушав сообщение тов. Зарубкина, мы, рабочие и служащие Реутовской прядильной фабрики, считаем необходимым послать протест. Мы, рабочие и служащие Реутовской прядильной фабрики, клеймим позором гнусных душителей и предателей освободительного движения китайского народа, которые залили пролетарской кровью улицы г. Шанхая и подло расстреляли демонстрацию, в которой участвовали массы рабочих, женщин и детей. Мы самым решительным образом протестуем против кровавого режима изменника Чан Кай-ши, исполняющего волю мирового империализма, и заявляем во всеуслышание, что дело китайских рабочих через страдания и временное поражение, через трупы генералов-душителей и предателей народного дела рабочие и крестьяне Китая доведут революцию до конечной победы.

И мы призываем трудящихся Китая еще сильнее сплотить свои ряды вокруг Коммунистической партии — вождя мировой революции и только этим путем будет победа за китайскими рабочими и пролетариатом всего мира.

Долой перебежчиков — предателей, душителей народа!

Долой империалистических палачей китайского народа!

Долой зачинщиков новой империалистической войны!

Да здравствует китайская революция!

Требуем вывода войск из Китая!

ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 3, д. 364, л. 420.— Копия.

---

[1] На конференции присутствовало 336 человек.

№ 33

Декларация китайской рабоче-крестьянской делегации, прибывшей в СССР для участия в Октябрьских торжествах

30 января 1928 г.

Ленинград является центром Октябрьского восстания, центром мировой пролетарской революции. Ленинградский пролетариат является авангардом русской революции и авангардом пролетарской революции.

Ленинград занимает первое место в истории революционного движения. Ленинградский пролетариат имеет самый богатый и ценный революционный опыт.

Мы, представители тридцати трех миллионов борющихся рабочих и крестьян Китая, приехали в СССР для участия в Октябрьских торжествах, являющихся торжеством трудящихся всего мира.

В конце нашей поездки по СССР мы приехали на родину пролетарской революции — в Ленинград. Здесь мы познакомились со славным прошлым ленинградского пролетариата, с его боевыми организациями, с его успехами на пути к социалистическому строительству. Мы еще раз убеждаемся, что только через кровавое восстание, по ленинскому большевистскому пути, под руководством Коминтерна, Китай может сбросить с себя иго империализма, трудящиеся массы Китая могут освободиться от эксплуатации капиталистов, и все человечество — от эксплуатации человека человеком.

Несмотря на все неудачи и трудности, китайские рабочие и крестьяне не падают духом; несмотря на казни и беспощадный террор, китайские революционеры остаются неустрашимыми, ибо поражения являются предпосылками успеха, и кровь является фундаментом победы. Без поражения 1905 года, без поражения в июльские дни не было бы Великой Октябрьской революции. Без пролития крови при царизме не было бы красного флага над всем СССР. Поэтому мы утверждаем, что Октябрьский переворот в Китае неизбежен и недалек.

Гуандунское восстание является сигналом к победе пролетарской революции в Китае. Мы считаем, что второй в мире Советской страной будет Китай, который теперь угнетается международным империализмом, где царит белый террор и процветает эксплуатация трудящихся милитаристами и китайской буржуазией.

Теперь мы говорим ленинградскому пролетариату — до свидания! Надеемся, что вы приложите все усилия для осуществления социализма, ибо успехи и развитие СССР облегчат и обеспечат победу мировой революции. Мы будем бороться за китайский Октябрь, смело нанесем удар врагам мирового пролетариата, и красный флаг будет развеваться над всем миром. Мы быстрым шагом идем к социализму!

Да здравствует ленинградский пролетариат!

Да здравствует социалистическая революция в Китае!

Да здравствует мировой Октябрь!

Китайская рабочая и крестьянская делегация

ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 12, д. 301, лл. 7—8.— Подлинник на китайском языке.

Участники восстания осенью 1927 г. Третий слева стоит Мао Дзэ-дун. Май 1937 г. Януань.

ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПОХОДА НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ КИТАЯ

История советско-китайской дружбы знает много примеров братской солидарности народов Советского Союза и Китая. Победа Великой Октябрьской социалистической революции помогла трудящимся Китая найти путь к свободе, независимости и социализму, а существование страны Советов, ее пример и помощь облегчили китайскому народу борьбу против китайских феодалов, компрадоров и иностранных империалистов.

Уже в дни Октября многие китайские трудящиеся увидели, что пролетариат России ведет борьбу и за их освобождение от рабства. Почти 40 тысяч китайских рабочих, находившихся в России, вступили в Красную Армию и в ее рядах сражались против иностранной интервенции и белогвардейцев. На территории Северо-Восточного Китая китайские партизанские отряды оказывали помощь Советской России, перерезая коммуникации интервентов и громя отряды белогвардейцев.

В годы первой гражданской революционной войны в Китае (1924—1927 гг.), когда китайский народ вел самоотверженную борьбу против господства полуфеодальных отношений в Китае, против полуколониального режима, навязанного империалистическими державами, Советский Союз, руководствуясь марксистско-ленинской политикой пролетарского интернационализма, оказывал китайскому народу моральную поддержку и материальную помощь.

Одной из форм помощи патриотическим силам Китая была посылка в Китай по приглашению кантонского революционного правительства, возглавляемого Сунь Ят-сеном, группы военных советников во главе с выдающимся советским полководцем В. К. Блюхером [1]. Советские советники помогли организовать Национально-революционную армию, подготовить офицерские кадры; военные советники передавали им свой боевой опыт, знакомили с советской военной наукой. Работу эту приходилось проводить в очень трудных условиях; многие китайские офицеры — выходцы из среды помещиков, бюрократов и компрадоров — были враждебно настроены к народным массам и свое участие в революционной войне рассматривали как средство достижения богатства и высокого положения. Главнокомандующий Национально-революционной армии Чан Кай-ши всячески сдерживал осуществление политических мероприятий, которые должны были превратить Национально-революционную армию в надежное орудие революции.

В июле 1926 г. начался Северный поход Национально-революционной армии (НРА) с целью ликвидации армий милитаристов и объединения страны. Двигаясь на север, НРА встретила большую поддержку трудящихся; в июле была взята Чанша, в августе завершено освобождение про-

[1] В. К. Блюхер был известен в Китае под фамилией Галин.

винции Хунань, в сентябре взяты Ханькоу и Ханьян, в октябре — Учан. Наиболее боеспособными оказались части, возглавляемые коммунистами.

Северный поход осуществлялся в соответствии со стратегическим планом, в разработке которого участвовали советские военные советники под руководством В. К. Блюхера. План предусматривал концентрацию главных сил на хунань-хубэйском направлении для разгрома войск У Пэй-фу и взятия Уханя с одновременным оставлением заслона на границах Гуандуна против вражеских войск в Цзянси и Фуцзяни. После освобождения Уханя основные силы должны были перейти в наступление на Цзянси, Фуцзянь, Аньхой, Чжэцзян, Цзянсу, чтобы уничтожить войска Сунь Чуань-фаня. После этого войска НРА должны были двинуться вдоль Пекин-Ханькоуской и Тяньцзинь-Пукоуской железных дорог на север и вместе с армией Фын Юй-сяна разгромить войска Чжан Цзо-лина, взять Пекин и одержать победу в масштабах всей страны. Уже первые месяцы войны показали, что этот план был совершенно правильным.

Во время Северного похода советские советники, находившиеся в главной ставке и в штабах соединений, разрабатывали рекомендации об операциях НРА. Особенный интерес представляет оперативная записка В. К. Блюхера от 16 октября 1926 г. о третьей операции — переходе в общее наступление на фронте Наньчан — Цзюцзян. В этом документе тщательно разработан оперативный план наступления: предусмотрены все детали обеспечения наступления — политическая работа в частях, подготовка телефонной и радиосвязи (что в тех условиях было нелегким делом), снабжение продовольствием, боеприпасами, теплым обмундированием, подготовка лазаретов, были предусмотрены также средства переброски войск на исходные позиции. В. К. Блюхер высказался против направления больших сил на укрепленные позиции противника и рекомендовал искать решения в их обходе и фланговых ударах. Учитывая, что действия некоторых генералов НРА, вроде Тан Шэн-чжи, Ли Цзун-жэнь, Хэ Яо-цзу, напоминали «согласованность» действий лебедя, рака и щуки из известной басни Крылова, главный советник особенно подчеркивал необходимость согласованного наступления на всех направлениях. Он настаивал на том, чтобы в случае перехода в наступление значительных сил противника на одном из направлений НРА, войска НРА на других направлениях в пределах своего участка атаковали противника (см. док. № 1).

Советские военные советники помогали на месте руководить боевыми операциями. «Наряду с высокими качествами кантонских солдат ... нельзя не отметить весьма большую роль, сыгранную нашими советниками,— писал побывавший в Наньчане в ноябре 1926 г. А. Хмелев.— Я не говорю о Галине. Его роль общеизвестна. Но весьма большую пользу в ряде решительных моментов принесли советники корпусов и дивизий. Если бы не было при корпусах и дивизиях наших советников, то ...вполне возможно, что ряд генералов допустил бы партизанщину, что могло бы, конечно, повести к поражению» (см. док. № 3).

Во время штурма Учана военные советники Теруни и Никитин шли во главе дивизии. Военный советник летчик Сергеев совершал разведовательные полеты, поддерживал части в наступлении, сбрасывал бомбы на позиции противника и обстреливал из пулемета скопления вражеских войск. Однажды он атаковал бронепоезд противника и, обстреливая его с высоты двухсот метров, заставил бежать с фронта и обнажить важный участок вражеских позиций. Части Национально-революционной армии обращались с просьбой к Сергееву пробомбить позиции противника перед наступлением или хотя бы полетать вдоль фронта, чтобы солдаты могли увереннее атаковать врага. «Русские летчики прекрасно работали,— писал военный специалист Катюшин-Котов.— За время осады Учана они по

два-три раза в день подымались и бомбили. Воздушная бомбардировка наводила панику в Учане на весь гарнизон (противника.— *М. К.*)» (док. № 5, раздел III).

Советники делили с солдатами и офицерами НРА и трудности похода и радости побед. Тяжелые боевые условия, отсутствие теплой одежды, плохое питание, эпидемические заболевания, изнурительная работа — ничто не могло сломить их высокого духа. «Несмотря на тяжелые климатические условия, необычайную трудность похода,— сообщал Катюшин-Котов,— русские советники были там, где диктовалось это необходимостью, не считаясь с личной жизнью... У т. Теруни был убит переводчик т. Новиков, стоявший рядом с ним, а также убиты под ним две лошади» (там же).

Большое впечатление на китайское командование произвела дисциплинированность советских советников (см. док. №№ 3 и 5). Личной храбростью и знанием своего дела советские советники заслужили доверие Национально-революционной армии.

Большой любовью платили простые люди Китая за дружбу и помощь советских военных советников. В. К. Блюхера всегда встречали с большой теплотой. Когда он въехал в Наньчан, освобожденный от войск милитаристов, его окружило население и провожало до квартиры. «Для китайского населения имя Галина стало нарицательным,— писал А. Хмелев.— Теперь уже всех русских советников зовут Галиными» (док. № 3).

В 1927 г., когда Северный поход достиг наивысшего размаха, контрреволюционная буржуазия во главе с Чан Кай-ши нанесла революционным силам удар в спину. Революция потерпела временное поражение, и советские советники вернулись домой.

Через двадцать два года, в 1949 г., китайский народ завоевал свободу и независимость. И теперь в народном Китае помнят и почитают В. К. Блюхера и его товарищей из Советского Союза, помогавших китайскому народу в его борьбе за освобождение.

Документы выявлены и подготовлены к печати Б. Г. Литваком и В. А. Червяковым. Транскрипция географических наименований и фамилий проверена М. Ф. Юрьевым.

М. С. Капица

№ 1

Оперативная записка главного военного советника Галина (В. К. Блюхера) о третьей операции Северной экспедиции Национально-революционной армии (НРА)

Гаоань *16 октября 1926 г.*

I

Для лучшего управления и руководства наступлением устанавливаются следующие направления:

Первое направление: 14-й корпус ген. Лай Ши-хуаня — 4 полка, 46 полк 5 корпуса; всего 14 полков [1].

Второе направление: 2-й корпус под командой ген. Лю Цзя-пина, 4, 5 и 6 дивизии — 9 полков; всего 14 полков.

Общее командование первым и вторым направлениями возлагается на ген. Лю Цзя-пина.

Третье направление: 3 корпус ген. Чжу Пэй-дэ: 7, 8 и 9 дивизии — 8 полков, 6 корпус ген. Чэн-Цяня, 17 и 19 дивизии — 6 полков; 14 полков.

Общее командование принимает на себя Главком

[1] Так в тексте.

Четвертое направление: 7 корпус ген. Ли-Цзун-жэня — 9 полков, дивизия Хэ Яо-цзу; всего 15 полков.

Общее командование — комкор 7 ген. Ли Цзун-жэнь.

Пятое направление: одна дивизия 8 корпуса и одна бригада 15 корпуса. Всего 6 полков. Командующим назначается Тан Шэн-чжи.

Резерв Главкома: 1 корпус, 1 дивизия — 2 полка и 2 батальона, 2 дивизия — 5 батальонов; всего 2 полка и 7 батальонов.
4 корпус, 10 и 12 дивизии под командой ген. Чэн-Цзя-ю — 5 полков. Всего 7 полков и 7 батальонов.

II

Линией окончательного сосредоточения и исходного положения для общего перехода в наступление Наньчан — Цзюцзян устанавливается.

Для первого и второго направления к юго-востоку от Наньчана г. Цзинь-сян к югу г. Фыньчэн.

Для третьего направления район Цаошань, что в 60 ли от г. Гаоань, для 3-го корпуса и район г. Аньи для 6 корпуса.

Для четвертого направления район к востоку от местечка Хоци, что в 60 ли от Унина.

Для пятого направления (пров. Хубэй) по северному берегу реки Янцзы район к северо-западу от городов Цичжоу и Гуанцзи.

Резерв Главкома сосредотачивается: 1 корпус в районе г. Фыньсина и 4 корпус в районе Жоци.

III

Сроки сосредоточения

1. Для 4-го корпуса, считая 2 дня на передачу приказа и смену, 10-я дивизия выступает из-под Учана утром 19-го октября и прибывает 23-го в Дае. Из Дае всему корпусу через Сяогань, не заходя в г. Синьго, кратчайшими дорогами следовать в район Жоци, где головные части должны быть 30 октября, а весь корпус 31-го октября.

2. Бригада дивизии Хэ Яо-цзу из Сюшуя присоединяется немедленно к частям 7-го корпуса. Две другие бригады, расположеные в Пинцзяне, немедленно следуют на присоединение к 7 корпусу и должны сосредоточиться в г. Упине не позже 24 октября.

3. 1-я дивизия из района Жоци перемещается в Аньи, куда прибывает 20-го. С прибытием 6-го корпуса в Аньи, дивизия переходит в район г. Фыньсин, соединяется со второй дивизией и поступает в резерв Главкома.

4. 6-й корпус 22-го октября прибывает в район Аньи.

IV

Ближайшие задачи

1. Командующему 1 и 2 направлениями, ген. Лю Цзя-пину, теперь же начать энергичные действия против группы противника в районе г. Фучжоу, имея целью ее полное уничтожение, ограничиваясь на Наньчанском направлении активной обороной рубежей, примерно на линии Щичигай. Считаясь с тем, что основные силы противника связаны на железной

дороге войсками 3 и 4 направлений, для обеспечения Наньчанского направления достаточно одной дивизии. Остальными частями 2 и 4 корпусов в кратчайший срок ликвидировать живую силу Фучжоуской группы противника.

2. 3, 6 и 7 корпуса, занимая указанные им рубежи, должны иметь передовые части на восток от главных сил в расстоянии, примерно, ли на 15—20. До перехода в общее наступление части не должны ограничиваться узкой задачей активной обороны указанных им рубежей. Весь опыт настоящей кампании показывает несомненное преимущество войск НРА в боях на открытом поле. Необходимо это преимущество использовать при попытках противника наступать. Каждый раз отбрасывая наступление противника, необходимо с нашей стороны энергичное контрнаступление и преследование противника до железной дороги, после чего части отводить на свои позиции.

Занимаемые рубежи корпуса обязаны хорошо обрекогносцировать, разбить на участки, наиболее важные пункты и слабые места позиций покрыть окопами, заранее установить позиции для пулеметов и орудий, стремясь к созданию хорошего флангового огня для обстрела подступов к позициям и путей вероятного наступления противника. Позиции, в случае наступления противника, занимать лишь частью сил; для контратаки и преследования всегда иметь резервы.

3. Все корпуса немедленно организуют отряды, силами которых производить систематические нападения на железную дорогу для ее порчи и разрушения связи. Корпуса организуют неожиданные нападения на отдельные группы противника и его охранения, выдвигаемые им от железной дороги в сторону расположения наших частей. Такие быстро и энергично проводимые нападения на охранения, выдвигаемые в нашу сторону противником, должны проводиться как можно чаще, при этом обращается особое внимание на необходимость систематического захвата пленных, что позволяет следить за перегруппировками противника и даст картину его расположения к моменту перехода в наступление. Наконец, следует добиться хорошей постановки агентурной и воинской разведки противника.

4. Группе, действующей по северному берегу реки Янцзы, до перехода в общее наступление на фронт Наньчан — Цзюцзян выйти на линию Цучжоу. С переходом в общее наступление занять г. Усюй.

V

Время перехода в общее наступление

Днем полной готовности к нашему переходу в общее наступление будет день прибытия головных частей 4-го корпуса в район Жоци, т. е. 30-го октября. Ожидать полного сосредоточения 4-го корпуса в Жоци не следует. Для нанесения удара противнику в район Дэань и к северу от него сил 7-го корпуса и дивизии Хэ Яо-цзу достаточно. Если расстояние в первый день наступления 4-го корпуса от наступления 7 корпуса и див. Хэ Яо-цзу будет равно полуторадневному переходу, то по мере продвижения последних к железной дороге и завязке боев с противником, это расстояние сохранить до полдневного перехода, иными словами — до нормального расстояния резерва от наступающих частей — и позволит четвертый корпус бросить в бой в наиболее выгодном для нас направлении, которое выяснится к тому времени в процессе боев 7 корпуса и дивизии Хэ Яо-цзу.

Но переход в общее наступление возможен и ранее 30-го октября при наличии следующих двух благоприятных для наших войск положений:

а) когда 2-й корпус быстро уничтожит или рассеет Фучжоускую группу противника. В этом случае дальнейшее преследование противника на восток от Фучжоу поручается 4 корпусу. На Наньчан к югу направляется 1 дивизия 2-го корпуса, а две остальные используются для наступления совместно с частями третьего направления. Тогда усиленные три направления двумя дивизиями 2-го корпуса, а четвертое направление дивизией Хэ Яо-цзу могут, не ожидая подхода 4-го корпуса, переходить в общее наступление.

б) когда противник, используя пассивность НРА, сам перейдет в наступление. Разбив противника в открытом поле, развиваем преследование его до общего удара по железной дороге.

VI

Направление главных ударов

Направление главных ударов будет находиться в зависимости от сложившейся к тому времени группировки противника, что и будет являться решающим в выборе удара главных сил НРА. Прошлые бои показывают, что, имея на южной и северной части дороги по сильной группе своих войск, противник лучшие части и свой резерв имел в районе Туцзяпу. При такой группировке захват района Туцзяпу и разгром его живой силы в этом районе решает кампанию в нашу пользу. При данной обстановке четвертое направление наносит удар на район Дэаня и к северу от него, а по занятии ими железной дороги в этом направлении, бросает дивизию Хэ Яо-цзу на север в сторону Цзюцзяна и всей массой 7-го корпуса идет вместе с дивизией Хэ Яо-цзу для занятия Цзюцзяна. Заняв Туцзяпу, получает возможность выделить сильную группу против Цзюцзяна. Войска третьего направления атакуют фронт ст. Наньчан — район Лохуа. Овладев этим участком железной дороги и оставив небольшой заслон в районе станции, главными силами наступают с юга на район Пуцзян. Разгром противника в значительной части будет облегчен, если НРА сможет выяснить тыл в южной части дороги, перебросив (на поплавках Полянского) сильную группу через реку в районы к северо-востоку от Наньчана. Вообще при проведении этой операции следует избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций противника, а искать решения в обходе их и фланговых ударах главных сил НРА.

Вполне вероятно, что противник предупредит наступление НРА ударом значительных сил на Гаоань, где силы 3-го корпуса и 2-й дивизии недостаточны для прикрытия этого направления, важного для НРА, как соединяющего ее фланговые группы. Поэтому скорейшая переброска 6-го корпуса в Аньи и перемещение 1-й дивизии ко 2-й является крайне необходимым.

Надлежит добиться во что бы то ни стало одновременного согласованного удара по железной дороге всех направлений. Если это основное условие, обеспечивающее успех операции, не будет соблюдено, то бои примут тяжелую, затяжную для нас форму, бесполезно истощающую войска. Поэтому приказ должен фиксировать не день движения (наступления) части к железной дороге, а фактический удар по ней.

В случае перехода в наступление значительных сил противника на одно из направлений НРА, другие направления отвечают в пределах своего участка контрнаступлением на противника. Без этого противник, сосредоточив превосходящие силы, может добиться успеха сначала на фронте одного направления, а затем перейти на другой, что может привести к общему поражению НРА.

VII

Для обеспечения правильной связи с частями во время наступления немедленно приступить к постройке телефонной линии и установке радиостанций.

1. Радиосвязь. Радиостанции расположить для связи с первым и вторым направлениями в районе Фынчен, одну радиостанцию — Гаоань — при штабе Главкома. Одну для связи с четвертым направлением в г. Унине. Радиостанцию, находящуюся в Ханине, немедленно перебросить в Гаоань, как резервную.

2. Немедленно провести телефонные линии, а уже имеющиеся хорошо исправить: Гаоань — Чжанъи и хорошо исправить телефонную линию. связывающую штаб Главкома с 3-м корпусом. Корпусам немедленно соединиться с основной линией Главного штаба. Кроме того, построить вторую линию Главного штаба от Пинсяна до Сюшуя через Ванцзай и Тунгу и из Сюшуя в Унин.

VIII

По политической части

Всем политотделам корпусов, военкомам, пользуясь предстоящим периодом затишья на фронте, развернуть широкую политическую кампанию в частях, разъясняя цели и задачи Северной экспедиции и необходимость для национальной революции и создания независимой страны добиться окончательной победы над Сунь Чуань-фаном в кратчайший срок. Также развернуть широкую работу среди крестьянства и других кругов населения в занятых нами районах провинции Цзянси. Нужно разъяснить, что спасение страны от собственных и иностранных грабителей может совершить лишь Национальное собрание. Наша борьба есть борьба за Национальное собрание.

IX

По снабжению

1. Главному этапному управлению иметь в виду недостаток риса и соли в полосе южной части ж. д. и районе расположения частей четвертого направления. Поэтому к началу общего наступления Главному этапному управлению выбросить передовые продовольственные пункты: для третьего направления — в район Цаошаня и Фынсина, для четвертого — в район Унина.

2. Считаясь с огромным утомлением людей во время последних боев, начиная с 20-го октября усилить питание солдат, установить питание их три раза в день. Снабжению необходимо отпустить средства или продукты для этого дополнительного питания.

3. Учитывая значительные расходы боеприпасов во время последних боев, части теперь же пополнить патронами и снарядами, а перед началом общего наступления выдвинуть передовые склады огнеприпасов в места, указанные для продпунктов.

4. Ускорить доставку в части теплого обмундирования.

X

По санитарной части

1. Начать немедленное освобождение корпусных лазаретов от раненых и больных, эвакуированных в Чанша.

2. С началом наступления выдвинуть передовые лазареты: для третьего направления в Гаоань и для четвертого направления в Тунчэн, а затем в Унин.

P. S. По данным на 17 октября 4-й корпус полностью грузится на пароходы и перебрасывается на них из Учана в Дае. Это ускоряет его прибытие в район Жоци, где он может быть 27—28 октября. Можно рассчитывать, что дивизия Хэ Яо-цзу сосредотачивается к 7-му корпусу 22—23 октября. Это ускорит нашу готовность к общему наступлению, которое может быть начато 23-го октября.

Галин

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, лл. 27—30.— Копия.

№ 2

Отчеты старшего советника по артиллерии Бородина о Северной экспедиции НРА Китая

2 декабря 1926 г.

I

Я отбыл из России в Китай 15 июля 1925 года. 4 августа 1925 года был назначен и прибыл в бывшую Кайфынскую группу в качестве старшего артиллерийского советника при бывшей 2-й Народной Армии, где работал до конца ее ликвидации, т. е. до марта 1926 года. По ликвидации 2-й армии я был назначен артиллерийским советником при школе ВАМПУ.

Ввиду мартовских событий в Кантоне работа всей группы русских товарищей в ВАМПУ была тяжелой ввиду того, что к работе почти не допускали. По директивам начальника группы мы должны были лишь органически не бросать связи со школой ВАМПУ. Тяжелый период работы в ВАМПУ продолжался до окончательного выступления частей Кантонской армии на север, т. е. до половины июля 1926 г. С выступлением частей Кантонской армии на север я был назначен артиллерийским советником при действующих частях на фронте и находился все время при ударной артиллерийской группе, созданной из русских орудий. Части Кантонской армии к половине августа 1926 г. заняли исходное положение по линии реки, что в 60-ти километрах на север от города Чанша провинции Хунань, и во второй половине августа части Кантонской армии вступили в действие с противником. Первые же бои Кантонской армии начали реализовать успехи своих действий и к первому сентября достигли линии города Учана провинции Хубэй. В период пятнадцатидневных боев, характерными из которых были бой под ст. Сяньнин 27 августа 1926 г., в результате которого частями 4-го корпуса при содействии русских орудий были взяты сильно укрепленные позиции противника — вся группа противника была уничтожена, взято около 40 орудий, больше 5 000 винтовок, много пулеметов и больше 5 000 пленных. Второй характерный бой был на подступах к городу Учану в междуозерном районе, где перешейки между озер были сильно укреплены двумя и тремя рядами окопов и в три ряда проволочными заграждениями. Техническое оборудование указанных позиций видимо выполнялось под руководством японских или английских инструкторов, так как укрепленные позиции были совершенно не похожи на техническую подготовленность офицерского состава китайской армии вообще. Указанные позиции были взяты частями 4-го корпуса при содействии русских орудий ночным боем. Бой длился восемь часов, противник принимал четыре штыковых атаки, в результате этого боя противник также был со всей группой уничтожен, и 31 августа 1926 г. части НРА подошли под город Учан.

На виду ряд разногласий между отдельными командирами корпусов Кантонской армии, в частности 7-го и 8-го корпусов, с одной стороны,

и Главкомом и командиром 4-го корпуса — с другой. Эти разногласия можно было видеть в процессе самих боев, так как ни один бой, проводимый 4-м корпусом, не имел поддержки со стороны 7-го и 8-го корпусов, между тем как по приказу Главкома они должны были участвовать на обоих флангах действующего 4-го корпуса. Это ставило 4-й корпус в боях под Сяньнином, в междуозерном районе и во время двух штурмов города в тяжелое положение. Как характерность можно отметить два штурма города Учана. Первый штурм производился 2 сентября, в котором должны были участвовать две дивизии 4-го корпуса, две дивизии 7-го корпуса и одна дивизия 8-го корпуса, в действительности же штурмовал только 4-й корпус, что дало возможность противнику внутри стены города маневрировать своим гарнизоном и парировать удар на одном участке 4-го корпуса. Штурм 2 сентября был отбит, 4-й корпус потерял около 300 человек убитыми и ранеными. 3 сентября было совещание командиров корпусов и Главкома, на котором было решено начать второй штурм в ночь с 4 на 5 сентября. Во втором штурме должны были принять участие также 4-й корпус в составе двух дивизий, 7-й корпус в составе двух дивизий и 2-я дивизия 1-го корпуса. 8-й корпус был в резерве всех действующих частей под Учаном.

В результате второго штурма Кантонская армия также понесла большие потери и овладеть городом не удалось, ибо, как и в первом штурме, части 7-го корпуса участия почти не принимали.

Все эти колебания со стороны командиров 7-го и 8-го корпусов я лично считаю колебаниями политического характера, ибо китайская действительность еще говорит, что между командирами корпусов Кантонской армии имеются соревнования за первенство на получение провинции Хубэй — командир 8-го корпуса Тан Шэн-чжи был назначен председателем Комитета по управлению провинции Хубэй и под его же влиянием находился весь административный и военный аппарат провинции Хунань. Это произошло в результате всей серии боев, где 4-й корпус ослаблял свои силы, 7-й и 8-й корпуса только себя усиливали.

Ряд таких колебаний происходил также и на Цзянцзинском фронте между командирами 2-го, 3-го и 6-го корпусов. В 20-х числах сентября 3-му и 6-му корпусам было приказано атаковать и занять город Наньчан (столица Цзянси). Но в бою оказался только один 6-й корпус. 3-й корпус почему-то не пошел, и в результате этого боя 6-й корпус был окончательно разбит.

В ряде попыток дальнейшего наступления на Наньчан был сильно потрепан и 3-й корпус, что заставило части Кантонской армии отступить по всему восточному фронту к провинции Хунань и лишь только при падении Учана и с освобождением частей 4-го корпуса удалось на Цзянсийском фронте восстановить положение и в последующих операциях даже и разбить противника.

Личный авторитет русских товарищей, работающих в Кантонской армии, безусловно велик, ибо все действия частей, в которых находились русские товарищи, не имели никаких поражений, за исключением тех случаев, когда происходили колебания тех или других командиров корпусов, действующих вопреки советам русских товарищей.

Весь личный состав русских товарищей, участвующих с самого начала Северной экспедиции, сильно подорван в своем здоровьи, массовые желудочные заболевания и абсолютно все страдают неврастенией.

2 декабря 1926 г.

Бородин

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43. лл. 9—13.— Подлинник.

II

10 декабря 1926 г.

а) Северная экспедиция кантонских войск была официально обнародована 1 июля 1926 г. [1], а 6 июля части Кантонской армии начали поэшелонно выступать по желдороге на Шаогуань и далее на север. Движение войск Кантонской армии делалось с таким расчетом, чтобы ровно через 30 суток, т. е. к 6 августа, занять исходное положение по линии реки Мицзян, что на север от Хэнчжоу (город Чанша к тому времени находился в руках противника).

б) О трудностях похода

Движение войск происходило в самый жаркий период времени года с температурой, доходившей до 120° по Фаренгейту, усугублённое бездорожьем северной части провинции Гуандун и южной части провинции Хунань. Кроме того, в указанных провинциях свирепствовала повальная холерная эпидемия. В результате указанных трех неблагоприятных для кантонских войск факторов некоторые корпуса потеряли до 50% личного состава, как, например, 6, 2, 3 корпуса и меньше — 4-й корпус. (Из русских товарищей болел холерой советник снабжения т. Лодзинский, а его переводчик т. Яновский умер.)

Все это безусловно не могло не сказаться на боеспособности кантонских войск. По мере подхода частей к указанной исходной линии частями 8-го и 7-го корпусов был занят гор. Чанша, и таким образом Главным штабом была изменена исходная линия для развертывания частей Кантонской армии. Эта линия была перенесена по линии реки (без названия), что около 60 км на север от Чанша. По приказу части эту линию должны были занять к 15 августа и расположиться примерно в следующем порядке. Головным корпусом был назначен 4-й, за его левым флангом — 8-й, за стыком 4 и 8-го корпусов — 7-й корпус и уступом за правым флангом — 4-й корпус, 6-й корпус. 1-й корпус в резерве Главкома гор. Чанша. 2-й и 3-й корпуса — гор. Лилин для охраны справа. Весь боевой порядок действующих корпусов против У Пей-фу и на случай парировать удар цзянсийских войск. 9-й и 10-й корпуса (гуйчжоуские и сычуаньские) должны занять гор. Чандэ, что на запад от озера Дунтинху с задачей охраны левого фланга и главного направления частей, движущихся на гор. Учан, и по мере продвижения частей, на главном направлении 9-й и 10-й корпуса делают движения на север через пункты Аньфу, Фынчжоу, Гунъань, и до реки Янцзы, 14-й корпус, созданный из цзянсийских войск, перешедших на сторону Кантона, и расположенный в гор. Наньсюн, что на северо-восток от Шаочжоу, с задачей охраны границ Гуандуна от Цзянси.

в) 1-й период действий войск Кантона.

Части Кантона к 15 августа заняли исходное положение по линии вышеуказанной реки и 17 августа перешли в наступление. Сбив противника, начали быстро продвигаться вперед, почти без боя, и к 24 августа достигли линии крепости Иочжоу, где противник дал легкий бой своими арьергардными частями и быстро стал отходить на север, а к вечеру 27 августа наши части уже были под ст. Сяньнин (на карте Наньнин), где у противника были заранее подготовлены и укреплены позиции.

Сяньнинский бой. По сведениям штаба было известно, что противник сяньнинские позиции сильно укрепил, кроме того, сама местность, переплетенная рядом мелких речек, слева от желдороги большое озеро Футоуху и ряд других мелких озер (на карте их нет), давала возможность

[1] Ошибка в документе. Официальная дата начала Северной экспедиции 9 июля 1926 г.

противнику успешной обороны этих позиций. Кроме того, противник получил подкрепление в виде одной хубэйской дивизии, что составило группу в 12—13 тысяч, где он и решил нам дать бой.

28 августа частям было приказано сбить противника с указанных позиций с задачей 4-му корпусу двигаться прямо по линии железной дороги и быть ударным, охрана правого фланга 4-го корпуса была поручена 6-му корпусу. 7-й корпус одновременно должен наступать в промежутке между линией железной дороги и оз. Футоуху. 8-й корпус должен был двумя дивизиями двигаться в промежутке между рекой Янцзы и оз. Футоуху, оставив третью дивизию в резерве 4-го корпуса. С рассветом 28 августа 4-й корпус перешел в наступление, завязался сильный бой, в процессе которого противник начал обходить левый фланг 4-го корпуса, т. е. в том направлении, где должны двигаться части 7-го корпуса, которых, к сожалению, не оказалось, и 4-му корпусу одному пришлось вести более четырех часов бой, в результате которого противник был разбит наголову,— около 2 000 убитых и утопленных в реках, около 5 000 взято в плен, около 5 000 винтовок, пушек и пулеметов. После боя выяснилось, что части 7-го и 8-го корпусов продолжали стоять на месте и сознательно боя не принимали. В таком же виде происходил бой 30 августа в междуозерном районе, что в 30 километрах на юг от города Учана, где также одному 4-му корпусу пришлось вести восьмичасовой ночной бой, четырежды переходивший в штыковые схватки. Вечером 31 августа части 4-го корпуса были уже под стенами Учана, в то время как части 7-го и 8-го корпусов подошли к Учану только 1 сентября. Это заставило 4-й корпус воздержаться от немедленной атаки гор. Учана и лишь с подходом 7-го и 8-го корпусов 2 сентября начался штурм Учана, причем этот штурм был построен на самоинициативе самих частей. Централизованного руководства в него внесено не было, части действовали вразброд, а потому успеха он иметь безусловно и не мог. 4-й корпус, как и всегда, понес больше всех потерь.

3 сентября было созвано совещание комкоров и комдивов на предмет дальнейших мероприятий против Учана. Было решено в ночь с 4 на 5 сентября подготовить новый штурм Учана с внесением в него централизованного руководства, подготовкой лестниц и других необходимых принадлежностей.

В штурме должны были принять участие следующие части: 2-я дивизия 1-го корпуса с северо-востока, упираясь своим правым флангом в реку Янцзы, 4-й корпус (10-я и 12-я дивизии) с юга и юго-востока, 7-й корпус (2-я и 3-я дивизии) с запада, упираясь своим левым флангом в реку Янцзы. Штурм должен начаться с трех часов. Артиллерия в этом штурме участия почти не принимала, так как из 12-ти русских пушек четыре были оставлены при 2-м и 3-м корпусах, две — для обороны крепости Иочжоу, две пушки были приданы частям 8-го корпуса и болтались сзади и на позиции оказались только четыре пушки, из коих одна оказалась больной. Кроме того и эти пушки были совершенно не использованы. Я лично по директивам т. Галина 31 августа выехал в крепость Иочжоу для обороны последней на случай десантных операций противника и 3 сентября был срочно вызван под Учан для организации артиллерии и ее подготовки к штурму. Разбитость транспорта мне позволила прибыть на позицию только в 11 часов ночи 4 сентября, т. е. за четыре часа до штурма. Пушки уже были на позиции. Пристрелки из них засветло сделано не было, а также не было и телефонной связи. Переставить артиллерию на другие позиции и устранить все перечисленные мной дефекты в течение четырех часов, да еще ночью совершенно не представилось возможным, а потому и роль артиллерии в этом штурме сошла

почти к нулю. Весь штурм должен был лечь целиком на плечи пехоты. Частям было указано, что в случае до рассвета штурм не удастся, с рассветом части должны отойти из-под стен в исходное положение. В три часа начался штурм. По-прежнему энергично штурмовали 4-й корпус, 2-я дивизия 1-го корпуса. В результате штурм также не удался, и части с рассветом не сумели даже отойти из-под стен, так как противник в упор со стен расстреливал пулеметным, ружейным огнем и забрасывал массой ручных гранат. Во время всего ночного штурма части 12-й дивизии 4-го корпуса до пяти раз поднимались на стену, но были сбиваемы. 2-я дивизия 1-го корпуса сумела пробить первые ворота, но застряла на вторых и весь день вынуждена была сидеть в коридоре, неся потери. С темнотой части отошли в исходное положение и выяснилось, что за время штурма 2-я дивизия 1-го корпуса потеряла около 300 человек, 4-й корпус — около 500 чел. и 7-й корпус — около 100 чел. Здесь опять очевидно, кто штурмовал активно, а кто формально. Кроме того, 5 сентября было обнаружено в захваченных нами складах, в казармах 18-й и 25-й хубэйских дивизий, 12 полевых пушек Арисака, совершенно годных к действию с большим количеством снарядов и выяснилось, что эти орудия были еще обнаружены 8-м корпусом 3 сентября и о них никому не было сообщено, и я думаю, что не было сообщено сознательно, ибо ведь эти пушки могли быть введены в бой и могли дать успех по занятию Учана, что политически было невыгодно комкору 8.

После второго неудавшегося штурма было назначено новое совещание комкоров и комдивов на вечер 6 сентября, на котором комкор 8 Тан Шэн-чжи предложил Учан не штурмовать, а обложить частями 4-го корпуса, а он со своим корпусом переправится на левый берег реки Янцзы с целью занять Ханьян и Ханькоу, что было на совещании и принято. В действительности же оказалось, что одна дивизия 8-го корпуса уже несколько дней назад форсировала реку Янцзы, и что эта дивизия уже 6 сентября утром заняла Ханьян, о чем не было известно Главному штабу, и о чем Тан Шэн-чжи не сказал и на совещании 6 сентября вечером. Можно предполагать, а это вполне вероятно, что Тан Шэн-чжи вел за спиной Главкома переговоры с упэйфуистским генералом Лу Цзо-луном, который 7 сентября перешел на сторону Кантона, а 7 сентября вечером Тан Шэн-чжи донес, что после упорных боев он занял Ханьян и Ханькоу. Во всех операциях до Учана была несомненно видна полная кооперация между 7-м и 8-м корпусами, которые стремились в этой войне только усилить себя и ослабить корпуса, вышедшие непосредственно из Кантона, чтоб легче можно было в дальнейшем влиять на Кантонское правительство. Это видел безусловно и Главный штаб, который все время стремился разорвать эту кооперацию. С занятием Ханьяна и Ханькоу Главный штаб добился наконец согласия комкора 7 пойти на цзянсийский фронт. а 8-й корпус должен был очищать Хубэй и, кроме того, началась осада Учана. Средствами осады Учана являлись: 10-я и 12-я дивизии 4-го корпуса, которые активных действий не проявляли, а только блокировали его. Активную осаду выполняли два аэроплана, которые регулярно делали ежедневно два полета по сбрасыванию бомб, и артиллерия в количестве 6 горных 76,2 м/м пушек русских и 12 полевых пушек Арисака. Вся артиллерия под моим руководством была поставлена на позиции. Был выбран основной командирский артиллерийский наблюдательный пункт, где был поставлен коммутатор, и все артиллерийские позиции были связаны телефоном. Задача артиллерии была своим огнем поддерживать и обеспечивать успех наших действующих аэропланов. В результате 35-ти дневной осады было сброшено более 200 пудов взрывчатого вещества, около 4 000 снарядов. 10 октября город сдался.

г) Состояние и роль артиллерии

Артиллерия Кантонской армии состояла: около 70 орудий горных 75 м/м Круппа и Арисака, причем вся эта артиллерия устаревших образцов и имела при себе 10—15 выстрелов на орудие. Рассчитывать на помощь такой артиллерии было бы смешно. Кроме указанной артиллерии 4 августа из Кантона выступил артиллерийский полк Вампу, созданный из 76,2 м/м горных пушек Шнейдера — 12 орудий, 8 орудий 37 м/м Розенберга и 18—90 м/м бомбометов. С приходом артполка на фронт пушки Розенберга и бомбометы были переданы в корпуса и непосредственно пехоте, в артполку осталось 12 горных 76,2 м/м пушек. Эти пушки были снабжены по 500 выстрелов на каждое орудие. Эти пушки имели большой технический недостаток в том, что с ними не прибыли как запасные части, так и ассортимент принадлежностей, и это роковым образом сказывалось на их работе. Пушки выходили из строя из-за самых пустяков, как недостаток жидкости или воздуха в компрессоре и накатнике, эта неисправность при наличии инструмента и принадлежностей устранима в течение двух часов, без них же пушки выходили из строя навсегда. Вторым недостатком этих пушек было то, что они прибыли всего за месяц до Северной экспедиции. Пушки современные, с напорами, приспособлены к стрельбе с закрытой позиции, таких пушек китайские артиллеристы никогда не видели, нужно было их обучить действовать при них. На всю подготовку офицеров и курсантов Вампу было дано 20 суток, конечно, в такой срок можно только было их с этими пушками познакомить, но никак не обучить техническому действию при них и тактически их использовать. Но тем не менее, имея такую группу в 12 орудий с количеством 6 000 выстрелов, можно было бы все-таки с ними сделать большое дело, а этому помешал третий фактор — чисто политический. Комкоры все время смотрели на артиллерию как на артиллерию кантонцев, что мол у них хорошая артиллерия, так пусть они и идут вперед и, кроме того, между самими комкорами всегда были скрытые разногласия по использованию войск в бою. Нужно было как-то урегулировать отношения между Главкомом и комкорами, с одной стороны, и между комкорами, с другой, это потребовало разделения и артиллерии. Четыре орудия были даны 2-му и 3-му корпусам, два орудия 8-му корпусу, два орудия по просьбе комкора 8 были поставлены для обороны крепости Иочжоу, без которых там безусловно можно было обойтись, и четыре орудия действовали с 1-м и 4-м корпусами. Вся эта распыленность артиллерии повлекла за собой полнейшую ее бездеятельность. В движениях артиллерия всегда отставала от пехоты (это, конечно, естественно: артиллерия переносилась на людях) и не поспевала к бою, а когда приходилось ей участвовать в боях, то она неправильно применялась и по незнанию ее китайцами бездействовала. Артсоветник не имел физической возможности следить за этой разбросанной артиллерией и помочь правильно ее использовать. В лучшем случае ему удавалось быть на участке двух-трех орудий, ближайших к нему, и к этому надо ему присовокупить полнейшее отсутствие какой бы то ни было технической связи. Все вместе взятое создало такое положение, что артиллерия той роли, которую бы она должна выполнить, безусловно не могла выполнить. В таких боях, как под ст. Сяньнин, междуозерный бой на подступах Учана, артиллерия отстала и участия не принимала и она подошла только к штурму Учана, и то не была правильно использована.

д) Связь

О связи говорить много не придется, так как ее почти не было. Если взять телеграфную связь Главкома с Кантоном, телеграммы, которые идут вне всякой срочности и то из Чанша (провинция Хунань) до Кан-

тона они идут 3—4, а бывало и 7 суток. Что касается связи между частями войск, то между корпусами и дивизиями формально она была, но чтобы на нее можно было надеяться как на таковую говорить, конечно, не приходится. Связи между полками и дивизией не было даже и формальной, здесь основная связь — посыльный, в лучшем случае конный ординарец. В конце августа или в начале сентября прибыло на фронт несколько радиостанций, хотели при помощи их связать штабы корпусов с Главштабом, но из этого ничего не вышло, так как нет соответствующего обслуживающего персонала.

Вот коротко все то, что можно отнести к первому периоду Северной экспедиции.

е) Второй период

Ко второму периоду я отношу действия кантонских войск после занятия Ханьяна и Ханькоу частями 8-го корпуса по очищению провинции Хубэй и наступление на Цзянсийском фронте. Как в Хубэе, так и на Цзянсийском фронте я не участвовал ввиду моей болезни и коротко расскажу только, что я слышал от товарищей.

На охране Ханьяна — Ханькоу остался 15-й корпус, сформированный из частей, перешедших на сторону Кантона во главе с генералом Лу Цзолуном. Части 8-го корпуса начали преследовать деморализованного противника на север пров. Хубэй. В конце августа в Главштаб начали поступать сведения о концентрации войск Сунь Чуань-фана на западной границе провинции Цзянси. В то время еще кантонские части были под Учаном и в случае перехода к действиям войск Сунь Чуань-фана для частей кантонской армии, действующих под Учаном, создалось бы неблагоприятное положение. Нужно было бы во что бы то ни стало опередить выступление Сунь Чуань-фана, своим выступлением не дать ему сконцентрировать силы, взять сразу же инициативу в свои руки и разбить по частям. С этой целью в первой половине сентября был и отдан приказ о наступлении на Цзянсийском фронте, хотя против этого было даже и Кантонское правительство, которое все время настаивало не создавать с Сунь Чуань-фаном вооруженного конфликта.

Исходное положение, направление движения и задачи корпусов Кантонской армии на Цзянсийском фронте:

2-й корпус. Занимал Лилин, с переходом в наступление должен двигаться в направлении Пинсян, Юаньчжоу, Синьюй, Линьцзянь, форсировав реку, выйти с юго-востока к Наньчану.

3-й корпус. Занимал Лилин и должен был двигаться через пункты Ваньцзай, Жуйчжоу с задачей захватить Наньчан.

1-я дивизия 1-го корпуса занимала Люян и должна была двигаться в направлении Фынсинь, Наньчан.

6-й корпус. Занимал Тунчэн с движением в направлении на Инин, Цзинъань, Наньчан.

7-й корпус. 8 сентября выступил из-под Учана и должен был двигаться вниз по реке Янцзы на Цзюцзян с задачей захватить железнодорожную ветку Цзюцзян — Наньчан и отрезать сообщение реки Янцзы с озером Поянху и далее занять Хукоу. В первый же день наступления кантонских войск во всех пунктах противник был разбит наголову, например: 6-й корпус в районе Инин разбил целиком дивизию противника, взяв около 3 000 в плен. 2-й и 3-й корпуса в районе Тинсян, Ваньцзай разбили две группы противника около 12 000 и в дальнейшем без задержки двигались на Наньчан.

20 сентября 6-й корпус врывается в гор. Наньчан (он освободил из Наньчанской тюрьмы русского летчика Вери и механика Кобякова). Приказом Главкома на помощь к нему должен был подойти 3-й корпус

и вместе с ним форсировать отрог реки и дальше преследовать противника. 3-й корпус по неизвестным причинам продолжал оставаться на месте и к Наньчану не подходил. В это время противник подтянул подкрепления и 23 сентября контрударом выбрасывает 6-й корпус из Наньчана, растрепав окончательно последний, 19-я дивизия 6-го корпуса была уничтожена почти целиком. Потеря Наньчана была безусловно политически невыгодна для Кантона, а потому было приказано во что бы то ни стало занять Наньчан частями 3-го корпуса. При попытке 3-го корпуса занять Наньчан последний также понес серьезные потери. 2-й корпус все время топтался в районе Линьцзянь и дальше не двигался. С этого времени инициатива перешла в руки противника и Кантонская армия начала отступать к границе Хунани и создалось тяжелое положение для города Чанша, как главной базы Кантонской армии. 7-й корпус в районе Гуаньцзи также топтался на месте, и дальше не двигался, хотя ему и не оказывали сопротивления.

Лишь только с падением Учана и освобождением 4-го корпуса последний быстрым маневром достигает района Цзюцзяна, захватывает его, чем создал угрозу тылу противника, 4-й корпус своим маневром не только восстановил положение Кантонской армии на Цзянсийском фронте, но и дал возможность быстро ликвидировать противника.

Бородин

10 декабря 1926 г.

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, лл. 14—23.— Копия.

№ 3

Записка А. Хмелева о своей поездке в штаб Главкома войск Северной экспедиции

5 декабря 1926 г.

I

Прибыл я в Наньчан 24 и покинул его 30 ноября. Все нижеизложенное явится результатом того, что мне удалось запомнить в беседе с тов. Галиным, прочими советниками и будет дополнено теми материалами, которые мне удалось с собой захватить.

Мой приезд совпал с концом третьей и последней операции в Цзянси. Только что были подведены итоги этой операции и намечалась новая линия работы по части организационной.

Так как, видимо, еще пока нигде нет, хотя бы в сжатом виде, описания событий во время третьей операции, то я вкратце позволю себе об этой третьей операции кое-что сказать.

Не в пример второй операции, на этот раз, третья операция прошла по плану, который был предложен тов. Галиным. Отклонения от операции главным образом были произведены северной ударной группой, в частности 7-м корпусом. В самую критическую минуту 7-й корпус заявил, что он без 4-го корпуса, который предполагался быть в резерве Главкома, наступать не может и наступать не будет. Пришлось согласиться на это отступление от плана и двинуть 4-й корпус, который по существу является уже не резервным корпусом, а ударной группой при прорыве Дэань. Вполне понятно, что сделать такое отступление от плана был

прямой смысл, ибо при обозначившемся успехе на правом фланге всякое промедление времени на левом фланге, если бы стали доказывать 7-му корпусу, что это его дело, могло бы принести большой вред. Намечался случай отступления от плана и у правой ударной группы, но благодаря тому, что на этом участке во время всей операции находился лично Галин,— там прошло почти без всякого отклонения от плана. Один раз рискнул отклониться от плана сам Главком. 3-й корпус, на задаче которого лежало отвлечь на себя противника, понеся большие потери, стал просить у Главкома дать ему на помощь резервную дивизию 1-го корпуса. Так как в тот момент, когда Чжу Пэй-дэ обратился за помощью к Главкому, Галин спал, то Главком на передачу Чжу Пэй-дэ одной дивизии согласился. Дивизия уже была двинута в распоряжение Чжу Пэй-дэ, когда Галин, проснувшись, узнал, что отдано такое распоряжение, то порекомендовал отменить это приказание и изменить направление дивизии 1-го корпуса по прежнему плану. Если бы была передана эта дивизия Чжу Пэй-дэ, то, по всей вероятности, такого успеха достигнуто не было бы, какой имеется сейчас. Чжу Пэй-дэ, понятно, страшно злился на Галина, всячески доказывал, что ему необходима поддержка и только уже после операции он понял, что Галин был прав. Вообще в этой третьей, последней операции китайские генералы в первый раз поняли, что они, занимая один участок фронта, являлись весьма ничтожной величиной, и что им проявлять широкую инициативу не приходится, что они должны точно выполнять ту задачу, которая им поставлена в общей директиве. До сего времени у них в голове не увязывалось того, что они, большие генералы, всем известные и уважаемые, должны выполнять какую-то маленькую задачу, иногда сопряженную даже с большими жертвами, и только в последнее время тот же самый Чжу Пэй-дэ пришел к заключению, что при большой операции его задача только точно выполнить ту директиву, которая дана высшим командованием. Борьба в этой третьей операции для кантонских войск была чрезвычайно тяжелой. При условии утомленности солдат, плохого обмундирования, недостаточного количества патрон пришлось наступать на противника, отлично снабженного, прекрасно одетого и располагающего громадным количеством огневых средств и даже превосходящего в численном отношении, плюс ко всему этому противник имел отлично устроенные окопы с козырьками, блиндированные убежища и проч. Имелся в последней операции целый ряд случаев штыковой атаки. Когда не было патрон и когда нужно было сломить упорство противника, солдаты шли в штыковую атаку, поднимаясь для этой атаки за 400 метров до противника.

Единственно, кто не выполнил своей задачи в эту третью операцию, так это 9-й корпус, действовавший на крайнем левом фланге, в районе Усюэ и др. Тан Шэн-чжи было поставлено в задачу, собрав свои части в кулак, обходным движением окончательно разгромить довольно слабую группу аньхуйцев, дравшуюся в этом направлении. Однако с самого же начала действий Тан Шэн-чжи не выполнил указания по общей директиве, произвел кое-какие сепаратные мероприятия, вследствие чего операция была проведена из рук вон плохо и в результате он не только не разбил противника, а наоборот, противник взял у Тан Шэн-чжи до 200 человек пленных, и корпус понес потери около тысячи убитых и раненых. Находящийся при корпусе советник, тов. Никитин, когда увидел, что общая директива не выполняется, несмотря на свое желание повлиять на Тан Шэн-чжи, сделать, конечно, ничего не смог и был свидетелем поражения корпуса. Тов. Никитин рассказывает, что в наиболее острые моменты, когда нужно было вступать в бой, командиры бригад покидали фронт, выезжали в ближайший тыл и устраивали совещания. Сейчас еще

трудно сказать, есть ли это результат заведомого предательства или результат крайней неспособности к ведению боевых действий как самого Тана, так и его генералов,— это, пожалуй, можно установить позднее. Словом, левофланговая группа войск Северной экспедиции не помогла ни в какой степени.

Интересно осветить роль еще одного помощника — комкора 11 Фан Бинь-жэня. После своего вынужденного выезда из Цзянси в начале этого года Фан Бинь-жэнь оказался в Кантоне и там у правительства получил мандат в качестве усмирителя провинции Цзянси. Имея в руках этот мандат, он с какой-то небольшой группой войск, еще в то время, когда не решился вопрос о переходе Северной экспедиции в Цзянси, начал продвигаться с юга Цзянси по направлению на Наньчан. Когда же в Цзянси вошли войска Северной экспедиции, то роль Фан Бинь-жэня свелась ни к чему, и он с отрядом телохранителей, что-то в количестве 200 чел., следовал за штабом Главкома. В последнюю третью операцию оборона Наньчана была возложена Сун Чуань-фаном на основные цзянсийские части во главе с Тан Фу-шанем (раньше Тан Фу-шань числился ближайшим соратником Фан Бинь-жэня). Когда Сун Чуань-фан везде был разбит, остался один наньчанский гарнизон, быстро со всех сторон обложенный 2-м и 6-м корпусами, то для Тан Фу-шаня не осталось никакого выхода как сдаться. Но он решил сдаться так, чтобы не потерять своих сил. С этой целью он снесся с Фан Бинь-жэнем, которому изъявил готовность подчиниться, и Фан Бинь-жэнь в одно прекрасное утро подошел к восточным воротам города, ворота открылись и оттуда начали выходить колонны войск со знаменами 11-го корпуса и во главе этой колонны шел сам Фан Бинь-жэнь. Такой маскарад ввел в большое недоумение командование Северной экспедиции, сначала не могли понять, что это означает, однако быстро раскусили и предложили Фан Бинь-жэню корпус отвести в район недалеко от Наньчана, где этот корпус был быстро окружен кантонскими войсками и ему было предложено сдать оружие. Тан Фу-шань, видя, что его войска окружены, сдал оружие. Солдаты были использованы как материал для пополнения основных кантонских частей, а сам Тан Фу-шань был арестован.

Об окончательных итогах третьей операции, о потерях, трофеях и остатках кантонских армий, дает представление ниже помещаемая выдержка из телеграммы тов. Галина от 15-го ноября 1926 г.:

«1. Армии Суня и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5-го ноября. Отброшенные на озеро с железной дороги, окруженные с юга и севера остатки войск разоружены 9-го. По данным на 9-е взято около 40 000 винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов. Большое число оружия брошено противником в реки. Суню удалось спасти из Цзянси: из района Цзюцзяна свой полк охраны и полк из дивизии Мын Чжао-юэ. Из района Туцзяпу три-четыре тысячи. На восток Цзянси ушли еще до боев бригады Лю Бао-ти и Се Вэнь-бина — четыре-пять тысяч небоеспособных штыков. На юго-восток отошла бригада Чжана из дивизии Дэн Жу-чжо, связывавшаяся с Ся Чао. Наконец, 3-я дивизия Чжоу Фын-ци, ушедшая без боев из Цзюцзяна и двигающаяся, по нашим сведениям, в Чжэцзян. Район Цзюцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает 40 000.

Операция Востока Хубэя проведена Таном неудачно. Противник — дивизия Чэнь Дяо-юаня и Ван Пу, изрядно потрепавшие Тана, отошли в Аньхуй, не оставив нам ни трофеев, ни пленных. Но в боях Цзянси в пятнадцатых числах октября Чэнь Дяо-юань имел большие потери.

2. Цзянсийские войска в последний момент, будучи окруженными, связались с Фан Бинь-жэнем, который пытался из них создать себе корпус.

Все же удалось добиться их разоружения, а сам Фан не включен в состав правительства Цзянси.

3. Всю тяжесть последних боев вынесли на своих плечах основные корпуса Гуандуна. 7-й корпус и дивизия Хэ Яо-цзу в боях ловчили и были особенно активными лишь при ловле разбитого противника, в их же руки попала большая часть трофеев. Потери революционных частей огромны. За время операции Цзянси число раненых и убитых около 15 000, за весь поход потеряли ранеными и убитыми более 25 000, не считая больных и дезертиров. Огромный процент потерь в гуандунских корпусах. Младший и средний комсостав выбит на 75%, а компoлков — половина.

4. Несмотря на поступившие пополнения численный состав гуандунских корпусов на сегодня насчитывает: 1-й и 6-й корпуса с небольшим по три тысячи, 3-й корпус около трех тысяч, 4-й корпус старого боеспособного состава три с половиной тысячи и две с половиной тысячи новичков, 2-й корпус — шесть тысяч слабой боеспособности. Вторая группа НРА, для которой связь с Гоминьданом и национальным правительством служит средством достижения личных выгод и высокого положения, составляется из 8-го корпуса Тана, состоящего из шести дивизий, 36 полков, от 25 до 30 000 штыков. 2-ю и 4-ю и часть 3-й дивизии — около 15 000 — можно считать боеспособными, остальные части мало боеспособны. Основными его частями нужно считать 2-ю, 3-ю и 4-ю дивизии. 7-й корпус — около 7000 северного района Цзюцзяна — дальнейшего желания воевать не проявляет. Дивизия Хэ Яо-цзу, около 8000, малоспособна. 15-й корпус, 5—6 тысяч винтовок, мало боеспособен. 9-й и 10-й корпуса — численность их неясна. После первой попытки наступать на Запад Хубэя и полученного поражения откатились на Хунань к северу Чандэ. Оба малобоеспособны. Наконец, 14-й корпус, численность не ясна, но можно считать больше 500, частью малобоеспособны. Сейчас стоит ближе к основному ядру национальной армии. Таким образом, основное ядро национальной армии с 14-м корпусом можно считать несколько больше 25 000 плюс части 1-го корпуса, направленные в Фуцзянь — 8000, всего примерно 33 000 штыков. Численность 2-й группы примерно 55—60 тысяч штыков плюс 17-й корпус в Фуцзяне, примерно 5000».

Наряду с высокими качествами кантонских солдат, что видно из телеграммы тов. Галина, нельзя не отметить весьма большую роль сыгранную нашими советниками. Я не говорю о Галине. Его роль общеизвестна. Но весьма большую пользу в ряде решительных моментов принесли советники корпусов и дивизий. Если бы не было при корпусах и дивизиях наших советников, то кто его знает, чем бы закончилась эта третья операция. Вполне возможно, что ряд генералов допустил бы партизанщину, что могло бы, конечно, повести к поражению. Не менее большую пользу оказали и наши русские летчики. Летчик Сергеев со своим аппаратом в течение шести дней летал 37 часов, что свыше всяких летных норм. В течение этих часов, кроме разведывательной службы, помогал наступающим колоннам путем бомбардировки крупных мест и даже путем обстрела пулеметным огнем мест скопления противника. Например, бронепоезд противника был полностью терроризирован нашим аппаратом, который спускался до 200 метров и обстреливал бронепоезд пулеметным огнем. Бронепоезд этого огня не выдерживал и моментально скрывался. Такая работа аэроплана безусловно благотворно влияла на моральное состояние войск кантонской армии и содействовала успеху. Мне пришлось видеть такие записки наших советников, находящихся на фронте, где т. Сергеева просили обязательно побомбить и полетать перед фронтом, для того, чтобы солдаты могли увереннее атаковать позицию противника.

Как уже видно из помещаемой выше выдержки из телеграммы тов. Галина, трофеи взяты у Сунь Чуань-фана громадные. Взято также до 40 000 пленных. Но, к сожалению, трофеи достались в большинстве случаев не тому, кому их следовало бы получить, а как раз тем частям, которые меньше всего принимали участия в самых тяжелых боях. Основную массу трофеев захватила в Цзюцзяне дивизия Хэ Яо-цзу. По китайским обычаям ведения войны трофеи достаются той войсковой части, которая непосредственно овладела ими. Высшее командование требовать эти трофеи для передачи другим частям не может и все зависит от любезности того, кто этими трофеями владеет, захочет — не даст. Таким образом, Хэ Яо-цзу владеет сейчас всем теплым обмундированием, значительным количеством боевых припасов и продовольствием. Все это находится в Цзюцзяне, охраняется его частями и находится в его распоряжении, несмотря на то, что основные кантонские войска еще до сего времени в значительной части ходят босые и в трусиках, однако получить обмундирование из Цзюцзяна не могут. Галин мне говорил, что имеется в виду эту традицию постепенно изживать и трофеи передавать в распоряжение Главкома. В конкретном случае дело обстоит сложнее еще потому, что Хэ Яо-цзу является одним из попутчиков, с которым пока еще церемонятся. Полученные трофеи на поле боя, в виде вооружения, в большинстве случаев оказались неисправными. Солдаты Сунь Чуань-фана, как и немцы в прошлую войну [1], сдавая оружие, предварительно его портили, почти нет пушек с замками, попорчены пулеметы и поломаны винтовки — то, что нельзя было испортить, противник бросал в озера, реки и разные прочие места, чтобы не досталось в руки победителю. Весьма небольшой процент вооружения получен в исправном виде. Правда, сейчас наньчанский арсенал усиленно ремонтирует это имущество, комбинирует из разных частей винтовки, пулеметы и пр.

В общем и целом, трофеев в отношении вооружения получено исправных столько, что представляется возможность развернуть новые части.

В отношении пленных. До третьей операции, если и были суньчуаньфановские пленные, то они обычно работали на тыловой работе. Теперь же, после разгрома Сунь Чуань-фана, признано вполне возможным пленных допустить в строевые части. Пленные рядовые солдаты, видя к себе хорошее отношение со стороны победителя, охотно идут на службу в кантонскую армию. Если сейчас и пополнилась в какой-либо степени армия, то исключительно за счет пленных. С пленными сейчас проводится специальная политработа, предварительное наблюдение показывает, что они ничуть не будут худшими солдатами, чем кантонские. Понятно, пришлось их разместить по разным частям небольшими группами. Были уже случаи применения пленных в этой третьей операции. Правда, здесь участвовали пленные не из суньчуаньфановских частей, а из частей У Пэй-фу. Особенно блестяще показали себя в последних операциях упейфуские артиллеристы, которые в третьей операции дрались выше всякой похвалы. Так как уже, видимо, кантонским войскам за исключением особо выделенной группы вести войну с Сунь Чуань-фаном больше не придется, то эти пленные будут отличнейшим боевым материалом. С Мукденом они, без всякого сомнения, все пойдут драться.

По окончании третьей операции на совещании между Главкомом и Галиным были приняты следующие решения о дальнейшем положении:

1. Захват Фуцзяни.
2. Полувоенный, полуполитический захват Чжэцзяна.

---

[1] Имеется в виду мировая война 1914—1918 гг.

3. Ликвидация западнохубэйской группы противника.

4. Реорганизация войск Северной экспедиции.

По мнению Галина, продвижение южан в Аньхуй и Цзянсу сейчас не своевременно и даже опасно. Галин допускал возможность занятия Аньхуя только при том условии, если бы Аньхуй можно было занять, не ввязываясь в войну с Чжан Цзун-чаном и силами только 7-го корпуса и дивизии Хэ Яо-цзу, ни в коем случае не втягивая в эту операцию основное ядро народной армии. Если бы удалось на эту операцию вытолкнуть из Цзянси 7-й корпус и Хэ Яо-цзу, это было бы, конечно, весьма желательным, но сейчас уже достаточно видно, что 7-й корпус идти в Аньхуй не выражает никакого желания.

Вопрос о движении в Цзянсу тоже совершенно отпадает, так как, во-первых, нет сил двигаться, а во-вторых, тот факт, что Чжан Цзун-чан выдвинулся уже в Цзянсу, неизбежно столкнет войска Северной экспедиции с Чжан Цзун-чаном. Еще когда не было известно о движении Чжан Цзун-чана в Цзянси, то группа суневских генералов во главе с Бай Бао-шанем прислали Чан Кай-ши телеграмму с предложением принять назначение от штаба кантонских войск для совместных действий против мукденцев. Обсуждая вопрос о том, что ответить Бай Бао-шаню и Чэнь И, Главком после консультации с Галиным решил, что дать этим генералам какое-либо назначение нельзя по той простой причине, что если им дать назначение, то тем самым как бы кантонское правительство объявляет войну Чжан Цзун-чану и тем самым берет под защиту те группы войск, которые будут находиться ближе всего к армии Чжан Цзун-чана. Решено было предложить этим генералам такую платформу, что кантонская армия будет союзником Бай Бао-шаня, Чэнь И и др. в борьбе против Чжан Цзун-чана, а что формальное назначение существенной роли не играет. Из этого решения видно, что штаб довольно трезво учитывал опасность возможного столкновения с Мукденом и от этой опасности старался всеми силами уклониться. Штаб держал еще такую линию, что верить целиком этим генералам весьма трудно, что лучше договориться с отдельными более мелкими группами, но за то уже договориться так, чтобы это было верно. В частности, такой договор, и как будто достаточно твердый, имеется с командиром 3-й дивизии Чжоу Фын-ци. Вообще за последнее время в штаб Главкома едет чрезвычайно большое количество разного вида делегатов от суневских частей для переговоров от имени целых групп и от имени отдельных генералов. Вел еще раньше переговоры от имени Суня и теперь посредничал небезызвестный Чжан Бо-ци. Приезжают даже представители от командиров полков, например, прибыли представители от трех командиров полков 1-й дивизии Чэнь И, которые изъявили свою готовность подчиниться кантонскому правительству.

О Чжэцзяне излагалось уже выше и решено, что Чжэцзян в общем будет занят кантонцами, но под видом участия в занятии Чжэцзяна самих же чжэцзянцев, как-то упомянутого выше Чжоу Чжи, резервной дивизии и 1-й дивизии 1-го корпуса, состоящего из чжэцзянцев, в Ханчжоу должны встретить эту группу — три полка 1-й дивизии Чэнь И, от которой приезжали делегаты.

Относительно Шанхая вопрос стоит совершенно особо. Ни у кого в штабе Главкома нет желания захватить Шанхай. Если он и будет захвачен, то последним, с таким расчетом, чтобы как можно дольше оттянуть момент непосредственного столкновения с иностранным империализмом. Формула, выдвинутая шанхайцами, «автономный Шанхай» для штаба Главкома вполне приемлема, и не исключена возможность, что войска южан, заняв Чжэцзян, могут помочь шанхайским общественным кругам, под тем или другим соусом объявить автономию Шанхая.

По сведениям, которые имеются в штабе Главкома, в Аньхуе всего осталось частей вместе с дивизией Чэнь Дяо-юаня около 20 000 чел. В Цзянсу осталась 5-я дивизия — 8000 чел., 7-я дивизия — 3000 чел., и 9-я дивизия — 3000 чел. и дивизия Мын Жао-юэ — 2600 чел. В Чжэцзяне 1-я дивизия Чэнь И — 3000 чел. Из всех перечисленных частей, наиболее далеко стоящих от вопроса о переходе на сторону кантонцев, несомненно стоит Чэнь Дяо-юань, который как будто бы уже вполне определенно перешел на сторону Мукдена. Все же остальные генералы в той или другой форме обращались в штаб Главкома за союзом или за полным их включением в состав кантонской армии.

Дальше вкратце разовью каждый пункт решения, принятого Главкомом по рекомендации Галина.

В Фуцзяни действующую там группу Хэ Ин-циня решено пополнить 14-м корпусом Лай Ши-хуаня. По мнению Галина, в первых числах декабря 14-й корпус должен был сосредоточиться в районе Янпина. Группа Хэ Ин-циня к тому же времени должна подходить к Фучжоу. 17-й корпус из района Лунъяна должен был двумя полками к тому же времени подойти к Янпину, а остальной части корпуса соединиться с основной группой войск Хэ Ин-циня и дойти до Фучжоу. При вхождении Хэ Ин-циня в Фучжоу Лай Ши-хуань должен войти в подчинение Хэ Ин-циня и двигаться на север к границам Чжэцзяна. Последние газетные сообщения свидетельствуют о том, что Хэ Ин-цинь уже вошел в Фучжоу и нужно полагать, что Лай Ши-хуань тоже достиг Янпина, так как противник, находящийся в этом районе в лице самого Чжоу Ин-жэня, по имеющимся сведениям, уже поспешно отошел на север.

Завоевание провинции Чжэцзян решено сделать главным образом силами командира 3-й дивизии Сунь Чуань-фана — Чжоу Фын-ци. Чжоу Фын-ци некоторое время тому назад прислал своего делегата к Чан Кайши, который заявил о своем полном признании кантонского правительства и о подчинении Главкому. Чжоу Фын-ци дана задача из южного Аньхуя, где он находился в конце третьей операции, продвинуться в Чжэцзян, в район Цуйчжоу. Туда же из войск кантонской армии направлена резервная дивизия в составе двух полков и уже за день до моего отъезда, т. е. примерно 28—29 числа, было принято решение Главкомом после консультации с Галиным о посылке туда еще одной дивизии 1-го корпуса. Таким образом, в районе Цуйчжоу к 5 декабря должна была сосредоточиться группа Чжоу Фын-ци, в составе примерно 3500 человек, и из частей 1-го корпуса до пяти полков. Эта группа под видом борьбы за самостоятельность Чжэцзяна из Цуйчжоу должна двигаться в Ханчжоу. С этой группой идет наш советник тов. Яновский.

Ликвидировать западнохубэйские остатки противника возложено на Тан Шэн-чжи. Прежде, чем принять к исполнению эту директиву, Тан Шэн-чжи всячески старался от нее уклониться. Так, например, он поставил вопрос о том, чтобы Главком освободил его войска, стоящие на северном фронте, путем замены их частями 4-го корпуса. Дальше предлагал 4-му корпусу выйти для ликвидации западнохубэйского противника. Словом, всячески старался увильнуть от этой операции, тяжесть ее опять переложить на плечи 4-го корпуса. Однако ни Главком, ни Галин с его предложениями не согласились, и он, в конце концов, вынужден был согласиться на эту операцию, причем в помощь ему был дан 15-й корпус Лу Цзо-луна и с ним же вместе должны пойти 10-й и 9-й корпуса, ныне отброшенные противником на границу Хунани. Должен помогать и Ян Сэнь, о чем он сам заявил в своей декларации, что он принимает назначение комкора 20 и согласен выполнить приказы Главкома, однако этому мало кто верит и, видимо, Ян Сэня в этой же операции придется разоружать.

В конце концов Тан Шэн-чжи предъявил в штаб Главкома план своей операции. По разведывательным данным противник разбросан в целом ряде пунктов, как-то: Ичане, Шаши и целом ряде пунктов значительно восточнее Шаши, которые он захватил во время третьей операции на фронте Наньчан — Цзюцзян, причем противник войска держит не в компактном кулаке, а в каждом пункте по небольшой группе. План Тан Шэн-чжи состоял в том, чтобы по выходе из Ханькоу развернуть все свои части по широкому фронту перед противником и оттеснять его на запад. Для утверждения этого плана в штаб Главкома прибыл начальник штаба 8-го корпуса Тан Шэн-чжи. С первого же взгляда на этот план было видно, что он построен неправильно. Галиным был предложен новый план, сводящийся к тому, чтобы противника совершенно не бить в лоб, перед его фронтом поставить самую слабую одну бригаду, а основными силами пойти в обхват противнику, одной группой северным путем на Ичан, а второй группой южным путем тоже на Ичан. По пути во время движения для этого обхвата громить противника в тех пунктах, где он будет встречен, и затем если бы противник, еще находящийся внутри этого обхвата, не сдался бы, то можно повернуть фронт на Восток и бить противника уже в тыл. Если бы противник вздумал отступить к Учану, то встретить его может выйти в крайнем случае и 4-й корпус. Мне неизвестно, принял ли Тан Шэн-чжи этот план или нет. Он еще никак не может привыкнуть к тому, что противника можно бить путем маневренных действий, он пока признает возможным только бить его прямо в лоб. Если этот план будет принят, то нужно полагать, что в течение первой половины декабря и максимум к 20 декабря вся операция будет закончена и противник будет разоружен. Для проведения этой операции приказано содействовать 9 и 10-му корпусам и группе Юань Цзу-мина, которые войдут в оперативное подчинение Тан Шэн-чжи. Если бы Юань Цзу-мин на этот раз отказался бы помочь кантонским войскам, то, видимо, также станет вопрос о том, чтобы его разоружить. Если не произойдет какого-либо произвольного изменения плана операции, то успех этой операции обеспечен полностью.

Что же касается вопроса о реорганизации армии, то на ближайшее время намечено расположить корпуса с таким расчетом, чтобы каждый был в своем районе, где бы мог кормиться. Таким путем расположена оставшаяся вторая дивизия 1-го корпуса в Дэане, а 1-я дивизия 1-го корпуса и резервная дивизия ушли в Чжэцзян. 2-му корпусу отведен восток Цзянси с гор. Чжаншу. Для 3-го корпуса — район Наньчан. 4-й корпус целиком вернулся в Учан. Для 6-го корпуса запад Цзянси — районы Гаоань, Фынсин и, вероятно, будет дан Пинсян. 7-й корпус расположен в районе Цзюцзяна. Дивизия Хэ Яо-цзу в районе Хукоу и Мадана. 8-й корпус в Хубэе и Хунани. 9-й и 10-й корпуса в районе Западной Хунани — сейчас будут принимать участие в операции. 11-й корпус уже разоружен. 14-й ушел в Фуцзянь. 15-й корпус в Ханьяне. 16-й корпус — Фань Шишэня на границе Юньнани и 17-й корпус в Фуцзяни.

Уже в последние дни моего пребывания в этот план дислокации частью были внесены изменения и частью намечалось внести дальнейшие коррективы. Так, например, предполагалось, что 6-й корпус должен будет перейти в район расположения дивизии Хэ Яо-цзу, подчинив себе его дивизию. Кроме того, предполагалось 15-й корпус расформировать совсем. Наряду с этим намечался ряд новых формирований. Совершенно бесспорно намечено из 4-го корпуса сформировать два корпуса и есть попытка самого Чан Кай-ши сформировать для себя еще новый отдельный корпус. Да и Тан Шэн-чжи, пользуясь вопросом вообще реорганизации армии, тоже стоит за то, чтобы ему дать 3-й корпус. Этот вопрос о переорганизации армии становится сейчас в очень серьезную плоскость. Проводя

реорганизацию, нужно сделать так, чтобы сохранить известное равновесие сил, с одной стороны, и, с другой стороны, нужно добиться того, чтобы не обидеть целый ряд генералов, вынесших целиком на своих плечах всю тяжесть операции. Так, например, желание Тан Шэн-чжи иметь у себя армию в составе трех корпусов, несомненно, встретит противодействие со стороны других генералов южной армии, в том числе Чжу Пэй-дэ, который, уже зная намерение Тан Шэн-чжи, поднимает вопрос о сформировании в его корпусе четвертой дивизии. Дальше, перед командованием стал вопрос о дивизии Хэ Яо-цзу. За время последней операции эта дивизия выросла до значительных размеров, она в последние дни имеет уже 15 полков, при том условии, что Хэ Яо-цзу не весьма склонен считаться со ставкой. Эта сила становится опасной и стал вопрос о том, чтобы его немного сократить. Было решено сделать это таким путем, чтобы его поставить под контроль одного из кантонских командиров корпусов. Решено было его подчинить Чэн Цяню, причем одновременно был послан приказ Хэ Яо-цзу о том, чтобы он свою дивизию сократил до шести полков. Предполагалось, что Хэ Яо-цзу на это сокращение пойдет не весьма охотно, а быть может даже и откажется сократиться, тогда ставился вопрос о том, что эту дивизию необходимо будет разоружить. Однако Хэ Яо-цзу, взвесив все обстоятельства, видимо, пришел к заключению, что ему лучше подчиниться приказу, и сейчас он признал Чэн-Цяня своим комкором, сам он назначается помкомкором и сокращает свою дивизию до шести полков. Вопрос о 15-м корпусе тоже стоит достаточно остро, корпус вырос в течение довольно короткого времени до 10 000 чел., пожирает громадное количество денег, а пользы в течение всей операции, за исключением момента сдачи Ханьяна, не принес никакой. Сейчас обсуждается вопрос о его разоружении, хотя бы с целью достигнуть единственной пользы, т. е. сэкономить до 400 000 в месяц, которые пожирает Лу Цзо-лун.

Работает сейчас при штабе Главкома комиссия из всех русских советников по вопросу о новых штатах, разработка эта еще до конца не доведена и намечалось составить черновой проект к 5 декабря. По этим новым штатам будет введено однообразие во всей южной армии, причем, учитывая опыт последней войны, будут усилены в частях огневые средства.

Усиленно проводится пополнение частей до штатного состава. Как уже было выше упомянуто, пополнение идет за счет пленных бывшей армии Сунь Чуань-фана. Ведутся усиленные занятия как строевые, так и по политграмоте. Особенно уделяется большое внимание обучению политграмоте при обучении пленных. Приняты меры к тому, чтобы одеть армию. Так, например, штабом Главкома в Наньчане заказаны теплые куртки ценою по два доллара за комплект. Галин предполагает, что в течение ближайшего месяца, видимо, удастся привести армию в более или менее боеспособное состояние, а если удастся иметь передышку два месяца, то нужно предполагать, что и политическая подготовка армии достигнет должной высоты. Для производства реорганизации сформирования нового корпуса из 4-й дивизии оружия хватит, может разве только не хватить на предполагаемые к сформированию резервные дивизии.

Еще несколько слов о Хэнани. Собственных сил у войск Северной экспедиции для того, чтобы двигаться в Хэнань, понятно, не хватит. Хотя Хэнань и представляет из себя сейчас бурно кипящий котел, где имеется бесконечное количество разных групп и большинство из них оппозиционно настроенных к У Пэй-фу и Мукдену, и при некотором оживлении со стороны юга, вполне возможно, что эти группы присоединятся к южной армии. Однако движение на север штабом Главкома расценивается как

движение очень опасное. Галин считает, что о Хэнани вопрос пока должен быть открытым, и если ее и занимать, то было бы самым правильным занять ее силами 1-й Народной Армии. Имеется еще опасение такого свойства, что, заняв Хэнань, тем самым на громадное количество увеличиваются попутчики, при том условии, что сама Хэнань — провинция очень бедная, всех этих попутчиков придется кормить за счет кантонского правительства — понятно это сейчас крайне невыгодно.

Вопрос о 1-й Народной Армии. По этому вопросу я несколько раз беседовал с Галиным, и он высказал свое мнение в такой плоскости, что первая и главнейшая задача северо-западной армии — установить связь с войсками Северной экспедиции. После установления связей с Северной экспедицией, после разрешения вопроса о едином командовании, можно будет вести речь уже о более рациональном использовании 1-й Народной Армии. Какое-либо движение 1-й Народной Армии со стороны Баотоу на Калган сейчас было бы преждевременным и не безопасным. Галин считает принятое решение Фын Юй-сяном о том, чтобы сосредоточить части в Шэньси для удара на Хэнань и для соединения с войсками Северной экспедиции, совершенно правильным. Если бы для возможного удара на Калган потребовалась бы новая переброска войск с юга на север, то такая переброска, по мнению тов. Галина, была бы неправильной.

Наконец, вопрос относительно Янь Си-шаня. Нам уже известно из информации представителей 1-й Народной Армии о позиции Янь Си-шаня, и к этому только надлежит прибавить те сведения, которые имеются в штабе Главкома. В день моего прибытия в Наньчан, из Наньчана выехал обратно в Шанси представитель Ян Си-шаня, небезызвестный Кан Гэн, который в прошлом году при отходе 2-й Народной Армии в район реки Хуанхэ возглавлял сборную группу остатков 2-й Народной Армии и был разоружен Янь Си-шанем. Янь Си-шань некоторое время его держал под арестом, затем привлек его к себе на службу в качестве своего советника. Так вот этого самого Кан Гэна Янь Си-шань прислал в качестве делегата к Чан Кай-ши со своим собственным письмом. Янь Си-шань в этом письме через делегата заявил, что он готов сотрудничать с национальным правительством и с 1-й Народной Армией без каких-либо конкретных указаний по вопросу о формах сотрудничества. В таком же духе Чан Кай-ши дал ответ Янь Си-шаню и также написал Янь Си-шаню свое письмо. Такое заявление Янь Си-шаня в штабе Главкома расценивается как серьезное предложение, вызванное исключительно обстановкой, в силу которой Янь Си-шаню ничего другого не остается, как сотрудничать и признать национальное правительство. Цель Янь Си-шаня — сохранить свое положение в Шэньси.

Еще несколько слов о позиции сычуаньских генералов и в частности Лю Сяна. Лю Сян считается лицом, наиболее близко стоящим к национальному правительству, однако никакого особого доверия к нему не питает. Расценивают это положение так, что если Лю Сян сохранит даже нейтралитет, а тем более, если он сумеет удержать бесконечное количество генералов, живущих в Сычуани, от выступления против войск Северной экспедиции, то этим самым его роль будет выполнена на все 100%. Тов. Галин выдвинул такой вопрос, что было бы не вредно 1-й Народной Армии из Шэньси спуститься в Сычуань, навести там порядок, быть может даже и разоружить Лю Сяна, и через Сычуань установить связь с Северной экспедицией. Понятно, 1-й Народной Армии особого труда ликвидировать сычуанских генералов не представляло бы, но весь вопрос в том, что эта операция потребует очень большого времени, в течение коего могут созреть серьезные события в Хэнани. Во всяком случае Сычуань злобы дня не представляет.

II

Тов. Галин заявляет, что были такие случаи, в особенности под Учаном, когда Чан Кай-ши со слезами на глазах, в темноте в вагоне шопотом говорил ему, что все погибло, он восстановить своего положения не может, и просил Галина принять ответственность за вождение войсками. Галину стоило большого труда доказать ему, что положение уже не так безнадежно, что нужно только твердо проводить намеченную военно-политическую линию. Нужно полагать, что у Чан Кай-ши было такое состояние, что он готов был бросить фронт на кого угодно, отправиться обратно в Кантон и попытаться восстановить свое положение хотя бы там. Вообще можно сделать такой вывод, что Чан Кай-ши для роли Главкома Всекитайской армии, тем более руководителя штаба, оторванного от центрального правительства, такого штаба, куда адресуются все и вся из всего Китая, понятно, не дорос. Это видно из целого ряда прошедших событий.

Финансовый вопрос. Финансовый вопрос для армии по-прежнему представляет очень большие затруднения. Основную массу получаемых денег пожирают как раз те части, те корпуса, которые меньше всего принесли пользы в течение этой экспедиции. Так, например, один 8-й корпус, перед тем как выйти сейчас для боевых действий в Западный Хубэй, требует не больше не меньше как один миллион двести тысяч долларов, при том условии, что Тан Шэн-чжи почти бесконтрольно пользуется денежными суммами, собираемыми его представителями в Хунани. На это требование штаб Главкома должен был ответить отказом, и было отпущено всего на ведение операции только 200 000 долл. Официально бюджет 8-го корпуса увеличен до 600 000 долл., больше Главком отпустить, конечно, не может. Всего на содержание армии 8-го корпуса в том составе, в каком он сейчас имеется, т. е. 37 полков, необходимо до двух миллионов долларов. Понятно, денег таких Главком в своем распоряжении не имеет, отсюда остается ему формирование 3-го корпуса. Этот вопрос остается открытым до военной конференции. Вторым лицом, пожирающим довольно большое количество денег, является командир 15-го корпуса Лу Цзо-лун. Лу Цзо-лун ежемесячно берет 400 000 долл., при том условии, что польза от него очень мала. Я уже упомянул, что ставится вопрос о его разоружении. Понятно, было бы это очень полезно, даже с точки зрения экономии этих 400 000 долл., которые он получает. Много пожирает денег и 7-й корпус, которому на содержание даются целиком доходы с провинции Гуанси, тем не менее командир 7-го просит у Главкома поддержки. Сколько же он получает из Гуанси, Главкому неизвестно, а командир корпуса об этом молчит. В худшем положении находятся коренные кантонские части, они получают ежемесячно не более как по 200—300 000 долл., а Лай Ши-хуан, командир 14-го корпуса, перед выходом на операцию получил только 150 000 долл., понятно сумма очень маленькая. Вследствие этого, у основных кантонских частей образовалась довольно значительная задолженность солдатам, за несколько месяцев не выплачено жалование. Хотя вопрос о невыплате жалования еще не особенно остро стоит в армии, но тянуть с ним нельзя, жалование платить, конечно, необходимо. В последнее время сделана попытка штабом Главкома упорядочить денежный вопрос, наложено вето на все доходы, причем распределение сумм берет на себя штаб Главкома. Совершенно официальные и легальные доходы таким путем контролируются штабом Главкома. Отнять или сократить от какого-либо командира корпуса получаемые им деньги с определенной провинции Главком, понятно, не решается, и считается уже то большим дости-

жением, что эти самые деньги выдаются с санкции Главкома. Неофициальных доходов, понятно, никто учесть не может, и они как получались комкорами, так и получаются.

Вторым большим достижением Галин считает, что в последнее время централизуется вопрос о получении снабжения и вооружения. Из арсеналов уже сейчас ни один комкор получить вооружения не может, уже достигнуто то, что Тан Шэн-чжи и Лу Цзо-лун, непосредственно охраняющие Ханьянский арсенал, из этого арсенала не могут получить ни одной винтовки и за получением винтовок адресуются в штаб Главкома. Но наряду с этим совершенно бесконтрольно генералы распоряжаются трофейным имуществом и добиться того, чтобы контролировать распределение этого имущества, не удалось. Делается попытка к централизации вопросов снабжения. Есть основание предполагать, что из этого ничего не выйдет, по крайней мере в ближайшее время, потому что, централизовав этот снабженческий аппарат, Главком тем самым прибавит средства в личную казну каждого комкора, ибо если они сейчас снабжаются своими средствами, то часто это делается за счет тех денег, которые они получают им одним известными путями. Если же объявить о централизации, то придется все снабжение приобретать уже за счет средств штаба Главкома, а эти деньги попадут соответствующим комкорам. Во всяком случае попытка к централизации снабженческого дела проводится.

III

Вся кампания с первого до последнего дня, вплоть до решений, принятых уже после третьей Цзянсийской операции, и все прочие возникающие вопросы, решались Главкомом по согласованию с Галиным. Единственная директива, посредине операции, перед самым моментом вхождения войск Северной экспедиции в Цзянси, была от кантонского правительства на имя Главкома о том, что в Цзянси двигаться не следует. Галин же во́время этой директивы не получил, однако, когда такая директива была получена, она была обсуждена Главкомом совместно с Галиным и первым принято решение эту директиву выполнить. Был отдан приказ по всему фронту о приостановлении дальнейшего наступления в Цзянси и о том, чтобы части закрепились на занятых уже рубежах. Срочно были запрошены дальнейшие указания из Гуандуна, ожидали их в течение двух дней, и когда получили извещение о том, что корпус Лай Ши-хуана уже занял Ганьчжоу, то при вторичном обсуждении вопроса, что делать дальше, было решено, не ожидая дальнейших указаний из Кантона, возобновить наступления по всему фронту и двигаться в Цзянси. Отказаться от наступления нельзя было, если бы не двигаться и не бить противника, то противник мог бы разбить войска Северной экспедиции. Рассчитывать на то, что Сунь Чуань-фан ограничился бы тем, что остался на границе Цзянси, не было никакого основания. Несомненно, он двигался бы в Чанша. Давая такую рекомендацию, Галин сознавал, что он берет на себя величайшую ответственность в случае поражения Северной экспедиции, да еще при том условии, что как-никак, а от правительства директива была, хотя и данная без учета местной обстановки. Единственным обстоятельством, которое служило до некоторой степени моральным оправданием для Галина, это было распоряжение Гуандунского правительства Фан Бэнь-жэню двигаться в Цзянси.

В армии довольно значительное количество командиров-коммунистов, их считается сейчас более 200 человек. Есть целый ряд частей, которыми

командуют коммунисты. В армии уже три командира полка коммунисты, много комбатов и комрот коммунистов.

Влияние коммунистов в армии имеет довольно значительное место, в особенности в отношении политработы. Наряду с целым рядом командиров-коммунистов весьма значительное количество коммунистов имеется политработников. Беда вся только в том, что опять-таки вся эта группа работающих товарищей не объединена одним руководящим центром. Например, имеются налицо такие случаи, что до сего времени для политработников не составлено единого руководства по политработе в армии. Я с тов. Галиным обсуждал этот вопрос, он также считает, что такое единое руководство по политработе требуется, но при нем нет человека, который мог бы взять на себя эту работу, а поручить его гоминьдановцам в ПУР'е дело почти безнадежное. Очередной и насущнейшей задачей является составление хорошо проработанного и продуманного руководства по политработе в армии. Необходимо составить популярные, легко доступные пониманию солдат беседы, отпечатать эти брошюры в большом количестве и раздать всем политработникам. Не разрешен еще вопрос и об институте комиссаров. Есть такие случаи, когда комиссары в корпусе имеются, начиная от полка и выше, а есть такие части, где комиссар только при корпусе. Даже есть такие случаи, когда комиссаром корпуса является лицо, назначенное не политотделом штаба Главкома, а комиссар назначается самим же комкором, например, в дивизии Хэ Яо-цзу и при Тан Шэн-чжи. Явление явно ненормальное, но сделать ничего нельзя, ибо не составлено и не утверждено положение о комиссарах. Вообще политотдел во время операции был, надо полагать, не на высоте своего положения, и основная тяжесть работы легла целиком на низовой политсостав.

IV

В заключении своей записки хочу несколько слов сказать о наших русских работниках.

Начну с Бородина. Имя Бородина известно всем и всюду.

Не менее известен и, пожалуй, более популярен в занятых провинциях, в особенности в тех местах, где были боевые действия, Галин. Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение по улице не встречалось бурно выражаемыми овациями населения. Например, при въезде Галина в Наньчан, только вступила его лошадь, на которой он ехал верхом, в черту города, как до самого штаба население с беспрерывными аплодисментами выкрикивало приветственные слова — и как будто бы для приветствия его собралось все население города. Для китайского населения имя Галина стало нарицательным. Теперь уже всех русских советников зовут Галиными.

Таково же отношение и к остальным советникам. Лучшего желать нельзя. Большой авторитет наших советников и у генералов, при которых они состоят.

Если те условия, в которых они живут сейчас в Наньчане, что я видел своими глазами, оставляют желать много лучшего, то что говорить о тех условиях, которые имели наши товарищи в течение всего похода, плюс к этому отсутствие теплой одежды, чрезвычайно плохое питание, интенсивная работа, все это привело к тому, что значительный процент работников лежит в Наньчанском американском госпитале, некоторые же отлеживаются дома.

Дисциплина среди наших советников поставлена чрезвычайно высоко. Беспрекословное подчинение всем распоряжениям стоит на самом вы-

соком месте. Несмотря на такую дисциплину и на довольно тяжелый характер Галина, я не слышал ни одного нарекания со стороны советников против Галина. Лично считаю, что только благодаря такой установившейся дисциплине и беспрекословного выполнения приказов Галина со стороны советников была проведена так блестяще последняя третья операция.

Последний вопрос о переводчиках. Это вопрос так и не разрешился и до сего времени. Переводчиков, в особенности за время операции, не хватало. При некоторых советниках, почти ни слова не говорящих по-английски, пришлось давать английских переводчиков, объяснения в большинстве случаев происходили жестами. При необходимости расширить состав советников этот вопрос целиком упирается в вопрос о переводчиках. В связи с развертыванием армии еще на два новых корпуса в самом срочном порядке необходимо изыскивать откуда-нибудь переводчиков.

А. Хмелев

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 53, лл. 63—80.— Копия.

№ 4

Отчет старшего советника авиации НРА Сергеева о действиях авиации в Северной экспедиции

1 марта 1927 г.

I. По приезде моем в Кантон в первой половине июля 1926 г. я был назначен ст. советником по авиации. С первых же дней пришлось приступить к реорганизации военно-авиационного департамента, из которого было выделено полевое авиауправление, так как т. Галин требовал в минимальный срок вылететь на фронт, потому что в это время Кантонская армия была уже в походе из Гуандуна на Хунань.

К 10 августа была закончена подготовительная работа, как-то: комплектование личным составом, сформированы полевое управление и авиаотряд, разработан план операции и, самое главное, это сформирование авиабаз, устройство аэродромов и снабжение всем необходимым для боевой работы.

Переброска баз, личного состава и горючего потребовала около месяца и была особенно тяжела при переходе горных перевалов, имея одного горючего весом в 2500 пудов и т. д. Маршрут от Шаогуаня до Хэнчжоу преодолевался пешим порядком. Материалы переносились носильщиками.

II. При изучении маршрута полета настроение было отвратительное, потому что обстановка не была точно известна, карты не изучены в сходстве с местностью. Масштабы карт 1 см — 20 км и 1 см — $1^1/_2$ км мало пригодны для полетов. Резко меняющаяся погода в течение дня, отсутствие компасного склонения и метеорологических данных усложняло перелет, но лететь было необходимо, не имея достаточного времени на подготовку и не имея достаточного времени, чтобы натренироваться ориентировке, десять категорических телеграмм заставляли нас вылететь на фронт.

20 августа в составе трех самолетов вылетели в Хэнчжоу. Погода благоприятствовала до Шаогуаня, хотя и была облачность, но наличие железной дороги и возможность снижаться до 300—150 метров облегчало полет. Дальнейший полет до 30 км над горными хребтами совершили на высоте 2500—3000 м, но кучевые облака скрыли от нас видимость, мы пошли по компасу, держа Север, боковой ветер и выход из облаков привел нас на долину с рекой, по которой и пошли. Но, изучая карту с местностью, которая оказалась не сходной, хотя по времени должен был быть Хэнчжоу. Показавшийся город оказался Баоцин, запаса горючего хватало на 30—40 мин., выбора другого не было, пришлось садиться на речную отмель. Грунт отмели — галька и песок. Я и Кривцов скапотировали на отмели. Поломки незначительные и были исправлены через 7 дней.

Самолет т. Костюченко был посажен на рисовое поле, самолет выбыл из строя и лишь теперь здесь в Кантоне отремонтирован. Более подробно об аварии я представил в докладе.

Распоряжением т. Галина я с Костюченко пешим порядком отправились в Кантон. Кравцов и летнаб т. Тальберг вылетели из Баоцина на отремонтированном самолете под Учан. Из Кантона перегнали, я и Костюченко, запасные Р-I, в Шаогуане совершили посадку из-за скверной погоды. Телеграммой Главкома было получено распоряжение одному самолету немедленно вернуться в Кантон, для этой цели мною был назначен т. Костюченко.

Из Шаогуаня я вылетел 10 сентября и благополучно того же дня прилетел в Учан. Полет прошел благоприятно, ибо мною маршрут был проверен по карте во время прохода пешком по маршруту Чанша—Кантон, где были сделаны существенные ориентировочные поправки.

III. На осаде Учана пробыли до его захвата. Производили полеты по заданию Главного штаба, главным образом, на бомбометание и агитполеты. По вражеским позициям в Учане сброшено 219 шт. бомб, около 4000 расстреляно патрон и сброшено несколько пудов листовок. В течение недели самолеты на взлете и посадке подвергались регулярному артиллерийскому обстрелу на аэродроме, до перемены последнего. В воздухе обстреливались с земли артогнем и пулеметами, самолеты имеют пулевые пробоины.

При занятии крепости Учан самолеты летали на высоте 50 м, поражая бомбами и пулеметным огнем, рассеивая скопление противника у ворот и всячески содействуя прорыву войск НРА. Донесение 4-го корпуса (осаждавшего Учан) гласит: «Авиацией и 4-м корпусом был захвачен город Учан».

28 октября самолеты прибыли на Цзянсийский фронт и там совершили ту работу, которой не забудет Национально-революционная армия и которую будет изучать и наша армия. Я жду того дня, когда начнется разбор операции на Цзянсийском участке и там наглядно будет доказано значение авиации в китайских условиях и что может здесь сделать один самолет.

Помимо того психологического настроения, которое создавал самолет у командования НРА, он сеял буквально панику во всех местах фронта, где бы он ни появлялся. Как пример, бронепоезд не выдерживал и 15 минут боя с самолетом, в панике покидая свою позицию и тем самым оголяя боевой участок. Самолет связал армии, произвел много ценных разведывательных полетов и налетов на бомбометание. Я не буду всего касаться, оценку нашей работы даст т. Галин, приказ № 6 о представлении к награждению орденами Красного Знамени в числе первых (в том числе и механиков) говорит о том, что боевая летная работа выполнена с честью.

IV. Условия летной работы здесь крайне тяжелы. Период действия авиации на фронте проходил в самое жаркое время. Летный состав абсолютно выматывался, не имея отдыха ни днем ни ночью. Почти все страдали горловыми болезнями и сильными головными болями, это объяснялось резким изменением температуры при быстром нагревании организма и таком же быстром охлаждении в полете.

Ориентировка особенно тяжела по тем же климатическим условиям. Ясной видимости здесь почти не бывает, все заволакивается дымкой и возможно лишь вертикальное наблюдение. Рельеф местности очень сложный, ибо помимо горных рельефов, ковер местности богато расшит рисовыми полями, узкими пешеходными тропинками, почти при полном отсутствии крупных дорог в районе нашего действия. Рек много, теряющие свою ориентировочную ценность, из-за изобилия и скрадывания, в складках местности, как я уже указывал, из-за плохой видимости. Реки иногда представляют столь сложный клубок, который крайне трудно с воздуха разобрать. Карты, которыми мы пользовались, были масштаба двухверсток. Маршрут в 400—500 км по этой карте очень громоздок, равный нескольким метрам, и ни в какие картодержатели его не уместить. Летчик почти лишен возможности пользоваться картой.

Радиус действия в большинстве был не меньше 600 км. Быстрое изменение погоды часто делало полет столь напряженным, что отзывалось на нервной системе летного состава. Не было никаких метеорологических данных.

Аэродромы строились на рисовых полях, грунт которых очень восприимчив к влаге. Размеры аэродромов в большинстве столь малы, что посадка и взлет были всегда рискованными. Лишь летные качества летунов сберегали самолеты от поломок. Отмечаю, что даже самых незначительных поломок не было. Постройка аэродромов не задерживала нашу летную работу, лишь их качество заставляло нас выходить из строя в ожидании укрепления грунта. Ангары на всех передовых аэродромах были выстроены, но запаздывали по сравнению с быстротой постройки аэродромов.

В данное время мы имеем достаточно крупно оборудованные аэродромы: в Чанша (провинция Хунань), Дзюцзянь (Цзянси) и центральный в Учане (Хубэй).

Санчасти у нас не было, даже фельдшера и того не было, это объясняется тем, что военные части бедны медперсоналом. К счастью надобности в них не было, но случись авария, последствия были бы крайне тяжелы. Незначительные телесные повреждения могли бы быть тяжелыми при существующих средствах передвижения и расстояний до культурных центров.

С обслуживающим персоналом дело обстояло очень скверно. Вся тяжесть забот о самолетах ложилась на русский летный состав, так как китайские механики недостаточно знакомы с Р-I.

V. Вооружение самолетов было недостаточным. Отсутствовали прицельные приборы для бомбометания.

Полная невозможность приспособить кольцевые прицелы Вахмистрова на Р-I. Пулеметы Льюис (облегченного типа) пришлось исправить кустарным путем. Дело в том, что радиатор во время стрельбы сползал с упора и тем самым давал вращение стволу и прицелу (Флюгер-мушке), пришлось насаживать зажимный хомутик впереди радиатора и тем самым предотвратить вращение ствола и сползание радиатора. Пулеметы Льюис работали скверно, запасных частей не было, но теперь изготовляются.

Бомбодержатели действовали исправно, пришлось лишь заготовить кольца для бомб.

Действие бомб хорошее, за исключением зажигательных, которые не зажигали. В настоящее время приступлено к изготовлению однопудовых и трехпудовых фугасных бомб по нашим образцам. Испытание бомб производили мы, действия новых бомб аналогичны русским. Арсенал в состоянии выпускать 30 шт. бомб ежемесячно. Весь запас привезенных из России бомб израсходован на фронте. Осколочные бомбы пришлось применять без стержней, дабы дать им большую пробивную способность, т. к. осколочное действие бомб здесь особенно широко применять не приходилось. Целью бомбометания были укрепленные центры, скопления войск на открытых местах не было: войска скрывались в зданиях и в особых норах, устроенных в стенах крепости (норы стали применяться здесь впервые после появления на фронте авиации). Лишь единичны случаи, когда скопления войск на железнодорожных станциях и переправах обстреливались по назначению осколочными бомбами. Войска передвигаются не колоннами, а узкой (в затылок) цепочкой, поэтому они обстреливались в большинстве случаев пулеметным огнем и лишь изредка — бомбами [1].

...VIII. Переходя к основному вопросу моего отчета, именно, к поездке столь авторитетной комиссии в СССР, я хочу остановиться на причинах, вызвавших такое положение, как закупка авиационного имущества и самолетов в СССР:

1. Авиация, безответно работая на фронте, дала максимум работоспособности.

2. К концу операции наши авиационные вопросы стали во главу всех вопросов, касающихся реорганизации армии. Каждый генерал видел, что может сделать авиация. Нас буквально задергали, перебрасывая на все участки фронта. Главком после взятия Учана 10 ноября сделал распоряжение ген. Ли Ти-сину [2], находящемуся в Кантоне, об изыскании средств на закупку в ближайшее время аэропланов.

3. Наш авторитет возрос до максимума. Мы к концу операции могли поставить любую авиационную программу и были уверены в том, что она пройдет полностью.

4. Отношение к нашим самолетам со стороны всех специалистов и главного командования очень хорошее. Когда говоришь что-либо об Р-I, китайцы показывают большой палец и говорят, что Р-I лучшая машина в мире.

5. Появился большой интерес к авиационной учебе после окончания фронта [3]. Тов. Галин имел очень много предложений от командующих корпусами, чтобы принять офицеров их частей в авиационную школу для летного обучения.

6. Тов. Галиным дано было задание разработать планы и штаты по авиастроительству на 1927—1928 гг. Все представленные рекомендации по этому вопросу приняты и утверждены Военным Советом, Главкомом и Правительством. Эти планы и входят в основу всех работ комиссии.

7. В комиссию по закупкам самолетов и имущества входит начальник китайской авиации ген.-майор Лам [4], как заместитель председателя комиссии. Ему поручено произвести все авиазакупки и формирования по вышеуказанным вопросам. Кроме комиссии, едут на авиационную учебу

---

[1] Опускаются разделы VI и VII, в которых характеризуются технические данные разных типов самолетов.

[2] Ли Цзи-шэнь, в документе транскрипция по южному произношению.

[3] Имеется в виду «после окончания боевых действий».

[4] Очевидно, Лань (Лам — гуандунское произношение).

19 человек учеников-летчиков, механиков и наблюдателей, коим необходимо дать полное авиационное образование, так как имеется в виду из их состава создать кадры авиационных специалистов. Рассчитываю также и на тех лиц, которые были посланы раньше т. Реми и мною в 1926 г. Оплату за их учебу произведет полностью ген. Лам.

8. Прошу Вас отнестись к этой комиссии с должным вниманием, дать им хороших руководителей для работ, ибо мы считаем, что от хорошего и правильного разрешения у Вас на месте всех поставленных нами вопросов зависит и дальнейшее отношение к нам и к нашей авиации, в частности прошу дать в комиссию военного летчика Писаренко Виктора, я его знаю по совместной работе, как честного, аккуратного и знающего дело товарища.

9. Весь план по авиационному строительству на 1927—1928 гг. рассчитан на 2 600 000 долл. В полном проведении этого плана тов. Галин и я не совсем уверены, так как Национально-революционное правительство имеет очень ограниченные финансовые ресурсы. По сему мы просим обратить самое серьезное внимание на план, представленный на 1927 г., так как он является необходимым для проведения намечающейся второй Северной кампании. От срочности выполнения этого плана и прибытия двух намеченных в плане отрядов на территорию Национально-революционной армии в ближайшие месяцы зависит очень многое.

В комиссию, следующую в СССР, предлагалось китайцами назначить одного русского товарища из числа летной группы, находящейся в Китае, но в силу того, что летная группа в полном своем составе готовится к новой операции, изъятие одного из летчиков или летчиков-наблюдателей лишило бы меня возможности выполнить те оперативные планы, которые поставлены перед нами — авиацией во второй Северной экспедиции. Мы заверили китайскую комиссию, что Вами в СССР им будет дана полная возможность в выборе авиационных специалистов по всем затронутым вопросам. О чем прошу Вас, как нашего начальника, оправдать наши слова, мы же постараемся с честью выполнить ту миссию, которую Вы нам поручили и надеемся, что вторая Северная экспедиция пройдет так же успешно, как и первая.

В заключение скажу, что вся проделанная нами здесь работа на фронте и в Кантоне прошла исключительно на наших плечах. Мы шаг за шагом в повседневной кропотливой работе завоевали то положение, которое сейчас имеем, конечно, это не прошло незаметно для нашего организма, мы буквально все больны, у всех есть физические недостатки и особенно жалуемся на нервную систему, сердце и желудок. Если в семь дней при самой неблагоприятной погоде, на Цзянсийском фронте налетано одним самолетом более 40 боевых часов, сброшено 115 бомб, выпущено 7000 патрон, сброшено в гористой местности 13 донесений с воздуха в штабы корпусов, то это, конечно, не прошло даром для организма. Сами полеты носили характер упорных боев с броневиками, пехотой и резервами противника. Все это проходило на территории противника и в тылу у него на 100—150 км.

Ст. советник авиации военный летчик Сергеев

г. Кантон

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 73, лл. 43—44.— Копия.

№ 5

Из записных книжек и переписки советских советников НРА Китая в период Северной экспедиции

Не ранее 10 октября 1926 г.— не позднее середины 1927 г.

I

Запись советника Никитина (А. Н. Черникова) о боевых действиях НРА Китая

Не ранее 10 октября 1926 г.

19 августа началось большое наступление. Корпус, к которому я был прикомандирован, должен был ударить по флангу противника. 19 августа вокруг города Пинцзян (в северной Хунани) был первый серьезный бой. В результате боя окружили и уничтожили одну из лучших бригад врага, причем комбриг был убит в бою. Сразу же рванулись вперед. Сравнить наступление НРА с чем-либо в Европе невозможно. По горным тропинкам без связи шли вперед, не давая противнику остановиться. 25 августа уже перерезали железную дорогу и все части врага, которые не успели уйти, были окружены. Затем повернули на северо-восток и в авангарде всех войск пошли дальше. 26—27 августа были очень тяжелые бои около станции Денсичао, где противник решил встретить корпус. Бой длился 23 часа, причем был очень ожесточенный. Части НРА несколько раз бросались в штыки и штыками же отбивались. Бой был такой, что было бы как раз впору европейской войне. Утром 27 собрали все резервы корпуса и атаковали, чем и сломили противника, который начал быстро отступать. Этой победой разрушены все китайские традиции, по которым позиция у Денсичао считалась неприступной. Когда узнали с кем дрались, то даже страшно стало. Оказалось, что против шести полков НРА было 12 полков врага, зато результат был большой. Половина сил врага была уничтожена. Следующий тяжелый бой был у станции Хосинчао (120 км от Учана), где 4-й корпус прорвал укрепленные позиции противника. Здесь встретились уже с самим У Пэй-фу. Дело было нелегкое, но все же удалось, и прорвались прямо до Учана. Учан осаждали 40 дней, уложили до 1000 человек убитыми. Учан был взят 10 октября. Оказалось, что в городе тоже было в два раза больше противника, чем в корпусе было солдат.

Никитин

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, л. 19.— Подлинник.

II

Запись советника А. И. Черепанова о командире 4-го полка Лю

Ноябрь 1926 г.

ПАМЯТИ КОМАНДИРА 4-го ПОЛКА ЛЮ

Во время боя нет для меня ничего заветного, нет святого, если нужно брошу все на верную смерть, а после мне бывает бесконечно жаль павших, в этот момент я стараюсь быть один и нередко плачу.

Особенно острую боль чувствую, особенно обволакивает тебя печаль, память беспрестанно вырисовывает образ погибшего знакомого человека, которого ты знал, с которым ты работал, о котором жизнь врезала в твоей памяти не одну страницу воспоминаний.

Такого человека, командира полка Лю я потерял в бою под Вэйчжоу.

Впервые я познакомился с ним год тому назад, возвращаясь на пароходе из Вампу в Кантон. Обычно китайцы при первом знакомстве бывают сдержанны, церемонны. Он же, наоборот, без всякой церемонии подошел ко мне, заговорил, и через 10 минут мы были друзьями.

Наш разговор не отличался изысканностью речи. Он знал несколько слов по-английски, «хорошо, не хорошо» — по-русски, я говорил немного по-китайски, но, когда два человека связаны общностью работы, им много слов не нужно, они поймут друг друга и без них.

Позднее нам приходилось совместно обучать курсантов и солдат, бывать на банкетах и в боях.

Лю был хорош на ученьи, приятен на обедах, крепок в дружбе, красив в боях.

Он был кавалерист со всеми присущими этому роду войск положительными качествами: подвижен, жизнерадостен, решал задачу в бою, как молния, и вел в атаку часть, как ураган.

Часто я любовался на этот огонь и пророчил ему славу Мюрата, Буденного, когда Национальная армия выйдет за пределы Гуандуна и он сменит малоподвижную для него пехоту на легкую конницу, но трудно предугадать жизнь человека наперед.

Когда захлебнулась атака его полка под стенами Вэйчжоу, Лю во главе знаменитого взвода бросается вперед, чтобы зажечь остывающий порыв пехоты. Из 40 бросившихся с ним в атаку осталось 18 и среди них не оказалось Лю. Он, смертельно раненный, плачущими от горя солдатами был вынесен и, не приходя в себя, умер.

На другой день его полк, оставшийся почти без офицеров, по трупам своих товарищей впервые в истории Вэйчжоу берет стены и празднует победу, но с грустью смотрит на гроб павшего смертью храбрых их учителя, их командира.

В лице Лю партия гоминьдан потеряла хорошего члена, революция — бойца, солдаты — командира, которому сопутствует победа.

Мир праху твоему храбрейший!

Память о тебе останется в наших сердцах, а дела твои на страницах революционной истории Китая будут служить примером.

А. Черепанов

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, л. 30—32.— Копия.

III

Записи советника Ф. М. Катюшина-Котова

3 января 1927 г.

28 [июля] в четыре утра был отдан приказ о дальнейшем нашем продвижении. В этот день мы проделали 60 ли (30 верст). Здесь нужно указать, что это был один из кошмарнейших дней перехода, так как пришлось идти в самую жару и к месту привала пришли к трем часам дня, а хвост колонны — еще позже, что заставило т. Галина предложить начать движение в дальнейшем с одного-двух часов ночи. Условия движения были весьма тяжелые. Дорожка, по которой пришлось двигаться, была шириной в один метр, а местами еще уже, а кроме того само время года, т. е. начало августа (один из самых жарких месяцев тропиков); кроме того Китайская армия не знает и не признает привалов и только после настоя-

ния т. Галина были установлены небольшие привалы после каждых 10 — 15 ли (как обязательное для всей колонны).

29 [июля] мы выступили в час ночи и к часу дня прибыли в Лочэн, что северо-западнее Шаогуаня, где мы имели дневку. Из Лочэна тяжелый груз пришлось перебрасывать водным путем, т. е. вверх по течению реки на Пинсян, что северо-западнее Лочэн.

Дальнейший путь следования был затруднителен, ввиду пересеченности местности; здесь нужно указать и подчеркнуть, что кули, нанятые в Гуандуне для переноски грузов, оказались бессильными, что дало большой процент смертности и заболеваний.

3 [августа] мы выступили позже, т. е. в 4 часа утра, т. к. путь до следующего привала был местом крупной банды «туфэев», и действительно на полпути нашего следования в горах, где на вершине совершенно открыто разгуливали «туфэи», раздались выстрелы. Колонна наша охранялась батальоном охраны Чан Кай-ши, а также и личным арьергардом приблизительно около роты. До привала добрались без всяких налетов со стороны «туфэев», хотя на 1-ю дивизию 1-го корпуса такой налет был совершен. В этот переход нами сделано 90 ли (45 верст) через сильно пересеченную местность и через два больших перевала. На один перевал поднимались в течение 4½ часов. Этот переход был настолько тяжелый, что т. Галин, который уже участвовал в китайских кампаниях, неоднократно подчеркивал тяжесть перехода. У всех русских товарищей были обожженные лица и руки, что еще больше затрудняло продвижение...

9 октября в Ханькоу прибыл тов. Вери.

Тов. Вери рассказал, что он попал в Цзяпси, так как сбился из-за низкой облачности и очень больших гор.

В Аньжэне был арестован и посажен. Просидел три недели, после чего должен был бы быть отправлен в Ханькоу к У Пэй-фу. Но дальше не отправили, так как Национально-революционной армией Ханькоу был занят, а их отправили в тюрьму, где приковали к стене, и только благодаря быстрому занятию Наньчана 19-й дивизией, они спаслись от расстрела.

Нужно отметить, что русские летчики прекрасно работали. За время осады Учана они по два-три раза в день подымались и бомбили. Воздушная бомбардировка наводила панику в Учане на весь гарнизон.

В одной английской газете появилась заметка о том, что как только из Учана по самолетам начала обстреливать артиллерия, русские летчики перестали бомбить и улетели. На следующий день после заметки летчики Сергеев и Кравцов набрали бомб и начали бомбить позиции противника в Учане. Когда начала их обстреливать артиллерия, т. Сергеев начал петлить, а т. Кравцов делал отрицательные виражи.

Поведение летчиков произвело сильное впечатление не только на обывателей Ханькоу, но еще больше на наши части.

Со дня выхода из Кантона первых и до последних частей, проходящих по пути следования, население встречало с энтузиазмом, со знаменами. Была проведена колоссальная политическая работа. Там, где проходила Национально-революционная армия, везде устраивались митинги, раздавались листовки; всюду в огромном количестве были расклеены лозунги, воззвания и плакаты. Могу указать на характерный пример по рассказам советника т. Милюшкевича: при занятии Пинсяна (Цзянси) население отказалось уйти в кули к частям Сунь Чуань-фана, а поэтому был взят один миллион патронов, которые остались, т. к. последние не могли унести, а кроме того, жители указывали и сами помогали доставать из реки брошенные отступающими частями Сунь Чуань-фана 40 000 патронов. Можно указать еще массу таких примеров.

Повсюду, где русские советники проходили с армией, население их встречало с овациями. Хочу указать еще на один пример: в Чанша я присутствовал на одной из грандиозных демонстраций (200 000 чел.) по поводу занятия Ханькоу. При виде меня, русского советника, раздавались выкрики на китайском языке: «Да здравствует Советская Россия, Да здравствует СССР, Да здравствуют русские советники» и это не только какой-нибудь одной организацией, а всеми проходящими организациями. Демонстранты носили лозунги «Да здравствует союз революционного Китая с Советской Россией», носились плакаты, изображающие объединение России с Китаем. Масса портретов Ильича. Такое же настроение можно было видеть на всех демонстрациях в городах, занятых Национально-революционной армией.

Когда я возвращался из Цзянси, на станции Лилин ко мне в вагон явились начальник станции и комполка и попросили разрешить взять паровоз из состава, к которому был прицеплен мой вагон, мотивируя срочной переброской полка на фронт. Я ответил им, что переброска полка гораздо важнее, чем отправка нашего поезда, а поэтому безусловно паровоз и нужно взять.

На заданный мною вопрос переводчику, почему именно ко мне пришел начальник станции просить разрешение взять паровоз, последний ответил: «Как же он мог без вашего разрешения взять, ведь вы — русский советник».

Этот факт очень характерно показывает, каким авторитетом пользуются русские советники.

Несмотря на тяжелые климатические условия, необычайную трудность похода, русские советники были там, где диктовалось это необходимостью, не считаясь с личной жизнью. Это не есть слова, а это было подчеркнуто китайским командованием. У т. Теруни был убит переводчик, т. Новиков, рядом стоявший с ним, а также убиты под ним две лошади. Большое впечатление произвела на китайское командование дисциплинированность русских советников, например: под Учаном во время сильнейшего боя в присутствии китайских генералов т. Галин отдал приказание т. Никитину немедленно отправиться в такой-то пункт. Китайское командование услышало данное приказание с ужасом, так как выполнение данного приказания было очень опасно. Тов. Никитин ответил «слушаюсь», повернувшись как полагается, и выполнил данное ему приказание. Личной храбростью и знанием своего дела русские советники заслужили доверие Национально-революционной армии.

Не будь тов. Галина, а вместе с ним и русских советников, Северный поход не имел бы того успеха, какой мы имеем к сегодняшнему дню.

Все вышеизложенное, я подчеркиваю, что оно является воспоминанием Северного похода не как советника связи, а как участника...

Катюшин-Котов

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, лл. 33—41.— Подлинник.

IV

Записи советника Ваксова о взятии г. Учана

[*1927 г.*]

Колоритной фигурой в военной обстановке является т. Блюхер, который своим умелым подходом завоевал большие симпатии командного состава Кантонской армии. В него верят, и приказы Штаба исполняются беспрекословно. Особенно он проявил себя при взятии крепости Учан,

когда в последнем засели два полка, которых без маневров выбить ни в коем случае нельзя было. Перед наступлением на Учан наши летчики во главе с т. Сергеевым бомбардировали позиции врага в Учане, и можно сказать, ни один снаряд даром не пропал. После паники, происшедшей в Учане, пехота перешла на штурм. Нужно отметить, что стена, окружающая Учан, в две сажени толщины и три сажени вышины. Прежде всего нужно было извлечь из Учана кого-либо из солдат, дабы узнать положение в самом Учане, и вот здесь кантонцы проявили изумительную храбрость, когда один за другим лезли на стену и умирали от вражеских пуль, но все же им удалось забрать пленных, у которых узнали все, что следовало. При штурме Учана наши товарищи Теруни и Никитин шли во главе дивизии, причем рядом с Теруни был убит китайский переводчик. Китайский командный состав шел с нашими товарищами, не проявив никакой нервозности, и Учан был взят.

Конечно, можно было описать храбрость наших товарищей в походе, когда приходилось наступать в зное и эпидемии, но об этом будут свидетельствовать страницы истории Юга Китая.

Ваксов

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 43, л. 121.— Подлинник.

V

Из письма советника В. Х. Теруни

[*1927 г.*]

Дорогой Артюша! [1]

...Совершенно случайно попал на два дня в Шанхай. Сегодня ночью уезжаю обратно, не знаю доеду ли, ибо придется проехать несколько опасных пунктов через фронт. Приходится все время держаться, как на острие ножа. Если ты следишь за газетами, армия, где мы являемся советниками, проделала колоссальнейший поход и продолжает делать. Мне приходится вместе с моим караулом проделать также этот путь, причем с ожесточенными боями и потерями. В боях самому пришлось неоднократно командовать. Пока пуля противника гуляет *вокруг* меня, хотя и потерял (убит насмерть) моего китайско-русского переводчика, лошадь подо мной убита в бою. Одним словом обстановка все время боевая. Это продолжается вот уже три месяца. Вся эта операция проделывается пешком, ибо бездорожье, а путь мы совершаем около 2000 километров и продолжаем двигаться. Противника — генерала У Пэй-фу мы разбили наголову, приступили к другому противнику. Думаю, и его ждет такая же участь. А трудно жить здесь и притом в такой обстановке. Я потерял 30 фунтов весу, сделался как щепка, хотя и чувствую ничего, ибо работа вовлекает по своему революционному характеру. Ну, пока всего хорошего. Привет всем.

Целую крепко

Теруни

ЦГАСА, коллекция, оп. 2, д. 53, л. 31.— Подлинник.

[1] Адресат не установлен.

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. А. ГОЛОВИНА О II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Публикуемые воспоминания видного кадета Ф. А. Головина относятся к его деятельности в качестве председателя II Государственной думы, просуществовавшей, как известно, с 20 февраля по 3 июня 1907 г.[1]. Чтобы придать своим воспоминаниям видимость максимально объективного исторического документа, Ф. А. Головин облекает их в бесстрастную протокольную форму, повествуя об этих событиях в том порядке, в каком они происходили (главами служат отдельные заседания). В конце он отступает от принятой схемы, приложив в качестве своеобразного заключения манифест 3 июня и свой ответ на содержащиеся в нем обвинения II думе.

Можно утверждать, что воспоминания были написаны Ф. А. Головиным к середине 1917 г. и, по-видимому, специально приурочивались к 10-летию разгона II думы[2]. Они писались с проверкой по первоисточникам, что прямо подтверждается самим автором[3].

Воспоминания Ф. А. Головина — документ апологетический. Их основной целью (помимо, конечно, обычного стремления авторов подобного рода к самовозвеличению) является, как в этом легко убеждаешься с первых же страниц, защита и оправдание деятельности кадетской фракции во II думе и одновременное осуждение ее политических противников, в первую очередь социал-демократов и трудовиков.

Но как это ни странно на первый взгляд, именно в силу этого обстоятельства воспоминания достигают совершенно обратного результата — они разоблачают политику партии, к которой принадлежал Ф. А. Головин. «Секрет» подобного феномена прост. Он объясняется не неумелостью автора воспоминаний — перед нами один из искушенных кадетских мастеров закулисных сделок с царизмом и демагогических заигрываний с массами,— а сущностью политики партии «народной свободы», заключавшейся в постоянном и систематическом предательстве дела народной свободы.

Воспоминания являются новым превосходным подтверждением, исходящим из кадетского лагеря, правоты ленинских оценок политики кадетской партии в революции 1905—1907 гг., его критики меньшевиков, призывавших рабочий класс к идейному подчинению этой партии. В этой связи наибольший интерес для совет-

---

[1] Из этих воспоминаний эпизод с Кизеветтером и т. н. «зурабовский инцидент» изложены в воспоминаниях о Столыпине (см. «Красный архив», № 6 (19), 1926, стр. 129—146), а описание двух последних заседаний было включено в публикацию «Разгон II Государственной думы» («Красный архив», № 6 (43), 1930, стр. 60—67).

[2] В одном из зачеркнутых мест, в самом начале воспоминаний, есть фраза: «Только недавно, чуть не через 10 только лет, я освободился от этого отвращения (к председательствованию)».

[3] Первый абзац воспоминаний, зачеркнутый автором, начинается следующими словами: «Канвою для настоящих моих воспоминаний будут служить стенографические отчеты о заседаниях думы». Все последующие зачеркнутые места малозначительны и потому не воспроизводятся.

ского историка представляют не те сообщаемые Головиным факты, которые нельзя извлечь из других источников, а та интерпретация и те оценки, которые он дает основным фактам и событиям истории II думы.

Как известно, вершины своего политического влияния в годы первой русской революции кадеты достигли в период I думы: они получили треть всех депутатских мест (179 из 478) и являлись главной партией в думе, партией «центра».

Это был период всеобщих конституционных иллюзий, когда не только крестьяне верили, что можно будет получить землю «по справедливости» через думу, при сохранении самодержавия, но и царизм рассчитывал на то, что кадетам удастся примирить крестьян с помещиками, свернуть крестьянское движение на мирный, «конституционный» путь. Черносотенное «Новое время» не уставало расточать хвалы государственной «мудрости кадетов». «Кадеты,— писал Меньшиков,— это самая сильная и энергичная партия... в нашем парламенте... Дельные и стойкие, отлично знающие страну, они как бы созданы для большой государственной работы... Мое глубокое убеждение, что это наш самый твердый государственный строй»[1].

Но этот кадетский триумф был недолгим. Период I думы оказался началом конца «представительного учреждения» с кадетским «центром».

«Разоблачение кадетов, сплочение трудовиков — таковы одни из самых важных приобретений думского периода,— писал В. И. Ленин в связи с роспуском I думы.— Лживый демократизм кадетов заклеймен десятки раз в самой Думе и притом людьми, готовыми верить в кадетов»[2], т. е. трудовиками. Что же касается царизма, то он на опыте I думы убедился в том, что «кадеты — только „пена". Их сила — производная от силы революции»[3].

I дума потерпела крах в связи с аграрным вопросом. Крестьянин-трудовик оказался неизмеримо левее кадетов.

Состав II думы исключительно точно отразил эти сдвиги в настроении масс и верхов. В ходе выборов кадеты понесли огромное поражение. Резко усилилось левое крыло думы, достигнув $^{2}/_{5}$ всего состава, также усилился и передвинулся вправо правый фланг думы.

Ф. А. Головин дает следующие цифры по основным фракциям II думы: левое крыло — 113 (65 с.-д., 34 с.-р., 14 н. с.), центр — 193 (к.-д.— 92, трудовиков — 101), правых — 104 человека (22 правых, 72 октябриста и умеренных, 50 беспартийных). Представительство кадетов уменьшилось почти вдвое и условия для выполнения роли «центра», помимо сокращения численности, неизмеримо ухудшились. В качестве главного средства воздействия на трудовиков кадеты используют теперь уже не аграрную программу, не лозунг «думского министерства» и т. п., а угрозу разгона думы и государственного переворота, т. е. того самого средства, каким царизм пугал их самих. Именно с помощью этой угрозы царизм заставил кадетов идти по линии дальнейшего сокращения своих и без того весьма куцых либеральных притязаний, лишь бы сохранить «народное представительство» — думу. В ход пускается прямой обман, манипулирование парламентской техникой, и другие шаткие приемы, свидетельствующие о начале полного политического банкротства кадетов.

В этих условиях кадеты берут такой политический курс, который объективно прикрывал подготовку государственного переворота и способствовал его успешному осуществлению, а сознательно был направлен на дальнейший сговор с царизмом, означавший предательство интересов народа. Кадетский центр, писал В. И. Ленин в день открытия II думы, «...налаживает все откровеннее свою сделку направо»[4]. Обе стороны этой политики так тесно переплетались между собой, что часто бывает трудно отличить, где имело место объективное, а где открытое пособничество царизму и Совету объединенного дворянства в деле успешной подготовки разгона II думы и замены ее III думой, столыпинской.

---

[1] «Новое время», № 10846, 26 мая (8 июня) 1906 г.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 116.
[3] Там же, стр. 95.
[4] Там же, т. 12, стр. 129.

Свое воплощение эта политика нашла в знаменитом лозунге «берегите думу». Воспоминания Ф. А. Головина показывают наглядно, что означало следование этому лозунгу на деле.

Уже самое выдвижение кадетским ЦК кандидатуры автора воспоминаний на пост председателя думы, а М. В. Челнокова в секретари — второй после председателя пост в думском президиуме,— было одним из начальных и немаловажных актов ее «бережения».

И Головин и Челноков, так же как Струве, Булгаков и другие, принадлежали к самому правому крылу партии, и тот и другой импонировали царю и верхам своей «умеренностью» и дворянской генеалогией, были приемлемы для самых крайних черносотенцев.

Достаточно привести несколько примеров того, как Ф. А. Головин характеризует социал-демократов и крестьян-трудовиков — депутатов думы, чтобы получить достаточное представление о его подлинных политических суждениях. «Левое крыло думы,— пишет он,— невольно поражало множеством... лиц... не интеллигентных»; за единичными исключениями, «общая масса левых отличалась тупым самомнением опьяневшей... необразованной и озлобленной молодежи» (2-е заседание). Характеризуя депутатов-крестьян, которые «полезли» на кафедру, чтобы высказать свою позицию по аграрному вопросу, он с презрением и ненавистью говорит об отсутствии у них «новых и серьезных мыслей», об их стремлении «говорить возможно хлестко, чтобы хоть этим сорвать аплодисменты у невзыскательной части думы» (12-е заседание). Так относился этот «конституционалист-демократ» к представителям демократии.

Зато характеризуя черносотенцев, Головин переходит на совершенно другой тон. Хотя он и возмущается их «гоготом» и «кривляниями» (2-е заседание), он все же пользуется любым случаем, чтобы подчеркнуть их успехи в сражениях с левым крылом думы. Чувствуется, что в них он видит прежде всего своего брата — земца, дворянина, «культурного» человека, союзника по контрреволюции, а затем уже политических противников на почве борьбы за меру и форму конституции. Чуть ли не с первых страниц он спешит выдать положительную характеристику... Пуришкевичу (!), которого объявляет человеком хотя и «крайне неуравновешенным, но искренним и не преследующим каких-либо личных эгоистических целей» (3-е заседание). Аналогичная характеристика дается П. А. Столыпину (5-е заседание) и т. д.

Пожалуй, лучше всего взгляды Ф. А. Головина как политического деятеля проявляются в его ответах на оценки, дававшиеся думским обозревателем «Нового времени» Пиленко автору воспоминаний, как председателю думы. Спустя 10 лет после описываемых событий для Ф. А. Головина оказалось крайне важным оправдаться перед Пиленко — одним из реакционнейших нововременцев.

«Беречь думу» кадеты начали самым энергичным образом с первых же дней ее существования. В этом отношении показательно их поведение в связи с декларацией Столыпина. Фракция постановила «...отнестись к ней молчаливо, не выражая ни доверия, ни недоверия...»[1]. Поэтому в прениях по декларации, пишет Головин, «приняли участие лишь представители крайних флангов думы». Центр же упорно «хранил молчание» (5-е заседание). В. И. Ленин по поводу этой позиции писал: «...политика кадетов, это, право, нечто бесподобное. Сказать: «выражаю недоверие» неосторожно. Надо беречь Думу. Сказать: „не выражаю доверия", это можно.— Ну, разве же это не политические „человеки в футляре"? Разве это не филистеры, которые пред лицом неминуемо надвигающейся бури надвигают себе на глаза свой ночной колпак и твердят: мы осторожны... мы бережем... Вы бережете свой филистерский колпак, и ничего более, почтенные рыцари „народной свободы"!»[2]

К этому следует только прибавить, что председатель думы эту позицию все же признал неосторожной. По его мнению, надо было выдать прямые авансы Столыпину, а не давать повод правительству расценивать молчание как вызов, как нежела-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 158.
[2] Там же, стр. 159.

ние «центра» работать с ним. «Я не мог,— пишет он,— в достаточной мере проникнуться мыслью, что позиция, занятая центром думы в этом заседании, была вполне безупречной» (5-е заседание). И дальше следует рассуждение о том, что Столыпин со своей стороны сделал все, что мог, чтобы сработаться с думой.

Политический результат кадетского молчания по декларации был оценен В. И. Лениным следующим образом. Правительству «...выгодно, чтобы она (дума.— *А. А.*) разошлась молча, покорно проделывая конституционную комедию, не открывая глаз народу на *неизбежность* государственного переворота. И трусливые кадеты своей бесподобной, несравненной, „исторической“ формулой: „отнестись *молчаливо*“, вместо „выражаю недоверие“ сказать „не выражаю доверия“,—только помогают правительству совершить *молчаливый* государственный переворот» [1].

Центральное место в работе думы занимали бюджетный и, конечно, аграрный вопросы. Естественно, что они превратились и в главные объекты кадетского «бережения думы». «Два вопроса тяжелым камнем лежат на сердце у черносотенного самодержавия,— писал В. И. Ленин,— бюджет и аграрный вопрос» [2]. И кадеты сделали все, что было в их силах, чтобы снять этот камень.

Отметив ничтожность прав думы, В. И. Ленин вместе с тем указывал, что «фактически известная зависимость правительства от утверждения бюджета Думой существует... Правительство нуждается в деньгах, заем необходим. А заем либо вовсе не удастся заключить без прямого или косвенного согласия Думы, либо удастся лишь с большими трудностями...» [3]. Здесь голос думы, подчеркивал В. И. Ленин, будет иметь огромное значение. «Никто не мог бы так много сделать для лишения Столыпиных и К° европейской финансовой поддержки, как Дума» [4].

Но кадеты, конечно, избрали прямо противоположный путь, и Головину, как ни пытается он рассказывать о бюджетном вопросе нарочито безразличным тоном, не удается этого скрыть. Характеризуя 13-е заседание думы, он передает содержание своей первой беседы с Коковцевым, где министр финансов «горячо настаивал на том, чтобы дума скорее избрала бы комиссию (бюджетную.— *А. А.*), а последняя приступила к рассмотрению бюджета». Ф. А. Головин ни словом не обмолвился о причинах такого горячего нетерпения, хотя отлично знал, в чем тут дело. Не вдаваясь в комментарии, он сообщает о позиции, которую его «партия решила занять по отношению к бюджету», словами официального оратора фракции Струве: «Мы не пойдем по отношению бюджета 1907 г. путем беспредметных бюджетных демонстраций».

Зато Головин с гневом обрушивается на народного социалиста Щербину, который по существу выразил ту мысль, что подлинные представители народа должны поступить с бюджетом, исходя из народных интересов, не считаясь с формальными правами думы. «Вот с какими воззрениями на права и задачи думы и членов ее,— восклицает в неподдельном ужасе и гневе автор воспоминаний,— приходилось иметь дело центру второй думы...».

Рассказывая о 17-м заседании думы, Головин пишет: «В конце заседания наступил серьезный момент: баллотировка предложения о передаче бюджета в комиссию». Предложение кадетов прошло, «и таким образом судьба бюджета была... предопределена..., опасения в огульном его отклонении совершенно отпали». Так партия «народной свободы» помогла царизму укрепить свое финансовое положение, упрочив его кредит в глазах заграничных банков. Правда, II дума была разогнана, не успев утвердить бюджета, но после фактического принципиального одобрения его кадетами это уже не имело значения для царизма.

Аграрный вопрос — основной вопрос революции — автор воспоминаний обходит почти полным молчанием. Там, где он вынужден говорить о речи Н. Н. Кутлера, излагавшей аграрную программу кадетов, Головин прибегает к скороговорке, которая граничит с прямой фальсификацией. С невинным видом он заявляет, что Кутлер

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 160.
[2] Там же, стр. 212.
[3] Там же, стр. 270.
[4] Там же, стр. 273.

присоединился «к основной мысли проекта аграрной программы, внесенного трудовой группой» (12-е заседание), а затем предложил к нему от имени своей партии коррективы, не имевшие, мол, принципиального характера. В действительности же «Кутлер говорил о своем „согласии" с трудовиками, о своем „сочувствии" трудовикам *только* для того, чтобы позолотить пилюлю *немедленных* ограничений, урезок, сокращений, которые, дескать, необходимы в проекте трудовиков. Вся речь Кутлера полна всевозможных доводов *против* с.-д. и против трудовиков»[1].

Что же касается выступлений по аграрному вопросу ораторов левой части думы, которые «лезли» на трибуну думы «бесконечной вереницей», то это были «нудные речи», менее всего пригодные для «разрешения» аграрного вопроса (10-е заседание). Разрешить вопрос о земле в своих интересах «темный мужик» был не в состоянии; это могли сделать только «просвещенные» ревнители «народной свободы», собиравшиеся своим «принудительным отчуждением» обеспечить «*сбыт* помещиками ненужных им и худших земель крестьянам *втридорога,* чтобы *еще больше* закабалить крестьян»[2].

Весьма показательной в смысле политического двуличия являлась позиция кадетов по отношению к требованию правых об осуждении думой политических убийств, что имело целью осуждение революции. Трудность ситуации для кадетов состояла в том, что они, решая судьбу предложения правых, не могли голосовать ни за, ни против него. В первом случае они обрекали себя на полную потерю престижа в массах, во втором — навлекли бы на себя гнев и неудовольствие верхов. Поэтому рядом формальных ухищрений и оговорок они добились снятия этого предложения с обсуждения. Рассказывая об этом, Головин с «благородным» негодованием объясняет основной мотив, по которому дума якобы отвергла предложение правых. Требование правых, пишет он, было «попыткою унизить народное представительство», подозревая его «в сочувствии актам насилий, убийствам! Орган контроля над закономерностью действий правительства сам подвергается допросу, не сочувствует ли он сам *преступлениям* (подчеркнуто мной.— *А. А.*). На подобные запросы дума могла ответить и ответила только отказом принять к своему рассмотрению подобные заявления» (38-е заседание).

В переводе на простой человеческий язык эта тирада означает одно: дума не стала рассматривать вопрос об осуждении политических убийств потому, что это осуждение само собой разумелось,— дума не может «сочувствовать преступлениям». Надо ли доказывать, что взгляд левой части думы ничего общего не имел с этим казуистическим, но достаточно откровенным контрреволюционным утверждением? В своих воспоминаниях кадет Головин не смеет прямо сказать полную правду: кадетам очень хотелось присоединиться к правым в осуждении революции, но они не посмели этого сделать. Не случайно Головин все время называет предложение правых «занозой», которая «осталась не вынутой и бередила думу» (24-е заседание), затем «еще более глубоко засела...» (37-е заседание) и т. д. Это выражение следует понимать только как занозу для кадетов, очутившихся перед сильнейшим соблазном вынуть ее, т. е. согласиться с правыми, но не решившихся ему поддаться.

Своей кульминации политика «бережения думы» достигла в последние дни ее существования. Когда сроки ее предстоящего разгона уже измерялись часами, кадеты, как об этом с удовлетворением вспоминает Головин, основываясь на формальных соображениях соблюдения думского наказа, самым решительным образом воспротивились предложению социал-демократической фракции о смене думской повестки дня. Предложение это, повторенное несколько раз, сводилось к требованию поставить на повестку дня вопрос о бюджете и о законах, принятых по 87-й статье, т. е. помимо думы, с тем, чтобы их отвергнуть. Вместо этого дума, по настоянию кадетов, до последней минуты обсуждала законопроект о местном суде, т. е. занималась заведомо тем самым делом, которое В. И. Ленин характеризовал как обеспечение молчаливого разгона думы.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 265.
[2] Там же, стр. 256.

В этом свете особенно лицемерными выглядят неоднократные рассуждения автора воспоминаний о том, что главная причина разгона думы заключалась не в революционности ее левого крыла, а в наметившейся тенденции ее «работоспособности», достигнутой, конечно, благодаря мудрой политике «центра» (50-е заседание). В этой излюбленной идее кадетов, как в фокусе, отразился их «парламентский кретинизм», гармонично уживавшийся с самым неприглядным обманом широких масс.

Отвечая на предложение социал-демократов в последнем, 53-м заседании думы, кадет князь Долгоруков заявил: «Мы будем до последней минуты, не взирая ни на что, спокойно, в сознании долга и ответственности, работать над тем, для чего сюда и посланы,— для созидательной законодательной работы»[1]. «В этих кратких словах,— пишет Головин,— была сформулирована представителем партии народной свободы основная линия поведения центра думы, ее большинства за все время краткой жизни думы. Созидательная законодательная работа народного представительства — вот задача, которую поставила себе партия народной свободы во второй думе и которую в известной мере осуществила эта партия, несмотря на все препятствия, чинимые ей справа и слева!»[2].

Что касается тех мер и способов по «бережению думы», которые были доступны только ее председателю, то тут Головин превзошел самого себя.

На многих страницах воспоминаний Головин рассказывает, как он не давал левым депутатам говорить все то, что, по его мнению, могло помешать пресловутому «бережению». Фразы: «поэтому я счел нужным прервать автора (с.-д. Алексинского.— *А. А.*)...», «тут я прервал оратора (с.-д. Джапаридзе.— *А. А.*)» и т. п. встречаются на каждом шагу.

Ф. А. Головин рассказывает о нескольких случаях, когда он использовал свою председательскую власть против левых незаконно, в нарушение наказа, прибегнув к прямому произволу. Требование социал-демократов, настаивавших на принятии своего предложения о расследовании думой на местах вопроса о безработице, «побудило меня,— пишет Головин,— прибегнуть к уловке, к которой, каюсь, председателю прибегать не следует» (10-е заседание). Дальше рассказывается, в чем состояла эта уловка, явно недобросовестная. Еще более неблаговидным был его трюк, направленный на то, чтобы добиться исключения Зурабова из заседания думы, для того чтобы продемонстрировать отмежевание думы от его речи.

Было бы наивным думать, что автор воспоминаний сообщает об этом в порядке раскаяния или сожаления. Наоборот, это предмет его нескрываемой гордости. Он ставит себе эти акции в заслугу, и к процитированному словечку «каюсь» Головин прибег только для кокетства.

Прибавим к этому, что подобные действия допускал представитель партии, которая клялась на всех перекрестках, что смысл ее существования подчинен девизу: «право выше силы».

Следуя этому девизу, кадеты формально осудили государственный переворот 3 июня, как незакономерный акт. Но есть целый ряд доказательств, заставляющих сильно сомневаться в искренности их заявлений. Дополнительным доказательством этого служат сами воспоминания. Когда автор вспоминает о своих чувствах и мыслях, которые будили в нем речи «некоторых грубых и невежественных ораторов из крестьян», он пишет: «Невольно в душу закрадывалось гнетущее сомнение о подготовленности многомиллионной крестьянской массы к государственной работе и к освобождению от опеки чиновничества. Что дает всеобщее избирательное право?... Не повлечет ли эта реформа гибель государственности, не вызовет ли она к жизни стихийно-анархические течения стенько-разинского характера — народа?» (16-е заседание). Есть масса доказательств тому, что это было не единичное мнение Головина, а подлинное, хотя, конечно, скрываемое мнение кадетской партии в целом.

[1] «Красный архив», № 6(43), 1930, стр. 63.

[2] Цитируемое резюме Ф. А. Головина, идущее за приведенными словами Долгорукова, было опущено в публикации «Разгон II Государственной думы» (см. «Красный архив» № 6, (43), 1930, стр. 63.

В действительности кадеты были противниками сколько-нибудь широкого демократического избирательного права.

Весьма примечательно свидетельство Головина о реакции кадетов на государственный переворот. «Немедленно (утром 3-го июня.— *А. А.*) я поехал в помещение к.-д. фракции. Там я застал спокойствие. На мой вопрос, не собираются ли в Выборг или еще куда и что вообще намереваются делать бывшие члены думы, мне заявили, что решено принять совершившееся **вполне спокойно** (подчеркнуто мной.— А. А.) и разъехаться по домам» [1].

В этой связи многое можно было бы сказать не только о том, о чем Головин написал, но и о том, о чем он сознательно умолчал, в частности, об известном посещении Столыпина П. Б. Струве, С. Н. Булгаковым, В. Ф. Маклаковым и ближайшим помощником Головина в думе М. В. Челноковым в ночь на 2 мая, т. е. незадолго до переворота, и т. д. Но это уже сделают будущие исследователи.

Оригинал воспоминаний находится в личном фонде Ф. А. Головина, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Текст воспоминаний подготовлен к печати В. Д. Есаковым совместно с сотрудником ЦГИАМ В. А. Роговой. Все цитаты из стенографических отчетов и «Нового времени» сверены, в скобках после цитат указаны страницы стенограмм [2].

А. Я. Аврех

Вторая дума по воспоминаниям ее председателя [3]

Первое заседание Государственной думы второго созыва состоялось 20 февраля 1907 г. Всего за два дня до открытия думы я участвовал в заседании московского губернского земского собрания в последний раз в качестве председателя московской губернской земской управы. Тогда в московском земстве реакция была в полной силе. Вся эта сессия прошла при самой ожесточенной травле управы. Управа не оставалась в долгу и без стеснения раскрывала подоплеку предпринятого против нее похода. Эта горячая битва и тяжелое сознание, что численный перевес голосов на стороне противников управы, захватили меня сполна.

В самом деле, трудно было хладнокровно относиться к тому, что делалось в то время в московском земстве. Это земство, державшееся всегда со спокойным достоинством, относившееся с должным уважением к своим избранникам,— к председателю и членам управы, ныне, ослепленное борьбою политических партий, раскололось на два враждующих неприятельских лагеря. Не к чести правых, т. е. врагов старой управы, приходится отметить, что они пользовались совершенно недопустимыми приемами борьбы: они пытались набросить тень на правильность составленного управой денежного отчета и, несмотря на предложение ревизионной комиссии, стойко ею поддержанное, правая часть земского собрания, имевшая хотя и незначительное большинство, настояла на своем и добилась того, что вопрос об утверждении отчета был оставлен открытым до представления заключения новой ревизионной комиссии. И во главе подобного движения встал Ал. Дм. Самарин, впоследствии московский губернский предводитель дворянства и кратковременный обер-прокурор Синода, один из видных членов семьи Самариных, стоявших ранее на страже традиций московского губернского земства.

Подобным же нападкам и ожесточенной критике подвергалась и составленная управою смета на 1907 г. и все ее доклады. Финансовая комиссия, во главе которой стоял Н. Ф. Рихтер, бывший в то время председателем московской уездной земской управы, а затем в эту же сессию избранный председателем губернской управы, давала тон этой компании. Если послушать речи «правых» и почитать речи финансовой комиссии, то выходило будто все дело губернского земства поставлено старой

---

[1] «Красный архив», № 6(43), 1930, стр. 67.

[2] См. «Государственная дума II созыва. Стенографические отчеты», тт. 1—2, СПб., 1907.

[3] Заголовок документа.

управой из рук вон плохо и требует коренной реформы. Кажется, все отделы губернской управы предлагалось реформировать. Особенно сильны были нападения на будто бы чрезмерно большой штат служащих. Указывалось на необходимость значительного сокращения его. На деле же впоследствии оказалось следующее: новая управа с Н. Ф. Рихтером во главе не только не сократила смету расходов и числа земских служащих, но с каждым годом все увеличивала и то и другое, и скоро удвоила размер расходов и число служащих. Я не хочу сказать этим, что деятельность новой управы была неправильна. Наоборот, я хочу указать, что жизнь столь настойчиво требовала расширения земского дела, что даже лица, вошедшие в управу с намерением и с обещанием сократить дело, в действительности значительно его расширили.

Впрочем, я должен сделать оговорку относительно Н. Ф. Рихтера. Хотя он, как председатель финансовой комиссии, поддерживал общее стремление «правых» к сокращению расходов и штатов служащих, однако, перед баллотировкой его в председатели управы, сказал небольшую речь, в которой заявил себя сторонником не ломки существующего, а дальнейшего развития земского дела.

Всецело занятый происходившей на моих глазах подготовкой похорон любимого мною земского дела, я не мог сосредоточиться мыслью на предстоявшей мне деятельности в Государственной думе и подготовиться к выполнению трудной работы председателя думы, которую, как я знал, собирались на меня возложить мои товарищи по партии народной свободы. Лишь после того, как 18-го вечером я сел в вагон, простившись с провожавшими меня сослуживцами по управе, мои мысли сосредоточились на Петербурге и на Государственной думе. Я знал уже, что меня прочат в председатели думы, но это меня не радовало. Я прежде всего хорошо сознавал свою неподготовленность к ответственному и трудному посту. Чтоб успешно председательствовать в парламенте, необходимо основательно изучить технику парламентского делопроизводства. Как известно, С. А. Муромцев [1] задолго до открытия первой Государственной думы изучал наказы западноевропейских парламентов и составил проект наказа Государственной думы. Я же совсем не ожидал, что мне придется председательствовать в думе, а когда узнал об этом, то не имел совершенно времени заняться подготовкою к этому не легкому делу, так как все мое время было поглощено работою в земской управе. Затем я предвидел тяжелое будущее, которое предстояло несомненно думе. И в печати и в обществе господствовало убеждение, что дума обречена на гибель в первые же дни ее существования. В реакционных кругах общества открыто говорили о необходимости роспуска революционной думы, а «Московские ведомости» [2] откровенно рекомендовали правительству распустить думу, не созывать новую и вернуться к тому благодатному времени, когда и не думали ни о каком народном представительстве. Выборы в думу происходили при крайне оппозиционном настроении широких кругов общества, а репрессии со стороны правительства во время выборов только усиливали недовольство правительством избирателей. В результате оказалось, что состав думы был «левый». Партийное деление думы было следующее:

Левое крыло — 113 членов думы (65 с.-д., 34 с.-р., 14 н. с.); 193 — центр (92 к.-д., 101 трудовик); 104 — правое крыло (32 октябристы и умеренные, 22 правые, 50 беспартийные). Затем польское коло [3] — 47, мусульмане — 31 и казаки — 17.

При таком составе думы рассчитывать на возможность работы думы с кабинетом П. А. Столыпина было бы политической наивностью. На долю руководящего центра думы выпала тяжкая и едва ли выполнимая работа: вести борьбу с властной бюрократией конституционным способом, охраняя самое существование думы и достоинство народного представительства. С другой стороны, надеяться на перемену кабинета по требованию думы также было невозможно. Следовательно, вопрос сводился лишь к тому, сколько времени просуществует дума и успеет ли она за время своего несомненно краткого существования сделать хоть что-либо полезное для народа.

Быть главою учреждения, обреченного на гибель, не очень заманчиво. Я прекрасно сознавал, что кроме ненависти, насмешки, злобной критики моих действий, я ничего не встречу на своем высоком посту. Раз дума обречена на неудачу, то председатель ее в первую голову будет мишенью для нападок не только со стороны врагов, но даже со стороны его друзей и единомышленников. Раздраженные неудачами, постигшими народное представительство, невольно и они будут думать, что часть этих неудач могла бы быть отстранена более умелым и ловким поведением председателя думы. Эти печальные мысли владели мною во время моего пути в Петербург. Но все же я должен сознаться, что не было ни одной минуты, когда я подумал бы, что имею право отклонить от себя предстоявшую мне горькую чашу. Единственное серьезное возражение, которое я мог бы выставить против своей кандидатуры в председатели, этот тот факт, что я не успел изучить технику парламентского делопроизводства. Но я знал, что на это получил бы в ответ указание, что никто из членов II думы не имеет такой подготовки. Мое доверие к политическому такту, чутью и знанию обстоятельств моих товарищей по Центральному Комитету конституционно-демократической партии и убеждение в необходимости подчинения партийной дисциплине совершенно исключали для меня возможность рассуждать в этом трудном вопросе. Если ЦК партии признавал необходимым выставить мою кандидатуру в председатели — я обязан подчиниться.

Я так и сделал. Когда 19 февраля я явился на заседание к.-д. фракции и когда, после встречи меня дружными аплодисментами, мне там сообщили, что уже состоялось единогласное постановление фракции ввести меня в председатели[4]), я, не колеблясь ни минуты, заявил, что подчиняюсь решению фракции и благодарю за оказанные мне высокую честь и доверие. Тут же спросили меня, кого следовало бы выдвинуть в качестве кандидата в секретари думы, причем мне сообщили, что намечаются два лица: К. К. Черносвитов[5]), член первой думы, и М. В. Челноков[6]), мой товарищ по управе, т. к. Черносвитова я не знал совсем, а с М. В. был в дружеских отношениях и считал его за очень умного, энергичного и дельного работника, то я поддержал кандидатуру Челнокова, и он оказался избранным фракцией.

В тот же день вечером было новое заседание фракции[7]), в котором приняли участие представители всех думских фракций, кроме правых. Моя кандидатура встретила поддержку всех фракций и избрание мое было обеспечено.

Когда на следующий день, 20 февраля, я подъезжал к Таврическому дворцу, ближайшие улицы были запружены народом, встречавшим криками одобрения или неодобрения знакомых толпе депутатов. Подъехать в экипаже к думе было трудно. Я пошел пешком и с трудом протискался через толпу. В думе уже начался молебен. По совершении молебствия, члены думы заняли свои места. Места для публики, министерская скамья, места для служащих в канцелярии думы, места для печати, для членов Государственного совета, дипломатическая ложа и ложа для сенаторов — все было полно народом. Заседание открыл и вел назначенный высочайшим указом действительный тайный советник Голубев, товарищ председателя Государственного совета, благообразный старец со спокойным голосом и манерами. Когда он обратился к думе со словами: «Государь император повелел мне приветствовать от высочайшего его имени членов Государственной думы...», вся правая часть думы встала, но члены фракции народной свободы и все члены думы левых партий продолжали сидеть, я в их числе. Этот эпизод был подчеркнут «Новым временем»[8]) и поставлен врагами думы на ее «дебет». Я не помню, чтобы во фракции была предусмотрена эта возможность и чтобы состоялось по этому поводу какое-либо решение. Мы, к.-д., сидели без предварительного сговора. Что думали мои товарищи и каковы были их мотивы — я не знаю, что же касается меня лично, то я не видел необходимости вставать, т. к. Голубев передавал не подлинные слова государя, а сам приветствовал членов думы, хотя и от высочайшего имени. В то же время я хорошо знал, что социалисты, конечно, не встанут и тогда особенно резко будет подчеркнуто их отношение к монаршему приветствию. Я считал, что не следовало отделять себя от левых партий без особой нужды. Голубев, несомненно знакомый с обычаями в западных

парламентах, должен был знать, что социалисты не принимают участия в монархических демонстрациях, а потому должен был бы предупредить левых о приветствии, которое он сделает, чтобы дать возможность социалистам заранее покинуть зал заседания. Тогда весь этот нежелательный инцидент был бы устранен. Нельзя же было требовать, чтобы социалисты, в программе которых борьба с монархизмом, участвовали в демонстрациях монархических чувств.

В то время как происходила баллотировка меня на должность председателя думы, в кулуарах я встретил члена Государственного совета Д. Н. Шипова 9), который спросил, волнуюсь ли я. Я по чистой совести ответил, что не волнуюсь нисколько. И в самом деле я был покоен, как всегда, когда предпринимал что-либо бесповоротное. Колебаться уже было поздно, а волноваться не было причины, потому что я в избрании не сомневался, предстоявшие же мне на этот день действия были заранее точно определены и не трудны. Я знал, что после своего избрания я взойду на председательское место, скажу небольшую речь, заранее мною составленную и просмотренную моими политическими друзьями, и закрою заседание.

Я показал Шипову текст этой речи и он также одобрил его. Вот эта речь [1]:...

Когда под гром аплодисментов я взошел на председательское место и с его высоты оглядел обширный амфитеатр думского зала, я отчетливо почувствовал волевую энергию сидящих предо мною народных представителей. Мне ясно представилась вся трудность владеть этим большим и страстным собранием нескольких сот человек, весьма разно мыслящих и твердо решившихся до последней крайности отстаивать свои убеждения. Но напряженность собрания и необходимость действовать во что бы то ни стало, сознание, что пути к отступлению отрезаны, дают энергию и самообладание. Твердым голосом я произнес вышеприведенную речь 10) и объявил заседание закрытым.

При новых аплодисментах я сошел с председательского места налево, чтобы принять поздравления сначала от членов думы, а не напасть на министров, которые сидели направо от председателя. Только после рукопожатий ближайших членов думы, я подошел к ложе министров. Первым подошел ко мне Столыпин и поздравил с избранием, а затем я познакомился и принял поздравления и от других министров 11).

Затем помню хождение по всему зданию думы в сопровождении, кажется, заведующего зданием архитектора Бруни, заведующего канцелярией моего сородича Н. М. Головина и др. лиц. Были и представления чинов канцелярии, пристава Государственной думы и его помощников, заведующего охраной Таврического дворца барона Остен-Сакен, добродушного толстого полковника. Снял с меня фотографию какой-то любитель старичок генерал. Наконец, я добрался до кабинета председателя думы, большой комнаты с прекрасной старой люстрой и громаднейшим письменным столом с обильными и массивными письменными принадлежностями. Тут я познакомился с прикомандированными государственной канцелярией в качестве личных секретарей председателя думы двумя милыми и дельными молодыми людьми, Каловым и Шнейдером.

Тут же я нашел уже заготовленный канцелярией для моей подписи рапорт государю о моем избрании и просьба о приеме.

Из думы я заехал на минутку в помещение фракции к.-д., а затем домой, в Европейскую гостиницу. Помню, что на Сергиевской стояла шпалерами толпа народа, глазевшая на разъезд из думы. Откуда-то появился генерал, снимавший с меня фотографию в думе. Увидав меня, он крикнул толпе, что идет председатель думы. Толпа стала кричать — «ура», а я, сконфуженный неожиданным приветствием, торопил извозчика свернуть в боковую улицу.

С этого дня вплоть до роспуска думы и даже много позже я был предметом любопытства на улице и во всех публичных местах.

Поздно вечером я получил уведомление от министра двора о том, что государь меня примет на следующий день в 12 час. дня.

[1] Речь Ф. А. Головина опускается (см. «Государственная дума II созыва. Стенографические отчеты», т. 1, СПб., 1907, стр. 8).

Описывать этот прием у государя, так же как и последующие два приема в бытность мою председателем думы, я не стану, т. к. эти описания сделаны мною особо в моих воспоминаниях о Николае II [12]).

Здесь я вспоминаю мои первые впечатления от Государственной думы и председательствования в ней. Хотя мне не раз приходилось председательствовать в самых разнообразных заседаниях, но все же все эти председательствования не могут идти в сравнение с председательствованием в думе. Еще в очень молодые годы, прямо со школьной скамьи мне пришлось исправлять должность предводителя дворянства Дмитровского уезда, Московской губернии. Детство, отрочество и раннюю юность я проводил в нашей семье, которая жила очень уединенно. У нас было мало знакомых, почти никого родных. Я боялся людей, был застенчив до крайности, краснел до слез часто без причины, боялся говорить в обществе и даже в своей семье, за что и получил прозвище «лицо без речей». И вот таким-то дикарем я сразу попал в председатели всевозможных уездных учреждений, совершенно незнакомый с местными деятелями и даже с порядком и техникой ведения заседаний. Я купил себе книгу «Памятная книга для уездного предводителя дворянства», сочинение кн. Трубецкого, и по ней стал готовиться к каждому заседанию, на котором должен был председательствовать, а также постарался узнать что мог от старого нашего предводителя П. В. Бахметьева, как следует себя держать на заседаниях и как их вести. Эти несколько месяцев, что мне пришлось стоять во главе уезда, были для меня мучительны. Я должен был употребить большие усилия воли, чтобы побороть свою конфузливость и не теряться на заседаниях. Эта нравственная операция была мучительна, но зато исцелила меня от конфузливости. После этого искуса я говорил близким мне людям, что я теперь решился бы председательствовать на каком угодно собрании, «хотя бы в Государственном совете». В последнем председательствовать мне не пришлось; судьба поставила меня председателем более трудного собрания — Второй Государственной думы.

Заседание второе — 23 февраля

Перед первым заседанием думы под моим председательством, т. е. перед заседанием 23 февраля 1907 г., я чувствовал себя не по себе. Первая встреча моя с думою 20 февраля, когда я говорил свою речь после избрания меня председателем думы, хотя и прошла внешне очень благоприятно для меня, хотя и большая часть прессы также сочувственно откликнулась на мое первое выступление, все же, как я уже писал выше, я почувствовал таящуюся в думе страстность, а также и глубокую ненависть к партии народной свободы, а следовательно, и ко мне, как одному из ее членов, со стороны крайних левых и крайних правых. За эти два дня между двумя заседаниями думы мои услужливые и милые секретари Калолов и Шнейдер показали мне отзывы реакционной прессы обо мне. Из них я утвердился в не новой для меня истине, что я буду несомненно мишенью для их ожесточенных нападок, клеветы и провокаций.

Если не считать чисто хулиганские выходки крайней правой прессы, наиболее ожесточенную кампанию против меня вела газета «Новое время», особенно ее думский хроникер Ал. Пиленко. В этой газете в первом по открытии думы номере Ал. Пиленко под видом пожеланий председателю думы изложил в сущности программу своих будущих нападений на меня, выполненную им точно сполна и не без таланта и остроумия. Вот эти пожелания: «Председателю нужно пожелать, чтобы он был так же беспристрастен и так же влюблен в свое дело, как С. А. Муромцев. Но он должен помнить, что охрана свободы слова не есть синоним разрешения говорить все, что угодно. Мы так много слышали в первой думе речей, почти не имевших никакого отношения к предмету прений, что нередко поднималось у присутствовавших желание закричать председателю, бесстрастному и формалистичному московскому профессору: «Да вслушайтесь же вы в то, что говорят гг. Джапаридзе [13]) и Рамишвили» [14]). ...Пожелаем новому председателю, чтобы он был смелее по отношению к тем членам думы, которые вносят явно незаконные предложения,— чтобы он не унижен-

но просил их снять это предложение, как это было с немедленным осуждением смертной казни, а чтобы он решительно и безбоязненно проявлял всю полноту своих председательских полномочий» [15]. По мнению Ал. Пиленко, я все эти пожелания не выполнил и оказался неумелым, не понимающим своих обязанностей, далеко не беспристрастным и не находчивым председателем, чуть ли даже не виновником гибели Государственной думы. С своей стороны и левая пресса была неудовлетворена моими первыми выступлениями в думе. Так, если «Новое время» слегка похвалило меня за то, что я «имел мужество сказать, что Государственная дума будет работать в единении с монархом», то эта же самая моя фраза не понравилась левой прессе. «Русская жизнь» [16] полагала, что я должен был ничего не говорить и во всяком случае не подчеркивать свой монархизм и свою приверженность к конституционной работе. Здесь проявилось первое предостережение руководящему центру думы со стороны крайних флангов. Ничего хорошего я не мог ждать и от членов думы, занимающих крайние правые скамьи. До сих пор мне приходилось председательствовать в собраниях, где все члены собрания относились ко мне, как к председателю, благожелательно, а тут я знал, что крайние левые терпят меня, как неизбежное зло, а правые были бы очень рады, если бы им удалось поставить меня в затруднительное или смешное положение и вызвать председательский кризис. Поручение центра «беречь думу прежде всего», желание правых сорвать думу во чтобы то ни стало, намерение левых использовать думу как трибуну для пропаганды революционных идей — вот что я должен был иметь в виду как председатель думы и между какими подводными камнями должен был вести свой корабль. Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что ни один из председателей во всех четырех думах не был в столь трудном положении, как председатель второй думы. «Левую» думу при министерстве Столыпина нужно было охранить от эксцессов и заставить работать в рамках широкой конституционности! На председательском кресле я чувствовал себя как на бочке с порохом вблизи падающих искр.

До сих пор я живо помню то неприятное ощущение, которое овладевало мною, когда я подъезжал к Таврическому дворцу. Особенно запомнилась мне высокая краснокирпичная труба, вечно дымящаяся, черная сверху от копоти, назойливо попадающаяся на глаза, когда въезжаешь из Потемкинской ул. на Шпалерную. Помню крыльцо Таврического дворца со двора, через которое я проходил в переднюю около кабинета председателя. Помню рослого и красивого курьера у председательского кабинета, на которого в полученном мною анонимном письме указывалось, как на лицо, приставленное ко мне для того, чтоб отравить меня, и рекомендовали не поручать ему приносить мне еду. Конечно, я этому письму не придал значения, посылал этого курьера за кофе и завтраком во время перерывов и никакого ущерба моему здоровью от этого не было. Помню последние минуты перед началом заседания, когда приходилось распоряжаться, давать ответы на разные вопросы по текущим делам. Но мне памятнее всего звонок, призывавший в зал заседания и громко и долго трещавший во всех помещениях дворца. Этот звон я не мог равнодушно слышать и в третьей думе, хотя там я играл пассивную роль. Лишь только раздавался этот звонок, я торопился в зал заседания, где звонка не было слышно. Взойдя на трибуну, заняв свое место, мне хотелось какого-то чуда, которое избавило бы меня от предстоявшего мне мучения. Но вот кворум уже налицо, пристав и его помощники докладывают мне об этом, я встаю и произношу стереотипную фразу: «Объявляю заседание Государственной думы открытым». Нервы напряжены до крайности, каждую минуту ждешь сюрприза от левых или правых, следишь за каждым своим словом и жестом, за всеми членами думы, слушаешь оратора, угадываешь настроение думы, с тревогой следишь за тем, как она реагирует на отдельные мысли и выражения оратора, как реагирует на них министерство, вспоминаешь наказ, вернее обрывки наказа, которые успела выработать первая дума, которыми руководствуешься в думе, хотя наказ этот и не принят думой во всех его частях.

Теперь два слова об общем впечатлении, которое производила дума на зрителя.

Хотя мне, как председателю думы, очень хотелось бы установить, что впечатле-

ние от личного состава думы получалось хорошее, но, желая быть правдивым и искренним, я принужден отметить как раз обратное. Так, левое крыло думы невольно поражало зрителя множеством слишком молодых для ответственного дела народного представительства лиц и при этом не интеллигентных. На фоне этой некультурной левой молодежи редкими пятнами выделялись серьезные умные лица некоторых образованных народных социалистов, социалистов-революционеров, двух-трех трудовиков и стольких же социал-демократов. Но, повторяю, общая масса левых отличалась тупым самомнением опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодежи. Все же вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомненная бескорыстность и готовность к самопожертвованию ради торжества их принципов возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя. Не такое чувство возникало при взгляде на правое крыло думы. Здесь прежде всего бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе, и с первых же дней старавшихся уронить ее достоинство, добиться ее роспуска, мешавших ее работе и не скрывавших даже своей радости при ее неудачах. На это крыло, шумевшее, гоготавшее, кривлявшееся было противно смотреть, как на уродливое явление: народные представители, не признающие и глумящиеся над народным представительством! Сжатый этими двумя буйными и сильными крыльями, имеющий большинство в думе лишь от присоединения к центру то левого, то правого крыла, сам по себе бессильный центр, стремящийся к законодательной работе на строго конституционных основах с товарищами налево, желающими использовать думскую трибуну лишь для пропаганды своих крайних учений, с господами направо, провоцирующими думу на путь пустых деклараций и скандалов, этот центр вызывал в зрителе и сожаление и уважение перед его стойкостью, выдержанностью и политическою воспитанностью.

Для зрителя, хорошо знакомого с личным составом главенствовавшей в думе партии народной свободы, было ясно, что во вторую думу в большинстве попали «Dii minores»[1] этой партии. Сливки ее красовались в первой думе, но привлеченные к суду за так называемое «Выборгское воззвание» 17), были лишены избирательных прав и остались за стенами Таврического дворца. Конечно, это не помешало их главарям принимать самое деятельное участие в фракционной работе и таким путем благотворно влиять на ход думских дел. Но двое, трое из хорошо знакомых русскому образованному обществу главарей к.-д. сидели на скамьях членов думы: другие же, бывшие члены первой думы, занимали места для публики и с болью в сердце наблюдали за всеми трагическими перипетиями агонии народного представительства, явно обреченного на преждевременную гибель. В центре красовались гордые поляки, учуявшие перемену политического ветра и готовые соответственно изменить свою тактику национальных эгоистов. Польское коло — это был малонадежный привесок к центру, в те критические моменты, когда весы голосований нервно замирали на срединной точке, чтобы затем качнуться вправо или влево в зависимости от решения поляков. Таково было общее впечатление от взгляда на вторую думу. Это впечатление было во мне, конечно, еще довольно смутно во время первого заседания думы. Впоследствии оно обрисовалось ярче и подкрепилось фактами из деятельности политических групп, составлявших думу.

Первое заседание прошло гладко и вполне благополучно. Гессен вмешивался и неудачно вмешивался в порядок ведения заседания, но этим только отнял несколько минут даром у думы.

Тем не менее Ал. Пиленко ухитрился начать свой поход против председателя думы, сделав в «Новом времени» 18) упрек председателю за то, будто он баллотировал вопрос разделительно, а именно, в 11 или 10 часов начать следующее заседание

[1] «Меньшие боги».

и тут же добавляет, что, несмотря на этот председательский промах, недоразумения не получилось. Как же было дело в действительности? В стенограмме значится: «Председатель. Господа, одна группа желает в 11 час., другая в 10 час. Позвольте баллотировать этот вопрос. (Происходит баллотировка вставанием). Очевидно, большинство членов думы считает необходимым назначить заседание в 11 час.» [20] В стенограмме несомненный пропуск. Председатель должен был, конечно, указать, кто при этой баллотировке должен сидеть, кто вставать, если даже баллотировка происходила так, как предположил г. Пиленко. Так как подобный вопрос мне приходилось баллотировать весьма и весьма часто и я всегда баллотировал одну цифру, а не две сразу, я не сомневаюсь, что и в данном случае я сделал так же. Случайный пропуск в стенограмме дал случай г. Пиленко лишний раз указать на мнимый промах председателя. Новый упрек и не менее первого неосновательный делает Ал. Пиленко по поводу этого же заседания, а именно, он ставит на вид председателю, что он собственной властью сделал перерыв заседания, отмечая, что это «не соответствует нашим парламентским прецедентам».

Я считаю, что этот упрек совершенно неоснователен. Прежде всего считаю нужным установить общий взгляд на «наши парламентские прецеденты». Существование первой Государственной думы в течение 72 дней, ее 38 заседаний не могли создать парламентские прецеденты для всех возможных случаев. Если в первой Государственной думе председатель ни разу собственной властью не назначал перерыва, это еще не значит, что он и впредь этого не сделал бы. Несомненно, гораздо красивее и приятнее для председателя, если все, что совершается в думе, совершается не по инициативе и не по воле председателя, если он является беспристрастным исполнителем воли собрания и правил наказа и его личное «я» совсем не выявляется. Но для этого необходимо, чтобы в самой думе были лица, следящие за ходом заседания и вносящие в нужный момент соответствующие предложения, регулирующие правильный ход занятий. Если же этого нет, то самому председателю приходится волею-неволею вмешаться и проявить хотя бы минимум инициативы. Это особенно относится к такому вопросу, как перерыв занятий. Делать перерыв в заседании должно быть правом как самой думы, так и ее председателя. Что сама дума может постановить сделать перерыв не требует никаких доказательств. Но мне кажется несомненным и право председателя делать перерыв по собственному почину и своею властью. В самом деле, председатель как лицо, ответственное за порядок во время заседания, может встретить необходимость сделать перерыв по разным мотивам, как, например, для того, чтобы успокоить поднявшиеся страсти во время прений, чтобы переговорить с лидерами партий для внесения какого-либо предложения, необходимого, по мнению председателя, для успешного хода занятий и т. п. Наконец, председатель может чувствовать себя не совсем здоровым. Не может же он ждать до потери сознания, чтобы перерыв произошел сам собою. Заменить себя товарищем далеко не всегда возможно. Рассчитывать же на то, что дума всегда будет жалостлива к председателю и будет понимать, что ему необходим перерыв, чтобы отдохнуть от крайне утомительной председательской работы — нельзя. Так, например, вторая дума во время шестого своего заседания отвергла все предложения о перерыве и заседание происходило без перерыва от 11 час. утра до 6 час. вечера, т. е. 7 часов! Таким образом, я прихожу к заключению, что делать перерыв по собственному почину председатель должен иметь право. На эту именно точку зрения встала третья Государственная дума, установившая в §113 «наказа» правило, что «назначение перерывов заседания зависит от председательствующего».

Инкриминируемое мне г. Пиленко действие изложено на стр. 15 стенографического отчета так:

«И. Гессен[19] (С.-Петербург). Позвольте мне от имени товарищей просить назначить перерыв на 15 минут.

Председатель. Ввиду сделанного заявления, а также, приняв во внимание, что мы без перерыва занимались уже более трех часов, объявляю перерыв на полчаса».

Как видно из приведенного текста, я здесь сделал перерыв, идя навстречу заявлению от имени группы членов думы, а также и вследствие несомненного утомления думы от трехчасового заседания. Если я не поставил предложение Гессена на голосование, то потому, что и без такого предложения я считал бы необходимым сделать перерыв по соображениям правильного ведения думских занятий. Таким образом, в данном случае был создан мною прецедент, нашедший себе место в ныне действующем наказе Государственной думы. Я не говорю уже о том, что по закону (ст. 37-й Учр. Государственной думы) председатель думы имеет право делать перерыв заседания.

Заседание третье — 24 февраля

Во время этого заседания произошло первое столкновение крайних флангов думы. Махмудов [20)] назвал правых «ставленниками Столыпина» [26], что вызвало естественное негодование правых и беспорядочные выкрики с мест. Но этот беспорядок мне удалось прекратить очень быстро и он дал мне повод указать членам думы, что замечания ораторам и другим членам думы имеет право делать только председатель и что все члены думы, каких бы политических убеждений они ни были, являются избранниками народа и должны пользоваться равным уважением в думе. В этом же заседании мне пришлось сделать первое замечание Пуришкевичу [21)] за то, что он сказал, что он «откинул бы прочь предложение» быть товарищем секретаря [37].

При имени Пуришкевича я вспоминаю один эпизод, рисующий его прямолинейность. Я вообще считал и считаю Пуришкевича человеком крайне неуравновешенным, но искренним и не преследующим каких-либо личных, эгоистических целей. Мое первое знакомство с ним было во время съезда представителей земств по вопросу о перестраховании имущества от огня, состоявшемся при страховом отделе МВД под председательством управляющего отделом М. А. Остроградского. Пуришкевич служил тогда в этом отделе и вместе с каким-то другим чиновником вел журнал заседаний. Остроградский прекрасно вел заседания и очень помог земцам разобраться в сложном и трудном вопросе о перестраховании. По окончании съезда земцы сделали обед Остроградскому в одном из ресторанов и пригласили также секретарей. Пуришкевич категорически отказался «от чести обедать с земцами». Вспоминаю также, как Пуришкевич участвовал на съезде по страховым вопросам, бывшем в Москве. На заседании одной из секций, бывшем в помещении Московской губернской управы, он делал доклад, в котором ругал земства и доказывал, что они ничего не сделали и не могут сделать в области противопожарных мероприятий. Конечно, земцы обрушились с жестокой критикой на доклад и не оставили от него камня на камне.

После этой бани Пуришкевич бежал вприпрыжку с лестницы управского помещения, торопясь на поезд в Петербург. Прощаясь с ним, я спросил его, не без иронии, как ему понравилось в Москве? Да что, отвечал Пуришкевич, у вас здесь в Москве только и делают, что едят и едят все и всех. И, безнадежно махнув рукой, помчался вниз через ступеньку, нервно подергивая головой.

Заседание четвертое — 2 марта

Четвертое заседание думы происходило в исключительных условиях: в этот день рухнула штукатурка потолка в зале заседаний. Об этой катастрофе мне сообщил по телефону рано утром, часов в 7, кажется заведующий охраной Таврического дворца, барон Остен-Сакен. Я тотчас стал одеваться, чтобы ехать в Таврический дворец. Вскоре меня вызвал к телефону П. А. Столыпин, сообщивший мне, что он уже находится в думе и просит меня поскорее приехать, чтобы выяснить, где можно было бы устроить назначенное в 11 час. заседание думы. Я поспешил в думу. Тотчас по приезде, я отправился вместе с секретарем думы М. В. Челноковым и некоторыми членами бюро думы в министерский павильон. Там мы нашли П. А. Столыпина и крайне перепуганного и удрученного думского архитектора Бруни. Вме-

сте с этими лицами мы осмотрели зал заседаний. Картина была потрясающая. Вся штукатурка, толстая и тяжелая, рухнула с высоты 18 аршин, поломав и исковеркав по дороге люстры. Она легла двумя громадными пластами на левую и правую стороны полукружья с пюпитрами для членов думы. Если б эта катастрофа случилась несколькими часами позже, то убитых и изувеченных членов думы была бы масса. Судя по тому, чьи пюпитры были разбиты, можно предположить, что уцелели бы те члены думы, которые сидели в центре, а более всего пострадали бы члены думы, занимавшие места на флангах. Из пюпитров, занятых членами к.-д. фракции, был разбит только пюпитр Ф. И. Родичева.

В назначенном в этот день заседании предполагалось заслушать декларацию правительства, предварительно рассмотрев доклады отделов по проверке прав членов думы. После же происшедшей катастрофы мне казалось несомненным, что заседание думы для слушания декларации должно быть отложено: заниматься в одной из зал Таврического дворца, не приспособленной для заседания 400 человек,— невозможно, отыскать же новое помещение в два-три часа также представлялось невыполнимой задачей. Кроме того я предвидел, что эта катастрофа, хотя бы совершенно не предотвращенная, при враждебном отношении значительной части членов думы к правительству, несомненно вызовет столь повышенное настроение, что заслушать при таких условиях декларацию правительства, и без того способную вызвать эксцессы в думе, было бы в высшей степени неблагоразумно. Я рассчитывал, что и П. А. Столыпин так же взглянет на это дело.

К моему удивлению от Столыпина я услышал совершенно обратное мнение. Крушение потолка он рассматривал как «Vis major»[1] и не понимал или не хотел понять настроение членов думы. Он стоял на той точке зрения, что откладывать заседание думы нельзя. Вся Россия и Европа ждут декларации правительства, этой первой встречи правительства и народного представительства. Откладывать этот важный акт из-за какой-то обвалившейся штукатурки — значит придавать серьезное значение ничего не значащей печальной случайности. Помещение Таврического дворца достаточно велико, чтобы устроить заседание думы и не в зале, для того специально предназначенном. Будет, конечно, несколько неудобно, но с этим неудобством следует примириться ввиду важности предстоящего дела.

Когда я со Столыпиным после осмотра зала, где рухнула штукатурка, вышли в кулуары, вокруг нас образовалось кольцо из депутатов. Чувство негодования было преобладающим среди них и проявилось наружу достаточно ясно. Горячие головы видели в обвале покушение на жизнь депутатов, более уравновешенные — преступную небрежность. Увидев такое настроение членов думы, Столыпин поспешил скрыться, еще раз, однако, настойчиво прося заседание непременно устроить в круглом зале, примыкающем к передней, и заслушать правительственную декларацию.

Согласно желанию депутатов, я решил устроить заседание в помянутом круглом зале и сделал соответствующие распоряжения. В этом зале спиной к передней было устроено председательское место, направо от него места для министров, налево для канцелярских чиновников и печати, а лицом к председательскому столу были поставлены стулья для депутатов. Акустика в этом зале оказалась очень скверная: звук уходил в Екатерининский зал и там пропадал. Вести заседание при таких условиях было очень затруднительно. Впрочем, представители партии к.-д. меня предупредили, что они будут настаивать на рассмотрении в настоящем заседании лишь вопроса о порядке подыскания временного помещения для заседаний думы. Таким образом, я рассчитывал, что заседание будет непродолжительное.

Заседание началось в 11 час. 35 мин. Министерство во главе со Столыпиным было налицо. Я опасался, что появление министров вызовет резкую демонстрацию левых, но все обошлось благополучно.

Во время всего заседания я ожидал скандала и был особенно настороже, стремясь удержать прения в деловых рамках вопроса о подыскании помещения и о ме-

[1] «Перст судьбы».

рах к выяснению причины катастрофы. Когда один из ораторов, Долженков[22], указав на то, что еще во время первой думы было известно, что потолок в зале заседаний думы не надежен, сделал предположение, что может быть входило в расчет строительной комиссии оставить потолок без исправления, я тотчас же призвал оратора к порядку [55—56]. Заседание продолжалось всего сорок минут, и я провел его самым энергичным образом, пользуясь всеми мерами, чтобы охлаждать ораторов и держать их в пределах вопроса.

Я не сомневался, что обвал штукатурки есть только несчастная случайность, которую, вероятно, было трудно предусмотреть, а потому ставить эту катастрофу в вину кабинету Столыпина было бы несправедливо и я всеми мерами стремился оградить его от нападений раздраженных депутатов.

Последующие три дня комиссия и я провели в хлопотах по подысканию помещений для заседаний думы.

Казалось бы, что в таком городе, как Петербург, отыскать помещение будет нетрудно. Но мы не встретили достаточного содействия со стороны подлежащих министров. Комиссия прежде всего остановилась на помещении народного дома имени Николая II. Подлежащий министр (если не ошибаюсь, министр финансов) старался доказать, что это помещение неудобно, а после настояний комиссии стал ссылаться на то, что придется министерству понести дополнительные убытки, т. к. надо будет нарушить контракт с арендатором. Подобное же противодействие мы встретили и со стороны министра двора, барона Фредерикса, когда наметили для заседаний думы Михайловский театр. Этот министр не отважился самостоятельно решить «столь важный вопрос», как прекращение на неделю спектаклей французской труппы, доложил об этом государю, а государь — нашел неподходящим для народного представительства законодательствовать в театре. Но в то же время государь не считал, по-видимому, уместным иметь народных представителей гостями в своем Зимнем дворце. Конечно, мы с подобною просьбой не обращались, но и нам соответствующего предложения сделано не было, хотя помещение Зимнего дворца было свободно.

Вообще правительство, по-видимому, совсем не было сконфужено, что съехавшимся со всех концов России народным представителям нет места для занятий в Петербурге. Наконец, вопрос разрешился великодушною уступкою Государственного совета. В то время Мариинский дворец ремонтировался и заседания Государственного совета происходили в доме дворянства на Михайловской ул. Это помещение и было предоставлено думе на время ремонта зала Таврического дворца. Помещение было тесновато для думы, но зато в акустическом отношении оно было лучше, чем зал Таврического дворца. Все эти поиски и переговоры заняли три дня. Тем временем усиленно работали и думская комиссия и судебные власти по выяснению причин обвала штукатурки и виновников этого. Виновников не оказалось. Причина обвала — гвозди, которыми прикреплялась основа штукатурки еще во время Екатерины II, а также мотор для электрического освещения, появившийся на чердаке дворца и своими постоянными мелкими толчками раскачавший злосчастные гвозди.

Заседание пятое — 6 марта 1907 г.

Пятое заседание думы состоялось в помещении Государственного совета. Для председателя это помещение было более удобно, чем зал заседаний в Таврическом дворце: акустика несравненно лучше, оратор стоит не спиной к председателю, а сбоку его, что дает возможность председателю и лучше слышать оратора и легче обратить внимание оратора на председателя.

Заседание было объявлено открытым ровно в 11 час. утра. Первая часть его была посвящена мало интересному делу: проверке правильности выборов членов думы. В 1 час. 20 мин. дня был объявлен перерыв. К этому времени дума успела рассмотреть и признать выборы произведенными правильно по отношению к 258 членам думы, т. е. по отношению более чем к половине избранных членов думы.

Я воспользовался объявленным часовым перерывом для завтрака в Европейской гостинице с моими друзьями.

За завтраком, естественно, разговор вращался вокруг предстоявшего выступления Столыпина. Я очень опасался возможных эксцессов со стороны крыльев думы. Предстояла первая серьезная встреча думы и правительства, которая должна показать, возможна ли совместная работа народного представительства и старой, властной бюрократии. Я в эту возможность в глубине души не верил, но тем страстнее я старался убедить себя и моих собеседников в возможности этой работы. Я считал своим долгом сделать все от меня зависимое, чтобы смягчить остроту антагонизма между думой и кабинетом Столыпина, которую я так хорошо чувствовал, находясь постоянно под давлением этих двух противоположных сил.

Заседание возобновилось в 2 час. 30 мин.

Когда я произнес: «Слово принадлежит председателю Совета министров», на ораторскую кафедру поднялся П. А. Столыпин, мертвенная бледность лица которого особенно подчеркивалась темными бородою и усами и красными губами. Первое выступление Столыпина убедило меня в том, что это не только хороший оратор, но что это человек с темпераментом и сильною волею. Перед думой выступил политический деятель, способный мужественно и ловко бороться с врагом, стойко отстаивать свое положение и свои взгляды, не останавливаться перед самыми решительными действиями ради достижения победы. В нем чувствовался не хитрый царедворец, не достигший власти генерал, не достигший власти интригами и связями бюрократии, а убежденный враг революционного движения, способный энергично бороться с проявлениями революции, но не с причинами ее. Подавить восстание Столыпин мог, но выработать и осуществить реформы, необходимые для уничтожения причин революционного движения, он не был способен. Для последнего у него не было достаточного ума государственного деятеля.

Речь Столыпина [106—120] была выслушана с громадным вниманием всею думою и публикою на хорах. «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое» [107],— сказал Столыпин. Если перечислить законопроекты, внесенные или вносимые правительством в думу, о которых упомянул в своей речи Столыпин, то у слушателя могло получиться впечатление, будто правительство всерьез собирается превратить отечество наше в государство правовое. Чего только не коснулся Столыпин! Свобода слова, собраний, печати, совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции, гражданская и уголовная ответственность в общем процессуальном порядке служащих за их преступления по должности, упразднение административной высылки, подоходный налог — вот тот большой багаж, который принес с собой в думу глава правительства! В заключение Столыпин протянул думе свою руку, заявив, что правительство готово свой труд, добрую волю, накопленный опыт предоставить в распоряжение Государственной думы, «которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, т. е. правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство его величества» [120]. Правая часть думы встретила бурными аплодисментами речь Столыпина и поспешила пожать протянутую Столыпиным руку, но большинство думы руки не приняло, заявив, что оно будет судить о правительстве не по словам, а по действиям и по существу внесенных им в думу законопроектов.

В последовавших затем прениях приняли участие лишь представители крайних флангов думы. Несмотря на вызывающее поведение правых, центр думы продолжал хранить молчание и все заседание прошло в состязании крыльев думы между собою. Я должен признаться, что, несмотря на то, что мое сочувствие было на стороне левых и я был бы рад признать победу в состязании на их стороне, все же справедливость требует установить тот факт, что из этой первой стычки правительства и правых с оппозицией моральная победа осталась не на стороне оппозиции. Вся первая речь П. А. Столыпина, а также и его вторая ответная речь [167—

169] дышали силой, благородством и готовностью забыть партийные распри и дружно работать с думой на пользу государства. Если оставить в стороне тот факт, что к моменту настоящего его выступления в думе Столыпин, как государственный деятель, вырисовывался уже вполне и что всякий беспристрастный наблюдатель столыпинского режима в междудумьи достаточно мог убедиться, что его заявление, будто правительство считает должным превратить Россию в государство правовое, есть только заманчивая фраза, на деле же столыпинский кабинет ни на шаг не подвинет Россию по пути к правовому строю, то может показаться тактической ошибкою поведение думского центра. Раз последний стремился к тому, чтобы сделать думу работоспособной, ему казалось бы следовало воспользоваться протянутой Столыпиным рукою и добиться проведения в жизнь тех законопроектов, которые представлены правительством, исправив их согласно своим взглядам, или войти в конфликты с правительством на почве разномыслия по существу этих законопроектов, а не хранить гробовое молчание, которое могло быть истолковано и было истолковано, как нежелание работать с кабинетом Столыпина даже и в том случае, если бы дума не имела возражений по существу представленных правительством законопроектов. Будущее показало, что центр был прав, отнесясь так холодно к заявлению правительства о готовности его работать с думой. Но, думается мне, в данном заседании все же следовало бы более ясно мотивировать занятую центром позицию, чтобы не осталось впечатления, будто центр ни в каком случае не примирится с нахождением у власти Столыпина и его кабинета, даже если бы случилось чудо и кабинет Столыпина стал бы работать так, как того желало бы большинство думы.

За Столыпиным осталось последнее слово. Недурная речь Церетели[23)], сказанная этим оратором с присущими его речам красотою и благородством, все же не произвела сильного впечатления [120—129]. Она была слабее речи Столыпина и дала возможность последнему сказать в ответ сильную и выпуклую речь с знаменитым возгласом: «Не запугаете!» [169], обращенным к левым. На жестокую и полную ненависти к правительству критику деятельности кабинета Столыпина со стороны ораторов слева, Столыпин ответил сильно, но вполне корректно и тем самым несомненно много выиграл в глазах даже своих недругов. В этом ответе он заявил: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду». Далее он указал, что, борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую думу. Наконец, Столыпин сказал: «Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства» [169].

Я ушел с этого заседания с тяжелым чувством. Мне казалось, что для объективного стороннего очевидца всего происходившего на заседании, не посвященного во все тонкости думской политики, это заседание могло показаться полной победой Столыпина. Кроме того, я не мог в достаточной мере проникнуться мыслью, что позиция, занятая центром думы в этом заседании, была вполне безупречна и мне казалось, что идти навстречу Столыпину с разверстыми объятиями было бы, конечно, смешно, но, с другой стороны, не указать на то, что если бы Столыпин на деле мог выполнить то, что он обещал на словах в этом заседании, то в таком случае центр признал бы возможным войти в известный контакт с правительством и попытаться установить известный modus vivendi[1]. Столыпиным было сделано все, что от него зависело, дабы первая его встреча с думой выразила хотя бы слабую надежду на возможность совместной работы думы и правительства. Дума же отказалась пойти навстречу этой столыпинской попытке, и бездна, разделявшая думу и правительство, осталась по-прежнему без хотя бы и хрупкого моста.

По поводу настоящего заседания Ал. Пиленко так отозвался обо мне в «Новом

[1] Образ жизни.

времени»: «Сегодняшнее заседание распалось на две совершенно несхожие половины. До перерыва председателю пришлось руководить прениями по сухому, деловому вопросу. Прения эти не возбуждали ничьих страстей, но они временно...[1] и ясно было, что только твердая рука председателя может вывести их на верный путь. Вторая половина исполнена была страстными нападками двух крайних крыльев думы друг на друга. Здесь требовались менее находчивость и сообразительность, чем спокойствие и невозмутимость. И вот вторую часть заседания Головин провел несравненно лучше чем первую. Получилось, таким образом, впечатление, что он владеет собой и умеет сохранять хладнокровие. Но он не умеет ориентироваться в сложных казусах парламентского делопроизводства». Но в чем выразилось это неумение ориентироваться в сложных казусах парламентского делопроизводства? Если просмотреть внимательно стенограммы этого заседания, то едва ли можно будет найти сложные казусы парламентского делопроизводства, в которых было бы мудрено ориентироваться. Все заседание с технической стороны прошло вполне гладко и деловая его часть прошла быстро без излишних задержек. Я не хочу этим сказать, что здесь была заслуга председателя. Нет, дело объясняется просто тем, что все члены думы стремились скорее выслушать всех интересовавшую декларацию правительства, а...[1] все стремились не задерживать формальное предварительное дело — признание правильным ряд выборов в думу. Кроме того и сложности в этой части заседания никакой не было.

Заседания шестое и седьмое — 7 и 9 марта

Шестое и седьмое заседания Государственной думы были посвящены главным образом вопросу о мерах помощи голодающим. По поводу этих заседаний А. Пиленко и другие лица ставят мне в упрек, что я допустил обсуждение неопределенных предложений, ясно не формулированных, что, таким образом, я превратил заседание Думы в какой-то митинг, где всякий говорил, что хотел.

В известной мере упрек этот мною заслужен. Большая часть этих заседаний прошла даром, причем произошло это действительно от того, что я часто допускал оратора говорить вне строгих рамок вопроса. Но я вынужден был так действовать самими обстоятельствами. Мне надо было выбрать из двух зол меньшее. Я должен был или допустить всех и каждого говорить о мерах помощи голодающим, не ставя оратору никаких рамок, чтобы дать им возможность с думской трибуны выложить весь свой багаж по вопросу о помощи голодающим, или же занять строго формальную позицию обсудить вопрос определенный предварительно об образовании особой комиссии по вопросу и в таком случае, угодив строгим блюстителям парламентских процедур, вызвать негодование левых, зажав им рот по существу вопроса. Я считал, что по такому острому вопросу, как помощь голодающим, мне было бы нетактично вызвать недовольство против себя, недовольство, хотя и незаслуженное, но все же искреннее со стороны известной части членов думы, занимавших левые скамьи. Кроме того, хотя часть думского времени пропала даром, но зато это был хороший урок тем наивным членам думы, которые преувеличивали силу думы, и наивно полагали, что своими речами о бедствиях голодающих они могут помочь последним немедленно, по первому своему требованию помощи, заявленному с думской кафедры. Эти заседания были наглядным уроком всем, что парламентская техника, формы парламентского делопроизводства являются немаловажными условиями продуктивности думской работы. Если бы не было этого урока, то малокультурная часть думы или долго не понимала бы необходимости соблюдения форм правильного ведения заседаний, или не раз пожелала бы свернуть председателя и думу с правильного пути. Наконец, прения, производившиеся по этому важному вопросу, послужили некоторым материалом для комиссии.

За оба эти заседания стоит упомянуть только об одном факте, отмеченном и прессой, это о заявлении председателя Совета министров, что «правительство все-

---

[1] Слово написано неразборчиво.

цело и всемерно присоединяется к предложению, внесенному членом думы Родичевым» 24) [331]. Предложение Родичева было таково: «Согласно ст. 5-й положения о Государствнной думе и статье 3-й правил о порядке рассмотрения государственной росписи, независимо от общей бюджетной комиссии, образовать особую комиссию из 22-х лиц, избираемых отделами, для рассмотрения ассигнованного по росписи кредита на продовольственное дело в связи с общей постановкой продовольственной операции» [277].

Нужно сказать, что в седьмом заседании центру думы удалось избежать одного серьезного подводного камня на своем пути. Дело в том, что правительство и в первую думу не признавало за думой права образования анкетных комиссий для производства обследования действий администрации на местах. Левая часть второй думы стояла на иной точке зрения и внесла поправку к предложению Родичева, сводившуюся к тому, чтобы поручить комиссии предложенный Родичевым контроль действий правительства на местах по продовольственному делу. Не знаю, основательны или нет были опасения некоторых членов думы, дошедшие и до меня, будто принятие указанной поправки могло повести за собой чуть ли не роспуск думы. Во всяком случае настроение в думе было нервное и центр особенно волновался, смотря на предстоявшую баллотировку поправки как на пробный шар. Опасения оказались напрасными. Большинство думы поправку отвергло и центр вздохнул свободно.

Заявление же Столыпина о присоединении правительства к предложению Родичева использовалось некоторыми членами думы и частью прессы как ловкий парламентский жест Столыпина, дающий надежду на возможность совместной работы думы и правительства.

Пустая, конечно, надежда!

Заседание восьмое — 12 марта

Посвященное определению времени занятий Государственной думы и обсуждению законопроекта об отмене военно-полевых судов восьмое заседание по последнему вопросу могло бы быть чревато всякими осложнениями и повлечь за собой стычки между крыльями думы. Но все обошлось благополучно. Ведь оратор держался в пределах достаточной корректности. Раз только депутат Булат 25) употребил слишком резкое выражение, именно сказал, что военно-полевые суды «есть только один из маленьких уголочков всей той кровавой эпопеи бюрократического разбоя...» [370], но остановленный мною, в остальной части своей речи не выходил из рамок дозволенного.

Заседание девятое — 13 марта

Припоминая все происходившее на девятом заседании и просмотрев стенограмму, я могу сказать, что заседание это прошло в весьма повышенном настроении, изобиловало острыми моментами и энергичною провокациею со стороны правых, направленною к раскрытию отношения левых к вопросу о террористических убийствах. С этой целью помимо выкриков с мест, провоцировавших ораторов слева, мне было подано во время заседания и мною оглашено заявление за подписью 42-х членов думы о необходимости думе «выразить свое глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям, находя, что никакая работа правительства и Государственной думы не может быть плодотворною, пока в стране нет безопасности, царствует беспросветный террор и невинная кровь льется рекой» [527].

Во все время этого заседания мне пришлось быть сугубо начеку по охране порядка и по успокоению разгоравшихся поминутно страстей. Если просмотреть стенограмму заседания, то можно убедиться, сколько было острых моментов в этом заседании и насколько энергично приходилось председателю вмешиваться в ход заседания, стремясь всеми силами затушить пламя ненависти, вспыхивавшее не раз во время горячих речей ораторов. Я чувствовал, что только энергичным вмешательством, не всегда, быть может, достаточно даже обоснованным, в прения и

перерывом речей ораторов возможно будет соблюсти порядок. Думаю, что я не погрешу против истины, если скажу, что мои старания не пропали даром и заседание прошло благополучно. Даже г. Пиленко, считавший своим непременным долгом по поводу каждого заседания меня бранить, о моих действиях в настоящем заседании тоже, конечно, отозвался не благосклонно, но свел свое обвинение к следующему заявлению: «Ведь дело дошло до того, что председатель думы заявил, что он не даст слова председателю Совета министров по вопросу, возбужденному деп. Кизеветтером [26]), между тем как учреждение Государственной думы безусловно оставляет за министрами право давать свои объяснения безусловно по всем вопросам, обсуждаемым в Думе» [27]). Насколько правильно это мнение знатока парламентского делопроизводства и ученого юриста г. Пиленко, я скажу ниже, теперь же перейду к краткому обзору всего происходившего в заседании. Первым застрельщиком правых выступил бессарабский депутат П. Н. Крупенский [28]). Смысл его речи сводился к тому, что военно-полевые суды — «это логическое следствие разбоя освободителей» [445], а потому они могут быть уничтожены, когда будет уничтожена причина, их породившая — террористические убийства, что дума должна восстать, «против безумия террора и убийств, тех убийств, которые идут слева, которым потакает и учит центр» [446]. После Крупенского на кафедру вышел донской казак Петровский [29]). Горячо осудив военно-полевые суды, Петровский заявил: «Я — донской казак. Я ношу это славное и тяжелое звание, славное славной историей казачества, а тяжелое той ролью, которую последнее время заставило служилое казачество играть русское правительство. Обманывая его видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками военной дисциплины, оно пустило казачество против освободительного движения. Но это могло быть только до времени. Я говорю вам: скоро настанет то время и оно близится, когда ни один казак не поднимет нагайку и не обнажит...» [449]

Последние слова оратора были прерваны неистовыми воплями с места на правых скамьях: «ложь», «неправда», «армию не оскорблять» и т. п. Несколько правых депутатов бросилось к председательскому месту, прося слова.

Восстановив относительную тишину, я произнес речь на тему о недопустимости криков с мест и нарушения порядка в заседании. Я указал членам думы, что никто в думе не имеет права говорить без разрешения председателя, что никто, кроме председателя, не имеет права останавливать оратора и делать ему замечания. Несколько растянув эти простые мысли, чтобы дать время думе успокоиться, я предложил Петровскому продолжать свою речь, прося не уклоняться в сторону от предмета суждения. Закончил свою речь Петровский благополучно.

Из дальнейших ораторов слева депутат Долгополов [30]), касаясь высказанных правыми ораторами мнений, назвал правых лицами, «желающими пить кровь народа», чем вызвал естественное негодование правых и мое замечание, что таких лиц, которые желают крови, здесь нет. Несмотря на это мое замечание депутат Ветчинин [31]) обратился ко мне с просьбой, чтобы я, в ограждение достоинства думы, оградил правых от того, чтобы им бросали такие выражения, как «кровопийцы». Тогда я указал, что я остановил оратора в свое время и сделал ему замечание, но что никакой председатель не может удержать слово, когда оно исходит из уст оратора, лишь после того, как оно произнесено, председатель может сделать соответствующее замечание.

Затем после оратора правых Варун-Секрета [32]), на трибуну взошел Алексинский [33]), лидер социал-демократов, один из лучших ораторов второй думы. Обладая большим темпераментом и резкостью мысли и выражения ее, Алексинский был одним из наиболее подходящих ораторов для яркого освещения обсуждаемого вопроса. Вся дума насторожилась, когда неприятным, визгливым голосом этот маленький, горбатенький, бледный человечек с резкими движениями своих длинных рук начал свою речь обычными для него словами: «граждане-депутаты!» Пользуясь тем, что правые указывали на то, что военно-полевые суды являются следствием террора, начатого революционерами, он стал проводить параллель между

военно-полевыми судами и террористическими убийствами, доказывая, что первые хуже последних, так как те, кто произносят и утверждают смертные приговоры военно-полевых судов, заставляют исполнять их других, которые считают страшным для себя проклятием быть палачами, тогда как приговоры террористические, комитетские исполняются непосредственно самими членами комитетов с явным риском для своей собственной жизни. Эта мысль естественно вызвала шум и негодование на правых скамьях и была высказана в такой форме, что могло дать повод обвинить Алексинского, а следовательно, и председателя, допустившего оратора высказать такую мысль, будто террористические убийства оправдываются. Поэтому я счел нужным прервать оратора и обратился к нему со следующими словами: «Оратор, я должен вам заметить, что ваши слова могут быть поняты не совсем правильно. Их можно понять так, что как будто вы сами оправдываете террористические действия. Я лично этого так не понимаю (*смех справа*) и полагаю, что вы также не понимаете их в этом смысле» [461].

После этого моего замечания, правые утихли и Алексинский продолжал свою речь и благополучно ее закончил, несмотря на то, что в ней он высказал много неприятного для правительства и его сторонников.

Следующий оратор Синадино [34], один из скучнейших ораторов думы, говоривший монотонным, невнятным голосом себе под нос, сказал длинную и скучную речь, которую, кажется, слушал только один председатель и стенографист [469—477].

После целого ряда речей дальнейших ораторов дума приняла, наконец, предложение о прекращении прений и на трибуну вошел председатель Совета министров. Столыпин прежде всего заявил, что «в порядке ст. 87 или ст. 55 закон о военно-полевых судах законным образом мог бы, во всяком случае, потерять силу не ранее конца апреля» [512]. Далее он разъясняет, как относится правительство к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах. Оправдывая появление этого закона государственною опасностью, сравнив применение этого закона с тем, когда люди вламываются в чужие квартиры, ломая двери и окна, чтобы потушить возникший в доме пожар, с тем, когда защищаясь от нападения убийцы, человек сам убивает напавшего, Столыпин все же признал, что «такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера», но далее он все же считал, что «кровавый бред, к сожалению, не пошел еще на убыль», но что, если дума «толкнет Россию на спокойную работу, закон этот пал бы сам собою — путем невнесения его на утверждение законодательного собрания» [517].

После речи докладчика Гессена [35], вызвавшей кратковременный шум и возгласы негодования правых, когда оратор заявил, что, слушая речи ораторов справа, он думал, что они занимаются мистификацией Государственной думы, выступая как защитники культуры, в действительности будучи «приспешниками старого режима», Государственная дума перешла к голосованию вопроса. В. Гессен заявил, что предложение партии народной свободы о передаче законопроекта об отмене временного закона 19 августа в комиссию из 16 лиц, подлежащих избранию в сегодняшнем заседании, и обязать представить проект в окончательной форме в течение 24 часов, видоизменяется авторами предложения, именно указания на избрание комиссии в сегодняшнем заседании и на обязательство дать свое заключение в 24 часа исключаются из предложения. Мотивы для видоизменения предложения вполне понятны: когда предполагалось обязать комиссию «представить работу в 24 часа,— говорил Гессен,— мы, разумеется, имели в виду возможность немедленного обсуждения проекта в Государственной думе, рассчитывая на то, что г. председатель Совета министров не пожелает воспользоваться тем месячным сроком, который предоставлен ему по закону» [524].

В таком виде предложение и было принято большинством думы.

Впечатление от столыпинского упорства в защите военно-полевых судов произвело на думу крайне тягостное впечатление. Для чего ему было нужно продлить существование возмущавшего думу закона на лишний месяц — решительно непо-

нятно. Серьезно говорить об опасности для государственного порядка, устраняемой военно-полевыми судами, едва ли было возможно. Сохранение этих судов на два месяца, несмотря на явное недовольство этим законом подавляющего большинства думы,— было тактическою ошибкою. Такое поведение Столыпина шло вразрез с его декларацией и носило характер не мудрого акта государственного деятеля, а выпада несдержанного бойца в пылу горячей борьбы.

После баллотировки предложения о передаче законопроекта в комиссию я доложил приведенное выше заявление 42-х членов думы о выражении порицания революционным убийствам и насилиям и указал, что это заявление по отпечатании и роздачи членам думы будет назначено к слушанию по вопросу о направлении. Но тут произошел неожиданный инцидент, за который, как я указал выше, на меня жестоко напал знаток парламентского делопроизводства г. Пиленко, напал совершенно неосновательно, как, мне думается, я докажу достаточно убедительно.

Дело было так...[1]

Разберем теперь этот инцидент.

Мог ли я допустить обсуждение поднятого Кизеветтером вопроса, не нарушив права заведения дел в думе?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Кизеветтер пытался поставить на рассмотрение думы вопрос о ее компетенции в то время, когда его предложение не было сформулировано в письменной форме и не было поставлено на повестку. По одним этим двум причинам я не имел права допустить вопрос Кизеветтера до обсуждения. Такова формальная сторона дела. Но еще серьезнее самое существо дела. Создать такой прецедент, что председатель Совета министров будто разъясняет думе ее права и обязанности — было бы возмутительным нарушением прав думы и ее достоинства, допустить подобный факт значило бы вывернуть наизнанку установленное законом и исказить самую природу отношений законодательной и административной властей. Дума имеет право запросов по отношению к правительству и право контроля действий администрации, а не наоборот. Признать, что председатель Совета министров является лицом компетентным разъяснить думе, что входит и что нет в ее компетенцию, значит принять право контроля над деятельностью думы со стороны представителей административной власти. Мне кажется, все это настолько ясно, что нет надобности более останавливаться на этом положении. А раз это так, то я считал бы своим нравственным долгом избежать создания подобного прецедента во что бы то ни стало, хотя бы даже с нарушением буквы закона.

Но нарушена ли была мною в данном случае даже буква закона? Поступил ли я неправильно хотя бы с формальной стороны?

И на этот вопрос ответ должен быть дан отрицательный. Правда, есть ст. 40 учреждения Государственной думы, которая может вызвать некоторые сомнения в правильности моего поступка. «Равным образом министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в заседании думы каждый раз, когда они о том заявят», сказано в ст. 40. Но толковать эту статью в том смысле, что любой министр или главноуправляющий в любой момент занятий думы имеет право требовать перерыва занятий думы для выслушивания всякого его заявления, едва ли возможно. В таком случае министры имели бы возможность по своему желанию в любой момент сорвать заседание думы и не дать ей сделать постановление им, министрам, не угодное. Для этого стоило только министрам сделать какое-либо заявление, которым они вызвали бы уклонение думы в сторону от обсуждаемого вопроса. Эта статья дает несомненно право министрам участвовать в прениях по обсуждаемому вопросу вне очередной записи ораторов, а также по окончании начатого думою вопроса сделать какое-либо внеочередное, не терпящее отлагательства заявление. Конечно, в последнем случае с ведома и разрешения председателя возможно заявление даже и до окончания суждения по начатому уже делу. Но нельзя толковать

[1] Эпизод с Кизеветтером был включен Ф. А. Головиным в воспоминания о Столыпине (см. «Красный архив» № 6 (19), 1926, стр. 137—138).

это право министров как право говорить по вопросу, снятому с рассмотрения думы властью ли председателя или самой думы, как то было в обсуждаемом случае. Я заявил, что не даю слова председателю Совета министров по вопросу, возбужденному Кизеветтером, именно потому, что этот вопрос не подлежал обсуждению думы, был не допущен к обсуждению властью председателя, как не подлежащий и по существу и по несоблюдению формальных требований. Тут же я поручил Н. Н. Познанскому [36] узнать, по какому вопросу желает сделать заявление Столыпин. Если бы последний указал, что его заявление касается какого-либо другого вопроса, то я, конечно, слово ему дал бы, тогда как раз в этот момент был промежуток после окончания одного вопроса и период перехода к следующему. Н. Н. Познанский мне передал, что Столыпин желает говорить по вопросу Кизеветтера, тогда я ответил, что по этому вопросу я слова ему предоставить не могу.

Заседание десятое — 15 марта

В этом заседании всплыл вопрос земельный. Член думы Петроченко [37], крестьянин, в самом начале заседания просил слова о порядке дня и заявил, что крестьяне просят в том же заседании обсуждать земельный вопрос [538]. В том же заседании вопрос на обсуждение поставлен не был, но все же он встал на ближайшую очередь. По этому вопросу была образована специальная многочисленная комиссия и кроме того ему был посвящен ряд заседаний думы, во время которых на трибуну лезли бесконечные вереницы, оратор за оратором и в длинных, подчас нудных речах говорили о всем, о чем угодно, часто очень мало относившемся к земельному вопросу и менее всего к способам его разрешения. Все эти речи говорились больше для изибирателей, чем для думы, которая вяло слушала их, оживляясь лишь изредка, когда какой-либо оратор слишком резко отзывался о помещиках-кровопийцах, о кучке дворян-ретроградах и т. п.

Когда в настоящем заседании дума перешла к обсуждению по существу вопроса о помощи безработным, первый говорил с.-д. Джапаридзе [38]. В своей довольно большой речи этот депутат очень резко и картинно нарисовал ужасающее положение безработных, как результат «ужасной капиталистической болезни».

В качестве иллюстрации бедственного положения безработных Джапаридзе привел целый ряд самоубийств безработных, повышение процента смертности населения и проституции. К обычной причине безработицы — капиталистическому строю, присоединились еще две причины — общая политика самодержавия и политика правительства за время революции. «..вся самодержавная политика была направлена на то, чтобы высосать последние соки из крестьянского и рабочего населения, для того, чтобы удовлетворить алчные аппетиты помещиков...», правительство «своими закулисными сделками с иностранными капиталистами только способствовало ненормальному развитию промышленности страны» [557]. «Правительство, защищающее всегда интересы бюрократии и защищающее интересы классов землевладельцев и дворянства, это правительство, разумеется, объявило самую ужасную войну самому русскому народу... После единодушного натиска 17 октября... начинается кровавая месть за то, что было сделано правительством, за те уступки, которые правительство должно было сделать» [558] и т. д. и т. д. Говорил все это Джапаридзе, представитель Кавказа, не чистым русским языком, а с акцентом. Можно себе представить, как эта речь раздражала правых. Хотя в стенограмме не отмечен шум и возгласы справа, но я хорошо помню, что настроение на правых скамьях было явно повышенное и я каждую секунду ожидал скандала.

Я не раз прерывал оратора, пользуясь малейшим поводом, даже и не вполне подходящим, лишь бы несколько понизить тон речи оратора и открыть клапан для сгущающихся паров направо от меня. Но когда Джапаридзе начал говорить о подвигах Союза русского народа в Одессе [39] и коснулся накануне только совершившегося в Москве убийства члена первой думы Иоллоса [40], приписывая это преступление также Союзу русского народа, то правые, в частности Пуришкевич, не выдержали и учинили беспорядок, который мне удалось погасить, заявив, что обвинение

союза русского народа в убийстве Иоллоса ничем не доказано, а потому я прошу этого не касаться.

Заканчивая свою речь, Джапаридзе сказал: «Итак, господа, мы можем резюмировать, что глубокие причины, которые породили современную безработицу, современный кризис, лежит в общей политике самодержавия, которое давно подготовило этот кризис. Ближайшая причина — это специальная политика искусственно вызвать голод для того, чтобы голодом уморить рабочих» [564]. Высказавшись затем за организацию по вопросу о помощи безработным комиссии, которая «покажет пред всем миром, что люди умирают потому, что правительство хочет, чтобы люди умирали с голода», Джапаридзе воскликнул: «Господа, если только мы действительно дорожим этим учреждением, в котором мы теперь заседаем, Государственной думой, если думаем, что Государственная дума, правда в данный момент бесправная, может сделаться серьезным орудием в руках народа для дальнейшего развития революции...» Тут я прервал оратора, заявив: «Считаю нужным вас остановить: Государственная дума есть учреждение законодательное и никоим образом не может перейти в учреждение, которое питало бы революцию (Аплодисменты и крики справа: браво)».

Джапаридзе продолжал: «Если, господа, вы дорожите Государственной думой как учреждением, которое должно окончательно вырвать исполнительную власть и подчинить ее законодательной власти, если вы дорожите учреждением Государственной думы, которое должно окончательно передать...» Снова я прервал оратора заявлением: «Государственная дума исполнительную власть вырвать никоим образом не может и перейти в учреждение исполнительное она не может, она будет всегда оставаться учреждением законодательным. (Аплодисменты)».

Джапаридзе снова пытался продолжать свою мысль, сказав: «соображение г. председателя ни на чем не основано. Мы более чем уверены, что Государственная дума...»

— «Прошу заявления председателя критике не подвергать, особенно в такой форме. (Аплодисменты)».

Джапаридзе, наконец, покорился и закончил свою речь призывом к думе «поднять свой голос в защиту безработных» [566].

Настоящий эпизод характерен как показатель взглядов левых на задачи думы. Разоблачить реакционную политику правительства, превратить думу в орудие революции, в исполнительный орган народа — вот истинная цель, которую преследовали левые во второй думе. Она далека от задач думы, установленных в законе и присущих ей по самой природе законодательного учреждения.

При таком отношении левых к думе нелегко дышалось бедному центру, мечтавшему о законодательной деятельности на строго конституционных началах.

По вопросу о помощи безработным левыми было внесено предложение об образовании комиссии, которая между прочим должна была бы выяснить на местах действия правительственных органов в этой области, причем комиссии этой по мнению левых следовало предоставить в известном размере и исполнительные функции. Против подобной организации комиссии выступил член думы Кутлер [41]. «Поставив в задачу комиссии всестороннее исследование вопроса о безработных, мы тем самым надолго отдалили бы практические результаты ее деятельности,— говорил Кутлер.— Нужно вам также решительно отказаться от всякой мысли присвоить имеющей быть образованной комиссии какие-нибудь исполнительные функции. Задачи Государственной думы исчерпываются законодательной деятельностью и контролем над деятельностью правительства. И всякая попытка Государственной думы выйти из этих пределов была бы обречена на неудачу»[585].

С.-д. Алексинский и Церетели поддерживали предложение левых о поручении комиссии, между прочим, и расследования на местах причин безработицы.

После ряда небольших речей, т. к. время ораторов было сокращено до 5 минут, не внесших ничего нового или интересного в прения, слово было предоставлено министру торговли и промышленности. В своей небольшой речи представитель

правительства присоединился к предложению партии народной свободы об образовании комиссии для обсуждения вопроса о размере денежных средств, которые государство должно ассигновать на помощь безработным, и для изыскания способов осуществления этого, но решительно возражал против предложения социалдемократической партии о посылке думою депутатов для расследования вопроса о безработице на местах, считая это предложение явно незаконным, а также против признания принципиального права требовать работы от государства для всех безработных.

Когда дума перешла к голосованию внесенных предложений, я был поставлен в большое затруднение. Как из заявления министра торговли, так и из истории с анкетной комиссией первой думы и из беседы с членами думы, я был уверен, что принятие предложения с.-д. о расследовании чрез членов думы на местах вопроса о безработице может сыграть очень скверную роль для самого существования думы, между тем я далеко не был уверен, что это предложение обречено на провал. Я постарался совсем снять с баллотировки это предложение, но настойчивое требование Церетели побудило меня прибегнуть к уловке, к которой, каюсь, председателю прибегать не следует. Но серьезная опасность положения заставила меня нарушить председательскую объективность. После того как поправка Церетели об исключении из предложения партии народной свободы слов: «пострадавшим от промышленного кризиса», не принятая авторами предложения, к.-д. фракцией, тем не менее была принята большинством Государственной думы голосованием путем выхода через двери, я с еще большим основанием стал опасаться, что и предложение с.-д. о расследовании на местах при посредстве членов думы также легко может собрать большинство голосов.

Надо сказать, что ходит слух, не невероятно, что правые могут голосовать с левыми за предоставление комиссии такого права, чтобы доказать, что дума не желает считаться с законом и готова присвоить себе не принадлежащее ей право. Тогда я твердо решил во что бы то ни стало устранить от баллотировки опасное предложение. Воспользовавшись тем, что в предложении не формулировано, каким именно путем она должна производить расследование на местах, я заявил, что вопрос об организации расследования на местах может быть поставлен как самостоятельный вопрос на одном из ближайших заседаний, когда кто-либо из членов думы внесет в письменной форме определенное положение об организации такого расследования. Но т. к. некоторые члены думы настаивали на немедленной баллотировке этого предложения, я заявил, что поставлю, конечно, это предложение на голосование, если предварительно дума своим постановлением заявит, что предложение в настоящем его виде она считает достаточно выясненным. Дума баллотировкой признала вопрос не выясненным и тем дело с этим предложением благополучно окончилось.

Заседание одиннадцатое — 16 марта

В этом заседании было сделано постановление об образовании комиссии для разработки наказа и был принят, установленный первой Государственной думой, порядок внесения запросов и предварительного рассмотрения их особой комиссией. В этом же заседании был начат рассмотрением первый запрос из ряда последующих многочисленных запросов о незакономерных действиях администрации. Запрос касался избиения члена Государственной думы Сигова [42]) и др. лиц в Красноуфимске. Эта первая встреча левых на почве запросов с правительством оказалась для левых неудачной. Левые требовали признания запроса спешным, следовательно, подлежащим рассмотрению в том же заседании, но дума большинством голосов спешность отвергла и тогда автоматически, в силу принятого думой порядка делопроизводства по запросам, этот запрос был направлен в комиссии.

Из рассказа депутата Сигова следовало, что «мирная толпа подверглась нападению конных стражников во главе с полицейским надзирателем, которые с обнаженными шашками бросились на толпу и нагайками изранили и избили многих. Мы, депутаты (Сигов и Ершов [43])), не избегли общей участи» [635]. «Именем народа

призываю министерство к ответу, именем народа я прошу Государственную думу назначить следственную комиссию для привлечения к суду всех лиц, причастных к преступному посягательству на нас, избранников, не исключая и главы министерства»,— так закончил свою речь деп. Сигов [639].

Я указал тогда, что следственная комиссия не подлежит избранию думы, что по данному делу может быть сделан только запрос министерству о незакономерных действиях правительства.

После этого на трибуну взошел министр юстиции Щегловитов [44]), этот политический хамелеон, красный в первой думе, розовый во второй и белый в третьей.

«Правительство уже заявило вам о том, что его основа есть закон и что в своих действиях оно будет стремиться и неуклонно держаться одного начала — начала законности и закономерности» [640],— заявил Щегловитов. Далее Щегловитов доложил подробно все обстоятельства рассматриваемого дела на основании сообщения министерству юстиции местного прокурорского надзора Пермского окружного суда. Из этого сообщения явствовало, что на незаконно состоявшемся собрании член Государственной думы Сигов прочитал наказ, в котором говорилось о замене постоянной армии народным ополчением, об экспроприации частной собственности и о созыве Учредительного собрания. По отношению к полиции, явившейся на это собрание, были проявлены угрозы, а затем толпа, вышедшая из этого собрания во главе с Сиговым и Ершовым, стала петь на улице «Марсельезу», «Варшавянку» и «Дубинушку» и несмотря на просьбы и требования полиции не расходилась и не прекращала революционные песни. Тогда было отдано распоряжение о разгоне толпы стражникам, что и было выполнено без применения оружия. Далее Щегловитов доложил, что все касающееся незаконного собрания стало предметом судебного рассмотрения у местного уездного члена суда, а касающееся уличных беспорядков составляет предмет предварительного следствия. Таким образом, оценку всего происшедшего сделают суд и представители судебной власти.

После этого дума большинством голосов отвергла спешность запроса Сигова.

(Продолжение следует).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Муромцев С. А. (1850—1910) — профессор Московского университета, юрист, председатель I Государственной думы, член ЦК кадетской партии. Был осужден по Выборгскому процессу с лишением избирательных прав. В 1908—1910 гг. занимался публицистической деятельностью и читал лекции в университете Шанявского в Москве. В. И. Ленин характеризовал Муромцева как либерального чиновника, боявшегося революционной борьбы масс. (См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 333—334).— 143.

2) «Московские ведомости» — одна из наиболее реакционных русских газет. Очевидно, Головин имеет в виду подробный отчет о XIII общем собрании монархической партии и московского «Союза русского народа», опубликованный в №№ 41—45 газеты, 20—22 февраля 1907 г.— 143.

3) Польское коло — фракция польских депутатов в Государственных думах. Руководящая роль в ней принадлежала народовцам, которых В. И. Ленин характеризовал как польских черносотенцев. По всем основным вопросам польское коло выступало совместно с октябристами и кадетами.— 143.

4) Это решение было принято на заседании парламентской фракции к.-д. партии 18 февраля 1907 г.— 144.

5) Черносвитов К. К. (1866—1919) — депутат I, II и III Государственных дум от Владимирской губ., кадет, землевладелец, бывший товарищ прокурора, председатель уездного комитета к.-д. партии. Расстрелян в 1919 г. по делу «тактического центра».— 144.

6) Челноков М. В.— депутат II, III и IV Государственных дум, кадет, потомственный почетный гражданин, промышленник. С 1914 г.— московский городской голова. В 1914—1917 гг.— главноуправляющий Всероссийского союза городов. Белоэмигрант.— 144.

7) 19 февраля 1907 г. думской фракцией к.-д. партии было созвано на квартире князя Долгорукова межпартийное совещание членов думы с целью наметить кандидатов в президиум II думы, на котором присутствовало около 250 членов думы. Депутаты фракций трудовиков, с.-р., мусульманской, литовской и польского

коло заявили, что они высказываются за кандидатуру Головина. Социал-демократическая фракция на предварительном совещании 18 февраля 25 голосами против 13 решила явиться на совещание с информационной целью; ее представители, среди которых преобладали меньшевики, заявили, что будут голосовать за Головина, указав, однако, что это решение должно быть утверждено фракцией. Через несколько дней, после появления в большевистской прессе («Новый луч», № 2, 21 февраля 1907 г.) резкой статьи с критикой поведения фракции, фракцией было опубликовано заявление с разъяснениями по поводу посещения собрания и поведения на нем фракции (см. «Новый луч», № 6, 25 февраля 1907 г. и «Русская жизнь», № 47, 24 февраля 1907 г.).

В. И. Ленин в одном из выступлений на V (Лондонском) съезде РСДРП осудил поддержку кадетов меньшевиками (по этому и другим вопросам), назвав их «орудием кадетов». (В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 425).— 144.

8) «Новое время» — одна из наиболее влиятельных правых газет, уделяла много внимания вопросам международных отношений. Вела систематическую травлю нерусских народов и проповедовала крайний национализм. Закрыта в 1917 г.—145.

9) Шипов Д. Н. (р. 1851 г.) — председатель Московской губернской земской управы (1893—1904 гг.). Один из основателей партий октябристов и мирного обновления. Умер в период гражданской войны.— 145.

10) В. И. Ленин в статье «О тактике оппортунизма» писал, что «Головин, поддержанный плохими эсдеками за либерализм, сказал первую же речь... не кадетскую, а *октябристскую»*. (В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 150.— 145.

11) Подробнее об этом см. в воспоминаниях Головина о Столыпине («Красный архив», № 6(19), 1926 г., стр. 131).— 145.

12) См. «Красный архив», № 6(19), 1926 г., стр. 111—128.— 146.

13) Джапаридзе С. Д.— депутат I Государственной думы от Кутаисской губ., с.-д. меньшевик, юрист. На Выборгском совещании входил в состав редакционной комиссии по выработке проекта воззвания.— 146.

14) Рамишвили И. И.— депутат I Государственной думы от Кутаисской губ., с.-д. меньшевик. Подписал «Выборгское воззвание». В 1917 г. был членом бюро исполнительного комитета Петроградского совета. В 1919—1921 гг.— член грузинского меньшевистского правительства.— 146.

15) «Новое время», № 11116, 21 февраля 1907 г.— 147.

16) «Русская жизнь» — газета лево-кадетского направления, выходила с 1 января 1907 г. С 14 февраля (№ 38) перешла в руки меньшевиков. 2 марта 1907 г. (№ 52) газета была закрыта. Головин имеет в виду статью «Речь председателя думы», опубликованную в № 45 газеты 22 февраля 1907 г.— 147.

17) «Выборгское воззвание» — Обращение членов I Государственной думы «Народу от народных представителей», принятое в Выборге 10 июля 1906 г.— через день после разгона I думы — группой членов думы до 200 человек, в большинстве своем кадетов, а также трудовиков и с.-д. Обращение призывало не платить правительству податей и не давать рекрутов для армии до тех пор, пока не будут назначены новые выборы в Государственную думу. В результате судебного процесса подписавшие «Выборгское воззвание» были лишены избирательных прав.— 148.

18) См. «Новое время», № 11119, 24 февраля 1907 г.— 148.

19) Гессен И. В.— депутат II Государственной думы от Петербурга, присяжный поверенный, видный кадетский деятель, редактор журнала «Право» и кадетской газеты «Речь». Белоэмигрант. В Берлине издавал белогвардейскую газету «Руль» и «Архив русской революции».— 149.

20) Махмудов М. Г. — депутат II Государственной думы от Бакинской губернии, кадет, учитель, заведующий русско-татарской школой в Баку.— 150.

21) Пуришкевич В. М. (1870—1920) — депутат II и III Государственных дум от Бессарабской губ. и IV думы от Курской губ. Помещик, ярый реакционер-черносотенец, один из основателей погромного «Союза русского народа» и Палаты Михаила Архангела. Участвовал в убийстве Распутина. После Октябрьской революции — белогвардеец.— 150.

22) Долженков В. И.— депутат I и II Государственных дум от г. Курска, кадет, врач, земский деятель.— 152.

23) Церетели И. Г. (р. 1882) — депутат II Государственной думы от Кутаисской губ., с.-д. меньшевик. В 1917 г.— член исполкома Петроградского Совета и ВЦИК. В коалиционном правительстве Керенского — министр почт и телеграфа, затем министр внутренних дел. Белоэмигрант.— 154.

24) Родичев Ф. И. (1856—1933) — уездный предводитель дворянства, видный кадет, член ЦК. Депутат Государственной думы всех четырех созывов. В 1917 г. —комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Белоэмигрант.— 156.

25) Булат А. А.— депутат II и III Государственных дум, трудовик, деятель литовского автономистского движения. В 1917 г. входил в соглашательский ВЦИК, голосуя по основным вопросам вместе с эсерами и меньшевиками. После Октябрьской революции уехал в Литву.— 156.

26) Кизеветтер А. А. (1866—1933) — профессор Московского университета, историк, публицист, видный деятель и член ЦК кадетской партии. Депутат II Государственной думы от Москвы. Редактор «Русской мысли» с 1907 по 1911 г. После Октябрьской революции — эмигрант, профессор Пражского университета.— 157.
27) «Новое время» № 11136, 14 марта 1907 г.— 157.
28) Крупенский П. Н.— депутат II, III и IV Государственных дум от Бессарабской губ., правый, крупный землевладелец. В III думе — один из основателей фракции националистов, в IV — товарищ председателя партии центра. В 1916 г. вышел из состава членов думы в виду обвинения в получении от правительства денег за осведомление о настроениях членов думы.— 157.
29) Петровский А. И.— депутат II Государственной думы от области войска Донского, кадет, юрист, присяжный поверенный.— 157.
30) Очевидно, имеется в виду Н. С. Долгополов — депутат II Государственной думы от Воронежской губ., с.-р., земский врач. Участвовал в студенческом движении. Во II думе был еще Н. И. Долгополов — депутат от Нижнего Новгорода, трудовик, врач-хирург, неоднократно подвергавшийся арестам.— 157.
31) Ветчинин В. Г. — депутат II, III и IV Государственных дум от Орловской губ., правый, землевладелец. Издавал газету «Голос Руси». В 1916 г. был губернатором в Херсоне.— 157.
32) Варун-Секрет С. Т.— депутат I и II Государственных дум от Херсонской губ., октябрист, председатель елизаветградской уездной земской управы.— 157.
33) Алексинский Г. А.— социал-демократ, большевик, впоследствии ренегат. Депутат II Государственной думы, участник Лондонского съезда РСДРП. После разгона II думы выехал за границу. В 1909 г.— один из руководителей партийной школы на Капри, член группы «Вперед», отзовист. С начала империалистической войны — социал-патриот, член редакции социал-патриотической газеты «Призыв» (Париж) и сотрудник монархической газеты Протопопова «Русская воля». В 1917 г. по возвращении в Россию примкнул к социал-патриотической группе «Единство». В 1918 г. за контрреволюционную деятельность был арестован ВЧК. Отпущенный на поруки, скрылся за границу, где сотрудничал в контрреволюционной газете «Общее дело» В. Бурцева и в монархической «Русской газете».— 157.
34) Синадино П. В.— депутат II и III Государственных дум от Бессарабской губ., правый, городской голова г. Кишинева.— 158.
35) Гессен В. М. (1868—1919) — депутат II Государственной думы от Петербургской губ., видный кадет, приват-доцент Петербургского университета по государственному праву. Умер в Нижнем Новгороде.— 158.
36) Познанский Н. Н.— депутат II Государственной думы от г. Харькова, кадет, юрист, присяжный поверенный, первый товарищ председателя думы.— 160.
37) Петроченко Ф. И.— депутат II Государственной думы от Витебской губ., правый, крестьянин.— 160.
38) Джапаридзе А. Л. (1875—1908) — депутат II Государственной думы от Тифлисской губ., с.-д. меньшевик. В 1907 г.— делегат Лондонского съезда РСДРП. Осужден по суду над с.-д. фракцией II Государственной думы.— 160.
39) Имеются в виду черносотенные погромы, происходившие в феврале 1907 г. в Одессе.— 160.
40) Иоллос Г. Б. (1859—1907) — либеральный публицист. Сотрудник, а с 1905 г. и редактор газеты «Русские ведомости», депутат I Государственной думы, входил в к.-д. фракцию. Убит черносотенцами 14 марта 1907 г.—160.
41) Кутлер Н. Н. (1859—1924) — член ЦК кадетской партии, главный авторитет партии по аграрному вопросу. Депутат II и III Государственных дум от Петербурга. С 1899 по 1904 г. работал в министерстве финансов директором департамента окладных сборов. В 1905—1906 гг.— товарищ министра внутренних дел при кн. Святополк-Мирском и главноуправляющий землеустройства и земледелия в кабинете Витте. Уволен в отставку по требованию Совета объединенного дворянства как автор законопроекта о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель за выкуп. Его выступление по аграрному вопросу В. И. Ленин подробно рассматривает в книге «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.» (Соч., т. 13, стр. 195—396) и в статье «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» (Соч., т. 12, стр. 233—263). При Советской власти работал в Государственном банке СССР.—161.
42) Сигов П. С.— депутат II Государственной думы от Пермской губ., с.-р., акцизный чиновник.— 162.
43) Ершов П. А.— депутат I Государственной думы от Казанской губ., с.-д., подписал «Выборгское воззвание».— 162.
44) Щегловитов И. Г. (1861—1918) — в течение длительного времени министр юстиции, последний председатель Государственного совета, один из наиболее крайних реакционных деятелей царского режима. Расстрелян за контрреволюционную деятельность.— 163.

ДОКУМЕНТЫ О СРАЖЕНИИ ПРИ МОЛОДЯХ В 1572 г.

Молодинское сражение 1572 г.— важный этап в истории борьбы России с Крымским ханством в XVI в. Русское государство, занятое в это время Ливонской войной, т. е. борьбой с блоком европейских держав (Швеция, Дания, Польско-Литовское государство), вынуждено было одновременно отражать натиск совместных турецко-татарских нападений. Из 24 лет Ливонской войны 21 год был отмечен нападениями крымских татар [1]. В конце 60-х — первой половине 70-х гг. набеги крымцев на Россию резко усилились. В 1569 г. по турецкой инициативе была предпринята попытка захватить Астрахань, окончившаяся полной неудачей. В 1571 г. большое крымское войско во главе с ханом Девлет-Гиреем вторглось в Россию и сожгло Москву. В следующем 1572 г. Девлет-Гирей с огромным войском снова появился в пределах России. В ряде сражений, из которых наиболее решающей и ожесточенной была битва при Молодях, татары были наголову разгромлены и обращены в бегство. Однако до сих пор о Молодинском сражении 1572 г. специального исследования нет, что отчасти объясняется недостатком источников по этому вопросу.

Круг опубликованных источников, рассказывающих о сражении при Молодях, до сих пор весьма ограничен. Это — краткие показания Новгородской II летописи [2] и краткого летописца времени опричнины, изданного акад. М. Н. Тихомировым [3], разрядных книг — краткой редакции («Государева разряда») [4] и сокращенной редакции [5]. Кроме того, опубликована интересная повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. [6], которую использовали еще А. Лызлов [7] и Н. М. Карамзин [8]; любопытные данные приводит в своих записках и автобиографии Г. Штаден, который в одних случаях был свидетелем, в других — участником событий 1572 г. [9]. Наконец, С. М. Середонин опубликовал наказ кн. М. И. Воротынскому, главнокомандующему русским войском во время Молодинской битвы, и роспись этого войска [10], но эта публикация является крайне неудовлетворительной. Во-первых, С. М. Середонин опустил почти

---

[1] См. А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, М.— Л., 1948, стр. 17—32.

[2] ПСРЛ, т. 3, СПб., 1841, стр. 172—173.

[3] М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники XVI в., «Исторические записки», т. 10, стр. 92.

[4] «Древняя российская вифлиофика», изд. 2, ч. XIII, М., 1790, стр. 433—434.

[5] «Синбирский сборник», М., 1884, стр. 34—35.

[6] См. С. Шамбинаго. Исторические песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, стр. 80—82.

[7] А. Лызлов. Скифская история, ч. 2, изд. 2, М., 1787, стр. 62—67.

[8] Н. М. Карамзин. История государства российского, т. IX, СПб., 1821, примеч. 391, стр. 132—134.

[9] Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника, Л., 1925, стр. 47, 110—113, 151.

[10] С. М. Середонин. Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года, «Записки имп. Русского археологического общества», т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия. «Труды отделения русской и славянской археологии», кн. первая, 1895, СПб., 1896; см. предисловие, стр. 49—53, публикация, стр. 54—62.

⅓ наказа кн. М. И. Воротынскому на том основании, что эта часть является распоряжениями, записанными на обороте [1]. На самом деле, записи на обороте — органическое продолжение основного текста наказа (см. ниже). Во-вторых, он сделал много ошибок при передаче текста, допуская самовольные сокращения, вставки, пропуски, неверные чтения, и не исправил погрешности, имеющиеся в источнике. В-третьих, он не заметил, что, публикуя два этих источника, он издал в сущности три документа. Присоединенная им к росписи войска роспись голов является самостоятельным документом. В-четвертых, С. М. Середонин нигде не отметил наличия вставок, поправок в тексте, сделанных другим почерком и другими чернилами, хотя в ряде случаев учел их в своей публикации.

Ниже публикуются документы о сражении при Молодях, которые сохранились в составе делопроизводства Разрядного и Посольского приказов. Первые три документа извлечены из столбцов Московского стола Разрядного приказа, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ф. 210), и являются черновыми подлинниками этого приказа. Документ № 1 — наказ, выданный из Разрядного приказа от имени центральной администрации (царя и Боярской думы) М. И. Воротынскому и другим воеводам, назначенным с весны 1572 г. во главе 5 полков на службу на «берегу», т. е. в пограничную охрану по берегу реки Оки. Этот наказ дает возможность судить об организации береговой обороны, станичной и сторожевой службы в 70-х годах XVI в., а также о применении «судовых» людей, наемных иностранцев, их снабжении и т. д.

Еще большую ценность имеет документ № 2 — полковая роспись берегового войска М. И. Воротынского, сражавшегося с крымцами летом 1572 г., которая содержит точные цифровые данные по всем пяти полкам с указанием состава всего войска (дворяне и дети боярские, стрельцы, казаки, иностранцы). Роспись показывает, что основной контингент русского войска, выступившего против огромной армии крымских татар, насчитывал немногим более 20 тыс. чел. (не считая казаков М. Черкашенинова и боярских и дворянских людей). Особенностью документов №№ 1 и 2 является наличие редакторской правки и многочисленных, подчас очень подробных, вставок (см. текст), сделанных очень неразборчивым почерком какого-то приказного деятеля. Основной текст этих документов написан четкой красивой скорописью; этим же почерком написан и документ № 3 — роспись голов в береговом войске. Головы являлись средним командным составом войска, они возглавляли одну или несколько сотен. Роспись позволяет изучить, привлекая данные других источников, социальный состав «офицерских» кадров XVI в.

Основной текст документов №№ 1—3 был составлен, очевидно, в конце зимы — начале весны 1572 г. [2], но до отправки воевод и войска с нарядом (артиллерией) на берега р. Оки, а дополнения и исправления были сделаны уже в ходе отправки войска на службу весной 1572 г. Это предположение подтверждается следующим местом наказа: в нем над словами основного текста «а наряд с Коломны и из Серпухова походной полковой взять с собою» тем же почерком, какой характерен для вставок и поправок приказного редактора, написано: «послано»; это означает, что наряд уже послан в береговое войско, тогда как в момент составления основного текста этих документов наряд еще не был послан на берега Оки.

Документ № 4 — запись разрядной книги, хранящейся в Государственном историческом музее, в собрании Щукина, д. 496, написана скорописью 2-й пол. XVII в., в лист, на 1205 л.; водяные знаки — голова шута, герб; переплет новый (картон, обтянутый кожей). Рукопись содержит отрывки из летописей 80 гг. XIV — 70 гг. XV вв. и разрядный текст за 1475—1605 гг. Она принадлежит к пространной редакции разрядных книг с наиболее полными и ценными в научном отношении официальными записями, которые велись в Разрядном приказе. Первая часть и конец извлечения,

---

[1] См. там же, предисловие.

[2] С. М. Середонин полагает, что наказ был составлен за несколько месяцев до появления крымцев (ук. соч., стр. 50), но не отмечает, что он состоит из двух частей, написанных в разное время.

публикуемого ниже, являются чисто разрядными записями о береговой службе в 1572 г. (росписи войск, записи о местнических спорах между воеводами, о смотре берегового войска, битве у Молодей), а средняя часть—вставкой в текст разрядной книги, представляющей новый интересный список повести о победе над крымскими татарами в 1572 г. Один из списков повести, составленный в конце XVI в., был опубликован С. Шамбинаго[1]. Повесть, написанная не позднее 90-х годов XVI в., а может быть и в 70-х годах, вскоре после сражения при Молодях, довольно подробно рассказывает о ряде сражений с крымцами 26 июля — 2 августа 1572 г., кульминационным пунктом которых была Молодинская битва 30 июля — 2 августа 1572 г., и о тактике, примененной русским командованием в этом сражении. Щукинский список повести (его обозначение — Щ) в некоторых случаях передает в сокращении ее текст, например, в нем отсутствует начало повести, где говорится о том, что на Оку реку приходили крымский хан «со многими людми» и нагайский мурза Теребердей с 20 000 нагайских татар[2]; в других — дает некоторые дополнительные или более исправные чтения и варианты. Например, Синодальный список повести, рассказывая о переправе татар у Сенкина перевоза через Оку, сообщает, что они «плетени исподкопали»[3], Щукинский список более точно передает это место: «плетени ис подкопов выняли»[4]. Другой пример: после сходного сообщения Синодального и Щукинского списков о том, что крымский хан с войском остановился в 7 верстах севернее р. Пахры в болоте, и о том, что во вторник 29 июля произошла стычка передовых отрядов обеих сторон[5], Щукинский список приводит сведения о том, что крымский хан воротился из-за Пахры к Молодям, расположенным «от Москвы полпятадесять (45.— *В. Б.*) верст». Воеводы, пока происходили стычки авангардов («учали передовые люди травитися»), поставили гуляй-город, под прикрытие которого стал большой полк, т. е. основные силы русского войска, а остальные полки «за гуляем городом, недалече от города»[6]. Эти и некоторые другие интересные данные отсутствуют в Синодальном списке повести.

Для исправлений текста Щукинского списка привлечен другой аналогичный список повести, имеющийся в составе разрядной книги 1375—1605 гг., хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), в Эрмитажном собрании, д. 390. Эта разрядная книга написана скорописью 2-й пол. XVII в., в лист, на 1004 л.; водяной знак — голова шута; переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Рукопись, возможно, принадлежала фамилии Сукиных, так как в разряде похода на Казань в 1547—1548 гг. после фамилии дьяка Б. Сукина вставлено: «Осипов прадед родной»[7]. Повесть помещена в Эрмитажном списке (его обозначение — Э) также среди разрядных записей[8]; оба списка — частные.

Наконец, документ № 5 — грамота крымского хана Девлет-Гирея Ивану IV, посланная 23 августа 1572 г., т. е. вскоре после разгрома крымцев у Молодей, извлечена из подлинной посольской книги 1571—1578 гг., хранящейся в ЦГАДА в составе фонда сношений России с Крымом. Грамота содержит некоторые интересные данные о Молодинском сражении, а также о политике Крымского ханства в отношении России[9].

---

[1] С. Шамбинаго, ук. соч., стр. 80—82. Повесть опубликована по Синодальному списку, хранящемуся ныне в Государственном историческом музее (см. ГИМ, Синодальное собрание, д. 963). Описание рукописи см. М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания, «Исторические записки», 1942, т. 13, стр. 275—277.

[2] ГИМ, Синод. собр., д. 963, л. 98.

[3] Там же.

[4] ГИМ, Синод. собр., д. 496, л. 491 об. Речь идет о рвах, прикрытых плетнями, которые были сооружены как препятствие против татарской конницы. Ср. ЦГАДА, ф. Сношения с Крымом, д. 14, л. 158: крымский хан Девлет-Гирей в грамоте, посланной Ивану IV 23 августа 1572 г., писал: «кто есть для нас делал на берегу двор и ров, и столько маялися».

[5] ГИМ, Синод. собр., д. 963, л. 99 об.; Щук собр., д. 496, л. 492 об.

[6] ГИМ, Щук. собр., д. 496, л. 492 об.

[7] ГПБ, Эрмитажное собр., д. 390, л. 164 об.

[8] Там же, лл. 461—465 об.

[9] Эту грамоту использовал Н. М. Карамзин (ук. соч., т. IX, прим. 391).

Публикуемые документы дают возможность довольно подробно изучить вопрос о борьбе с крымцами в 1572 г., особенно о сражении при Молодях, которое привело к полному разгрому крымских татар. Они имеют и общий интерес для изучения внешней политики, организации и состава вооруженных сил и организации обороны границ на юге Русского государства в XVI в.

В. И. Буганов

№ 1

Наказ М. И. Воротынскому об организации обороны от нападений крымских татар по р. Оке

Начало 1572 г.

Память боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарыщи.

Ц[арь][1] и великий князь велел им быти для своего [дела и][1] земского на берегу. А которым князем, и детем боярским, и немцом, и стрельцом, и казаком и всяким людем в котором полку быти, и тому послана к бояром и воеводам розпись и списки. И боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому взяти себе списки и бояром и воеводам списки роздать. А збиратися[2] всем полком на Коломне и меж Коломны и до Коширы[3]. А, собрався, итти и стать по берегу по своим местом: большому полку в Серпухове, правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, левой руке на Лопасне. А наряд[4] с Коломны и из Серпухова походной полковой взять с собою. А быти наряду в большом полку з бояры и воеводами со князем Михаилом Ивановичем Воротынским и с Ываном Васильевичем. А выбрать к наряду из дворян добрых в головы дву человека да и [детей][1] боярских им дать человек по пятидесяти и сколько пригоже. А пушкарей московских взяти по прежнему наряду. А подводы собрать под наряд и под пушкарей с тех городов, которые к берегу подошли, а[5] с тех городов другие посохи к Москве[6] и куды никуды не имать[7] А под стрельцов подо всех розметить и розписати[8] ранее на дети боярские кому их вести по полком. Да поимати по полком памяти: сколько с кем будет людей полковых в доспесех и в тегиляех, и без тигиляев и сколько кошевых. Да розписати, выбрав, головы добрые и розписати детей боярских и их людей по головам по всем полком, чтоб всех людей розписати заранее[9].

А имати с бояр и со князей и з детей боярских людей с пищальми с пятьсот[16] чети человека с пищалью, с тысячи чети дву человек с пищальми. Да, поимав, тех людей с пищальми розписать по головам особно, опроче детей боярских.

А которые воеводы по украинам которым быти по розписи на сходе з бояры и воеводами, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому по всем украинам розослати, чтоб по тому же, поимав памяти и розписав по головам детей боярских и боярских людей, да тот бы список прислати к боярину и воеводе ко князю Михаилу Ивановичю с товарыщи заранее, а у себя противень оставити, чтоб боярину князю Михаилу Ивановичю с товарыщи было в ведоме заранее всех украин люди по смотру.

---

[1] Край листа оборван, не хватает нескольких слов и букв.

[2] Далее более светлыми (светло-коричневыми) чернилами зачеркнуто: «на Коломне».

[3] Слова «на Коломне... Коширы» вписаны другим почерком над строкой вместо зачеркнутых: «На Коломне».

[4] Над словами «Лопасне. А наряд» вписано: «послано».

[5] Далее зачеркнуто: «а в то...», несколько слов написано неразборчиво.

[6] Далее зачеркнуто: «ни в кот...»

[7] «С тех городов... не имать» вписано другим почерком.

[8] «И розписати» вписано другим почерком.

[9] Над словом «заранее» проставлен выносной знак ÷, на обороте л. 2, другим почерком написаны с выносным знаком слова: «а имати... детей боярских», которые приводятся далее в тексте.

[10] Далее зачеркнуто: «человек».

А как люди сойдутца, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарыщи, приговоря день да вышед в котором месте пригожс, да в тот день во всех полкех и по всем украинам пересмотрити людей на конех в доспесех. А, пересмотря людей, поити по своим местом, где которому полку стоять.

А по вестем изо всех украин велети с собою сходитися воеводам по розписи, чтоб им сойтися на берегу до царева приходу [1)] к берегу. А осады все на Коломне, в Серпухове, в Колуге, на Резани, на Туле, в Козельску и во всех городех украинных людей по вестем заранья в осады собрать однолично. А Коширской уезд собрати в осаду на Коломну да в Серпухов, кому где ближе. А во все городы осадчиков послати ранее с того же сроку з благовещеньева дни, чтоб везде осады были устроены и собраны и розписаны заранее; не тогды б осадчиков посылать и в осады збирать, как царь придет, собрати б их заранее [1]. А станицы и головы на Оскол и на Семь и в дальние проезды по прежней розписи и в ыные места посылать, где пригоже, чтоб дал бог заранья про царев поход было в ведоме.

А по Оке реке вверх и вниз розъездити бояром князю Михаилу Ивановичю, с которым воеводою пригоже, и Ивану Васильевичю [2)] по тому же, переменяяся. А в ыные места из полков бояр и воевод отпущати боярину князю Михаилу Ивановичю, по тому же переменяяся, чтоб изо одного полку двем воеводам вдруг не ездити. А ездити Окою вниз и до Резани, а вверх и до Жиздры, до засеки, и Жиздрою до коих мест надобе. Да где в котором месте на Оке перелазы гладки и мелки,— и в том месте зделать крепости, заплести плетень и чеснок побити, где в котором месте пригоже какова крепость поделать. Да и на Угре на устье, от устья вверх, до которого места пригоже, по тому же зделати крепости для перелазов. А делать по Оке и по Угре тутошними людми сохами, которые сохи с обе стороны реки пришли, а в ыных местех и полковыми людми делать всеми, где что пригоже зделать, по тому промышлять и делать.

А вятчаном стояти в струзех в Колуге да с ними казаков польских [3)] наемных с пищальми 1000 и з двема головами. А от Колуги б по вестем послати их, по цареву приходу смотря; буде царь пойдет на прямое дело, а не для войны, а Оку вверху перелезет, а пойдет на Болхов старою дорогою, и бояром и воеводам тем головам с вятчаны в струзех и головам с казаки с пищальми велети спешити к Жиздре, да по тем воротом, по засекам, по лесом по обеим сторонам в крепких местех стать с пищальми и с луки, где как пригоже, и на перелазех и в крепких местех на лесех на крымских людей приходити и лести мешати.

А бояром и воеводам по тем вестем со всеми людми и с нарядом идти х Колуге, да будет мочь иметь, чтоб дал бог поспешити на Жиздру со всеми людми. И бояром и воеводам спешить к Жиздре, а, у Жиздры став, промышлять со царем царя и великого князя делом, чтоб дал бог не перепустити за Жиздру царя. А будет царь перелезет Жиздру, а пойдет к Угре, и бояром и воеводам стати со всеми людми на реке на Угре, чтоб на походе со царем на полех без крепостей однолично не сходитися. А на реке на Угре став, пеших людей с пищальми изставити по крепким местом. А где лучитца и сход со царем не у реки, и бояром и воеводам, выбрав место крепкое, да стати полки, чтоб поставити полки, и стрельцом поиззакопатися по крепким местом; а не на походе б со царем соитися; того беречи накрепко, чтоб им наперед в котором крепком месте стати, выбрав такое место, стати, а на походе полки со царем на поле без крепости однолично не сходитися.

А с к[о]шем [4)] голов дву добрых крепких учинится, а поставити б их в крепком месте и стрельцов и казаков с пищальми в кошю оставити сколько пригоже, чтоб полк кошовой был особно; только бы стояли в крепком месте.

А как полком стояти большому, и правой руке, и передовому полку, и сторожовому и левой руке и сколько меж их далече и в котором месте в какове крепости стрельцов поставити и казаков с пищальми, и в какове месте наряд поставити, и какая ему крепость учинити, и, о том приговоря, бояром и воеводам расписати заранее и, полки уставя, вышед в каково место, присмотрити место до приходу до ца-

---

[1] В тексте «занее», «ра» вписано другим почерком над строкой.

рева. А выбрати место таково, чтоб наряд и стрельцы полковых людей уберегали. А на наряд бы и на стрельцы полки напущати было нельзя, таковы крепости поделати; о том, как, высмотря и приговоря, полки поставити и как, приговоря, какую крепость учинити у наряду и у стрельцов у пеших людей, да то все заранее иззаписати да потому в приход царев где полком стати, таковы места себе и прибирати и крепость такову по приговору зделати у наряду у пеших людей[1]. А без крепости наряду и стрельцом не в крепком месте однолично со царем бояром и воеводам не сходитися.

А будет царь и царевичи пойдут к реке к Оке прямо меж Колуги и Олексина, или меж Олексина и Серпухова, или меж Серпухова и Коширы, или меж Коширы и Коломны, и бояром и воеводам итти против царя к тем местом, куды царь пойдет. А вятчаном и казаком с пищальми к тому месту спешити в струзех и промышляти у реки со царем сколько бог помочи подаст. Да того беречи бояром и воеводам накрепко: как у реки станут против царя, а будет в ыном месте люди иные перелезут, и у бояр бы и у воевод, что было заранее розписано, которым пешим людем с пищальми и конным стояти против тех людей, которые учнут за рекою стоять, а ещо не перелезут; и которым полком от тех людей стояти и береженье держать, которые в ыном месте перелезут, чтоб, приговоря про то заранее, розписати, чтобы в то время ведал, кому где промышляти.

А будет царь пойдет на Резань, а Оку реку перелезет под Солочью, или ниже, или выше, а пойдет х Коломне, и бояром и воеводам итти убережною дорогою, да выбрати крепкое место, да тут стати от реки до лесу и на лесу крепости поделати, да тут полки стати, чтоб, царя из крепких мест на поле не выпущая[2], его встретить, чтобы стрельцы и с казаки с пищальми в крепком месте при лесе стать и крепости наряду и стрельцом поделати, где какова пригоже, посмотря по месту, и промышляти государевым и земским делом со царем, сколько бог помочи подаст, смотря по тамошнему делу как будет пригоже.

А будет царь пойдет на Володимер, и бояром и воеводам итти к Володимерю да ко Клязме, под Володимерем или где пригоже царя и великого князя делом и земским промышляти со царем[3]. А поити к Володимерю, розведав накрепко дальними станицами, чтоб нагайские люди по слову с крымским не сманили б з берега людей; либо на мещерские места придут нагайские люди, а царь после их приходу придет к берегу; того беречь и промышляти бояром и воеводам далними станицами накрепко. А будет от станиц вести полные будут, что перелезет царь Дон со всеми людми с крымской стороны на нагайскую сторону, а пойдет к Шацкому к Мещерской украине, и тогды самим итти к Володимерю, а, по вестем смотря, и из Володимеря итти. А в судех Окою вятчан и казаков польских с ручницами з головами тогда[4] отпустити под царя. А велети на перевозех на Оке и в крепких местах в лесех на царя приходить, смотря по тамошнему делу. А будет царь, в котором месте перелетчи реку, поидет полки прямо к Москве, а войны не роспустит, и бояром и воеводам под царя голов з детьми боярскими посылати да, в котором месте пригоже, на крымские люди приходити, высмотря по себе, и языков добывати и про царево умышленье подлинно проведывати. Да, смотря по вестем и розведав прямых вестей, и Москве помогати и на крымские люди приходити, чтоб дал бог дела царя и великого князя и земского поискати, а себя уберечи.

А будет царь, перелезчи реку, войну розпустит или заречные места тульские и резанские и олексинские и козельские учнет воевати, и бояром и воеводам под люди голов с людми посылати и стрельцов и казаков с пищальми и резвых людей неметцких посылати, а, смотря по делу, и самим делом царя и великого князя промышляти и на крымские люди приходити, и тем местом помогати да и тем промыслити.

---

[1] Далее в тексте зачеркнуто светло-коричневыми чернилами: «Да и рати всей то было в ведоме, чтоб им надежно было полки стояти, о крепости и о наряде».

[2] Над словом «выпущая» (в конце его над строкой) другими чернилами вписано «ти».

[3] «Со царем» вписано над строкой другим почерком.

[4] «Тогда» вписано над строкой другим почерком.

на которые места пойдет царь назад и, выбрав бы крепкое место у речки или у крепи у ржавца в лесу в крепком, чтоб послать в то место голову с казаки с польскими с пищальми до пятисот человек. А велети бы им на переходе в том месте, как царь с полоном из земли пойдет, дождався, придти на сторожевой полк, чтоб как дал бог дела царя и великого князя поискати, а себя уберечи. А поехать в такое место и ни в одно [1].

А о немцех о наемных бояром промыслить, чтоб на них те же головы, которые с ними будут, корм приготовливали на продажу их корм [2] конской, а платили бы цену немцы по цене. А пива велеть сварити на Коломне и в Серпухове, а велеть немцом [3] цену платить, згадывая по цене, чтоб было немцом корм и питье на продажу изготовлен; а цену на них имати. А поставить их особно ратных руских людей в котором в ближнем себе [4] от города, чтоб ссоры им не было с московскими людьми; того беречи накрепко [5].

А что велено вятчаном быть на берегу, и бояром приготовить велеть на Коломне, в Серпухове, в Колуге запасы государева на девятьсот человек сухарей 1350 чети, на человек по три осмины на три месяца, да круп овсяных 135 чети, да толокна тоже на три месяца же на десеть человек по осмине круп да по осмине толокна на месяц [6]. А струги велеть от Нижнего припроводить на Коломну большою водою [7]. Да устроить бояром и воеводам перевозы по Оке по реке, а суды большие поотписать по Оке по реке [8] сколько будет надобно в земском и в опришнине сколько где мочно взять [9]. А взять, оценя, а деньги вперед заплатити.

А которым детем боярским Московские земли и Ноугородцкие и северских городов [10] верстов, дать жалованье, и бояром по росписи, тех детей боярских поверстав, роздать жалованье, а которые будут новики дети боярские, которых собрать велено по городом, и тем давать, поверстав, жалованье. А которые... [11] пригодятца и вперед на службу, и тех, поверстав, и поместья [12] дать из порожних земель. А которые ныне отнять велено [13] у нетчиков кормленные деньги, и к тем деньгам, высмотря добрых детей боярских [14], которые давно служат, прибрав, и поверстать; а посмотря по имянной службе, придать [15]. А за лень и за худобу у иных [16] вычесть. А детей боярских верстать ехать дьяку на берег [17] Ивану Михайлову [18]. А которых людей с пищальми наймут и которых людей боярских возьмут дальних с пищальми, и на те пищали [19] зелье давать; из казны на то взять зелья и свинцу [20] на запас да все [21] то переписать на список порознь по статьям по делом.

---

[1] «А поехать... одно» написано другим почерком над строкой; после слова «место» стоит знак ÷; такой же знак стоит на л. 14 об., здесь помещена вставка, которая продолжена далее до л. 19 об. включительно. В тексте будет сначала приведена вся эта вставка приказного редактора, затем основной текст на лл. 14, 15.

[2] Далее зечеркнуто: «и».

[3] «Немцом» написано над строкой.

[4] Далее зачеркнуто: «чтоб».

[5] Далее зачеркнуто: «а вятчаном велеть».

[6] Далее зачеркнуто: «а суды».

[7] «А струги... водою» написано над строкой.

[8] «По Оке реке» вставлено над строкой.

[9] Далее зачеркнуто: «А вз...».

[10] Далее зачеркнуто: «да...».

[11] Одно слово написано неразборчиво.

[12] Далее зачеркнуто: «дать».

[13] Далее зачеркнуто: «поместья».

[14] «Детей боярских» вставлено над строкой.

[15] Над словом «придать» написано «на», далее зачеркнуто: «а у иных».

[16] «А за лень... иных» написано над строкой.

[17] «На берег» написано над строкой.

[18] Далее зачеркнуто: «да Про... да все тому всему держать перепись у дьяка, переписать на список порознь по статьям по делом».

[19] «А которых людей... те пищали» написано над строкой вместо зачеркнутых в тексте (см. предыд. примечание).

[20] «И свинцу» написано над строкой.

[21] В тексте было «всему», но слог «му» зачеркнут.

Да память бояром князю Михаилу Ивановичу Воротынскому да Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву. Царь и великий князь велел[1] с ними быть ротмистру Юрью Францбеку, а с ним наемных немец сто человек-ругодевских 100 ч. с Васильем Шераповым[2]; и тем наем дати, а корм им покупать...[3] деньги по указу[4]. А ротмистру велеть у них быть Юрью Францбеку[5]. А указать: цена по тамошней цене недорогою ценою примерясь к нынешней[6] цене. И бояром[7] приставить к двором къ их, устроя дворы, детей боярских[8], корм им дать, собрать с сох, а платить велеть по цене; да сотцкого и целовальников учинить у збору у корму, чтобы даром не имать с сох корму. А пива и меду[9] велеть, зделав, держать про них, а велеть им трема стом человек им мед и пиво продавать. А Юрью Францбеку: ему и с людми давать корм и с людми сь его с тритцатью человеки[10] на день по[11]... да меду по два ведра, да пива[12] по три ведра, да по три чети овса, да по три осминки на день; да из Ругодева[13] с Карлусом десоть человек немцев; тому давать[14] на его голову по гривне да по ведру меда по ведру пива, а людем его на десеть человек давать на месяц найму по десеть ефимков человеку[15], а ефимок по 12...[16] денег[17]. А корм им[18]... покупать по тому же как наемным немцом[19]. А корму Юрью Францбеку и наем люд[ем] и Карлусу[20] дано на Москве дьяку[21] Ивану Михайлову денег[22] на три месяцы, а Карлусу на его голову дано на три же месяца, а людем его дано три же месяцы за ефимки деньги. А в Ругодеве на дорогу ему дано на месяц[23] ему на люд[ей]. Да из Вильяна послан[24]... тот с поместья послан и с людми и ему только[25] давать медку по ведру на его голову. Да посланы с Москвы немец московских 9 ч; и тому дана роспись Ивану Михайлову[26] кому давать корм и кому не давать, хто с поместья. А дано им на три ж месяцы[27].

И бояром и князю Михаилу Ивановичю и Ивану Васильевичю по тому их и устроити[28].

И о всем делом царя и великого князя и земским промышляти по царя и вели-

---

[1] Далее зачеркнуто: «им быть».
[2] Далее зачеркнуто: «да».
[3] Одно слово неразборчиво.
[4] Далее зачеркнуто: «а по...».
[5] «А ротмистру... Францбеку» вписано над строкой.
[6] В тексте было: «нынешнему», но слог «му» зачеркнут, над ним написана буква «и».
[7] Далее зачеркнуто: «дать».
[8] Далее зачеркнуто: «и давать и...».
[9] Далее зачеркнуто: «пол...».
[10] Далее зачеркнуто «по руб...».
[11] Далее зачеркнуто: «полтине».
[12] Далее зачеркнуто: «пива».
[13] «Из Ругодева» написано над строкой.
[14] Далее зачеркнуто: «и с людьми сь его по четыре... [здесь одно слово написано неразборчиво, над ним зачеркнуто: «государевым».— *В. Б.*] на день да по ведру»; далее продолжается этот же, но почему-то незачеркнутый текст «меду да пива... пива на день да... да по острамку сена».
[15] «Человеку» написано над строкой вместо зачеркнутого: «про».
[16] Одно слово не разобрано.
[17] Далее зачеркнуто: «человеку».
[18] Одно слово неразборчиво.
[19] «На его голову... наемным немцом» написано над строкой.
[20] «и Карлусу» написано над строкой.
[21] «дьяку» написано над строкой.
[22] «денег» написано над строкой.
[23] Далее зачеркнуто: «на».
[24] Далее неразборчиво одно или два слова, вслед за которыми зачеркнуто: «и».
[25] «Только» написано над строкой.
[26] «Ивану Михайлову» написано над строкой.
[27] Здесь кончается большая вставка на л. 14 об.— 19 об.
[28] «И бояром... устроити» написано тем же почерком, которым написан основной текст наказа на л. 1—15. Далее приводится оставшийся основной текст на л. 14—15.

кого князя наказу и посмотря по тамошнему делу как будет пригоже и как их бог вразумит. А о всем о своем деле и о земском царь и великий князь положил на бозе и на вас, боярех и воеводах, как лудче и государеву делу прибыльнее; так, прося у бога милости, и промышляти. А как ся учнет дело царя и великого князя и земское делати и каковы у них вести будут,— и им к Москве и по всем городом без вести не держати, а царя и великого князя о всем без вести не держати[1].

ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 463, столпик 3, лл. 1—20.— Черновой подлинник.

№ 2

Полковая роспись «Берегового» войска М. И. Воротынского

Начало 1572 г.

В большом полку: бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Иван Васильевич Шереметев.

З бояриному и воеводою со князем Михаилом Ивановичем Воротынским: детей боярских выборных 40 чел., коломнич 170 чел., коширян 430 чел.[2], мещан 150 чел., вязмич 180 чел., суздальцов 210 чел., ржевич 200 чел., зубцовлян 60 чел.[3], черниговцов 100 чел., Шелонские пятины 300 чел.[4]. И всего со князем Михаилом Ивановичем Воротынским[5] 1840 чел.

С Иваном Васильевичем Шереметевым: выборных 25 чел., муромцов 150 чел., мещерян 170 чел., торопетцких помещиков 150 чел., серпьян и мощинцов 70 чел., Вотцкие петины 500 чел. И всего с Ываном Васильевичем 1065 чел.

И всего обоих в большом полку[6] 2905 чел.[7].

Да в большом же полку из украинных мест з Дедилова быти: воеводе князю Ондрею Дмитреевичу Палетцкому, а с ним 350 чел., из Донкова князю Юрью Курлятеву, а с ним 200 чел.

И всего в большом полку и с украинными 3455 чел.[8].

Да в большом же полку детей боярских изо всех городов прикащиков... сохи 70 чел.[9].

Да в большом же полку быти с митрополита и со владык: детей боярских 430 чел., галичан и коряковцов[10] и костромич и балахонцов 1000 чел. с их головами[11]; з головами стрельцов: з головою с Осипом Исуповым 500 чел., с Михаилом со Ржевским 500 чел.

---

[1] Остаток л. 15 и далее лицевые стороны лл. 16, 17 и 18 и 19 не заполнены; на их оборотных сторонах помещена вставка, приведенная в тексте выше; на л. 20 об. текст написан почерком, аналогичным почерку листов 1—15, но по смыслу он связан с содержанием вставки на л. 14 об.— 19 об. и поэтому помещен выше.

[2] Далее светло-коричневыми чернилами вычеркнуто: «ржевских помещиков 70 чел.».

[3] Далее вычеркнуто: «можаич 127 чел.», над словом «можаич» вставлено: «на».

[4] «Шелонские пятины 300 человек» вписано в текст другим почерком.

[5] Далее зачеркнуто: «1737 чел.», другим почерком вписано и тоже зачеркнуто: «1840 чел.».

[6] Далее зачеркнуто «2802 человека», над строкой другим почерком вписано и зачеркнуто: «3001 человек».

[7] «2905 чел.» вписано в текст другим почерком.

[8] «3455» написано другим почерком вместо зачеркнутой цифры 3352, переправленной на 3551.

[9] «Да в большом... 70 чел.» вписано над строкой другим почерком, причем слова «прикащиков... сохи» (одно слово написано неразборчиво) написаны вместо зачеркнутых: «старост губных и прикащиков» (эти слова написаны другим же почерком).

[10] Над этим словом над строкой вписано другим почерком и зачеркнуто: «да в большом», «да в большом же полку».

[11] «С их головами» вписано другим почерком.

Да наемных казаков з двема головами, с Юрьем Булгаковым да с Ываном Фустовым, 1000 чел.

Да в большом же полку[1] з головою с Юрьем Франзбеком немец 100 чел., а голова у них Аталык Квашнин[2] да[3] юрьевским и ругодевским немцом с их приставы 200 чел.[4] да с оникеевых детей с трех 1000 чел. с пищальми казаков; и у тех казаков быти в головах Игнатью Кобякову[5] да Юрью Тутолмину[6].

И всего в большом полку детей боярских, и стрельцов, и унжан, и костромич, и с митрополит и со владык детей боярских и казаков и немец 8255 чел.[7].

Да в большом же полку Мишка Черкашенин с казаки[8].

В правой руке: боярин и воевода князь Никита Романович Одуевской да воевода Федор Васильевич Шереметев.

З боярином и воеводою со князем Никитою Романовичем Одоевским: детей боярских выборных 25 чел., козлич 130 чел., рязских помещиков 120 чел., костромич 500 чел., ноугородцких помещиков Бежетцкие пятины 450 чел.[9]. И всего со князем Микитою Романовичем Одоевским 1225 чел.[10].

С воеводою с Федором Васильевичем Шереметевым: выборных 15 чел., белян 120 чел., Бежетцкие петины 400 чел.[11], ржевских помещиков 70 чел.[12], тверич и клинян 270 чел., дмитровцов 140 чел. И всего 1015 чел.[13].

И всего с обема со князем Микитою Романовичем и с Федором Васильевичем 2240 чел.[14].

Да в правую же руку из украинных мест с Орла быти князю Григорью Долгорукову, а с ним 350 чел. И всего и с теми в правой руке 2590 чел.[15].

Да в правой же руке: стрельцов из Чернигова з головою 300 чел., из Стародуба с сотцким 50 чел., из Рославля с сотцким 50 чел., из Новагородка Северского с сотцким 50 чел., из Почапа с сотцким 30 чел., из Веневы с сотцким 20 чел. И всего в правой руке стрельцов 500 чел.

Да казаков конных с пищальми же: из Шатцкого з головою 50 чел., из Ряского з головою 100 чел., из Донкова з головою 200 чел., из Дедилова з головою 150 чел. И всего в правой руке казаков 500 чел. Да в правой же руке немец с Юрьева и с Вильяна[16]. И всего в правой руке стрельцов и казаков[17] 1000 чел[18]. И обоего в правой руке и з детьми боярскими 3590 чел.[19].

---

[1] «В большом же полку» вписано над строкой.

[2] «Аталык Квашнин» вписано над строкой вместо зачеркнутого «Федор Грозново».

[3] В тексте или «да» переделано в «и», или, наоборот, «и» в «да».

[4] «Да юрьевским... 200 чел.» вписано другим почерком над строкой.

[5] «Игнатью Кобякову» вписано над строкой вместо зачеркнутого в тексте: «Федору Михайлову сыну Сунбулову».

[6] «Тутолмину» вписано светло-коричневыми чернилами.

[7] «8255 чел.» написано другим почерком вместо зачеркнутого в тексте: «7985 чел.».

[8] «Далее другим почерком: «да в больш...».

[9] Далее написано другим почерком и зачеркнуто: «кого...».

[10] «1225 чел.» написано другим почерком вместо зачеркнутой неправильной цифры 1235 чел.

[11] В тексте было: «420 чел.», но цифра 20 зачеркнута.

[12] «ржевских... 70 чел.» вставлено над строкой.

[13] В тексте было: «1000 чел.», цифра «15» вставлена другим почерком.

[14] «2240 чел.» вписано вместо зачеркнутого «2270 чел.», переправленного затем в «2250 чел.».

[15] В тексте было: «2690 чел.», затем цифра 90 была вычеркнута, осталось 2600 чел., эта цифра, а также проставленная другим почерком цифра 2590 чел. были вычеркнуты и была написана снова цифра 2590 чел.

[16] Далее зачеркнуто: «120 чел. с пищальми».

[17] Далее зачеркнуто: «и немец».

[18] В тексте стояла цифра 1120 чел., но цифра 120 зачеркнута.

[19] Цифра 3590 чел. написана другим почерком вместо зачеркнутой 3710 чел., переправленной затем на 3600 чел.

В передовом полку: воевода князь Ондрей Петрович Хованской да окольничей и воевода князь Дмитрей Иванович Хворостинин.

С воеводою со князем Андреем Петровичем Хованским: выборных 15 чел., резанцов старых и новых 200 чел., смольнян 350 чел., лутцких помещиков 150 чел., кашинцов 380 чел.[1]. И всего со князем Ондреем Петровичем 1095 чел.[2].

С окольничим со князем Дмитреем Ивановичем Хворостининым: выборных 15 чел., олексинцов 190 чел., галичан 150 чел., старичан 40 чел., вереич 30 чел., медынцов 95 чел., Ярославца Малово 75 чел.[3]. Деревские пятины 350 чел.[4]. И всего со князем Дмитреем Ивановичем 945 чел.[5]. И всего с обема со князем Ондреем Петровичем и со князем Дмитреем Ивановичем 2040 чел.

Да в передовом же полку быти со князем Ондреем[6] из украинных мест из Новосили воеводе князю Михаилу Лыкову, а с ним 350 чел. И всего в передовом полку 2390 чел.

Да в передовом же полку стрельцов: ис Смоленска з головою 400 чел., с Резани с соцким 100 чел., из Епифани с соцким 35 чел. И всего стрельцов 535 чел.

Да казаков с пищальми: с Плавы 150 чел., из Епифани з головою 400 чел., из Новосили 100 чел. И всего казаков 650 чел.[7].

И всего в передовом полку немец с пищальми и стрельцов и казаков 1185 чел.[8].

Да у передового же полку вятчане в струзех на реки 900 чел.

А и с теми всего в передовом полку 4475 чел.[9].

В сторожевом полку: воеводы князь Иван Петрович Шуйский да окольничей и воевода Василей Иванович Умного-Колычев.

Со князем Иваном Петровичем Шуйским: выборных 15 чел., колужан 200 чел., Ярославля большого 430 чел., углечан 200 чел., лихвинцов 40 чел., ис Перемышля 1 чел., лушан и кинешемцов 70 чел.[10]. И всего со князем Иваном Петровичем 956 чел.[11].

С окольничим и воеводою с Васильем Ивановичем Умного-Колычевым: выборных 10 чел., волочан 60 чел., бежечан 350 чел.[12], брянчан 60 чел.[13], володимерцов 100 чел., можаич 127 чел., рославцов 50 чел.[14]. И всего с Васильем 757 чел.[15]. И всего с обема, со князем Иваном Петровичем и с Васильем Ивановичем 1713 чел.[16].

В сторожевом полку казаков с пищалми: из Орла 100 чел., из Рылска 50 чел., из Стародуба 100 чел., из Рославля 100 чел. Всего 350 чел. И обоего детей боярских и казаков в сторожевом полку 2063 чел.[17].

---

[1] Слова: «кашинцов 380 чел.» вписаны над строкой вместо зачеркнутых в тексте: «Деревские пятины 350 чел.».

[2] 1095 переделано из 1065 (вместо 60 написано 90).

[3] Далее зачеркнуто: «кашинцов 380 чел.».

[4] Слова: «Деревские пятины 350 чел.» вписаны другим почерком.

[5] В тексте «975», но цифра 70 переделана в 40.

[6] «Со князем Ондреем» вписано над строкой.

[7] Далее зачеркнуто: «да немец из Ругодива с пищальми 100 чел.».

[8] «1185 чел.» переделано из «1285 чел.», но слова «немец с пищальми» редактор вычеркнуть позабыл.

[9] В тексте ошибка: «4575 чел.», так как редактор забыл, что вычеркнул 100 чел. ругодивских «немец», и включил их в свой подсчет.

[10] Далее вписано другим почерком и затем вычеркнуто: «рославцов 50 чел.».

[11] Стоявшая в тексте цифра 956 чел. зачеркнута, вместо нее другим почерком написана цифра 1006 чел. (учтены 50 чел. рославцев, см. предыдущее прим. и затем тоже зачеркнута и снова проставлена цифра 956 чел.

[12] Далее вычеркнуто: «торушан 100 чел.».

[13] Далее вычеркнуто: «рославцов 50 чел.».

[14] «Можаич... 50 чел.» вставлено в строку другим почерком.

[15] «757 чел.» вставлено другим почерком вместо зачеркнутого «820 чел.» (на самом деле, по старому расчету, должно быть 730 чел.).

[16] В тексте: «1775 чел.», но цифра 75 зачеркнута и над строкой проставлена цифра 13. Старый расчет — 1775 чел.— неверен, так как 956 и 820 дают в итоге 1776 чел.; далее: так как цифра 820 неверна (с В. И. Умного-Колычевым было, по старому расчету, 730 чел.), то, по старому расчету, у двух воевод было 1686 чел.

[17] В тексте: «2125 чел.», 125 вычеркнуто, над строкой другим почерком проставлено 53. По старому расчету, у обоих воевод вместе с казаками должно было быть не 2125 чел., а 2036 чел.

В левой руке: воеводы князь Ондрей Васильевич Репнин да князь Петр Иванович Хворостинин.

Со князем Ондреем Васильевичем Репниным: выборных 10 чел., дорогобужан 110 чел., веневцов и епифановцов 150 чел., резанцов старых и новых помещиков, которые полутче, 300 чел., серпухович 76 чел. [1], торушан 120 чел. [2]. И всего со князем Ондреем Васильевичем 766 чел. [3].

Со князем Петром Ивановичем Хворостининым: выборных 10 чел., ружан 90 чел., новоторжьцов 80 чел., пловлян и соловлян 70 чел., опаковцов 15 чел., воротынцов 70 чел. [4], почапцов 50 чел., Новагородка Сиверского 20 чел., пошехонцов 70 чел., ис Карачова 60 чел., из Юрьева Польского 10 чел. лутчих, из Боровска лутчих 10 чел., стародубцов 30 чел. И всего со князом Петром Ивановичем 585 чел. [5].

И всего с обеема в левой руке 1351 чел. [6].

Да в левой же руке казаков с пищальми из Смоленска 300 чел.

И всего в левой руке з детьми боярскими 1651 чел. [7].

И всего во всех полкех со всеми воеводами всяких людей 20 034 чел. [8], опричь Мишки с казаки [9].

ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 463, столпик 3, лл. 21—85.— Черновой подлинник.

№ 3

Роспись голов в «береговом» войске М. И. Воротынского

Начало 1572 г.

С Водцкою пятиною Иван Михайлов сын Морозов.

С коломничи князь Василей Меньшой княж Иванов сын Кривоборского.

С резанцы Иван Михайлов сын Головин Большой да князь Федор Кривоборской.

С торушаны да с серпуховичи князь Федор Троекуров.

С колужены князь Иван княж Семенов сын Лобанов Ростовского.

С мещаны князь Юрьи княж Михайлов сын Мещерской.

С ноугородцы Новагородка Сиверского да с почепцы князь Иван княж Григорьев сын Щербатой, ноугородцкой наместник, а в Новегородке осадчика оставити.

З болховичи князь Иван княж Иванов сын Лыков наместник, а на Болхове осадчика оставити.

С серпьяны и с мощинцы князь Михайло княж Юрьев сын Лыков.

З дорогобужаны князь Андрей Палетцкой.

С муромцы Василей Мещанинов сын Морозов.

---

[1] Далее вычеркнуто: «воротынцов 70 чел.».

[2] «Торушан 20 чел.» вписано другим почерком.

[3] «766 чел.» вписано другим почерком вместо зачеркнутого «716 чел.».

[4] «Воротынцов 70 чел.» вписано над строкой другим почерком.

[5] В тексте было «515 чел.», но зачеркнуто, другим почерком написано 585, но тоже зачеркнуто; затем другим же почерком проставлено 515, но переделано на 585.

[6] В тексте было «1231», но 231 зачеркнуто, над строкой поставлено другим почерком 351, но зачеркнуто и далее другим же почерком полностью написано «1351».

[7] В тексте цифра 1611 (ошибка: на самом деле, по старому счету, должно быть 1531), она, а также проставленные далее другим почерком цифры 1651 и 1581 зачеркнуты и другим же почерком написана цифра 1651.

[8] В тексте цифра 19063; она, а также написанная другим почерком цифра 19590 зачеркнуты и другим же почерком проставлена цифра 19984. Подсчет этот неверен; если сложить цифры по всем полкам, приводимые выше, то в итоге получается 20134 чел., но так как в подсчете количества людей в передовом полку были учтены вычеркнутые в тексте 100 чел. ругодивских «немцев», то итог уменьшается до 20034 чел. Таким образом, войско М. И. Воротынского насчитывало по росписи 20034 чел., не считая казаков во главе с Михаилом Черкашениновым (при большом полку), количество которых не указывается.

[9] «Опричь Мишки с казаки» вставлено другим почерком.

С черниговцы наместник Федор Федоров сынь Нагово, а в Чернигове осадчика оставити.

С нижегородцы Тучко Иванов сын Отяев.

С мещеряны князь Федор княж Андреев сын Мещерской.

С алатарцы Василей Яковлев сын Кузьмина.

С смольняны воевода смоленской князь Семен Коркодинов.

С володимерцы Василей Иванов сын Внуков, к Москве.

С юрьевцы Польского Юрьева Григорей Ярцов, к Москве.

С коширяны Иван Михайлов сын Бутурлин.

С мецняны Дмитрей Андреев сын Замытцкого.

С рословцы намесник Яков Иванов сын Судимантов.

З беляны князь Иван княж Самсонов сын Туренин.

С торопчаны князь Юрьи княж Костянтинов сын Курлятев.

С лучаны Ондрей Федоров сын Нагово.

С стародубцы намесник князь Михайло Тюфякин.

С пусторжевцы князь Василей княж Васильев сын Тюфякин.

С воротынцы князь Семен княж Александров сын Щербатого.

З боровичи и с кременчаны Михайло Иванов сын Внуков, к Москве.

В Дедилов окольничей и воевода князь Петр Иванович Курлятев Татев [1].

В Новосиль князь Михайло Лыков да Василей Петров сын Измайлов.

На Орел князь Григорей княж Иванов сын Долгорукой да Денис Ивашкин.

В Донков князь Иван Курлятев да Василей Коробьин [2].

А срок им в пятое воскресенье великого поста.

ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 463, столпик 3, лл. 36—41.— Черновой подлинник.

№ 4

Записи Разрядной книги о «береговой службе» и отражении нашествия крымских татар в 1572 г.

Тово же лета роспись бояром и воеводам на берегу по полком:

В большом полку на Коломне: бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Иван Меньшой Васильевичь Шереметев.

Да в большом же полку воеводы у наряду: князь Семен князь Иванов сын Коркодинов да князь Захарей Сугорской. А у города у гуляя [5)] были они же.

В правой руке в Торусе: боярин и воеводы князь Микита Романович Адуевской да Федор Васильевич Шереметев. И князь Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князя Михаила Воротынсково.

В передовом полку в Колуге: воеводы князь Ондрей Петрович Хованской да окольничей князь Дмитрей Иванович Хворостинин.

В сторожевом полку на Кошире: воеводы князь Иван Петрович Шуйской да окольничей Василей Иванович Умново-Колычов. И князь Иван Шуйской бил челом государю о местех на князь Микиту Адуевсково. И государь велел челобитье ево записать. И челобитье ево записано.

А в левой руке на Лопасне: воеводы князь Ондрей Васильевичь Репнин да князь Петр Ивановичь Хворостинин. И князь Ондрей бил челом государю о местех на князя Ондрея Хованскова.

И тово же лета смотр был у государя ево государевым людям на Коломне апреля в [3] день бояром и дворяном и детем боярским дворовым и городовым конской и

---

[1] «Окольничей... Татев» вписано другим почерком над строкой вместо зачеркнутого в тексте: «князь Юрьи княж Костянтинов сын Курлятев да Василей Коробьин».

[2] «Василей Коробьин» вписано над строкой вместо зачеркнутого в тексте: «Михайло Назарьев».

[3] Число не проставлено.

их даточным людям хто что дал государю в полк людей. И после смотру, собрався с людьми, бояром и воеводам велел государь итти и стоять на берегу по местом: в большом полку в Серпухове, а правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, а левой руке на Лопасне.

А как по вестям были воеводы в сходе на берегу из украинных городов:

В большом полку в сходе з бояры и воеводы со князем Михаилом Ивановичем Воротынским да с Ываном Васильевичем Меньшим Шереметевым: з Дедилова воевода князь Ондрей Дмитреевич Палецкой, из Донъкова князь Юрьи Курлятев; да в большом же полку был Юрьи Франзбек[1] с немъцы.

В правой руке з боярином и воеводою со князь Микитою Романовичем Адуевским да с воеводою с Федором Васильевичем Шереметевым с Орла воевода Василей Колычов.

В передовом полку с воеводою со князь Ондреем Петровичем Хованским да[2] с окольничим со князь Дмитреем Ивановичем Хворостининым из Новосили воевода князь Михайло князь Юрьев сын Лыков.

А к наряду велено голов прибавить князю Михаилу Воротынскому.

Тово же году государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии из Новагорода от себя посылал на берег перед царевым приходом к бояром и воеводам и ко всей рати московской и новгороцкой с своим государевым жалованным словом и з денежным жалованьем князь Осипа Михайловича Щербатово Оболенсково да Ивана Черемисинова, да думново дьяка Ондрея Щелкалова. И князь Осип Щербатой государевым словом бояром и воеводам и всей рати говорил, чтоб государю служили, «а государъская милость к вам будет и жалованье». И поехали в Новгород к государю.

Тово же году июля в 23 день прииде крымской царь Девлет-Гирей на государевы украины, а с ним дети ево[3], а с ними крымские и нагайские многие люди. И с украины крымской царь пришол к Оке реке к берегу июля в 27 день.

А государевы бояре и воеводы за ним, царем, к Москве же пошли. А на Москве в ту пору оставлены были: князь Юрьи Ивановичь Токъмаков да князь Тимофей Долгорукой.

И первое дело было с[4] крымским царем в суботу сторожевому полку князь Ивану Петровичю Шуйскому на Сенкине броду. А на завтрее в неделю царь крымской Оку реку перелез. И было дело с ним правой руке князь Миките Романовичю Адуевскому да Федору Васильевичю Шереметеву на Оке реке верх Нары. А большое дело было бояром и воеводам с крымским царем в среду у Воскресенья на Молодех. И божиею милостию крымского царя Девлет-Гирея и ширинских князей побили и Дивея мурзу взяли. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи послали к государю с сеунчом[6)] князь Данила Ондреевича Нохтева Суздальсково.

А как крымской царь приходил, и на Сенкине перевозе стояли по сю сторону Оки двести человек детей боярских. И Теребердей мурза с нагайскими тотары пришол на Сенкин перевоз в ночи и тех детей боярских розогнали и розгромили и плетени ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки реки. А бояре и воеводы в ту пору стояли от Серпухова три версты. Июля в 28 день в понедельник тот Теребердей мурза пришол под Москву и круг Москвы отнял все дороги, а не воевал ничево.

А крымской царь в неделю в 27 день из-за Оки реки к наряду пришол и стрелял по полком государевых бояр и воевод. А государевы бояре и воеводы князь Михайло Ивановичь Воротынской с товарищи по татарским полком ис пушок из гуляя города стрелять не велели. И тое ночи крымской царь на том же Сенкине перевозе перелез Оку со всеми своими полки и на том месте оставил тотар тысечи з две, а велел им противитца покаместа он Оку реку перелезет. А бояром и воеводам пришла весть в понедельник рано, что крымской царь перелез через Оку на сю сторону на московскую со всеми людьми. И тово же дни бояре и воеводы со всеми людьми пошли за

[1] В Э. «Франзбеков».
[2] В тексте ошибочно: «до»; исправление по Э.
[3] В Э «ево царевичи».
[4] В тексте «с» вставлено по Э.

царем. И передовова полку воеводы князь Ондрей Хованской да князь Дмитрей Хворостинин пришли на крымской сторожевой полк. А в сторожевом полъку были два царевича. И учали дело делать у Воскресенья на Молодех и домчали крымских людей до царева полку. И царевичи прибежали и учали царю говорить, что к Москве итти не по што: московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же.

И царь крымской послал нагайских и крымских тотар двенатцать тысечь. И царевичи с тотары передовой государев полк мъчали до большово полку до гуляя города, а как пробежали гуляй город вправо, и в те поры боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полком изо всего наряду. И на том бою многих тотар побили. И крымской царь оттого убоялся, к Москве не пошол, что государевы бояря и воеводы идут за ним; да, перешот Пахру, крымской царь семь верст стал в болоте со всеми людьми. А государевы бояря и воеводы пошли за царем и на другой день во вторник с крымскими людьми травилися, а съемново бою не было. И крымской царь воротился из-за Пахры назад против государевых бояр и воевод. И июля в 30 день крымской царь съшолся з государевыми бояры и воеводы в среду на Молодех у Воскресенья, от Москвы за полпятадесять верст. И учали передовые люди травитися. А слуга и боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи в ту пору гуляй город поставили. И большой полк стоял в гуляе городе, а иные полки стояли за гуляем городом, недалече от города. И почали с крымским царем битися. И в среду было дело великое. И божиею милостию и государевым счастьем крымского царя побили и нагайсково большово мурзу [1] Теребердея убили; да на том же бою взял суздалец сын боярской Темир Алалыкин крымсково большово мурзу Дивея; и многих мурз поимали да ширинских князей трех братов убили да царевича астрахансково взяли жива.

А в четверг да в пятницу с крымскими людьми травилися, а съемново бою не было. А в суботу царь крымской послал царевичей и нагайских тотар и многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками; и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошол с своим большим полком крымских людей долом, а пушкарем приказал всем из большово наряду, ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду и князь Михаило Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князь Дмитрей Хворостинин с немцы вышол. И на том деле убили царево сына да внука царева колгина сына [7)] и многих мурз и тотар живых поимали.

И тово же дни августа в 2 день [2] в вечеру оставил крымской царь для отводу в болоте крымских тотар три тысечи резвых людей, а велел им травитца; а сам царь тое ночи побежал и Оку реку перелез тое же ночи. И воеводы на утрее узнали, что царь крымской побежал и на тех остальных тотар [3] пришли всеми [4] людьми и тех тотар пробили до Оки реки. Да на Оке же реке крымской царь оставил для обереганья тотар две тысячи человек. И тех тотар побили человек с тысечю, а иные многие тотаровя перетонули, а иныя ушли за Оку.

И бояря и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской с товарыщи [5] пошли назад по старым местом: в Серпухов, в Торусу, в Колугу, на Коломну, где стояли до государева приходу. А были они в приход крымсково царя на Молодех по полком.

В большом полку: слуга и бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Иван Меньшой Васильевичь Шереметев.

В передовом полку: князь Ондрей Петрович Хованской да окольничей князь Дмитрей Иванович Хворостинин.

---

[1] В тексте «мурза», исправлено по Э.
[2] В Э «день в суботу».
[3] В Э «людей на татар».
[4] В Э «со всеми».
[5] «С товарыщи» вписано другими чернилами и почерком над строкой.

В правой руке: боярин и воеводы князь Микита Романовичь Адуевской да Федор Васильевичь Шереметев.

А в левой руке: воеводы князь Ондрей[1] Васильевичь Репнин да князь Петр Иванович Хворостинин.

В сторожевом полку: воеводы князь Иван Петрович Шуйской да окольничей Василей Иванович Умново-Колычов.

И как крымской царь перелез Оку реку и пошол в Крым скоро наспех, а государевы бояре и воеводы стояли на берегу по своим местам.

А к государю царю и великому князю боярин князь Михайло Ивановичь Воротынской с товарыщи послали в Новгород с сеунчом князя Данила Ондреевича Нохтева Суздальсково да Микифора Давыдова, что крымсково царя побили. А государь прислал к бояром и воеводам з золотыми Офонасья Олександрова сына Нагово.

А царь и великий князь и царевичи были в Новегороде; а хотел государь итти из Новагорода на непослушника своево на свейсково короля Ягана за его, королево Яганово, неисправление.

А головы были писменые на Молодех: в большом полку князь Данило Ондреевичь Нохтев Суздальской, да князь Семен Куракин, князь Иван Охлебинин, князь Борис Серебряной, Иван Михайловичь Морозов, князь Давыд Гундоров, Иван Михаилов сын Головин, Михаило Меньшой Головин, Мамыш Ододуров, Беленица Головин.

А после царева[2] приходу были воеводы по полъком:

В большом полку был князь Ондреи Хованской, Иван Морозов да из Донкова князь Юрьи Курлятев.

В передовом полку князь Ондрей Палецкой.

В сторожевом полку князь Михайло Лыков да Василей Колычов.

А быти воеводам по росписи без мест.

ГИМ, отдел рукописей, собр. Щукина, д. № 496, лл. 489 об.— 494 об.— Список 2-й пол. XVII в.

№ 5

Грамота Девлет-Гирея Ивану IV о причинах похода на Русское государство летом 1572 г. и об условиях установления мирных отношений

23 августа 1572 г.

А се перевод з Девлет Киреевы царевы грамоты[3].

Девлет Киреево царево слово московскому князю, брату моему Ивану князю Васильевичю после поклону слово с любовью то, что преже сего о Казани и о Асторохани холопа своего Янмагметь Хози гея [8]) к тебе посылал есми. И ты, о Казани и о Асторохани молвя: «дадим», грамоту свою прислал, а уланом моим и времянником посланые свои грамоты прислал еси: как великое царево величство, поговоря, отставите, сколько казны похочет, и яз бы то дал; молвя, писал еси к ним. А ты что так лжешь и оманываешь? Потому, оже даст бог, сею дорогою пришед самому было мне о том говорити отселева, послав человека переговорити не мочно, потому что далеко. А з ближнего места опять мочно, человека послав, переговорити, что есми со всеми своими людми пошел. И, наш приход проведав, на Оке на берегу хворостом зделали двор да около того ров копали, и на перевозе наряды и пушки еси оставив, да и рать свою оставил, а сам еси в Новгород пошел. И мы божиею милостию и помочью, дал бог здорово, Оку перелезчи со всеми своими ратьми, что делан двор и копаные рвы твои видели и с ратью твоею наши сторожи передние, повидевся не ото многа побилися да и мусульманская рать от нас прошалася и похотели дело делати. И яз молвил, что он, холоп [9]), по государскому своему веленью пришел, мне с ними что за дело. А нашего величества хотенье до князя их; молвя, их не ослободил,

[1] В тексте «он», слог «дрей» приписан над строкой киноварью.
[2] В тексте ошибочно «царевичева», исправлено по Э.
[3] В тексте описка: «грамотами».

пошли тебя искати, хотели есмя стати, где б сел и животины много, хотели есмя к тебе послати, где ни буди, посла да с тобою переговорити. И сею дорогою хотели от тебя ответ прямой взяти; молвя, шли были, а что твои рати назади за мною шли,— и назади у меня дети, увидев, без нашего ведома бой был, которые богатыри серца своего не уняв, на серцо свое надеяся, немногие наши годные люди билися и двух добрых взяли де, что дети мои без нашего ведома билися; на детей своих покручинивъся, назад пришед твоих людей около есми облег. И котороя нагайская рать со мною была, учали они говорити, что пришли есмя из нагами пять месяц и нам лежать не прибыльно и лошадем истомно; молвя, все заплакали и нужю свою нам в ведоме учинив, заплакав, на ногу пали. И мы потому, пожелеючи их, и слова их не отставили, со всеми мусульманскими ратьми и с лошадьми со всеми здорово потише поворотилися. Кто есть для нас делал на берегу двор и ров, и столко маялися, и мы тот двор ни во что покинув да перелезли, что было на перевозе твоей рати, наши люди, дело и бой учинив и погнав на силу, перелезли; что осте маялися месяцы три или четыре. Приходу нашему хотенье: с тобою поговоря, попрежнему на свою роту и о добре быти или прямой ответ от тебя взяти. Хотенье мое было: с тобою на въстрече став, слова не оставив, переговорити. А рать наша прямо с твоею ратью хотели делати. И хотенье их то было, и мы не ослободили. А твоя рать, вшедчи в город, свою голову оборонили. И со страхов дети боярские и пригодные люди твои всяк о своей голове колодези де копали; толко б из города вышли,— наша бы рать, против став, билися; хотя б и в городе твоя рать стояла, обороняв свои головы; хотели наши с ними делати, и мы не отпустили, пожелели: сталося ли бы не сталося-то дело обычное, и мы рати своей не потеряли. И будет тебе та твоя рать на надобе, и нам наша рать всегда пособщик. Что твои олпауты [10] тебе посолжют и похвастуют, и тому б еси веры не нял: что есмя их худо зъделали,— и тебе ведомо будет. И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь,— другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду; от детей и до внучат межь нами в любви, быв роту и шерть учинив, нам поверишь. И мы с своими чесными князи сущего своего человека Сулешева княжого сына [11], холопа своего Мурат мирзу з здешними твоими послы, гораздо почтив, честно отпустим. И сын наш Адыл Гирей царевич там царь будет, тебе от него никоторого убытка и насильства не дойдет по нашему приказу; быв которые наши холопи по нашему приказу тебе и пособники будут, другу твоему друг буду, тебе много добра было б. А Казань и Асторохань наши юрты были, из наших рук взял еси; и ныне назад нам не хотите отдати; однолично мы о тех городех до смерти своей тягатися нам того у вас; не возмем,— и нам то грешно: в книгах у нас так написано: для веры однолично голову свою положим. И только казну и куны дашь нам,— не надобе; а будет бы мы похотели для казны в дружбе быти и сколько еси по ся места ко мне кун посылал,— и для бы кун яз был в дружбе с недругом твоим, с королем [12] был. А с тобою есми начаялся добра, а на недруга твоего на короля не смотря, а девять лет не давывал мне король казны и присылал ко мне послов, не оставя, и казну дает. И яз, оставя то, начаяся с тобою миру, прямого ответу им не дав; и только похочешь с нами в дружбе и в братстве быти, Казань и Асторохань дашь и с ротною своею грамотою и ключи асtороханъские и казанъские одному своему олпауту на руки дашь и с любовною своею грамотою и, своих детей и князей и веремянников ротные грамоты взяв, холопу моему Мурату мурзе дав, и посла твоего, почтив, отпустим. А толко не похочешь с нами в дружбе быти, Казани и Асторохани не дашь, и ты б посланного гонца моего холопа Шигая и посла нашего Янболдуя, один свой прямой ответ дав, часа того отпустил, не отставил бы еси. А толко не пришлешь, и мы счастьем своим до Крыму дойдем. И мы твоего посла, почтив как ведетца в обычае и портище дав как в нашем государстве чин ведетца, его не оставя, на борзе отпустим; так бы еси ведал. А только ответу не дашь, с недругом твоим, с королем, в дружбе быв, и зиму, и лето на тобя учну ходити, от тебя не отойду, преже сего к нам в посланой своей грамоте писал еси: Волги голова у вас, а устье вам дати нам не пригоже. Видитца и то твое слово прямо, и то и мы ведоем. И ныне

только дашь, другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду. И только сею дорогою не сстанетца, и к тебе уже болши того человека не пришлю; волю твою тебе дали; которое дело прибыльнее, то и делай, волю тебе на руки дали, ты ведаешь. Да сего моего холопа Шигая с речми есми отпустил, и ты б его, гораздо спросив, разумел; его слово — мое слово; слову бы еси его верил да великой поклон, малые поминки, ширинку есми к тебе послал, так бы еси ведал; молвя, ярлык послан. Писан месяца августа в 23 день лета 980-го.

ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 155—161 об.— Перевод 70 гг. XVI в. с татарского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеется в виду приход крымского хана; под «царем» подразумевается везде крымский хан; «царевичи» — сыновья хана.— 170.
2) Иван Васильевич — И. В. Шереметев, второй воевода большого полка (первый — кн. М. И. Воротынский); см. также роспись полков (док. № 2).— 170.
3) Польские казаки — казаки из городов по «полю», т. е. по степной окраине Русского государства.— 170.
4) Кош — обоз.— 170.
5) Гуляй-город — подвижные (летом на колесах, зимой на полозьях) полевые деревянные укрепления. См. Флетчер. О государстве русском. 1867, стр. 59—60.—178.
6) Сеунч (тат.) — радостная весть, известие о победе.— 179.
7) Калгин сын — сын калги Мухаммед-Гирея, наследника крымского хана Девлет-Гирея, т. е. внук последнего.— 180.
8) Янмагмет Хози гей — гонец от крымского хана Девлет-Гирея к Ивану IV, приехал к двору Ивана IV (в дер. Братошино под Москвой) в декабре 1571 г. См. ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 32—32 об.— 181.
9) Он, холоп...— имеется в виду кн. М. И. Воротынский.— 181.
10) Олпауты, алпауты — татарская знать.— 182.
11) Князь Сулеш — один из приближенных хана Девлет-Гирея, поручавшего ему дела, связанные с отношениями с Русским государством. Сулеш и «Сулешовы», его потомки, играли при ханском дворе роль посредников между ханом и русским царем, были «амиятами» («приятелями») Москвы, которой сообщали секретные сведения о крымских делах и за это постоянно получали подарки («поминки») от Ивана IV. См. ЦГАДА, Крымские дела, д. 14; Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 375, прим. 23.—182.
12) Недруг твой, король...— имеется в виду польско-литовский король Стефан Баторий.— 182.

Статьи

О ПРИНЦИПАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ АРХИВНЫХ ФОНДОВ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ АРХИВАМИ СССР

В. В. ЦАПЛИН

Комплектование государственных архивов документальными материалами является важной стороной деятельности архивных учреждений СССР и предусматривает, в качестве основных условий, своевременный прием в государственные архивы документальных материалов, имеющих научное и народнохозяйственное значение, а также научно-обоснованное распределение материалов между архивами. В настоящей статье затрагивается ряд вопросов, связанных со второй, наименее исследованной стороной комплектования.

Проблема распределения документальных материалов между архивами решается путем образования комплексов архивных фондов, объединенных рядом признаков, и сосредоточением материалов каждого отдельного фонда в одном определенном государственном архиве, причем эти задачи выполняются в плане максимально возможного территориального приближения архивных фондов и их комплексов к народнохозяйственным, научным и другим учреждениям, в наибольшей степени заинтересованным в их использовании. Успешное решение этих вопросов может быть осуществлено лишь в том случае, если распределение материалов между государственными архивами производится в соответствии с определенными научными принципами. В результате обобщения многолетнего опыта работы архивных учреждений по организации использования документальных материалов такие принципы были выработаны советскими архивистами [1].

Научная, народнохозяйственная и практическая ценность документальных материалов определяется в первую очередь их содержанием. Однако содержание документа невозможно рассматривать в отрыве от его автора, то есть учреждения (организации, предприятия), деятельности которого он обязан своим появлением. Чем ответственней задачи, выполняемые учреждением, чем разнообразнее его функции, чем шире территориальные границы, в пределах которых осуществляется его деятельность, тем бóльшую ценность представляют в своей массе его документальные материалы.

---

[1] Практическая работа архивных учреждений по приему и распределению документальных материалов между госархивами определяется «Положением о Государственном архивном фонде Союза ССР», утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г. (Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1958, № 14, стр. 393—394), и «Основными правилами комплектования государственных архивов документальными материалами», изданными ГАУ МВД СССР (М., 1957). Вопросы, связанные с распределением документальных материалов между государственными архивами в соответствии с делением материалов по историческим эпохам, специально в настоящей статье не рассматриваются.

Так, например, документы такого центрального общесоюзного учреждения, как Госплан СССР, имеют бо́льшее значение для изучения истории советского общества и использования в народнохозяйственных целях, чем материалы аналогичных республиканских учреждений. В деятельности Госплана СССР образуются документальные материалы, отражающие вопросы развития народного хозяйства в целом по Союзу, по каждой его отрасли, по каждой союзной республике и т. д. Материалы же центрального планирующего органа союзной республики, в соответствии с его функциями и задачами, отражают эти вопросы только в ее территориальных границах. Материалы республиканского органа не в состоянии заменить исследователю фонд Госплана СССР, тогда как по документам Госплана СССР имеется возможность изучать и развитие народного хозяйства каждой союзной республики. Точно так же для изучения истории союзной республики материалы ее центральных учреждений более ценны, чем материалы областных учреждений.

Однако далеко не все вопросы развития народного хозяйства, культуры и быта союзной республики находят свое отражение в фондах общесоюзных учреждений. Каждая республика имеет свои особенности развития, которые могут быть в достаточной степени раскрыты только по материалам ее учреждений. Поэтому основными источниками для всестороннего изучения истории союзной республики будут являться материалы именно ее центральных учреждений. По тем же причинам для изучения истории области необходимы материалы областных, городских, районных и сельских учреждений.

Наличие органической связи между содержанием документа и учреждением — его автором, а также с возможностями его использования для изучения истории области, республики или Советского Союза в целом дает право подразделить материалы Государственного архивного фонда СССР на комплексы фондов местного, республиканского и всесоюзного значения.

За основу классификации берется происхождение материалов: фонды окружных, областных и краевых учреждений, организаций и предприятий образуют комплексы местного значения, фонды центральных учреждений республик — комплексы республиканского значения, фонды союзных учреждений — комплекс фондов союзного значения [2].

Охарактеризуем вкратце фондовый состав этих комплексов.

Фондами местного значения являются фонды губернских, уездных, волостных, областных, краевых, окружных, районных, городских, сельских и других местных учреждений. Последние действовали (или действуют) на определенной территории, историю которой отражают их документальные материалы. Поэтому комплексы фондов местного значения следует ограничивать строгими территориальными рамками.

Конституция СССР предусматривает деление большинства союзных республик на края и области, в связи с чем каждый конкретный комплекс фондов местного значения необходимо рассматривать в рамках административно-территориальных границ края, области, округа. Естественно, что научная и практическая ценность таких комплексов зависит от того, насколько полно в них представлены архивные материалы учреждений, как существующих, так и прекративших свою деятельность по тем или иным причинам, в том числе и вследствие изменения административно-территориального деления. Например, к комплексу фондов Ивановской области относятся фонды учреждений, ликвидированных Владимирской и Иваново-Вознесенской губерний, поскольку данные учреждения действовали на территории, вошедшей в состав этой области. Стало быть местные комплексы не являются собраниями материалов, застывшими в своем составе. Напротив, состав их изменяется как в результате новых поступлений от учреждений, так и в связи с изменением административно-территориальных границ. Поэтому, когда из Ивановской области была выделена Владимирская область, из комплекса фондов Ивановской области были исключены материалы, образовавшиеся на территории, отошедшей к Владимирской обла-

---

[2] Основные правила комплектования государственных архивов документальными материалами. М., 1957.

сти. Такой метод образования комплексов фондов местного значения гарантирует строго территориальные рамки их состава и даст возможность хозяйственным, научным, культурно-просветительным и другим учреждениям на местах использовать документальные материалы всех учреждений, действовавших на данной территории.

В то же время практика показывает, что не всегда целесообразно образовывать местные комплексы архивных фондов, руководствуясь только признаками современного административно-территориального деления. Так, при организации новых областных государственных архивов в связи с образованием Кемеровской (1943 г.), Великолукской (1944 г.), Липецкой (1954 г.) и некоторых других областей РСФСР, в состав их территориальных комплексов были включены весьма неполно сохранившиеся фонды уездных, городских и волостных учреждений целого ряда дореволюционных губерний, части территорий которых вошли в состав этих областей. Малочисленные (по несколько десятков единиц хранения) фонды этих учреждений могут быть использованы лишь в качестве второстепенного материала для научного исследования. Основная документация по истории этих областей за дореволюционный период отложилась в фондах вышестоящих губернских учреждений и хранится в архивах, расположенных в бывших губернских городах (Томск, Псков, Тамбов и др.). Кроме того, включение этих мелких фондов в состав комплексов фондов новых областей в известной степени обесценило территориальные комплексы фондов бывших губерний. Следовательно, в тех случаях, когда сосредоточение материалов всех упраздненных учреждений в архиве новой области не приводит к образованию полноценной документальной базы для обслуживания интересов науки и народного хозяйства, целесообразно сохранять местные комплексы фондов в границах бывших административно-территориальных единиц[3], а вновь образующиеся областные государственные архивы комплектовать только новейшими материалами.

Приведенный пример показывает, что создание местных комплексов архивных фондов должно проводиться после тщательного изучения состава и содержания документальных материалов.

Комплексы фондов республиканского и всесоюзного значения составляются соответственно из материалов высших и центральных органов государственной власти, управления, суда и прокуратуры, а также других центральных учреждений СССР и союзных республик.

Однако положение того или иного учреждения-фондообразователя в системе государственного аппарата является не единственным критерием, на основании которого определяется принадлежность фондов к одной из указанных групп комплексов материалов. В состав комплексов всесоюзного и республиканского значения могут быть включены материалы любых учреждений, если по своему содержанию они представляют особый интерес для истории всего Советского Союза или какой-либо союзной республики, а также для использования их в практических целях в общесоюзном или республиканском масштабе[4]. Поэтому фонды центральных учреждений Российской империи, периода Временного правительства, РСФСР за время до образования СССР, отражающие историю всех народов нашей страны, отнесены советскими архивистами к составу фондов всесоюзного значения.

Материалы местных учреждений Русского государства, Российской империи, гетманской и слободской Украины за XVII—XVIII вв. сохранились в весьма незначительном количестве. Далеко не в полном объеме дошли до нас за этот период и материалы центральных учреждений России и гетманской Украины. Поэтому все уцелевшие от гибели документальные материалы того времени приобрели особую ценность для изучения истории русского и украинского народов. Это послужило основанием для отнесения к комплексам фондов всесоюзного значения материалов местных учреждений России за XVII—XVIII вв., действовавших до замены их гу-

[3] Возможность такого решения предусматривается «Основными правилами комплектования государственных архивов документальными материалами» (§ 39).

[4] Отнесение таких материалов к комплексам фондов всесоюзного и республиканского значения производят соответственно ГАУ МВД СССР и архивное управление (отдел) союзной республики.

бернскими, городскими и уездными учреждениями, образованными по административной реформе 1775 г.

Органы административного управления гетманской и слободской Украины до конца XVIII в., когда здесь были введены общероссийские учреждения, имели свои особенности и управляли территорией с украинским населением. Поэтому их материалы за XVII—XVIII вв. не включены в состав фондов всесоюзного значения. Украинскими архивистами они отнесены к фондам республиканского значения. До победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования БССР, на ее современной территории не было учреждений Российской империи, распространявших свою власть на все губернии, населенные белорусами. Поэтому история белорусского народа нашла отражение в фондах губернских, городских, уездных, волостных учреждений, что предопределило их исключительную ценность для исторической науки и позволяет белорусским архивистам рассматривать их в качестве фондов республиканского значения.

Части и соединения Красных Армий РСФСР, УССР и других советских социалистических республик, а также войсковые формирования Народно-революционной армии Дальневосточной Республики, как известно, имели общее командование и составляли единую социалистическую армию победившего пролетариата. С образованием в 1922 г. СССР происходит закрепление уже сложившихся организационных форм устройства Красной Армии. Между деятельностью учреждений, частей и соединений Красной Армии до и после образования СССР нельзя провести сколько-нибудь существенной разделительной грани. Поэтому документальные материалы учреждений, частей и соединений Красной Армии СССР и войсковых формирований Красных Армий советских республик составляют единый тематический комплекс фондов всесоюзного значения.

Помимо трех основных комплексов фондов (всесоюзного, республиканского и местного значения), имеются также комплексы межреспубликанского значения, к составу которых относятся материалы центральных органов федераций союзных республик (например, ЗСФСР), канцелярий генерал-губернаторов (туркестанского, прибалтийского и др.) и других учреждений, осуществлявших свою деятельность на территориях, ныне вошедших в состав разных союзных республик.

Порядок хранения комплексов документальных материалов в государственных архивах определяется их значением для научного, народнохозяйственного и практического использования в общесоюзном, республиканском или местном масштабе. В соответствии с этим установлено, что в центральных государственных архивах СССР подлежат хранению, а равным образом и приему от учреждений, комплексы фондов всесоюзного значения, в центральных государственных архивах союзных и автономных республик — комплексы фондов республиканского значения, а также комплексы фондов местного значения при отсутствии на территории республики областных (краевых, окружных) госархивов. В государственных архивах краев, областей и округов хранятся комплексы фондов местного значения, образовавшиеся в деятельности соответствующих учреждений на территории данного края (области, округа) в его современных границах.

Хранение документальных материалов, основанное на этих принципах, способствует их максимальному приближению к заинтересованным народнохозяйственным, научным и другим учреждениям и организациям и тем самым наиболее рационально обеспечивает всестороннюю научную и народнохозяйственную разработку архивов. Именно поэтому во время подготовки «Основных правил комплектования...» эта система была одобрена такими авторитетными научными организациями, как Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР, а также крупнейшими государственными архивами СССР.

Однако не все историки-архивисты вполне согласны с таким решением вопроса о распределении материалов между архивами. В частности, М. Ф. Петровская, рассматривая проблему комплектования областных государственных архивов, возражает против нарушения принципа недробимости исторически сложившихся комплек-

сов архивных фондов. Она полагает, что распределение отдельных фондов, связанных между собой общей подведомственностью, по разным архивам затруднит использование документальных материалов. Особенно резко она возражает против распределения по разным архивам дореволюционных губернских комплексов фондов, которые складывались в условиях устойчивого административно-территориального деления России. Для материалов советского времени М. Ф. Петровская допускает некоторые исключения, считая, что для них не всегда можно и нужно осуществлять принцип недробимости комплексов архивных фондов[5].

Не совсем последовательно освещаются эти вопросы и в учебном пособии по теории и практике архивного дела, изданном в 1958 г. Главным архивным управлением. Здесь тот же принцип недробимости исторически сложившихся комплексов архивных фондов выдвигается как действующий в практике архивного дела[6].

Не отвергая самого понятия «исторически сложившийся комплекс архивных фондов», т. е. общности фондов, связанных происхождением, территорией, близостью функций, подведомственностью фондообразователей и т. п., нельзя в то же время принять принципа их недробимости при комплектовании местных архивов, ибо это лишило бы областные учреждения и организации необходимой документальной базы. Исторически сложившиеся территориальные комплексы фондов могут быть сохранены только в тех случаях, о которых сказано выше.

Сложнее обстоит дело с определением места хранения комплексов фондов и отдельных фондов межреспубликанского значения. Существует, например, комплекс фондов центральных учреждений Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, материалы которого отражают историю народов Грузии, Армении и Азербайджана за 1922—1936 гг. Совместное хранение этих материалов обеспечивает целостность комплекса и его всестороннее использование. Местом хранения этого комплекса может быть, если подходить к вопросу формально, центральный архив любой из трех республик: Азербайджана, Армении или Грузии. Однако, исходя из соображений исторической преемственности между местом нахождения фондообразователей и местом хранения их материалов, для хранения межреспубликанского комплекса материалов ЗСФСР, по-видимому, должен быть избран ЦГИА Грузинской ССР (г. Тбилиси).

По тем же соображениям местом хранения фонда межреспубликанского значения Канцелярии виленского генерал-губернатора, власть которого распространялась на Виленскую, Ковенскую (ныне входят в состав Литовской ССР) и Гродненскую (ныне в составе БССР) губернии, определен ЦГИА Литовской ССР в г. Вильнюсе. Точно так же межреспубликанский фонд Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, имевшего резиденцию в Ташкенте и управлявшего огромной территорией, вошедшей в состав современных Узбекской, Туркменской, Таджикской и частично Казахской и Киргизской союзных республик, хранится в ЦГИА Узбекской ССР.

Однако недостаточно определить комплексы фондов, подлежащие хранению в союзных, республиканских, областных и краевых архивах. Каждому исследователю известно, что если документальные материалы фонда одного учреждения хранятся в нескольких государственных архивах, то этим ограничиваются возможности их использования. Выводы исследователя, изучившего только часть материалов такого фонда, находящуюся в одном из государственных архивов, могут быть односторонними и даже ошибочными. Поэтому важной теоретической предпосылкой, которой руководствуются архивные учреждения при распределении документальных материалов между государственными архивами, является принцип недробимости архивного фонда, сущность которого сводится к следующему: архивный фонд делению не подлежит и должен храниться в одном государственном архиве.

[5] М. Ф. Петровская. К вопросу комплектования местных госархивов документальными материалами советского периода. «Исторический архив», № 3, 1956, стр. 179—187.

[6] Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1958, стр. 52—53; ср. рецензию В. Н. Автократова, Т. В. Батаевой и Г. В. Богданова на это издание («Исторический архив», № 1, 1959, стр. 223).

Этот принцип нашел признание в нашей стране уже в первые годы советского архивного строительства, был зафиксирован в ряде указаний Центрархива, начиная с циркуляра «О центральной картотеке фондов» 1922 г., и в достаточной степени обоснован в статьях архивистов [7]. В 1958 г. принцип недробимости архивного фонда был включен в «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР».

Таким образом, основными теоретическими предпосылками распределения документальных материалов между государственными архивами является деление документальных материалов на комплексы фондов всесоюзного, республиканского, межреспубликанского и местного значения, а также обязательность хранения документальных материалов фонда в одном государственном архиве.

Однако в работе архивных учреждений по распределению документальных материалов в ряде случаев имеют место серьезные недостатки. Многие материалы, относящиеся к комплексам фондов всесоюзного значения, продолжают находиться в республиканских, областных и краевых государственных архивах, что сопровождается массовыми случаями раздробленного хранения материалов значительного количества фондов [8]. Наблюдается раздробленность фондов республиканского и местного значения между архивами союзной республики [9], а также раздробленность фондов и комплексов фондов межреспубликанского значения между архивами нескольких союзных республик [10].

Эти недостатки снижают качество комплектования государственных архивов документальными материалами, ограничивают возможности использования материалов и противоречат «Положению о Государственном архивном фонде Союза ССР».

Рассмотрим возможные пути устранения отмеченных недостатков.

«Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР» предоставило ГАУ МВД СССР право решать вопросы об отнесении документальных материалов к составу архивных фондов всесоюзного значения и осуществлять мероприятия по концентрации их в центральных государственных архивах СССР. Пользуясь этим правом, ГАУ МВД СССР может и должно изъять документальные материалы местных учреждений Русского централизованного государства и Российской империи за XVII—XVIII вв., частей, соединений и учреждений, Красной Армии и флота, а также во-

[7] О Центральной картотеке фондов. «Архивное дело», вып. II, 1925, стр. 97; О распределении архивных фондов между архивными учреждениями мест, подвергающихся районированию. Там же, вып. VIII—IX, 1926, стр. 78; Я. Жданович и М. Любавский. К вопросу о недробимости архивных фондов. Там же, вып. V—VI, 1926, стр. 57—62; Б. Анфилов. Архивная организация в автономных республиках РСФСР. Там же, вып. X, 1927, стр. 54—64.

Некоторые отступления от этого принципа в интересах создания документальной базы по истории народов автономных республик допускались декретом ВЦИК от 14 июля 1921 г. «О взаимоотношениях между Главархивом и архивными учреждениями автономных республик» (СУ, 1921, № 55, ст. 339), но в 1929 г. этот декрет был отменен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении... Положения об архивном управлении РСФСР...» (СУ, 1929, № 16, ст. 173).

[8] Наглядное представление об этом дает справочник «Государственные архивы СССР» (М., 1957). Так, до сих пор в ряде областных архивов продолжают храниться материалы приказных изб, воеводских и губернских канцелярий, монастырей и т. д. за XVII—XVIII вв., которые, в силу их относительной малочисленности, являются документами всесоюзного значения и подлежат концентрации в ЦГАДА СССР. Не сконцентрированы еще в специальные военные архивы (ЦГАСА СССР, ЦГАВМФ СССР, ЦГВИА СССР) многие фонды ряда воинских частей и военных учреждений Красной Армии, царской армии и царского флота и т. д. См. указанный справочник, стр. 63, 80, 83, 85, 98, 108, 110, 112, 160, 162, 171, 189, 192, 198, 208, 209, 236, 238, 248, 402 и др. Ср.: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель, ч. II. М., 1947, стр. 35—40; Государственный архив Курской области. Путеводитель. Курск. 1958, стр. 7—8.

[9] Государственные архивы СССР, стр. 57, 108 (ф. Главного управления Восточной Сибири), 265, 274 (фф. Генеральной войсковой канцелярии, I-й и II-й Малороссийской коллегии) и т. д.

[10] Там же, стр. 438, 469 (фф. Канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора, Лифляндского губернского правления и другие), 410—413, 422—424, 457—459 (фф. Канцелярии наместника на Кавказе, Тифлисского губернского правления и проч.) и т. д.

енные фонды царской армии, из всех республиканских, областных и краевых архивов и объединить их с материалами соответствующих центральных архивов СССР. Чем быстрее эта работа будет проведена, тем больший выигрыш получит историческая наука.

Раздробленность документальных материалов архивного фонда между государственными архивами внутри союзной республики можно объяснить лишь несерьезным отношением к этому недостатку со стороны архивных учреждений республики. «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР» требует, чтобы документальные материалы каждого фонда хранились только в одном государственном архиве. Это позволяет надеяться, что архивные учреждения союзных республик в ближайшее время добьются объединения документальных материалов всех ныне раздробленных фондов.

Более детального рассмотрения заслуживает вопрос о ликвидации раздробленности материалов фондов и комплексов фондов межреспубликанского значения между государственными архивами нескольких республик, так как наблюдаются две тенденции в подходе к решению этого вопроса. С одной стороны, имеется стремление архивистов некоторых республик сконцентрировать в своих хранилищах все без исключения материалы по истории своих республик, не взирая на то, что при этом разрушается целостность архивных фондов, нарушается принцип их недробимости. В других случаях архивисты союзных и автономных республик стоят на объективных позициях, стремятся сохранить исторически сложившиеся фонды и не обесценивать их путем вырывания отдельных единиц хранения, относящихся к истории их народа. Это безусловно правильный подход к вопросам комплектования.

Из практики советского архивного строительства можно привести примеры верного решения вопросов при выборе места хранения фондов межреспубликанского значения.

В Яренском уезде Вологодской губернии имелось 26 волостей, из которых 23 были населены народом коми. В настоящее время территория этих 23 волостей входит в состав Коми АССР, а г. Яренск и три другие волости отошли к Архангельской области. Последнее обстоятельство могло бы послужить поводом для концентрации комплекса яренских уездных фондов в Государственном архиве Архангельской области, но такое решение было бы формальным и неправильным. Документальные материалы в своем подавляющем большинстве отражают историю народа коми, поэтому этот комплекс фондов полностью передан на хранение в ЦГА Коми АССР. Центром Степного генерал-губернаторства был г. Омск. В настоящее время он находится на территории РСФСР, но подавляющая часть территории генерал-губернаторства вошла в состав Казахской ССР. Материалы Канцелярии генерал-губернатора отражают главным образом историю казахского народа и, в меньшей степени, историю русского населения: фонд целиком хранится в ЦГА Казахской ССР, а не в Государственном архиве Омской области.

Но бывают случаи, когда концентрация материалов по истории республик ведется неправильно, путем создания искусственных коллекций за счет разрушения исторически сложившихся комплексов фондов. В результате этого сколько-нибудь целостных коллекций документальных материалов не создается, а исторически сформировавшиеся собрания сильно обесцениваются.

Примером подобного комплектования государственных архивов может служить история распыления части материалов учреждений Кавказского наместничества.

В XIX в. центром громадной территории, охватывавшей все Закавказье, Северный Кавказ, а в 80-х годах и Закаспийскую область, был Тифлис, где и располагались общекавказские органы управления. В их фондах отложились материалы по истории Грузинской, Азербайджанской, Армянской и Туркменской ССР, Дагестанской, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР, Ставропольского и Краснодарского краев. Естественным местом хранения всех материалов этого межреспубликанского комплекса фондов должен быть ЦГИА Грузинской ССР в г. Тбилиси. Но

случилось так, что в 1915 г. архив наместника на Кавказе, в котором хранились материалы общекавказских учреждений, а также дела ряда губернских учреждений, были эвакуированы на Северный Кавказ. В 1921 г. Центрархив РСФСР передал сохранившиеся материалы Центрархиву Грузинской ССР. Реэвакуация их была закончена в 1923 г.[11]. В разборке возвращенных документальных материалов, которая производилась в Тифлисе, приняли участие представители Центрархива Азербайджанской ССР, а несколько позже и Армянской ССР. Представители Азербайджана (до 1932 г.) и Армении (до 1940 г.) производили отбор дел, образовавшихся в деятельности учреждений, существовавших на территории, вошедшей в состав этих союзных республик, а также дел из *фондов общекавказских учреждений*, которые по своему содержанию отражали историю азербайджанского и армянского народов. Отобранные материалы были переданы в государственные архивы Азербайджана и Армении[12].

Архивисты Армении и Азербайджана преследовали при отборе документов одну цель: сконцентрировать в своих хранилищах возможно больший комплекс материалов по истории своих народов. Во имя этой цели с обоюдного согласия заинтересованных сторон целый ряд общекавказских и губернских фондов был разрушен и отдельные их части увезены в разные города. Так поступили с фондами Канцелярии главноуправляющего в Грузии, Канцелярии Главного управления Закавказским краем, Канцелярии наместника кавказского, Канцелярии наместника на Кавказе, Кавказского горского управления, Тифлисской судебной палаты, Экспедиции государственных имуществ, Кавказского цензурного комитета, Канцелярии попечителя Кавказского учебного округа, Тифлисского губернского правления, Эриванского губернского правления, Канцелярии начальника Армянской области и многими другими. Естественно, что сотрудники, выполнявшие эту работу, стремились отобрать те дела, которые целиком состояли из материалов по истории Азербайджана или Армении. Но таких дел было сравнительно немного (для Азербайджана отобрано 22 000 ед. хр., для Армении — 5800 ед. хр.), поскольку в кавказских учреждениях дела заводились по вопросно-предметному, а не географическому признаку. Поэтому большинство дел содержало документы одновременно по истории Грузии, Азербайджана и Армении; их при всем желании нельзя было отделить от своих фондов и увезти в другой город.

Следовательно, попытка архивистов Азербайджана и Армении произвести «полный» отбор материалов по истории своих народов из общекавказских фондов была заранее обречена на неудачу. Она привела к раздроблению исторически сложившегося единого комплекса фондов по истории Закавказья. Собранные таким путем в Азербайджане и Армении коллекции не содержат достаточно полного материала, чтобы на его основе можно было провести серьезное исследование по какому-либо из вопросов истории этих республик.

Основную документальную базу центральных исторических архивов Азербайджана и Армении составляют фонды губернских, областных, уездных, городских и других учреждений Бакинской (Шемахинской), Елизаветпольской, Эриванской губерний, Армянской и Каспийской областей (в общей сложности соответственно 220 000 ед. хр. и 95 000 ед. хр.), имеющих бо́льшее научное значение, чем хранящиеся в них незначительные по объему коллекции, созданные из материалов раздробленных фондов. Однако и при наличии в этих центральных исторических архивах материалов указанных учреждений историю обеих союзных республик можно изучать только привлекая к исследованию фонды общекавказских учреждений (около 170 000 ед. хр.), фонды Тифлисской и Грузино-Имеретинской губерний (около 50 000 ед. хр.), хранящиеся в ЦГИА Грузинской ССР.

Итак, попытка создать из части общекавказских фондов обособленные докумен-

---

[11] Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР. М.— Л., 1926, стр. 129—131, 134, 192, 205; «Архивное дело», вып. III—IV, 1925, стр. 192—193.

[12] ЦГАОР АзССР, ф. Центрархива Азербайджанской ССР, оп. 1, д. 1, лл. 62—62 об.; д. 39, л. 8; д. 82, л. 5; д. 108, лл. 4—5 об., 7 об.— 8 об., 10—10 об., 13—16, 27.

тальные комплексы по истории Азербайджана и Армении не удалась, она привела лишь к образованию неполных коллекций, раздроблению и обесцениванию целостных архивных фондов, что только затруднило изучение истории Закавказья. Поэтому представляется целесообразным объединить разрозненные материалы в ЦГИА Грузинской ССР (и частично в ЦГИА Армянской ССР), где находится основная масса материалов соответствующих фондов. Желательно, чтобы архивисты закавказских республик пришли к положительному решению вопроса об объединении этих материалов. В этом отношении целесообразно учесть опыт латвийских и эстонских архивистов, которые приняли совместное решение об объединении раздробленных материалов Канцелярии прибалтийского (рижского) генерал-губернатора и многих учреждений Лифляндской губернии.

В период первой мировой войны лифляндские губернские учреждения с их архивами были вывезены в г. Юрьев (Тарту). Впоследствии часть архивных материалов была эвакуирована в Рязань и другие города. В глубь России были вывезены и материалы ряда учреждений Эстляндской губернии. В соответствии с мирными договорами РСФСР с буржуазной Эстонией от 2 февраля 1920 г. и с буржуазной Латвией от 11 августа 1920 г. Советское правительство передало им оказавшиеся в РСФСР архивные материалы учреждений Лифляндской и Эстляндской губерний. Но территория Лифляндской губернии оказалась разделенной между Латвией и Эстонией, вследствие чего правительство РСФСР передало одну часть материалов губернских учреждений Латвии, другую — Эстонии. Так же были разделены фонды Канцелярии. Лифляндского генерал-губернатора (1625—1710 гг.), Прибалтийского генерал-губернатора, Рижского окружного суда, Управления рижского почтово-телеграфного округа и др.

Архивисты буржуазной Латвии долгие годы вели переговоры со своими эстонскими коллегами об устранении сложившегося порядка, но положительных результатов эти переговоры не дали.

После окончания Великой Отечественной войны советские архивисты Латвии и Эстонии, руководствуясь передовой теорией архивного дела, нашли действенные пути правильного решения вопросов, связанных с объединением документальных материалов раздробленных фондов.

В 1958 г. в Тарту работала комиссия по определению места хранения документальных материалов рижского (прибалтийского) генерал-губернатора за шведский и русский периоды и учреждений Лифляндской губернии, разрозненных между государственными архивами Латвийской и Эстонской союзных республик. Комиссия состояла из представителей архивных отделов и государственных архивов Латвийской и Эстонской ССР, Главного архивного управления и институтов истории академий наук этих республик. Она руководствовалась в своей работе «Основными правилами комплектования государственных архивов документальными материалами», а также одобренными всеми ее членами следующими принципами распределения документальных материалов между государственными архивами Латвии и Эстонии.

«1. В основу деления документальных материалов между архивами Латвийской и Эстонской ССР положить научно обоснованный *принцип недробимости архивного фонда* (курсив здесь и ниже мой.— *В. Ц.).*

2. Документальные материалы подлежат концентрации и хранению в Государственном архиве Латвийской ССР или в Государственном архиве Эстонской ССР в зависимости от местонахождения фондообразователя или в зависимости от конкретного содержания сохранившихся документальных материалов фонда: если по содержанию материалы фонда *главным образом* отражают историю Латвийской ССР, то независимо от местонахождения фондообразователя — в Государственном архиве Латвийской ССР, если историю Эстонской ССР, то — в Государственном архиве Эстонской ССР».

В связи с тем, что документальные материалы, подлежащие передаче, используются исследователями, вошли в широкий научный оборот и в дальнейшем будут необходимы для науки, обе стороны договорились о целесообразности растянуть

сроки передачи с 1958 по 1967 г. с таким расчетом, чтобы в течение этого времени было произведено микрофотокопирование подлежащих передаче документов и освоено пользование их копиями сотрудниками архивов и исследователями в читальных залах. Была также достигнута договоренность о том, чтобы после завершения работы по передаче частей фондов произвести дополнительное микрофотокопирование документальных материалов и описей с таким расчетом, чтобы в государственных архивах каждой республики хранился полный комплект микрофотокопий документальных материалов этих фондов и описей.

Комиссия рассмотрела и вынесла решение о месте хранения и порядке передачи документальных материалов всех спорных фондов. Решение принималось по каждому фонду отдельно на основе полной взаимной договоренности представителей Латвийской и Эстонской союзных республик. Комиссия признала необходимым передать в течение 1958—1967 гг. из ЦГИА Эстонской ССР в ЦГА Латвийской ССР 27 фондов с общим объемом в 167 100 ед. хр. за 1712—1917 гг. и из ЦГА Латвийской ССР в ЦГИА Эстонской ССР 2 фонда с общим объемом свыше 200 ед. хр. за 1811—1917 гг.[13].

Кроме того, комиссия пришла к выводу о необходимости дальнейшего хранения в ЦГИА Эстонской ССР документальных материалов фонда директора народных училищ Лифляндской губернии (76 ед. хр. за 1889—1918 гг.), а также о целесообразности раздельного хранения карт и планов за шведский и русский периоды в государственных архивах Латвийской и Эстонской ССР в зависимости от их территориальной принадлежности.

Решения были приняты комиссией после всестороннего изучения истории раздробления фондов, содержания их документальных материалов, задач наиболее полного их использования и возможностей, которые дает архивному делу новая техника микрофотокопирования документальных материалов. Все решения приняты единогласно. Это означает, что вопрос об объединении разрозненных фондов в настоящее время вполне назрел, выдвигается самой жизнью и требует скорейшего разрешения.

Итак, советскими архивистами разработаны научные принципы отнесения материалов к составу комплексов фондов всесоюзного, межреспубликанского, республиканского и местного значения и распределения их между государственными архивами. Можно ожидать, что, руководствуясь этими принципами, архивные учреждения СССР в ближайшее время устранят имеющую место раздробленность фондов и добьются концентрации материалов всесоюзного и межреспубликанского значения в соответствующие центральные государственные архивы СССР и союзных республик. Широкие возможности, которые дает современная техника воспроизведения документов, позволяют произвести концентрацию этих материалов без ущерба для интересов местной научной общественности тех республик, краев и областей, в архивах которых они хранятся до сих пор: в этих архивах будут оставлены микрофотокопии соответствующих фондов.

В «Положении о Государственном архивном фонде Союза ССР» предусмотрено, что передача документальных материалов из государственных архивов одной союзной республики в государственные архивы другой союзной республики производится с согласия Совета Министров соответствующей союзной республики. Это обязывает архивные учреждения тщательно изучать все вопросы, связанные с передачей документальных материалов, и является залогом того, что они будут решены правильно, по-государственному.

[13] К настоящему времени не согласован лишь вопрос относительно порядка хранения материалов генерал-губернатора за шведский период.

Сообщения

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКАЯ РАБОТА ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ ПО ИСТОРИИ КОМСОМОЛА

Советские историки в большом долгу перед нашей молодежью: до сих пор нет фундаментальной истории Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи, основанной на документальных материалах партийных и государственных архивов. Написанные ранее работы по истории комсомола лишь в незначительной части восполняют этот пробел и не могут претендовать на исчерпывающее освещение истории комсомола.

Вопрос о разработке истории комсомольских организаций обсуждался неоднократно партийной и советской общественностью, поднимался на III Всесоюзном совещании работников партийных архивов в июле 1958 г. Работники партархивов в своих выступлениях показали, что архивы нашей страны располагают богатой документальной базой по истории комсомола и могут принять самое активное участие в создании истории комсомола [1].

Образованные в республиках, краях и областях по инициативе ЦК компартий, крайкомов и обкомов КПСС, авторские коллективы систематически занимаются углубленной разработкой вопросов истории местных партийных и комсомольских организаций. Накопленный опыт координированных усилий и творческого содружества партийных и государственных архивов, исторических кафедр вузов и краеведческих музеев показал наибольшую целесообразность дальнейшего кооперирования этих организаций в научно-публикаторской работе.

Еще в 1957 г. партархив Орловского обкома КПСС включился в подготовку празднования 40-летия комсомола. Партархив установил связь с 82 первыми активными комсомольцами Орловской губернии. 3—4 июня 1958 г. обком ВЛКСМ провел встречу — слет первых комсомольцев под девизами «Хранить и умножать традиции комсомола» и «Мы в жизнь идем дорогой трудовой». В дальнейшем состоялись встречи старых комсомольцев с молодежью, на которых ветераны поделились воспоминаниями о боевых делах комсомола.

Партархивом собрано много воспоминаний старых комсомольцев; часть их опубликована в газете «Орловский комсомолец».

В апреле 1958 г. бюро обкома КПСС утвердило авторский коллектив и план сборника статей, очерков и материалов по истории орловского комсомола. Сборник вышел в свет в октябре 1958 г.

По материалам партархива и личным встречам с первыми комсомольцами писателем Логутковым написана повесть «Орлята» о комсомольцах Никольской ячейки. Написана также история Дмитровской комсомольской организации.

Активную работу в связи с 40-летием ВЛКСМ развернул партийный архив Горьковского обкома КПСС, организовав сбор документов, фотографий и воспоминаний первых комсомольцев-нижегородцев. Наиболее интересные воспоминания

---

[1] См. «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 213.

вошли в сборник «Мы — молодая гвардия», изданный Горьковским обкомом ВЛКСМ в октябре 1958 г. В воспоминаниях старых комсомольцев рассказывается о первых шагах комсомольских организаций, создании губкома комсомола, культурно-просветительной работе, коммунистических субботниках, комсомольских мобилизациях. Очень интересны воспоминания по истории героической Сормовской комсомольской организации.

Партийный архив самостоятельно подготовил к печати и выпустил сборник документов и материалов «Нижегородская организация РКСМ в 1918—1920 гг.». В сборник включено 349 документов, характеризующих зарождение Нижегородской комсомольской организации, постоянное руководство ЦК РКП(б) и Нижегородской организации РКП(б) комсомолом, героическую борьбу комсомола на фронтах гражданской войны и в тылу с разрухой, голодом, болезнями и детской беспризорностью.

По материалам партархива Н. В. Трущенко написана вышедшая в октябре 1958 г. книга по истории Горьковской комсомольской организации «Этапы большого пути». Книга охватывает период 1918—1958 гг. Архив оказывает постоянную помощь старым комсомольцам в написании воспоминаний, а комсомольским работникам в исследовании истории отдельных местных комсомольских организаций.

Партархивом Воронежского обкома КПСС к 40-летию ВЛКСМ подготовлен и издан сборник документов и материалов «Вперед, заре навстречу» об участии молодежи Воронежской губернии в революционном движении 1903—1920 гг. В сборнике опубликовано 167 документов, раскрывающих историю зарождения комсомольских организаций Воронежской губернии, роль молодежи в установлении и упрочении Советской власти, ее героическое участие в гражданской войне.

Работники партархива опубликовали в областной комсомольской газете «Молодой коммунар» статью о комсомоле и подборку документов. Три статьи были переданы по местному радиовещанию; в них рассказывалось о первых молодежных революционных кружках в Воронеже, о молодежной печати в Воронежской губернии и участии комсомольцев в строительстве первой пятилетки.

Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС совместно с областным издательством выпустил в октябре 1958 г. сборник воспоминаний «О самарском комсомоле». Кроме того, вышла в свет автобиографическая повесть И. Я. Галкина «На заре нашей юности», в которой освещаются жизнь и борьба первых самарских комсомольцев. В сборнике воспоминаний очень ярко рассказано об активных комсомольцах Самарской губернии и, особенно, о девушках-комсомолках — подпольщицах и бойцах Красной Армии периода гражданской войны.

Партийный архив Псковского обкома КПСС отметил 40-летний юбилей ВЛКСМ подготовкой документального сборника «Псковская комсомольская организация в 1918—1925 гг.», который выйдет в свет в 1959 г. Документальную базу архива использовали совместно исторический кружок Псковского педагогического института им. С. М. Кирова и обком ВЛКСМ для написания очерков по истории Псковской комсомольской организации за 40 лет. Очерки вышли в свет в конце 1958 г.

В журнале «Исторический архив» (1958, № 5) помещена подборка документов на тему «К истории возникновения Псковской организации Коммунистического Союза молодежи», подготовленная партийным архивом. Партийный архив помог областному краеведческому музею в оформлении документами экспозиции, посвященной 40-летию ВЛКСМ.

Советской молодежи, комсомолу принадлежит особая честь в освоении отдаленных районов нашей страны. Героическим комсомольцам-дальневосточникам посвятил ряд работ партийный архив Хабаровского крайкома, сотрудники которого опубликовали в журнале «Дальний Восток» документы по истории города юности — Комсомольска-на-Амуре. Газета «Молодой дальневосточник» по материалам партархива напечатала статью «Хабаровский комсомол в годы Отечественной войны». Кроме того, были организованы радиопередачи о трудовых буднях дальневосточного комсомола и о комсомоле в годы предвоенных пятилеток. Партархив организовал сбор воспоминаний и фотографий от старых комсомольцев.

Еще задолго до 40-летия ВЛКСМ партийный архив Новосибирского обкома КПСС совместно с обкомом ВЛКСМ установил связи со старыми комсомольцами области, организовал сбор их воспоминаний, которые в значительной степени помогли выяснить ряд интересных фактов из истории комсомола Сибири. Многие воспоминания ценны тем, что дают историю комсомола отдельных районов и предприятий. Выпущен в свет сборник воспоминаний старых комсомольцев и комсомольцев — участников Великой Отечественной войны. В августе 1958 г. в Новосибирске была проведена встреча ветеранов комсомола с молодежью города. На встречу приехали старые комсомольцы из Москвы, Одессы, Таллина и других городов нашей страны. Такие же встречи были у ветеранов с молодыми тружениками сибирских новостроек.

Партийный архив Института истории партии при МК и МГК КПСС подготовил публикации документов по истории Московской комсомольской организации для журналов «Исторический архив» и «Пропагандист и агитатор». Публикации освещают вопросы борьбы комсомольской организации за социализм, шефства над кораблями Балтийского флота и участия в Великой Отечественной войне.

Партархив Брянского обкома КПСС совместно с Государственным архивом Брянской области подготовил сборник документов «Партизанское движение на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941—1943)». В сборник включено большое количество документов, отражающих деятельность подпольных комсомольских комитетов, героические подвиги комсомольцев Брянщины в борьбе с фашистскими оккупантами. Интересны документы сборника о партийном руководстве комсомолом. По выявленным документам передана радиоинформация о секретаре Навлинского подпольного райкома ВЛКСМ Олимпиаде Карповой. Новым документам о навлинских комсомольцах-подпольщиках посвящена статья в газете «Брянский рабочий».

Вышел из печати сборник воспоминаний вологодских старых комсомольцев «Ты помнишь, товарищ». Воспоминания собраны и подготовлены работниками партархива Вологодского обкома КПСС. К сборнику приложена хроника истории комсомольского движения за 1918—1923 гг. Для сборника «Боевой помощник партии», выпускаемого Вологодским обкомом ВЛКСМ, научный работник партархива тов. Пластинина составила хронику событий по истории Вологодской областной комсомольской организации за 1919—1954 гг.

Ст. научным сотрудником партийного архива Ростовского обкома КПСС тов. Перелыгиной в юбилейные дни опубликовано несколько статей в областной газете «Комсомолец» об участии комсомола в партизанском движении на Дону в годы Великой Отечественной войны.

Партийный архив Ульяновского обкома КПСС собрал воспоминания первых комсомольцев по истории Симбирской комсомольской организации. Некоторые из них публикуются в сборнике «Комсомольская юность». Для сборника работники партархива составили хронику истории местной организации РКСМ (по 1924 г.).

Документов по истории Симбирской организации комсомола за 1918 г. почти не сохранилось. Поэтому сборник воспоминаний первых комсомольцев имеет важное значение для написания истории Симбирской комсомольской организации. Партархив принимал участие в выставке, посвященной 40-летию комсомола, организованной Краеведческим музеем.

По документальным материалам партийного архива Саратовского обкома КПСС авторским коллективом Саратовского обкома комсомола подготовлена рукопись по истории комсомольской организации Саратовской области, объемом в 18 печатных листов.

К 40-летию Калининской комсомольской организации областное издательство совместно с обкомом ВЛКСМ и при активном участии партийного архива выпустило в свет воспоминания старых комсомольцев Ф. Гаврилова и Н. Кочубея под названием «Рожденные революцией». Подготовлен также сборник «Этих дней не смолкнет слава», содержащий воспоминания, очерки и статьи, посвященные истории возникновения и работе Калининской организации ВЛКСМ за 40 лет.

Деятельное участие в праздновании 40-летия ВЛКСМ и написании истории комсомола Прикамья принял партийный архив Пермского обкома КПСС. Задолго до юбилея партийный архив провел значительную работу по обеспечению документальными источниками исследователей истории комсомола. Только в 1958 г. по истории комсомола работали 35 человек. Совместно с обкомом ВЛКСМ готовится сборник статей, воспоминаний и очерков. По заданию обкома КПСС архив по своим материалам издал специальный «Блокнот агитатора», посвященный 40-летию комсомола. Партархив предоставил краеведческому музею для экспозиции на юбилейной выставке много копий документов и фотографий, мандатов, членских билетов комсомольцев, воззвания, постановления и др. Был составлен ряд биографических справок выдающихся первых комсомольцев, героически погибших на фронтах борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией. Справки подготовлены для присвоения имен героев школам, клубам, улицам и установки мемориальных досок. Работниками партархива опубликован ряд статей по истории комсомольских организаций.

На документальных материалах Смоленского партархива написаны и опубликованы книги И. А. Смирнова «Из истории комсомола Смоленщины»; А. Корнеева «Молодые партизаны Смоленщины», брошюра Л. Котова «Комсомол Смоленщины в годы гражданской войны». Они рассказывают о молодежном движении на Смоленщине до Октябрьской революции, о рождении смоленской комсомольской организации, об участии комсомольцев в борьбе за власть Советов в годы гражданской войны, в борьбе за индустриализацию и коллективизацию. Хорошо показана деятельность молодых партизан и подпольщиков Смоленщины, героически боровшихся против фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны.

По материалам Краснодарского партийного архива в 1958 г. краевым издательством выпущена книга «Комсомольское племя» о кубанских комсомольцах.

Большая исследовательская работа по истории комсомола проводится в партийных архивах национальных республик. Институт истории партии при ЦК КП Украины готовит сборник документов «Комсомол Украины в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)». Большинство архивных документов будет опубликовано впервые.

Ряд партийных архивов обкомов Украины также готовит сборники документов из истории местных комсомольских организаций: Черниговский партархив готовит сборник документов «Комсомол Черниговщины в годы гражданской войны»; Сумской партархив — сборник документов «Из истории комсомольских организаций Сумщины (1919—1937)»; Житомирский партархив — сборник документов «Роль комсомола Волыни в восстановлении народного хозяйства 1921—1925 гг.». Полтавский партархив опубликовал сборник документов, материалов и воспоминаний «Комсомол Полтавщины в годы гражданской войны».

Материалы партийного архива Института истории партии при ЦК КП Белоруссии были предоставлены бригаде ЦК ЛКСМ Белоруссии для составления хроники истории белорусского комсомола.

Якутский партархив совместно с Отделом пропаганды и агитации Якутского обкома КПСС подготовил и издал сборник воспоминаний старых комсомольцев «Вперед, заре навстречу». Воспоминания рассказывают о якутской молодежи, о создании якутской организации РКСМ, организации комсомола на Крайнем Севере, за Полярным кругом.

Сборник воспоминаний старых комсомольцев «О тех, кто были первыми» подготовил коллектив партийного архива Мордовского обкома КПСС. Совместно с республиканским музеем партархив организовал выставку «Комсомол Мордовии». На выставке экспонировались документальные материалы по истории мордовских комсомольцев.

Партийный архив Башкирского обкома КПСС развернул большую работу по использованию материалов и документов комсомольских организаций Башкирии для публикации очерков и статей, пополнения экспозиции в краеведческом музее и организации выставок в райкомах и первичных комсомольских организациях. На материалах партархива издан сборник очерков «Комсомол Башкирии», освещающий

вопросы борьбы молодежи за нефть, развитие сельского хозяйства и др. Один из очерков рассказывает о создании Башкирской комсомольской организации; работники партархива собрали ценную коллекцию фотографий по истории комсомольской организации Башкирии.

В настоящее время многие партийные архивы страны подготовлены к тому, чтобы с помощью и под руководством местных партийных комитетов стать центрами научно-исследовательской работы по истории партийных и комсомольских организаций.

М. В. Гребенников, В. М. Устинов

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦГИАЛ ПО ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранится значительное количество материалов по истории Финляндии в основном за период с 1809 г. до Великой Октябрьской социалистической революции, когда Финляндия являлась частью Российской империи; небольшое число дел относится к более раннему периоду.

Основными фондами, содержащими документы по этому вопросу, являются материалы Статс-секретариата по делам великого княжества Финляндского (ф. 1361) и Совета министров (ф. 1276). Статс-секретариат был образован при ликвидации Комиссии финляндских дел 17 марта 1826 г. В его задачи, равно как и комиссии, входили предварительное рассмотрение и подготовка дел, которые по «коренным законам» и постановлениям Финляндии подлежали «рассмотрению и разрешению верховной власти». Во главе канцелярии Статс-секретариата стоял министр-статс-секретарь, к которому поступали все названные дела, относящиеся к общему гражданскому управлению Финляндии, и который докладывал их царю, и «повеления» по ним сообщал генерал-губернатору. Материалы архива Статс-секретариата, хранящиеся в ЦГИАЛ, очень неполны. Основная их часть находится в Государственном архиве Финляндии. Тем не менее и в ЦГИАЛ эти материалы охватывают весь период существования учреждения, включая 1917 г.

Совет министров, образованный 19 октября 1905 г., был создан для объединения и направления деятельности правительства, в первую очередь для борьбы с революционным движением в стране. Помимо рассмотрения общих вопросов высшего государственного управления, Совет министров занимался рассмотрением обширной категории дел верховного управления, переданных из Комитета министров по его упразднении. Дела по Финляндии в этом фонде охватывают период 1905—1917 гг.

Значительное количество дел по истории Финляндии содержится в ряде фондов Государственного совета: Государственной канцелярии (ф. 1162), Кодификационного отдела (ф. 1155), департаментов Законов (ф. 1149) и Экономии (ф. 1152), совещаний и комиссий, создававшихся при Государственном совете; в фондах Министерства юстиции (ф. 1405), Канцелярии Синода (ф. 796), финляндского генерал-губернатора А. А. Закревского (ф. 660). Ряд дел содержится в фондах Государственной думы (ф. 1228), Департамента народного просвещения (ф. 773), Общей канцелярии министра финансов (ф. 560), II отделения собственной е. и. в. канцелярии (ф. 1261). Отдельные дела находятся в ряде других фондов.

Состав дел и характер документов разнородны, но основные из них во многих случаях повторяются в нескольких фондах, что вытекало из порядка рассмотрения дел. В состав фонда Совета министров входят проекты законов для Финляндии, представления Финляндского сената, петиции Сейма, «высочайшие» предложения Сейму по этим представлениям и петициям, разрабатывавшиеся Финляндским сенатом, проекты докладов царю, справки к перечисленным материалам, отзывы Сейма на законопроекты, копии документов отдельных местных финских учреждений, пере-

писка с генерал-губернатором и статс-секретарем, журналы особых совещаний и комиссий по делам Финляндии, особые журналы Совета министров, опубликованные сборники постановлений великого княжества Финляндского, манифесты и т. д. Наконец, важную группу материалов в этом фонде составляют записки, справки и проекты законов, составленные в самом Совете министров, и переписка председателя Совета министров с министерствами по вопросам управления Финляндией.

В фонде Статс-секретариата в основном хранится: выписка из шведских законов, представления Финляндского сената, приказы финляндского генерал-губернатора, переписка статс-секретаря с ним и с другими должностными и частными лицами, переписка генерал-губернатора с отдельными лицами (в копиях), манифесты и рескрипты Александра I.

Дела фондов Государственного совета по истории Финляндии содержат: доклады и представления Финляндского сената, генерал-губернатора и министерств, отзывы Сейма, стенографические отчеты, выписки из журналов Государственного совета, протоколы заседаний комиссий Государственного совета, мнения его, выписки из законов. Состав дел по фонду Государственной думы обычный: представления в нее (в данном случае Совета министров), журналы заседаний и стенографические отчеты, доклады по законопроектам, материалы комиссий думы, законодательные предположения и запросы ее членов.

В делах фонда Министерства юстиции (в основном в юрисконсультской части) содержатся: представления Финляндского сената и законопроекты министерств и особых совещаний в Совет министров, материалы, присылавшиеся с законопроектами (проекты «высочайших» предложений Сейму, доклады статс-секретаря по делам великого княжества Финляндского царю, петиции Сейма, особые журналы и справки Совета министров и др.), заключения Министерства юстиции на представленные законопроекты, переписка с министерствами об уточнении формулировок законов, заключения по вопросам толкования отдельных законов.

По другим группам фондов состав дел примерно тот же.

Важнейшей категорией источников являются материалы ЦГИАЛ о законодательных актах, определявших правовое положение Финляндии и взаимоотношения ее с Россией. Наиболее ранним из них является дело «О соединении старой и новой Финляндии под одно именование и один образ управления» 1812 г. (то есть о включении Выборгской губ. в состав Финляндии), хранящееся в фонде Особого комитета председателей Государственного совета (ф. 1164[1], оп. Гос. совета, т. XVI, д. 15). Из материалов более позднего времени следует отметить документы по кодификации всех узаконений, определявших отношения между империей и Финляндией (1842 г.), о подготовке проекта Свода основных законов великого княжества Финляндского (ф. 1155, оп. 1, д. 268; ф. 1162, оп. 5, дд. 9, 13, 14; ф. 1261, оп. 1, д. 68; ф. 1361, оп. 1, д. 103), о подготовке и проведении в жизнь закона 17 июня 1910 г. «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» (ф. 1162, оп. 5, д. 26; ф. 1276, дд. 12—14; ф. 1405, оп. 531, дд. 335, 336, 340).

По последнему вопросу в фонде «Особой комиссии для обсуждения законопроектов о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» (ф. 1218) значительный интерес представляют объяснительная записка председателя Советов министров П. А. Столыпина, излагающая правовое положение Финляндии со времени ее присоединения и содержание проектов законов и постановлений «общегосударственного значения, касавшихся Финляндии»; доклад и протоколы заседаний Особой комиссии Государственного совета под председательством П. Н. Дурново, с изложением выступлений и особых мнений членов комиссии — профессоров Д. Д. Гримма и М. М. Ковалевского, М. А. Стаховича и др., возражавших против введения этого закона (оп. Гос. совета, доп. к т. XVI, д. 1).

[1] Названия фондов в отсылочных справках сообщаются при первом упоминании (одновременно с номером фонда). В дальнейшем указывается лишь номер фонда.

Последними по времени делами о правовом положении Финляндии в составе России являются материалы по обсуждению проекта формы правления для Финляндии и закона о взаимных правовых отношениях ее с Россией в период Временного правительства (ф. 560, оп. 26, д. 1432; ф. 1361, оп. 1, дд. 65, 67, 68, 113).

Немаловажным правовым вопросом был вопрос о порядке прохождения финляндских дел и сношений общегосударственных финляндских учреждений. Подробное изложение этого вопроса дается в делах Совета министров «о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи» (1906—1910 гг.) (ф. 1276, дд. 54, 170, 171, 191, 200, 207 и др.).

Вопросы правового положения Финляндии и ее законодательства нашли также отражение в материалах Подготовительной комиссии под председательством Н. Н. Корева, созданной в январе 1912 г. при Особом совещании по делам великого княжества Финляндского, для выработки проекта программы законодательных предположений и мер, касающихся Финляндии, и в документах по обсуждению этого проекта в Совете министров. В данной группе дел, помимо журналов заседаний Подготовительной комиссии, Особого совещания и Совета министров, проекта программы законодательных предположений по Финляндии, содержатся отдельные законодательные предположения, разрабатывавшиеся Комиссией в осуществление намеченной программы (ф. 1276, дд. 379, 407, 411).

Проекты законов, которыми регулировались бы различные отрасли внутреннего управления Финляндии и отношения ее с империей, разрабатывались и в Финляндии. Так, имеются дела за 1907—1908 гг. о составленном Финляндским сенатом проекте новой формы правления Финляндии (ф. 1276, дд. 35, 128; ф. 1405, оп. 531, д. 333).

Ряд дел относится к **истории правительственных учреждений**. Среди них материалы об упразднении Комиссии финляндских дел, образовании Статс-секретариата по делам великого княжества Финляндского и преобразовании его; об изменении штатов Канцелярии финляндского генерал-губернатора, порядке назначения, увольнения и отпуска содержания генерал-губернатору, его правах и обязанностях за 1908—1913 гг. (ф. 1361, оп. 2, дд. 57, 62, 70, 101, 114, 140; ф. 1276, дд. 3, 11, 64, 72, 76, 232, 247, 251, 417; ф. 1405, оп. 531, д. 352 и др.).

Здесь же дела о Сейме, об утверждении церемониалов открытия и закрытия Сейма, созыве и роспуске его (1908—1915 гг.), (ф. 1276, дд. 79, 96, 136, 158, 236, 278, 311, 495 и др.).

О Сенате — правительстве Финляндии — содержатся некоторые сведения о деятельности его в 1809—1828 гг. Представляет интерес сборник рескриптов Сената (ф. 1361, оп. 2, дд. 47, 58, 61). К 1908—1915 гг. относятся дела о проектах преобразования Судебного департамента в особый Высший суд с несменяемыми членами, «об обновлении состава Сената» (ф. 1276, дд. 127, 288, 357, 438, 482, 578; ф. 1405, оп. 531, д. 325 и др.).

Имеются дела, касающиеся проекта Сейма 1908 г. о преобразовании общинного самоуправления и составе и деятельности гофгерихтов; о гражданской службе в Финляндии (среди которых табель о гражданских чинах и рангах для Финляндии), о различных правах по службе и личном составе правительственных учреждений (ф. 1276, дд. 138, 161, 266, 387 и др.; ф. 1361, оп. 1, дд. 46, 117, 118, оп. 2, дд. 152, 156).

Имеются дела, касающиеся гражданских прав населения,— о порядке получения прав финляндского гражданства уроженцами России, об уравнении прав русских уроженцев с правами местных граждан (1907—1910 гг.), о внесении в мантальные списки (в которых состояли лица, имевшие право участвовать в сеймовых выборах) русских подданных, не состоящих финляндскими гражданами (1910—1912 гг.) (ф. 1276, дд. 21, 150, 312; ф. 1278, оп. 2, д. 1161; ф. 1405, оп. 531, дд. 154, 356).

Ряд дел касается **судоустройства и судопроизводства** в Финляндии: о пересмотре законов (1908 г.), по отчетам прокурора Финляндского сената (с 1907 г.), по поводу введения института условного осуждения; о проекте нового Уголовного уложения Финляндии (1890—1891 гг.), изменении и дополнении неко-

торых статей его (1909—1912 гг.); о подсудности ряда дел, касающихся уроженцев России в Финляндии, и т. д. (ф. 1155, оп. 1, д. 269; ф. 1261, оп. 1, дд. 35а, 102, 106, 115, 122, оп. 2, дд. 48, 163; ф. 1276, дд. 88, 203, 246, 368, 453; ф. 1361, оп. 1, д. 51; ф. 1405, оп. 91, д. 11030; оп. 531, д. 344 и др.).

Обособленную группу дел за 1907—1916 гг. составляют материалы по вопросу «об установлении между правительственными учреждениями и должностными лицами Финляндии и других властей империи сношений на общегосударственном языке» и о введении русского языка в делопроизводство правительственных учреждений (в этой связи и о практике применения финляндскими губернаторами шведского языка в переписке с русскими властями) (ф. 1276, дд. 48, 49; ф. 1284, оп. 47, д. 191; ф. 1405, оп. 91, д. 110).

Из общих материалов по экономике имеются краткое обозрение экономического положения и статистики Финляндии (1820 г.) и интересные описания губерний за 1819, 1824, 1827 гг. (ф. 1361, оп. 1, д. 26, оп. 2, дд. 34—42, 64, 67, 88).

Большая группа материалов посвящена финансовым вопросам: о деятельности Сохранного (в Гельсингфорсе) и Сберегательного (в Або) банков за 1817—1829 гг.; о налогах, сборах, податях и недоимках, о введении в Финляндии единой с Россией монетной системы (1890 г.), об урегулировании курса рубля (1914—1916 гг.) (ф. 560, оп. 28, д. 500; ф. 583, Особенная канцелярия Министерства финансов по кредитной части, оп. 1, д. 689; ф. 1155, оп. 1, д. 272; ф. 1276, дд. 193, 202, 253, 271, 281, 284, 285, 294, 577; ф. 1361, оп. 2, дд. 68, 91, 126, 158). За 1809—1828 и 1908—1916 гг. сохранились дела об утверждении годовых росписей доходов и расходов Финляндии, а за 1908—1916 гг. – о росписи коммуникационного фонда (ф. 1276, дд. 80, 103, 141, 301, 358, 419 и др.). Имеются дела об открытии в Финляндии отделений русских банков (1911—1914 гг.), о разрешении Финляндскому банку заграничных займов (1908—1916 гг.) (ф. 1276, дд. 93, 365, 462, 522, 536 и др.).

В фондах архива имеется большое количество дел о торговле Финляндии и таможенной политике царского правительства в отношении ее. Это — постановления о торговле в Финляндии (1812—1827 гг.), дела о выработке правил для торговли с ней (1835—1844) и внесении в эти правила изменений (ф. 19, Департамент внешней торговли, оп. 3, д. 451; ф. 560, оп. 4, д. 930; оп. 6, д. 397; ф. 1149, оп. Гос. совета, т. IV, д. 60; ф. 1361, оп. 2, д. 26); дела о ходе торговли России с Финляндией: росписи разрешенных товаров, баланс торговли, таблицы вывоза товаров в Финляндию и ввоза из нее в Россию и другие подробные данные о торговле с 1836 по 1894 г., справки по этому вопросу; материалы о торговле с Финляндией в 1916—1917 гг. (ф. 20, Департамент торговли и мануфактур, оп. 6, д. 148; ф. 22, Центральные учреждения по части торговли и промышленности, оп. 4, д. 518; ф. 23, Министерство торговли и промышленности, оп. 27, д. 523; ф. 40, «Всеподданнейшие» доклады по части торговли и промышленности, оп. 1, д. 123).

К этим материалам относятся дела о таможнях, таможенных правилах, об учреждении в Финляндии торговых палат, о законопроекте, касающемся промыслов и разносной торговли и т. д. (ф. 19, оп. 3, дд. 28, 356, 692; ф. 122, Российская палата по внешней торговле, оп. 1, д. 56 и др.; ф. 457, Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, оп. 1, дд. 451, 452, 493—497, 928; ф. 1152, оп. Гос. совета, т. VII, д. 134; там же, т. XI, д. 184; ф. 1155, оп. 1, д. 271; ф. 1276, дд. 36, 325, 384, 405, 575 и др.; ф. 1361, оп. 1, дд. 25, 98, 106, 108; оп. 2, д. 63).

Сравнительно невелико количество дел о сельском хозяйстве: «всеподданнейшие» донесения Финляндского сената о посевах и урожаях, рыбной ловле (ф. 1361, оп. 2, дд. 85, 103, 115; ф. 1376, д. 351); к 1907—1914 гг. относятся материалы об агрономии, об отмене запрета на ввоз в Финляндию картофеля, о школах скотоводства и молочного хозяйства (ф. 398, Департамент земледелия, оп. 75, д. 304; ф. 1276, дд. 292, 308, 348, 433). Имеются дела о проекте нового Межевого устава; об установлении порядка заведования лесными угодьями Финляндии, о мерах сбережения лесов, о порядке сплава леса (ф. 1276, дд. 63, 65, 100, 195, 418 и др.).

Немного дел, дополнительно к обозрениям губерний, имеется о промышленности в Финляндии, среди них: за первую треть XIX в. сведения о состоянии горной промышленности и горных заводов, представление Финляндского сената и другие документы о покупке в казну Фридриксфорского заводского имения (ф. 1361, оп. 2, дд. 54, 90, 105, 147); за конец XIX — начало XX в.— о производительности горных заводов за 1894 г., о предоставлении финляндским заводам права конкуренции с русскими заводами при выполнении казенных поставок, о командировании отдельных лиц из России в Финляндию для ознакомления с осушительными работами, торфоразработками, лесной промышленностью и др. (ф. 37, Горный департамент, оп. 77, д. 1191; ф. 387, Лесной департамент, оп. 17, д. 68332; ф. 426, Отдел земельных улучшений Мин. гос. имуществ, оп. 3, д. 389; ф. 1276, д. 9).

Среди дел о финляндских железных дорогах в первую очередь следует отметить материалы Комиссии для исследования железнодорожного дела в России (1879 г.), дела о постройке железных дорог в Финляндии, о выкупе в казну отдельных дорог (ф. 1195, оп. 1, д. 279; ф. 1276, дд. 74, 242, 319, 494, 589 и др.). Отдельные дела касаются устройства и содержания грунтовых и проезжих дорог (ф. 1276, дд. 122, 420, 548).

Небольшой материал имеется по почтовому делу и связи: постановления по почтовой части в Финляндии (1816—1817 гг.), дела об улучшении и преобразовании ее (1827, 1890 гг.), об устройстве телефонных линий в Финляндии (1909—1911 гг.) и др. (ф. 1276, дд. 113, 120, 144, 217; ф. 1361, оп. 1, дд. 35, 100; оп. 2, дд. 27, 139).

Несколько дел относится к судоходству. Это, за первую четверть XIX в.,— материалы об образовании Дирекции и корпуса инженеров для очищения рек и порогов, описание работ по очистке рек в Финляндии, постановления об устройстве маяков и баков; за начало XX в.— документы о предупреждении столкновений судов при плавании по внутренним водным путям в Финляндии, об учреждении особой экспедиции для исследования фарватеров вдоль берегов ее, о производстве строительных работ в приморских коммерческих портах и др. (ф. 1276, дд. 99, 109, 526 и др.; ф. 1361, оп. 2, дд. 25, 44, 111, 141).

Положение сельского населения в Финляндии и вопросы землевладения раскрывают материалы о размежевании земель между финляндскими помещиками, жалобы разных лиц на неправильное размежевание (1895 г.) (ф. 1361, оп. 1, дд. 84—86); дела по законопроектам «о наделении землей безземельного сельского населения» (1908—1915 гг.), о найме земли, по вопросу об аренде торпов, ландбауерских усадеб и бобыльских участков и об урегулировании арендных отношений (1909—1916 гг.). Следует отметить дело о роспуске Сейма 1914 г., в связи с отклонением им проекта об урегулировании арендных отношений и отсрочкой этого вопроса до новых выборов (ф. 1276, дд. 110, 119, 234, 271; ф. 1361, оп. 1, д. 105; ф. 1405, оп. 531, д. 327).

За 1910—1915 гг. имеются дела о принятии мер к улучшению правового положения арендаторов, торпарей и бобылей казенных гейматов (земельных угодий), об изменении правового положения наследственных и промышленных гейматов (ф. 1276, дд. 260, 265, 574). Наконец, следует назвать дело по петиции Сейма об отмене исключительного положения наследственной земли (1905 г.) (ф. 1276, д. 564).

Материалы по истории народного просвещения в Финляндии представлены делами о состоянии средних учебных заведений, о проекте всеобщего обязательного обучения (1908—1910 гг.), о церковно-приходских школах и т. д. (ф. 733, оп. 168, д. 987; оп. 172, д. 707; оп. 194, д. 157; ф. 803, Училищный совет при Синоде, оп. 1, дд. 652, 1153, 1341, 1524; оп. 2, д. 711; оп. 3, дд. 1019, 1482; оп. 6, дд. 469, 1491; оп. 7, д. 2616; ф. 1276, дд. 117, 299, 347, 445, 485, 491, 529).

Несколько дел имеется об университетах Финляндии — Абоском и Гельсингфорсском, в основном за начало XX в. В них наибольший интерес представляет переписка председателя Совета министров с финляндским генерал-губернатором, статс-секретарем и управлением канцлера университета об отпуске средств, учреждении и преобразовании кафедр и лабораторий, введении новых курсов,

учреждении и замещении должностей (ф. 733, оп. 166, д. 149; ф. 1276, дд. 85, 599 и др.; ф. 1361, оп. 2, д. 110).

Немногочисленны дела, касающиеся медицинского обслуживания населения: об улучшении медицинского управления в Финляндии (конец XVIII — начало XIX вв.), о состоянии медицинской части в Гельсингфорсе и Свеаборге (1828 г.), о постройке отдельных больниц и их штатах (ф. 1276, дд. 132, 166, 233, 272).

Сведения по вопросам печати и цензуры в Финляндии содержатся в материалах Главного управления цензуры, а также Совета министров, Министерства юстиции и др.: о проектах закона о свободе печати, об официальном органе русского правительства в Финляндии — «Финляндской газете», о ввозе и вывозе книг и т. д. (ф. 772, Главное управление цензуры, оп. 2, д. 146906; оп. 4, д. 148603; оп. 5, д. 149851; ф. 796, оп. 190, д. 247; ф. 1276, дд. 34, 44, 118, 201; ф. 1361, оп. 1, дд. 88, 90, 91; ф. 1405, оп. 531, д. 130).

Материалы по истории церкви состоят из двух основных групп. Первую из них образуют дела Канцелярии Синода за первую треть XVIII в. и относятся к территории, отошедшей к России в 1721 г. В них содержатся сведения об иноверческих церквах, о строительстве кирок, назначении пасторов и т. д. (ф. 796, оп. 1, дд. 256, 271, 286; оп. 3, д. 1019; оп. 4, дд. 317, 344; оп. 5, д. 301; оп. 16, д. 106; оп. 28, д. 73; оп. 29, д. 120 и др). Вторая группа содержит дела XIX и начала XX вв. о духовном управлении Абоской и Боргоской епархий (1824 г.); об устройстве православных приходов (80-е гг.), изменении и дополнении Уложения евангелическо-лютеранской церкви в Финляндии (1908—1910 гг.) и о распространении на приходы этой церкви «Устава иностранных исповеданий» (1913 г.); о разрешении различных церковных изданий на финском языке и др. (ф. 796, оп. 154, д. 1387; оп. 163, д. 1465; оп. 189, д. 8275; оп. 190, д. 271 и др.; ф. 821, Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 129, д. 3 в; оп. 133, д. 933; ф. 1152, оп. Гос. совета, т. XII, д. 322; ф. 1276, д. 140 и др.; ф. 1361, оп. 2, д. 98).

Значительную группу составляют дела об армии и воинской повинности. За ранние годы их немного, касаются они русско-шведской войны 1808—1809 гг. и состояния русских войск в Финляндии (многие документы в копиях): журналы передвижений и действий в Финляндии корпуса генерала Каменского 2-го и некоторых других войсковых соединений; документы об осаде крепости Свеаборг (ф. 660, оп. 1, дд. 18—22); об отпуске средств на укрепление Свеаборга, Кюменегорской крепости; рескрипты Буксгевдену и Барклаю-де-Толли о расквартировании, выдаче порционов и награждениях личного состава войск в Финляндии (ф. 1150, Департ. воен. дел Гос. совета, оп. Гос. совета, т. I, дд. 12, 15, 27; ф. 1361, оп. 2, д. 46).

К более позднему времени относятся сведения об организации финляндских войск (конец 80-х гг. XIX в.), о законодательстве, о воинской повинности в Финляндии, дела по проекту восстановления финской армии (1908 г.), о распространении на Финляндию мероприятий, вызванных военным временем (1914—1915 гг.) и т. д. (ф. 1276, дд. 24, 105, 169, 532, 546 и др.; ф. 1278, оп. 7, д. 44; ф. 1292, Главное управление по делам воинской повинности, оп. 1, дд. 808—810; ф. 1361, оп. 2, д. 184 и др.).

Обособленной группой дел ЦГИАЛ по истории Финляндии являются дела, которые не могут быть отнесены к определенной тематической группе, поскольку они носят общий или сводный характер. Здесь — копии манифестов, переписка Николая I с А. А. Закревским по разным вопросам управления Финляндии; переписка А. А. Закревского с разными лицами по служебным вопросам (на русском, шведском и французском языках, 1825—1832 гг.) (ф. 660, оп. 1, дд. 35, 38, 52; ф. 1361, оп. 2, дд. 144, 145, 169, 170, 173, 177); рескрипты 1902—1904 гг. Николая II на имя финляндского генерал-губернатора; дела об утверждении обзоров распоряжений правительства по определениям Сейма 1907—1910 гг., подлежавших докладу очередному Сейму; группа материалов под названием «Дела, не встретившие возражений со стороны Совета министров» (отношения финляндского генерал-губернатора председателю Совета министров и статс-секретарю, переводы «всеподданней-

ших» представлений Сената, «высочайшие» постановления по разным вопросам и т. д.); шведские уставы и постановления, касающиеся Финляндии (с конца XVII в. по первую четверть XIX в.) (ф. 1276, дд. 116, 123, 137, 180, 189, 259, 290, 303, 304, 313, 424, 460 и др.; ф. 1361, оп. 1, дд. 87, 120; оп. 2, дд. 1—3, 5—7, 9, 10, 17—20, 28, 29, 31, 32; ф. 1538, «И. М. Оболенский», оп. 1, д. 1).

В заключение обзора необходимо остановиться на очень важной группе материалов о революционном движении в Финляндии. Оно отражено в ряде дел и, тем не менее, далеко неполно. Лучше других событий освещена героическая борьба финляндских рабочих в период первой русской революции. О ней идет речь в рапортах и донесениях генерал-губернатора И. М. Оболенского Николаю II и статс-секретарю в октябре 1905 г.; в переписке Оболенского с командиром 22-го армейского корпуса, с начальником Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа и другими должностными лицами о сосредоточении войск в Гелвсингфорсе, об объявлении на военном положении портов Выборга и Свеаборга и других мероприятиях в связи со всеобщей политической забастовкой в Финляндии. Сюда же относится проект правительственного сообщения об этой забастовке, составленный Оболенским; материалы о расследовании деятельности Красной гвардии в Финляндии (о ее формировании, участии в октябрьской стачке в Финляндии и в последующих событиях, о присоединении части Красной гвардии к Свеаборгскому восстанию, влиянии русских революционеров на Красную гвардию и связи их); документы о крупных забастовках рабочих в 1905—1906 гг.; о Свеаборгском восстании в июле 1906 г.; о военно-спортивном союзе «Война» («Сила»), в связи с провозом оружия в Финляндию и ее вооружением (ф. 1276, дд. 6, 154; ф. 1361, оп. 1, д. 52; ф. 1538, оп. 1, дд. 5—8).

Революционное движение и борьба с ним отражены в делах за 1907 г.— о напечатании в типографии финской газеты «Туö» в Выборге революционных изданий на русском языке для ввоза их в Россию; об обнаружении тайной типографии в Гельсингфорсе; о мастерской разрывных снарядов в дер. Хаапала Выборгской губ. и рассмотрении дела о членах боевой организации Петербургского комитета РСДРП, задержанных в связи с этим; о принятии мер по пресечению деятельности русских революционеров, скрывавшихся в Финляндии, и выдаче их царскому правительству; о принятии мер по предупреждению ввоза в Финляндию оружия и нелегальной литературы; в делах по законопроекту о подчинении общим законам империи политических дел, совершаемых в Финляндии (1912—1913 гг.) и т. д. (ф. 1162, оп. 5, д. 19; ф. 1276, дд. 5, 10, 55, 61, 73, 434; ф. 1278, оп. 6, д. 833; ф. 1361, оп. 1, дд. 54—56, 58, 59, 104; ф. 1405, оп. 531, дд. 155, 326, 346).

Вся эта группа дел раскрывает взаимосвязь финляндских рабочих с российским пролетариатом, их совместную борьбу против самодержавия.

* * *

Последние годы ознаменовались значительным ростом научных и культурных связей Советского Союза с зарубежными странами, в том числе с Финляндией. Одной из форм этих связей является обмен микрофотокопиями документальных материалов. С целью отбора документов для микрофотокопирования в конце 1956 г. в архивах Москвы и Ленинграда работала группа финских историков. Особенно много внимания финские ученые уделили материалам ЦГИАЛ, где сконцентрирован наиболее богатый архивный материал по истории Финляндии, обозрению которого посвящена настоящая работа [2].

В. В. Бедин, В. М. Меламедова

[2] В свою очередь осенью 1957 г. в архивах Финляндии с той же целью занимались советские архивисты. См. «Исторический архив», № 4, 1958, стр. 236—239 (Т. Г. Коленкина, И. Н. Фирсов. В архивах Финляндии).

Заметки архивиста

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ А. И. ЖЕЛЯБОВА

Точная дата рождения героя-первомартовца А. И. Желябова до сих пор не была известна; год назывался приблизительно, с характерным в подобных случаях разноречием, число же и месяц не указывались вовсе.

В первой биографии Желябова, написанной в 1882 г., по поручению Исполкома «Народной воли», Л. А. Тихомировым (впоследствии известным ренегатом), сообщалось, что Желябов родился «в 1849 или в 1850 году»[1]. Последующие биографы Желябова отбросили 1849 г. и стали называть в качестве даты его рождения то 1850[2], то 1851[3] годы. В «Био-библиографическом словаре» деятелей революционного движения в России и «Большой Советской энциклопедии», а также в новейших «Очерках истории Ленинграда» указан 1850 г.[4]. Эта дата представлялась в последнее время наиболее достоверной.

Между тем, автору настоящих строк удалось найти архивный документ, который показывает, что эта точка зрения ошибочна. В ЦГИАМ сохранились материалы предварительного следствия по делу об одесских революционных кружках за 1876 г., в одном из томов которого находится выпись из метрической книги о рождении Желябова, затребованная в июле 1876 г. по «высочайшему повелению» членом Московской судебной палаты Ф. Ф. Крахтом. Публикуемый документ позволяет, наконец, разрешить этот запутанный вопрос.

Н. А. Троицкий

Выпись из метрической книги керченского Троицкого собора о рождении А. И. Желябова

13 августа 1876 г.

1876 года, августа 13 дня, Таврической епархии портового города Керчи, Свято-Троицкого собора, священноцерковнослужители сим удостоверяем, что в метрической книге за 1851 год, при сем соборе хранящейся, состоит в записи под № 129 акт следующего содержания:

«Тысяча восемьсот пятьдесят первого года, августа семнадцатого [дня] родился, а девятнадцатого крещен Андрей, коего родители: помещицы Нелидовой крепостной Иван Николаев Желябов и законная жена его Варвара Гаврилова; оба православного исповедания.

---

[1] Андрей Иванович Желябов. Carouge, Genève, 1899, стр. 4.

[2] Д. И. Заславский. А. И. Желябов. М.— Л., [1925], стр. 7; М. Б. Розенберг. От колыбели до виселицы (А. И. Желябов). М., 1927, стр. 7; В. П. Друнин А. И. Желябов. М.— Л., 1930, стр. 4.

[3] Н. П. Ашешов. Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики. Пг., 1919, стр. 8; А. К. Воронский. Желябов. М., 1934, стр. 7.

[4] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 3, вып. 2. М., 1934, стб. 1403; БСЭ, 2 изд., т. 16, стр. 53; Очерки истории Ленинграда. Т. 2, М.— Л., 1957 стр. 353; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958, стр. 491.

Восприемники были: той же помещицы крестьянин Димитрий Николаев сын Желябов и керченская купчиха Пелагея Климова Авчинникова. Таинство крещения совершено протоиереем Иоанном Кумпаном с дьячком Яковом Даниленковым».

В том с приложением церковной печати и подписуемся.

Настоятель собора протоиерей Иоаким Щербинин
Дьякон Феодор Зиньковский

ЦГИАМ, ф. 112, Особое присутствие правительствующего Сената, 1876 г., д. 382, л. 446 — Выпись.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХОЛОПСТВА В XVI в.

Недавно в Рукописном Отделе Библиотеки АН СССР А. И. Копаневым был обнаружен отрывок неизвестной записной книги старых крепостей (1598 г.) [1]. До настоящего времени исследователи знали четыре книги этого типа [2]. Все они, равно как и новая книга, были составлены в Новгороде в соответствии с указом 1597 г.[3], предписавшим перерегистрировать старые холопьи крепости, не потерявшие значения в качестве подтверждения владельческих прав холоповладельцев на принадлежащих им кабальных людей. В Новгороде эти книги велись, очевидно, в течение двух месяцев [4]; за этот срок перерегистрация в основном была закончена.

Вновь обнаруженный отрывок записной книги состоит из 107 листов бумаги в 4°. Водяной знак на бумаге соответствует одной из филиграней из альбома Н. П. Лихачева и относится вероятнее всего ко второй половине XVI в.[5].

Весь отрывок записной книги написан тремя почерками (лл. 1—7 об.; лл. 8—23 об.; лл. 24—107). На лл. 8—107 об.— скрепа дьяка Дмитрия Алябьева. Десять актов, зарегистрированных на лл. 1—7 об., повторяются дословно под тем же числом (31 января) на лл. 98 об.— 104 об. По-видимому, первые семь листов без скрепы — отрывок несохранившегося черновика записной книги (ранее о таких черновиках не было известно). Между л. 23 об. и л. 24 отсутствует очевидно значительное количество листов. (Часть из них — 8 лл.— сохранилась в Архиве Ленинградского отделения истории в качестве «отрывка кабальной книги Дм. Алябьева» [6].)

Нам представляется целесообразным дать характеристику состава и содержания отрывка записной книги, состоящего из отрывка, хранящегося в БАН, и отрывка, хранящегося в ЛОИИ. Всего в новой записной книге старых крепостей зарегистрировано 233 акта (из них 11 не датировано).

Все эти акты относятся к периоду с 1499 по 1598 г. и распадаются на следующие виды: 163 служилых кабал (из них 1 без даты) за период с 1556—1557 по 1597 г.; 30 данных за период с 1537—1538 по 7 января 1598 г.; 16 полных (из них 5 без даты) за период с 1499 по 1544 г.; 6 рядных с 1553—1554 по 1598 г.; 4 духов-

---

[1] Рукописный Отдел Библиотеки Академии наук, «текущее поступление» № 98 (далее БАН, т. п. 98), лл. 1—107 об. См. также А. И. Копанев. Собрание текущих поступлений. «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук». Вып. II. М.— Л., 1958, стр. 198.— А. И. Копанев указал мне на этот отрывок до выхода в свет упомянутого очерка и разрешил использовать его в моей работе, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

[2] «Архив исторических сведений, относящихся до России». Кн. 2, первая половина, М., 1855, стр. 31—70; «Русская историческая библиотека», т. 17, ст. 1—214; ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная изба, кн. 7, лл. 1—72 об.; там же, кн. 8, лл. 1—125 об.

[3] «Памятники Русского права», вып. 4, М., 1956, стр. 370—374.

[4] Е. И. Каменцева. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева. «Труды Историко-архивного института», т. 2, М., 1946, стр. 94.

[5] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. III, СПб., № 1870.

[6] ЛОИИ, Собрание рукописных книг, № 1092. Для удобства изложения этот отрывок (находящийся на хранении частично в БАН и частично в ЛОИИ) мы будем называть записной книгой или новой записной книгой. В дальнейшем изложении мы не будем вести речь о черновике, т. к. его текст повторяется в беловике.

ных (из них 2 без даты) за 1576—1577 г. и за 1593 г.; 5 докладных (из них 2 без даты) за 1500 г., за 1514 г. и за 1585 г.; 3 отпускных за 1591—1592 г., за 1597 и за 1598 г.; 2 деловых (раздельных) за 1574—1575 г. (одна без даты); 1 правая за 1530 г. (по делу о беглом холопе); 1 мировая запись за 1597 г.; 1 жилая запись за 1591—1592 г.; 1 купчая за 1592—1593 г. Все 233 акта, зарегистрированные в книге, принадлежали 65 холоповладельцам, самый крупный из которых зарегистрировал 38 актов [7].

Самым многочисленным и самым ценным в записной книге является комплекс служилых кабал, насчитывающий, как уже указывалось, 163 акта (1 из них не датирован). Кабал, относящихся к периоду до начала 80-х гг., среди них сравнительно мало, но в 80—90-х гг. их количество резко возрастает, достигая 144.

В 80-х гг. на каждый год приходится в среднем по 9,6 служилых кабал. При таком сравнительном обилии ежегодных сделок обращает на себя внимание полное отсутствие зарегистрированных кабал, датированных 1587 г. Едва ли это может быть объяснено случайными факторами, ибо и в других записных книгах на данный год приходится минимальное количество кабальных сделок по сравнению с другими годами этого десятилетия [8]. Не связано ли такое резкое уменьшение кабальных сделок 1587 г. в других книгах и полное их отсутствие в рассматриваемой книге с какими-либо факторами, обусловленными реализацией не дошедшего до нас указа 1586 г. о кабальных холопах?

Количество зарегистрированных в книге служилых кабал, относящихся к 90-х гг. (до 1597 г. включительно), несколько падает, достигая 47 актов.

Записная книга дает интересные данные и о распределении кабальных сделок по месяцам. Наибольшее число кабальных сделок приходится на зимние месяцы — декабрь и январь. Весьма вероятно, что это свидетельствует о более широком использовании кабальных холопов в сельскохозяйственном производстве, для которого, как известно, характерно сезонное использование рабочей силы.

Записная книга почти не дает сведений о социальном лице закабалителей. Лишь о 16 кабаловладельцах (из 57) такие данные имеются; впрочем, и они весьма отрывочны. О девяти кабаловладельцах говорится как о сыновьях боярских Шелонской пятины; о 2 — как о князьях, помещиках Шелонской пятины; о 2 — как о новогородских помещиках Шелонской пятины. Кроме того, в книге зарегистрированы в качестве кабаловладельцев 2 попа и новгородский стрелецкий сотник.

Еще меньше записная книга содержит сведений о кабальных людях. Из них трое являлись «послужильцами» других лиц, а об одном сказано, что в прошлом он — «порховский человек Кутузова» [9].

Если записная книга содержит мало биографических данных, относящихся ко времени до поступления тех или иных лиц в кабалу, то сравнительно более подробны сведения о некоторых изменениях в их жизни после составления служилой кабалы. Такая предусмотрительность вполне объяснима. Ведь записная книга должна была явиться документом, подтверждающим владельческие права на холопов.

Особенно тщательно отмечались в книгах случаи бегства кабальных холопов, как это и предусмотрено было указом 1597 г. Едва ли не все такие факты фиксировались при регистрации служилой кабалы. Во всяком случае в рассматриваемой книге на 163 кабалы приходится 69 записей о бегстве кабальных людей. В большинстве такая запись ограничивается кратким указанием на то, что холоп «бегает». Иногда к этому прибавляется дата бегства [10].

Едва ли не единственный в записных и кабальных книгах случай выплаты кабальным человеком части долга имеем в рассматриваемой записной книге. Речь идет

[7] БАН, т. п. 98, лл. 8—21.

[8] По всем известным записным книгам или их отрывкам (включая и рассматриваемую в настоящей работе) за 1587 г. сохранилось только 14 служилых кабал, в то время как за 1580 г. сохранилось 26 кабал, за 1581 г.— 31, за 1582 г.— 24, за 1583 г.— 46, за 1584 г.— 63, за 1585 г. — 49 (и 25 кабал за 1584—1585 гг.), за 1586 г.— 41, за 1588 г.— 36, за 1589 г.— 62.

[9] БАН, т. п. 98, лл. 33 об., 52, 93—93 об.

[10] БАН, т. п. 98, лл. 13 об.—14, 15 об.—16, 58, 107 и др.; ЛОИИ. Собрание рукописных книг, № 1092, лл. 5 об., 6.

о 6-рублевой кабале Фомки Иванова сына Тупикова с семьей, взявшего в 1570—1571 гг. деньги у Ивана Крюкова. На этой кабале сделана приписка 1586—1587 гг. «По кабале его Ивана Фомкина выть Тупикова дошла три рубли. И ему Ивану до того Фомки дела нет... А платил за Фомку деньги Мосей Евреев» [11].

Следует заметить, что в записной книге имеются прямые свидетельства передачи кабаловладельцами по своей воле принадлежащих им кабальных другим лицам [12].

Странную непоследовательность с точки зрения юридических норм XVI в. проявил один холоповладелец, добровольно отказавшийся при столкновении старины и кабалы от своих прав на старинного холопа в пользу новой служилой кабалы. Имеем в виду отпускную, датированную 27 января 1598 г. и предъявленную к регистрации Полуехтом Колычевым: «Княж Степан княж Иванов сын Елецкого Вотцкие пятины отпустил своих старинных людей по полной отца своего... Фетчю Ларивонова да жену его... да детей его..., потому что... Полуехт на них служивая кабала взята з докладу и в записи те книги по Уложенью записано. И вперед князю Степану Елетцкому и его детем и его братье и племянником и их роду и племяни до них дела нет и у Полуехта в них не вступатися по сей отпускной. И отпускную яз князь Степан Елетцкой на них... Полуехту Колычеву дал за своей рукою... лета 7106 генваря в 27 день» [13].

Было бы затруднительно точно определить, какой из двух указов имел в виду составитель отпускной, когда он ссылается на «Уложение» — 1586 г. или 1597 г. Скорее всего Уложением он называет указ 1586 г., поскольку «з докладу» брались кабалы именно по этому указу. Возможно, однако, что здесь идет речь и о двух указах — 1586 г. («служивая кабала взята з докладу») и 1597 г. («в записи те книги по Уложению записано»). Во всяком случае кабала была составлена не ранее 1586 г. и в свете этого выглядит весьма любопытно мотивировка передачи холопской семьи из рук одного холоповладельца в другие руки: старинный человек передается-де только потому, что (явно позднее — после 1586 г.) на него была взята служилая кабала. Если исходить из этой мотивировки, то можно было бы сделать вывод, что при столкновении двух прав в XVI в. предпочтение отдавалось кабале. Однако такое предположение начисто отвергается предписанием ст. 78 Судебника 1550 г. «на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати» [14]. Но в таком случае следует предположить, что цитированная отпускная фиксирует не обычное юридически санкционированное разрешение конфликта между двумя холоповладельцами (в этом случае холоп остался бы у первого из них по старине и по полной), а «полюбовную» сделку между ними, содержание которой, быть может, состоит в обычной купле-продаже.

Если в только что рассмотренной отпускной мы не можем с достоверностью определить, о каком из двух указов (1586 г. или 1597 г.) говорится как об Уложении, то другой случай не оставляет сомнений на этот счет. Кабаловладелец Иван Рогозин предъявил к докладу две не совсем обычные кабалы — 1588 г. и 1591 г. Особенность этих актов состоит в том, что их «писали церковные дьяки аназерские мимо указу и у губных старост в книгах не написаны» [15]. Здесь совершенно определенно имеется в виду не дошедший до нас указ 1586 г., ибо обе служилые кабалы относятся к периоду, ограниченному моментом его принятия и 1593 г., которым датируется следующий по времени указ о кабальных холопах. Любопытно, что характер ссылки на указ 1586 г. полностью соответствует характеру немногочисленных ссылок на него, уже известных ранее [16]. Именно немногочисленность известий об ука-

---

[11] БАН, т. п. 98, лл. 79 и об.

[12] ЛОИИ. Собрание рукописных книг, № 1092, л. 7 и об.; БАН, т. п. 98, л. 92.

[13] БАН, т. п. 98, лл. 63—64.

[14] Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, стр. 169.

[15] БАН, т. п. 98, лл. 86 и об.

[16] См.: указ 1597 г. в «Памятниках Русского права», вып. 4, М., 1956, стр. 372; пометы — в кабальных книгах: «Новгородские записные кабальные книги», М.—Л., 1938, ч. 1, ст. 80, 84, 167—168, 168—169, 366—367; запись на 1586 г. в разрядной книге (т. н. Башмаковской): ЛОИИ, ф. 115, № 93, л. 694 об.

зе 1586 г. делает особенно ценным это новое упоминание о нем с конкретным изложением того, в чем именно проявилось в данном случае его невыполнение. Кстати говоря, составленные в нарушение указа кабалы были все же зарегистрированы в записной книге («те кабалы записав отданы Ивану Рогозину»[17]) и тем самым признаны законными местными властями.

Некоторые наблюдения над отрывком записной книги старых крепостей, хранящемся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук и в малой части в архиве ЛОИИ, позволяют сделать вывод о ней, как об источнике большой ценности для изучения истории непосредственных производителей в XVI в. вообще и закрепостительных мероприятий центральной власти в конце этого века в частности. Естественно, что такое изучение должно быть произведено на основе использования всех дошедших до нас записных книг старых крепостей. Их всестороннее исследование и публикация являются, на наш взгляд, задачей весьма важной и ждущей своего разрешения.

В. М. Панеях

НОВОЕ О СПИСКАХ РУССКОЙ ПРАВДЫ

После большой работы по выявлению списков «Правды русской», выполненной редакторами академического издания этого памятника и, прежде всего, В. П. Любимовым, возможность открытия новых списков резко уменьшилась. Особенно тщательно были просмотрены т. н. «кормчие книги», в составе которых чаще всего находятся списки «Правды русской». Менее изученными остались многочисленные рукописные сборники других типов. Между тем, в них наряду с другими памятниками древнерусской письменности иногда встречаются новые списки «Правды русской». Именно здесь нашел два новых списка А. А. Зимин. В 1958 г. автор настоящего сообщения обнаружил еще один список в рукописи, хранящейся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде (шифр 21. 11. 11)[1]. Это — сборник форматом в «четверку» на 134 листах, написан одним почерком типа позднего полуустава XVII в., имеющим явные черты скорописи. Текст писан иногда сжато (и тогда появляется много сокращений), иногда просторно. Заглавия и инициалы в начале статей выполнены киноварью.

Бумага с водяными знаками трех перемежающихся типов: герб Амстердама с буквами PHAYS в картуше под ним, в справочнике Э. Хивуда она известна под 1685 г., герб «Семи провинций»: лев с мечом и стрелами в круге, под которым малоразборчивые буквы (К. Я. Тромонину этот знак известен под 1681 г., Н. П. Лихачеву — под 1684—1686 г.[2] три буквы в фигурном картуше, завершающемся листьями. Следовательно, сборник должен быть датирован последней четвертью XVII в.

Рукопись принадлежала библиотеке А. И. Сулакадзева и имеет его владельческую запись и многочисленные, свойственные книгам, побывавшим в его руках, хронологические записи и пометки, в том числе данное им этой рукописи название: «Сборостар»[3].

По составу статей сборник является единым: это выписи различных глав (целиком или в сокращении) из Кормчей книги той наиболее распространенной в

---

[17] БАН, т. п. 98, лл. 86 и об.

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить заведующую рукописным отделом БАН В. Ф. Покровскую, любезно просмотревшую это сообщение и давшую ряд ценных советов.

[2] E. Heawood. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th Centures. Hilversum, 1950, № 380; К. Я. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1840, № 930; Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891, № 502.

[3] Эта рукопись под № 24 (46) описана А. И. Сулакадзевым в Каталоге книг его библиотеки (ГБЛ, Унд. 871), опубликованном в приложении к статье М. Н. Сперанского «Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев)». «Проблемы источниковедения», т. V. М., 1956, стр. 95.

XVI и XVII вв. редакции, которую М. Н. Тихомиров называет Кормчей в соединении с Мерилом праведным (Кормчая разделена на 110 глав). Исключение составляет лишь несколько дезориентирующее читателя «Слово... о превышнем пребезначалнем божественнем живоначалнем существе..., о троичестве и о единстве».

Интересен отбор статей, включенных составителем в сборник. Если при изготовлении списка Кормчей книги писец или редактор были связаны необходимостью переписывать наряду с важными для них или для людей их времени статьями также и весь груз византийского наследства, то составитель краткого сборника включил в него очевидно только то, что имело первостепенную значимость. В сборник помещены правила, обращенные к священникам, главы о латинянах и ересях и правилах приема из ересей (кроме главы «о ереси арменской»). Уставы князей Владимира и Ярослава вошли в сборник вместе со всем комплексом находившихся между ними статей, но переставлены составителем с их случайного места в Кормчей (гл. 91) на более подходящее место вслед за семью русскими правилами (гл. 49—54, 59). Из Кормчей в сборник попали и «Правда русская» (гл. 110) и сопровождающие ее слова о «праведных судьях», «Ряд и суд церковный», слова о праведных судьях из 103 главы и предшествующие обычно Русской правде в Кормчей указанной редакции статьи: «О послухах», «О клеветницех», «Володимера князя о послушестве», правило IV Халкидонского собора и статья «О муже кроваве». В сборнике отсутствуют все вступительные статьи Кормчей, основная ее часть — правила апостольские и соборные и большая часть отеческих правил, главы о монашеской жизни, толкования молитв, правила о браках, списки книг истинных и ложных.

Особое внимание составителя сборника к правилам, касающимся жизни священника, и отсутствие внимания к правилам монашеским может указывать на то, что и сам он принадлежал скорее к белому духовенству, чем к монашеству.

«Правда русская» находится на листах 55 об.— 61, статья «Володимера князя о послушестве» — на л. 67 об., статья «О муже кроваве» — на л. 68. Текст «Правды русской» относится к Чудовскому виду (Розенкампфовскому в академическом издании) Синодально-Троицкой группы, являясь, таким образом, восемнадцатым списком этого вида. Изучение разночтений данного Академического III (А III) списка в сравнении с текстами и вариантами по академическому изданию (Правда русская. Т. I, Тексты. М.— Л., 1940) позволяет определить его место среди списков этого вида.

Несколько чтений свойственны большинству списков и отличаются от чтений только Розенкампфовского (РМ) и ряда других списков. Таковы «платити» вместо «платить» (статья 40, сноска 19) и «за обид ꙋ платити» вместо «платити» (ст. 61, сн. 2), как в РМ; «или» вместо «ли» (ст. 42, сн. 25), как в РМ, Погодинском I (II), Соловецком II (СМ II), Троицком III (Т III). Музейском I (ИМ). Забелинском (З) «Аже» вместо «Аще» (ст. 46, сн. 4), как в РМ, II, Ионовском (И); «копоу» вместо «коуноу» (ст. 55, сн. 22), как в РМ, II, З и вместо «копнꙋ»,как в Возмицком (ВМ).

Другие чтения наблюдаются в группе списков, непременной составной частью которой являются три списка: Киево-Софийский II (КС II), Троицкий II (Т II) и Царского II (Ц II). Таковы чтения: «два» (ст. 9, сн. «б») и «ротꙋ» (ст. 9, сн. «в»), общие группе РМ, Чудовский II (Ч II), Публичной библиотеки (ПБ), КС II, Т II и Ц II, вместо «двѣ» и «ротъ» в остальных; «гривна» (ст. 10, сн. 24), как и в СМ II, Академическом II (А II), И, КС II, Т II, Ц II вместо «гривенъ» в остальных; «поварѣхъ» (ст. 11, сн. 28), как и в СМ II, КС II, Т II и Ц II вместо «повар», в остальных; заголовок «О женѣ» в начале ст. 88 (сн. 28), как и в СМ II, КС II, Т II, Ц II, КР и И, причем в КС II и Т II заголовок приписан на полях, в КР — над строкой, а в остальных заголовок отсутствует; «о ouроцѣх» (ст. 96, сн. 16) как и в КС II, Т II, Ц II, ВМ вместо «о оуроцѣмъ» или «о оуроцѣ» в остальных; «боудꙋть» (ст. 99, сн. 4), как и в КС II, Т II, Ц II и КР, вместо «боудеть» в остальных.

На принадлежность списка А III к группе, в которую входят КС II, Т II и Ц II, особенно явно указывают следующие чтения, свойственные только этим трем (с А III — четырем) спискам Чудовского вида: добавление слов «заплатѧт тоу вирꙋ»

(в Т II эти слова приписаны в XVI в.; ст. 4, сн. 25), «тои» вместо «то» и «симъ» вместо «имъ» (ст. 5, сн. 27 и 29); отсутствие пропуска слов: «въ 40 гривен емоу заплатити из дрȣжины» (в Т II эти слова приписаны в XVI в.; ст. 5, сн. 3); «коуна» вместо «коун» (ст. 20, сн. 9); «свободнаго» вместо «свободна» (ст. 65, сн. 19); «поати» вместо «имати» (ст. 118, сн. 36); «боудет» вместо «пріидеть» (статья «О муже кроваве», сн. 16).

Внутри этой группы А III особенно близко со списком КС III, повторяя почти все его разночтения. Общими только для списков А III и КС III чтениями являются: отсутствие «ли» в ст. 5, сн. 26; «выведуть» (ст. 47, сн. 12; такое же чтение в И); «рѣзъ» вместо «рѣза» (ст. 55, сн. 8). Эта близость подчеркивается хронологической близостью обоих списков, принадлежащих XVII в.

Индивидуальными особенностями А III являются: в ст. 85 слова: «но аз имаю та» написаны той же рукой на поле; в ст. 92 «Аще» на поле исправлено на «Аже»; в ст. 121 «клали или хоронили» вместо «крали или хоронили». Общими чтениями с другими списками являются: отсутствие «и» (ст. 38, сн. 16), как в З; слова «за коровье млеко 6 ногатъ», во всех списках являющихся составной частью 45 статьи, в О написаны другой рукой на полях, а в А III написаны той же рукой на поле.

* * *

При подготовке академического издания «Правды русской» было установлено тождество ряда списков, считавшихся прежде неразысканными, с известными и использованными в изданиях рукописями [4]. К числу «найденных» списков следует прибавить еще один, принадлежавший Ипатьевскому Костромскому монастырю и описанный П. М. Строевым: «В библиотеке Ипатиевского монастыря в Костроме под № 1106 (в 4°, нач. XVI в., 272 листа), „Книга богоносных отец". В ней помещены уставы о десятинах Владимира и Ярослава, Правда Русская и Судебник царя Константина. Принадлежит, кажется, к сокращенной Кормчей или более к сборникам против латынов, каких много и в других библиотеках» [5].

Это краткое, но точное описание позволяет отождествить указанную рукопись со сборником Государственного исторического музея, содержащим основной список Музейского вида (извода) и поступившим в музей от Т. Ф. Большакова (ГИМ, Муз. 1009). Сборник писан в четверку, на 271 листе (несколько листов не нумерованы). Проведенный Н. П. Лихачевым подробный анализ филиграней сборника позволяет считать его состоящим из четырех отдельных рукописей XV в., причем большая его часть относится к третьей четверти XV в. [6] По почерку он может быть отнесен и к началу XVI в. Основным в отождествлении этого сборника с рукописью, описанной П. М. Строевым, является его содержание. Он начинается чрезвычайно редким памятником: «Книга богоносивых отець, имееть начинанье о бозе...», состоящим из отдельных сочинений и отрывков из сочинений отцов церкви, полемически подобранных в защиту каждого из трех членов троицы, после чего следуют статьи об опресноках, о Петре Гугнивом, прение Панагиота с Азимитом, подложная грамота Константина Великого папе Сильвестру, юридический сборник, содержащий уставы кн. Владимира и Ярослава. Тремя остальными частями рукописи являются «Правда русская» с «Законом судным людем»; Повесть о нашествии Батыя и Житие Дмитрия Ивановича Донского, сходные с помещенными в Софийской I летописи [7] и добавочные летописные статьи [8].

Я. Н. Щапов

---

[4] Правда русская. Т. I. М.—Л., 1940, стр. 16—17.

[5] П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 360. Этот список значится под № 9 в академическом издании «Правды русской» среди неразысканных списков.

[6] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водных знаков. Ч. I, СПб., 1899, стр. 248—250.

[7] ПСРЛ, т. V, изд. 2, стр. 104—111, 211—220.

[8] Описание рукописи см.: Правда русская, т. I, стр. 365—366.

ГУБНОЙ НАКАЗ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ 1559 г.

Публикуемый ниже Новгородский губной наказ 6 мая 1559 г. представляет значительный научный интерес. Он является первой и единственной пока известной нам новгородской губной грамотой, да притом грамотой, адресованной сразу всей Новгородской земле. В этом отношении наказ восполняет существенный пробел в имеющемся в нашем распоряжении весьма ограниченном материале по истории губного управления XVI в.[1]

Вопрос о проведении губной реформы в Новгородской земле из-за недостаточности источников изучен еще очень слабо[2]. По существу мы располагаем лишь косвенными данными (сами первые уставные новгородские губные грамоты до нас не дошли) о введении в конце 30-х годов губного самоуправления в Новгородской земле. Так, в Белозерской и Каргопольской губных грамотах 1539 г., помимо общих указаний о «учинении» губных старост «в иных» (по отношению Белозерского и Каргопольского уездов) «городех и в волостях», специально разъясняется, что, если «с розбоев... розбойники куды нибуди поедут, и в Новгородскую землю, а вам (губным старостам.— *Н. Н.)* про тот розбой весть учинится, и вы б меж собе свестяся все заодинь за теми розбойники ездили, да где нибуди тех розбойников доедете, и вы б тех розбойников имали беспенно»[3].

Таким образом, мы видим, что указания губных грамот 1539 г. о повсеместном проведении губной реформы в полной мере распространимы и на Новгородскую землю, где, так же как «в иных» городах и волостях, должно было состояться (или уже состоялось) изъятие разбойных дел из ведения наместников и волостелей и передача их в руки губных старост («выборных голов»). Закончено же было введение

---

[1] Правда, надо отметить, что в последнее время, благодаря архивным находкам А. А. Зимина, круг источников о губном управлении XVI в. пополнился рядом новых материалов. Мы имеем в виду опубликование А. А. Зиминым Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг., а также четырех новых губных наказов 1555 г.— Медынскому, Владимирскому, Переяславль-Рязанскому уездам и Старой Рязани («Памятники Русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 179—185, 356—370; А. А. Зимин. Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания. «Записки» Отдела рукописей ГБЛ., вып. 18, М., 1956, стр. 210—229). Нами опубликован образец крестоцеловальной записи губных старост 50-х гг. XVI в. (Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.— Л., 1957, стр. 343—346). Таким образом, в настоящее время в нашем распоряжении, включая публикуемый ниже Новгородский губной наказ 1559 г., имеется 17 губных грамот XVI в., вместо 12 известных до недавнего времени (сводные тексты и археографическое описание известных ранее губных грамот см.: С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; его же. Новые губные и земские грамоты. ЖМНП, 1909, № 10). Поиски новых губных грамот безусловно следовало бы продолжить. Во всяком случае, совсем недавно, благодаря любезности В. И. Садиковой, нам стало известно, что среди неразобранных бумаг П. А. Садикова сохранился отрывок из подготовленной им еще до 1917 г. (но так и не увидевшей свет) публикации двух неизвестных губных грамот: губного наказа Судской волости Белозерского уезда от 9 октября 1549 г. и губного наказа селам Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде от сентября 1550 г. К сожалению, в бумагах П. А. Садикова сохранилась в переписанном виде лишь начальная часть указанных губных грамот и нет никаких указаний на место их хранения. Проведенные нами розыски этих грамот в ряде архивов пока не дали результатов.

[2] В литературе по местному управлению XVI в. только С. А. Шумаков, характеризуя правовую природу губных грамот, высказался по этому вопросу в более или менее развернутой форме. Он считал, что губной реформы как таковой, то есть как правительственного акта, проведенного в общегосударственном масштабе, вообще не было, а губные учреждения зародились первоначально (в силу потребностей в них широких слоев самого местного населения) на новгородско-псковских землях и оттуда постепенно распространялись по остальной территории Русского государства (С. А. Шумаков. Новые губные и земские грамоты, стр. 343—344). Подробный разбор этой точки зрения (по нашему мнению ошибочной) мы даем в нашем специальном исследовании, посвященном губной реформе (Е. Е. Носов. Очерки по истории местного управления, стр. 201—204 и др.).

[3] Цитируем Белозерскую губную грамоту 23 октября 1539 г. ААЭ, т. 1, № 187 (разрядка наша.— *Н. Н.*), ДАИ, т. I, № 31.

губного самоуправления на новгородских землях, по-видимому, как и в центральных районах, к концу 1541 г., поскольку от февраля 1542 г. мы уже располагаем данными о проведении губной реформы (наличии губных грамот) даже о таких отдаленных (в прошлом новгородских) северных волостях, как Кереть и Ковда, расположенных на Кольском полуострове[4]. Во всяком случае, к 1543 г. губное самоуправление уже настолько укрепилось на новгородских землях, что имеет место даже тенденция (причем, исходящая снизу) к расширению губными старостами своей компетенции как органов местного управления. Об этом ясно говорит великокняжеская грамота 18 октября 1543 г. губным старостам Выгозера, Сумы и Нюхчи по поводу нарушения последними прав выгозерских волостелей. Грамота предписывала губным старостам «не вступаться» у местных волостелей «в душегубныя дела и в поличныя, и в бои, и в грабежи, и во всякия судныя дела», а «ведать» и «обыскивать» «только прямых розбойников чеклых (т. е. «ведомых».— *Н. Н.)* по нашей губной грамоте, какова у вас наша грамота губная»[5].

Но если о конце 30-х — начале 40-х годов можно говорить как о времени введения в новгородских землях губного самоуправления, то о его дальнейшей судьбе в середине XVI в. мы до сего времени почти ничего не знаем. И это, несмотря на то, что в нашем распоряжении имеется такой богатый актовый материал, как новгородские грамоты Ивана IV 1555—1556 гг., дающие, казалось бы, возможность довольно полно восстановить основные черты организации управления в Новгородской земле в этот переломный (мы имеем в виду так называемую земскую реформу 1555—1556 гг.) для истории местного управления период[6].

Это «молчание» новгородских материалов о «губных делах» наводит на мысль, что та общая реорганизация губного управления, которая была проведена московским правительством в центральных районах страны в 1555—1556 гг., на новгородских землях была практически реализована лишь в конце 1559 г., как раз путем выдачи 6 мая 1559 г. нового, на этот раз уже единого губного наказа для всей Новгородской земли.

Характер Новгородского губного наказа 1559 г. подтверждает это предположение. Дело в том, что по своему содержанию губной наказ 1559 г. составлен по единому образцу с губными наказами 1555—1556 гг., рассылаемыми Разбойным приказом во исполнение новых правительственных постановлений о реорганизации губного управления в связи с отменой кормлений, но имеет одно существенное отличие: в наказе не указаны имена лиц, которые утверждаются Разбойным приказом в губных старостах, как это имеет место во всех губных наказах XVI в. (и в этом одно из основных их отличий от уставных — учредительных губных грамот), а предполагается еще только выбрать новых губных старост. «Велел (великий князь.— *Н. Н.*) ...у них быти,— читаем мы в наказе,— в Великом Новегороди на посаде и в Новгородцком уезде, в станех и в волостях, у розбойных и у татиных дел в губных старостах детем боярским, кого землею выберут, да с ними губным целовальником»[7].

Отсутствие конца Новгородского губного наказа 1559 г. (заключительная часть наказа в публикуемом нами списке не сохранилась) не дает возможности уточнить

[4] ААЭ, т. 1, № 196—II, стр. 176. Подробно о датировке и характере проведения губной реформы см.: Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления, стр. 236—288.

[5] Акты Юшкова, № 142, см. также № 141. Разрядка наша.— *Н. Н.*

[6] Новгородские грамоты Ивана IV 1555—1556 гг. сохранились, как известно, в копиях XVI в. в составе актовых книг архива ЛОИИ (№ 23) и в значительной степени были использованы при издании первого тома «Дополнений к Актам историческим», где названы первой официальной книгой новгородских грамот. Еще Б. Д. Греков, характеризуя данную копийную книгу новгородских грамот 1555—1556 гг., указывал, что она «содержит в себе копии 235 грамот о поместных, судебных и других делах и дает очень полную картину ежедневной практики правительства» (Б. Д. Греков. Описание актовых книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии, Пг., 1916, стр. 23).

[7] Разрядка наша.— *Н. Н.*

эту его особенность. Но сам факт, что по наказу всей Новгородской земле предписывалось выбрать в 1559 г. новых губных старост, нельзя оценить иначе как ликвидацию существующего до этого на новгородских землях волостного губного самоуправления и введение, в масштабах уже всего Новгородского уезда в целом, единых губных органов. Подобное укрупнение губных округов в середине 50-х гг. уже было проведено в центральных районах страны, где вместо выбора губных старост для каждой волости в отдельности учреждаются единые губные старосты для всего уезда («губы») в целом. Эта реформа губных округов имела решающее значение для всей дальнейшей судьбы губного самоуправления, поскольку именно в результате ее было упразднено обособленное черносошное (волостное) и посадское губное самоуправление и вся губная власть на местах полностью сосредоточивается в руках выбираемых из местного дворянства уездных губных старост.

Подобная оценка Новгородского губного наказа 1559 г., как своего рода учредительного, вводящего на новгородских землях новые губные порядки, находит свое подтверждение и в новгородском актовом материале 60—90-х гг. XVI в., в котором, в отличие от актового материала 40—50-х гг., мы находим многочисленные данные о деятельности новгородских пятинных губных старост, распространявших свою власть на все без исключения новгородские земли, кроме самого Новгорода, в котором «розбойные дела» ведали непосредственно новгородские дьяки, осуществлявшие общий контроль над всем местным управлением в Новгородской земле.

Наконец, для определения значения Новгородского губного наказа 1559 г. весьма показательно и его как бы сказать археографическое окружение.

Новгородский губной наказ 1559 г. дошел до нас в составе рукописного сборника середины XVI в. новгородского происхождения, содержащего в своем составе, помимо него, список Судебника 1550 г., дополнительные статьи к нему и образец крестоцеловальной записи губных старост 50-х гг. Губной наказ 1559 г. помещен в конце сборника, непосредственно за образцом крестоцеловальной записи, конец наказа оборван. Указанный состав документов наводит на мысль, что перед нами какой-то новгородский официальный сборник, включающий в себя основные законодательные материалы по вопросам суда и управления, касающиеся всей Новгородской земли. Сборник, видимо, был составлен новгородскими должностными лицами для практических целей. Если это так, то включение в подобный сборник Новгородского губного наказа 1559 г. говорит о том, что он рассматривался составителями книги как документ первостепенной важности — своего рода новый губной устав Новгородской земли.

Текст Новгородского губного наказа публикуется по правилам издания документов XVI в. Текст наказа дошел до нас в весьма ветхом виде: все стертые и порванные места рукописи специально оговариваются; испорченные места восстанавливаются в примечаниях по Медынскому губному наказу 25 августа 1555 г. (включенному в состав Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг., видимо, в качестве образца для подобного рода наказов). Пропуски слов и букв восстанавливаются в квадратных скобках без специальных оговорок.

Н. Е. Носов

Губной наказ Новгородской земле

6 мая 1559 г.

Наказ губных старост

Лета 7067 маия в 6 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми в Нове Городе в Великом на посаде и в Ноугородцком уезде в станех и в волостех князей и детей боярских, и всех служивых людей, старост и соцких, и десяцких, и всех крестьян царя великого князя дворцовых сел, и митрополичьих, и владычных, и княжих, и боярских, и монастырских,

и черных, и оброчных, и вотчинников, и помещиков, и бортников, и бобровников, и превестьников, и рыболовей и всех без омены, чей хто ни буди. Что нам били челом, а сказывают, что, деи, у них в Великом Нове Городи на посадех и в Новгородском уезде в станех и в волостех чинятца розбои и татьбы великие: села и деревни розбивают и крадут, и на дорогах многих людей розбивают и грабят, и до смерти многих людей убивают. А иные многие люди разбойников и собя держат, а к иным людем розбойники с розбоем приежжают и розбойную рухлядь к ним привозят и на розбой от них ездят. И мы к ним в тех розбоех посылали своих обыщиков и недельщиков, и им, деи, от наших обыщиков и недельщиков чинятца убытки великие.

И яз, царь великий князь Иван Васильевич всея Руси, по их челобитью, пожаловал: велел есми у них быти в Великом Нове Городи на посади и в Новгородцком уезде в станех и в волостех у розбойных и у татиных дел в губных старостах детем боярским, кого землею выберут, да с ними губным целовальником. И старостам и целовальником розбойные и татиные дела делати по сему списку, съехався в одно место. Да велети им у собя быти на съезде изо всее губы князем и детем боярским, и их приказчиком, и игуменам, и попом, и дьяконом, и царя великого князя дворцовых сел и черных деревень крестьяном, и митрополичьим, и владычним, и княжим, и боярским, и монастырским крестьяном, и рыболовем, и бобровником, и осочником, и всем без омены, чей хто нибуди, с выти по человеку.

И как на съезд к старостам съедутца, и старостам обыскати князьми и детьми боярскими, и их приказщики, и царя великого князя дворцовых сел и черных деревень крестьяны, и митрополичьими, и владычними, и княжими, и боярскими, и монастырскими крестьяне, и бортники, и бобровники, и рыболове, и всеми без омены, чей хто нибуди, по цареву великого князя крестному целованью, игумены и попы и дьяконы по священству: кто у них в губи лихих людей татей и розбойников, и х кому тати и розбойники приежжают и розбойную рухлядь привозят, и от кого на розбой ездять, и х кому розбойную рухлядь продают за розбойное. И на кого в обыску скажут, что они лихие люди — тати и розбойники, и х кому розбойники приежжают и розбойную рухлядь привозят, и от кого на розбой ездят, и кому розбойники розбойную рухлядь продают за розбойную, и что их лихо — кого розбивали, кого крали, и старостам те речи велети писати на список подлинно земскому дьяку. А х тому списку обыскным людем, которые грамоте умеют, и игуменом, и попом, и дьяконом велети к тем речем прикладывати руки. А которые обыскные люди грамоте не умеют, и в тех место велети к тому списку руки прикладывати отцем их духовным.

А на которых людей в обыску скажут, что они лихие люди, а исцов им нет,— и старостам по тех людей по обыску посылати, а велети их имати, да ставити перед собою, а животы их и статки, переписав, запечатати, да приказати беречи до тех мест, как дело вершат. И как их перед старостами поставят, и старостам тех людей по обыску в розбоех пытати. И учнут на собя и на товарищов своих в розбое говорити — и старостам по языку по тех людей посылати, а велети их ставити перед собою с языки с очей на очи, а животы их печатати потому ж. А с очей на очи язык с них не зговорит,— и старостам про тех людей обыскивати многими людьми. И назовут их в обыску многие люди, что они люди добрые — и старостам тех людей давати на чистую поруку за обыскных людей, которые одобрят, а по разбойничим речем имати на них в исцовы иски выти по сыску и по новому приговору выти, что будет доведетца. А которые люди сами на собя в розбоех говорили, и тех казнити, а о животех о их отписати на Москву к бояром в Розбойную избу.

А на которых людей язык взговорит в розбои на одной пытке, а с очей на очи с него зговорит, а в обыску его назовут добрым, и старостам тех давати на чистые поруки за обыскных людей безвытно. И на которого человека

язык говорит на дву пытках, а с очей на очи или на третьей пытки или, идучи х казни, учнет с него зговаривати, а в обыску назовут добрым, и того человека по обыску дати на чистую поруку, а по языку взяти на нем выть, а тому зговору не верити. А на которых людей в розбои язык зговорит, а в о[бы]ску их назовут лихими людьми, и старостам тех пытати, а учнут на собя и на товарыщов говорити, и старостам по тому ж по языку посылати и с очи на очи ставити, и про них обыскивати и управа им чинити потому ж, как в сем списку писано. А которые люди сами на собя в розбоех говорили, и тех казнити смертною казнью, а животы их исцом и выти впол исцовых исков; а будут боярские люди, и старостам за тех людей имати выти вполы исцовых исков на государех их, чьи люди. А на которых людей язык в розбои говорил, а в обыску их назовут лихими людьми, а сами теи лихие люди на собя на пытках в розбоех не учнут говорити, и старостам тех людей по обыску казнити смертною ж казнью, а животы их исцом в выти в пол исцовых исков.

А на которых боярских людей языки в розбои говорят, и те князи и дети боярские таких людей у собя скажут, а их перед старостами не поставят, и старостам за тех людей на тех князех и на детех боярских и на их приказщикех имати выти вполы исцовых исков. А тех князей и детей боярских, чьи люди, давати на поруки, что им тех людей, добыв, перед старостами поставити; а как их поставят — и старостам про них обыскати и управа чинити по сему ж наказному списку. А на которого княжего и на боярского человека в розбои язык говорит, а тот князь или сын боярской такова человека у собя не скажет, и старостам около их мест, где они живут, обыскати многими людьми: бывал ли у него таков человек. И скажут в обыску, что у нево таков человек был, и старостам на том князи или сыне боярском за того человека имати выть вполы исцова иску, а того князя или сына боярского дати на поруку, что ему того человека, добыв, поставити перед старостами. А как его перед старостами поставит, и старостам про него обыскати и управа чинити по сему ж наказному списку. А скажут в обыску, что у него таков человек не бывал, на которого язык говорил, и старостам на том князи или на сыни боярском выти не имати.

А на которых людех исцы ищут розбоев, а на тех людей языки в розбоех не говорят, а исцы, опричь поля, улики не учинят некоторые, и старостам про тих людей обыскивати. Скажут про них в обыску, что они лихие люди, а лиха про них в обыску в розбоех именно не скажут,— и старостам тех людей по обыску пытати. Не скажут на собя в розбои и в обыску про них розбою именно не скажут,— и старостам тех людей по обыску посадити в тюрьму на смерть, а животы их, оценя, отдати исцом в выти вполы их исков, а что останетца тех животов от исцовых исков,— и старостам о тех животех[8] отписати на Москву к боярам в Розбойную избу. А не скажут на собя в розбои, а в обыску про них в розбои именно скажут, ино их по обыску казнити, а животы их отдати исцом, по тому ж оценя.

А на которых людей в розбоех язык говорил, а в обыску его назовут половина добрым человеком, а другая половина лихим человеком, и того человека пытати; и не учнет пытан на собя в розбоех говорити, и того человека дати на поруку за обыскных людей, которые его одобрили, а по разбойничем речем взяти на нем выть. А будет в той половине больши обыскных людей, которые люди назовут лихим человеком, человек пятнадцать или двадцать, а пытан на собя в розбои не учнет говорити, и того человека по языку и по обыску старостам посадити в тюрьму на смерть, а животы его отдати исцом вполы исцовых исков. А после того прибудет на него иное лихо в розбойном деле, и того человека казнити смертною казнью, а на обыскных людей взяти выть, которые его одобрели.

---

[8] В рукописи «животех» повторено дважды.

А на которого человека говорят в розбоех языки два или три, а в обыску его назовут половина добрым, а другая лихим, и того пытати; а пытан на собя не учнет говорити, и того человека посадить на смерть в т[ю]рьму, а животы их отдати исцом вполы исцовых исков. А после на него прибудет ино лихо в розбойном деле, и того человека казнити смертною казнью...[9] обыскных людей, которые его одобрили, взяти выть, а сверх того обыскных людей лутчих дву или трех бити кнутьем.

А на которых людей языки два или три говорят, а исцы на них учнут бити челом и на пытку их просити,— и старостам и до обыску тех людей велети пытати и управа им чинити по сему ж наказному списку. А на которых людей языки говорят, а оне учнут бити челом об обыску, чтобы они послали в те места обыскати, где они преж того жили, и старостам в те места, где они жили, послать обыскати. И назовут их в обыску лихими людьми, и старостам их пытати и управа им чинити по сему ж наказному списку. А будет пытаны на собя и на своих товарыщов не учнут говорити, и старостам тех людей упра...ти[10] по сему же наказному списку. А будет про тех людей в обыску скажут, ч....[11] и старостам тех людей пытати...[12] пытан на собя говорити, и старостам тех людей посадити в тюрьму на смерть.

А на которых[13] учнут языки говори[ти] в розбои, а с очей на очи на ставки учнут с них зговаривати, а в обыску их назовут лихими людьми з доводом, и старостам тех людей по обыску пытати. И учнут пытаны на собя говорити и старостам их казнити; а не учнут пытаны на собя и на своих товарыщов говорити в розбоех, и старостам тех людей по обыску казнити ж; а будут исцы, ино их животы и статки отдати вполы их исков; а не будет исцов, и старостам животы их продавати, да что на чем возьмут, и им то писати на список под[линно] порознь, да о том отписы...[14] в Розбойную избу.

А взговор...[15] в розбоех или в татьбе, и старостам... бы[16] посылати к старостам ж целовальников губных з грамотами, чтоб про тех людей, на кого язык говорил, обыскали да тех людей и обыску своего [список] прислали к ним. А как к ним тех людей пришлют, и старостам тех людей ставити с языки с очи на очи и управа им чинити по языку и по обыску по сему же указному списку. А которых целовальников з грамотами старосты в иные губы к старостам о оговоренных людех и пошлют, и целовальником велети с собою имати сторонних людей человек трех и четырех, да при тех людех старостам отдавати грамоты. А не пришлют из ыных губ старосты оговоренных людей по грамотам, и тем старост...[17] язы[ки] говорили отписывати о том...[18] в Розбойную избу, кого целовальника...[19].

Архив ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, сборник № 228, лл. 75—81 об.— Список.

[9] Рукопись здесь и далее попорчена. Согласно списку Медынского губного наказа 1555 г., следует читать — «а на».
[10] Рукопись попорчена. Следует читать — «управу учинити».
[11] То же. Следует читать — «что их не знают».
[12] То же. Следует читать — «...ж. А не учнет».
[13] Пропущено — «людей».
[14] Рукопись попорчена. Следует читать — «отписывати к бояром».
[15] То же. Следует читать — «взговорят языки на кого в иные губы».
[16] То же. Следует читать — «в те губы».
[17] То же. Следует читать — «Старостам, у которых».
[18] То же. Следует читать — «к бояром в».
[19] Дальнейшие листы рукописи оборваны — лл. 82—85 об. Сохранились только начальные буквы нижнего левого края листов, показывающие, что на листе 85 об. губной наказ кончался.

Критика Библиография

ВТОРОЙ ТОМ ДОКУМЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР[1]

Публикаторская работа, осуществляемая Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР, имеет очень большое научное и политическое значение. Это подтверждает выход в свет второго тома «Документов внешней политики СССР», в котором помещено 520 документов — 403 основных, 6 — в приложении, а также 111 иностранных, непосредственно связанных с основным содержанием тома. Ни одна из предыдущих публикаций не может идти в сравнение с этой книгой по полноте освещения внешнеполитической деятельности правительства Советской России в 1919 и первой половине 1920 г.

Из основной документации тома около 40% (162 документа) публикуется впервые. Впервые опубликован в русском переводе и ряд материалов иностранного происхождения, напечатанных ранее за границей (док. №№ 69, 187, 288, 295 и др.).

1919 год и первая половина 1920, как известно, были трудным временем для молодой Советской республики. Три похода Антанты, активная поддержка международным империализмом контрреволюционной деятельности белогвардейщины, экономическая блокада создали смертельную опасность для Советской России и потребовали неимоверного напряжения сил советского народа, защищавшего великие завоевания социалистической революции. Очень важная роль в этой схватке трудящихся России с капиталистическим окружением принадлежала внешней политике Советского государства, долженствовавшей создать наиболее благоприятные международные условия для разгрома врага, добиться установления мирных отношений и делового сотрудничества с буржуазными странами.

В капиталистических государствах неоднократно предпринимались попытки публиковать документы советской внешней политики этих лет. Но, как показывает анализ таких изданий, они очень далеки от научной объективности, а нередко носят открыто фальсификаторский характер. В книге «Русско-американские отношения, март 1917 — март 1920 гг.» помещено 34 документа о советско-американских отношениях в 1919, январе — феврале 1920 гг.[2]. Однако этот сборник не дает читателю представления о миролюбивой политике Советского государства и той большой работе, которая была проделана Советской Россией в установлении нормальных политических и деловых отношений с США. Публикаторы уделили основное внимание интервенции и блокаде (док. №№ 129, 130, 146, 150 и др.), стремясь при этом затушевать активную роль США в этих событиях, поместили ряд белогвардейских документов, материалы переписки американского правительства с контрреволюционными деятелями — и всего лишь несколько документов, принадлежащих Советскому правительству. Злонамеренное замалчивание мирных акций Советской власти было вообще характерно для буржуазной печати и специальных изданий США: документы советской дипломатии печатались здесь мало и неохотно, а для белогвардейских материалов место всегда находилось и в прессе, и в отдельных сборниках[3].

Так же охотно издавались «свидетельские показания» и доклады иностранных представителей при антисоветских «правительствах». Английская «Белая книга» о «большевизме в России» содержит несколько десятков документов (январь — март 1919 г.), принадлежащих английским дипломатам, находившимся во Владивостоке, Омске и Архангельске, а частично — анонимным авторам, но здесь нет ни одного документа внешней политики Советского правительства. Английские авторы сооб-

[1] Документы внешней политики СССР. Т. II, 1 января 1919 г.— 30 июня 1920 г. Редакционная комиссия: Г. К. Деев, Е. М. Жуков, А. И. Лаврентьев, М. А. Сиволобов, В. М. Хвостов, Б. Е. Штейн. Госполитиздат, М., 1958, стр. 803.

[2] См.: Russian-american relations, March 1917 — March 1920. Documents and papers. Compiled and Edited by C. K. Cumming and Walter W. Pettit. New York, 1920, pp. 274—362.

[3] См., например: Documents Relating to the Organisation and parposes of the Anti-Bolshevik Forces in Russia. Washington, 1919. Это издание целиком состоит из писем и приказов Колчака и Деникина.

щают всевозможные небылицы и клеветнические вымыслы о Советской России: вроде того, будто здесь производится «национализация женщин», готовится «национализация детей» и имеют место какие-то «зверства большевиков». Ряд западных историков пользовались этим изданием и цитировали содержащиеся в нем клеветнические выпады против советского народа.

Замалчивание документов Советского государства как одна из форм фальсификации истории, свойственна известному многотомному изданию Государственного департамента США[4]. В объемистой книге «1919 г. Россия» главное внимание публикаторов привлечено к выяснению отношений между США и белогвардейскими правительствами; при этом наиболее яркие факты участия американского империализма в антисоветской интервенции замалчиваются. В томе помещены также десятки писем и телеграмм, которые получал Государственный департамент от своих представителей в России (Френсиса, Грина, Дженкинса и других) —активных участников борьбы против Советской России. Здесь богато представлена переписка Лансинга с дипломатами царского и Временного правительств, уволенными со службы Советским правительством, но «признававшимися» США, и опубликованы лишь единичные документы советской внешней политики. Усилиями фальсификаторов Советская Россия изображена в этом издании не столько как субъект, сколько как объект действия; читатель не получает представления об активности и действенности советской внешней политики.

Примерно в таком же духе освещаются советско-американские отношения 1920 г. («1920 г.», т. III). Наряду с некоторыми материалами о внешнеполитической деятельности Советского правительства в томе помещена обильная документация об американских войсках в Сибири, об участии США в антисоветских действиях на Дальнем Востоке, о Деникине и Врангеле. И в этой книге заметна тенденция выпятить роль партнеров США по интервенции и завуалировать собственные американские усилия помочь свержению Советской власти.

Даже в тех случаях, когда на Западе предпринимались специальные издания только советских внешнеполитических документов, претендовавшие на добросовестность и объективность, такие сборники не дают полного и убедительного представления о многообразной энергичной борьбе советской дипломатии за установление мира. В лучшем из таких изданий, опирающемся в основном на советские публикации—«Советские внешнеполитические документы» по периоду 1919 — первая половина 1920 гг. помещено лишь 36 документов, некоторые из которых к тому же даны в отрывках и извлечениях[5]. Естественно, что многие очень важные факты советской дипломатической деятельности и на этот раз оказались скрытыми от читателя.

Рецензируемая книга, содержащая все основные документы внешней политики диктатуры пролетариата за определенный период, представляет большой интерес не только для советского, но и для зарубежного читателя. Она чрезвычайно полезна в борьбе против извращений истории СССР буржуазными историками.

В книге на многих неопровержимых фактах разоблачаются преступная интервенционистская политика западных стран в отношении Советской России, чудовищные зверства и грабежи интервентов, вскрываются беспочвенность и лживость тех аргументов, при помощи которых США, Англия, Франция, Япония пытались оправдывать пребывание своих войск на русской территории (док. №№ 16, 47, 106, 121, 123 и др.). Здесь же содержится ряд новых, ранее не известных данных о роли США в вооруженной борьбе империалистов против Советской страны. Выясняется, например, что американское правительство передало польским панам накануне и во время третьего похода Антанты военные припасы на сумму в 1,7 млрд. долл., в том числе 20 000 пулеметов, свыше 200 танков, более 300 самолетов, огромное количество амуниции и др. (док. № 374)[6]. Впервые публикуется также ряд документов, касающихся переговоров о созыве конференции на Принцевых островах (док. №№ 34, 39, 41, 42). Они дают возможность еще полнее разоблачить маневры империалистической дипломатии, пришедшей на помощь войскам интервентов и белогвардейцев в неблагоприятной для последних обстановке.

Мнимому миролюбию империалистов Советское правительство противопоставило миролюбие подлинное. Это подтверждают десятки ярких, глубоко принципиальных и последовательных акций Советской России на мировой арене. Огромное внимание внешней политике уделял В. И. Ленин. В данное издание включено 11 ленинских документов, в том числе впервые публикуемая радиограмма В. И. Ленина Бела Куну от 5 апреля 1919 г. (док. № 78). В ответах В. И. Ленина 20 июля 1919 г. на вопросы

[4] Le Bolshevisme en Russie. Livre blanch anglais. Avril 1919. Paris — Strasburg, 1919; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919, Russia. Washington, 1937; 1920, Vol. III. Washington, 1936.

[5] Soviet Documents on Foreign Policy, Selected and Edited by Jane Degras, v. I, 1917—1924. London, New York, Toronto, 1951, pp. 132—190. Из этих 36 документов к внешней политике Советского правительства относится примерно 20.

[6] Ср. Ф. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.). М., 1954, стр. 100.

американского журналиста, корреспондента газеты «The Chicago Daily News» от 5 октября 1919 г., корреспондента «New York Evening Journal» от 18 февраля 1920 г., в беседе В. И. Ленина с представителем газеты «The World» от 21 февраля 1920 г. содержится развернутая программа мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества с капиталистическим миром,— и, прежде всего, с США. Жаль, что в книгу не включен еще один ленинский документ (не вошедший в четвертое издание сочинений) — телеграмма В. И. Ленина, направленная в апреле 1919 г. главнокомандующему Красной Армии И. И. Вацетису и члену Реввоенсовета С. И. Аралову, об оказании помощи Советской Венгрии [7].

Советское правительство энергично использовало каждую возможность, любой повод для того, чтобы договориться о мире с участниками интервенции. Странам Антанты мирные предложения были сделаны 12 и 17 января, 4 февраля, 12 марта, 7 мая 1919 г. (док. №№ 16, 25, 45, 66, 101). VII Всероссийский съезд Советов, вполне одобряя эти миролюбивые обращения, на заседании 5 декабря 1919 г. подтвердил «неуклонное стремление к миру» и еще раз предложил «всем державам Антанты — Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии — всем вместе и порознь, начать немедленные переговоры о мире...» (док. № 194).

Кроме того, правительство Советской России обращалось с предложениями установить нормальные отношения и к отдельным капиталистическим государствам, в том числе к Италии (док. №№ 215, 337, публикуются впервые), Японии, Румынии, Чехословакии. Такое же мирное наступление вели советские правительства Украины, Литвы, Белоруссии и других республик, объединившие свои усилия для борьбы с вооруженной интервенцией (док. №№ 62, 245, 250, 256 и др.).

Верные принципам ленинской социалистической дипломатии, советские правительства обращались не только к правящим кругам, но и к народам воевавших стран. Так, специально к трудящимся стран Антанты в течение 1919 — начала 1920 гг. Советская власть обращалась семь раз (док. №№ 89, 136, 146, 164 и др.) с призывом «быть на стороже» и «не ослаблять натиска» на буржуазные правительства «с целью помешать им задушить народную революцию в России». Народы узнавали из обращений Советской власти о чудовищных зверствах, творимых империалистами в России, о мужественной борьбе советских людей против интервентов и белогвардейцев. Зарубежные трудящиеся были прочным и надежным союзником Советской России в борьбе за мир. Это подтверждается, наряду с ранее опубликованными, и новыми документами, вошедшими в книгу (док. №№ 182, 241 и др.). «Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе и Соединенным Штатам и Японии,— одна,— указывал В. И. Ленин,— братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия» (док. № 137).

Опубликованные документы убедительно показывают осуществление советским народом на практике принципа пролетарского интернационализма. В книге содержатся, в частности, интересные материалы, частично публикуемые впервые, о братском отношении РСФСР и УССР к Венгерской Советской республике (док. №№ 74, 96, 110, 115). К сожалению, в томе не помещено приветствие ВЦИК Советским республикам Венгрии и Баварии, отправленное 9 апреля 1919 г.

В борьбе за мир между государствами и народами Советское правительство уделяло очень большое внимание взаимоотношениям с соседними странами: Польшей, Финляндией, Латвией, Литвой, Эстонией, Турцией, Ираном, Афганистаном.

Многие документы, помещенные в данном томе, показывают горячее желание советского народа и его правительства установить хорошие дружеские отношения с Польской республикой и мирно решить все спорные вопросы, в том числе — территориальные. Особо важное значение в этом смысле имеет подписанное В. И. Лениным заявление Совета Народных Комиссаров РСФСР об основах советской политики в отношении Польши от 28 января 1920 г. (док. № 226). Это заявление, содержавшее мирные предложения Польше, было, по предложению Ленина (как об этом свидетельствует впервые публикуемый документ № 232), представлено на утверждение ВЦИК, который единогласно одобрил его и, со своей стороны, принял мирное обращение к польскому народу. ВЦИК выражал «...твердую уверенность, что мирным путем и установлением добрососедских отношений удастся устранить все, что разделяет оба народа. Он надеется, что общими усилиями будут созданы самые мирные дружественные отношения между народами Польши и Советской России» (док. № 230).

Когда Пилсудский и его окружение, согласившись участвовать в третьем походе Антанты, вели преступную войну против Советской России, правительства РСФСР и УССР вновь неоднократно обращались к трудящимся Польши (док. № 261, печатается впервые, док. № 388 и др.), призывая их бросить «кровавое, бесчестное, проклятое дело борьбы с рабочими и крестьянами России и Украины». Активная деятельность советской дипломатии помогла народам Советской России разгромить участников последнего комбинированного похода Антанты.

Признавая независимость и государственный суверенитет Финляндии, Совет-

[7] «Литературная газета», № 48, 21 апреля 1957 г. «Новый ленинский документ».

ское правительство создало все необходимые условия для развития дружбы между советским и финским народами. Однако по вине реакционных буржуазных правительств Финляндия была тогда втянута в антисоветскую интервенцию. Правительство РСФСР во многих нотах, письмах, обращениях терпеливо разъясняло финским министрам порочность такой политики, несоответствие ее национальным интересам финляндского государства. Москва обращалась и к трудящимся Финляндии, выражая уверенность, что они «не дадут себя долго использовать в качестве слепых орудий империалистической политики Антанты» (док. №№ 82, 93, 112, 147, 159 и др.). Активная советская внешняя политика и в данном случае оказала реальную поддержку советскому народу в завоевании мира.

Внимание читателя, несомненно, привлекут содержащиеся в рецензируемом сборнике материалы о взаимоотношениях Советской России с Эстонией, Латвией и Литвой, ярко характеризующие дружественную политику РСФСР к народам Прибалтики. В томе впервые публикуются некоторые протоколы переговоров о перемирии, ноты правительства РСФСР (док. №№ 217, 218, 232 и др.). Документы, помещенные в книге, дают весьма полное представление о том, как был достигнут такой существенный успех советской дипломатии, как заключение мирных договоров с прибалтийскими странами.

Много новых и ценных материалов содержится в томе о дружественной политике Советской России в отношении стран Востока. Правительство РСФСР в обращениях к правительству и народу Ирана от 26 июля и 28 августа 1919 г. (док. №№ 129, 155), в ряде нот Народного комиссариата иностранных дел (док. №№ 354, 373 и др.) вновь и вновь подтверждало, что оно категорически отказывается от режима капитуляций, от всех концессий и привилегий, полученных царизмом в Персии, признает полную независимость соседней страны и готово установить с Ираном дружественные равноправные отношения. «Трудящиеся массы России,— говорилось в обращении НКИД РСФСР к рабочим и крестьянам Персии,— видят в трудящихся массах Персии своих братьев и друзей и своих завтрашних товарищей по революционной борьбе за полное освобождение труда...» (док. № 155). Большая и плодотворная работа, проведенная советской дипломатией в 1919 и 1920 гг., подготовила заключение известного советско-иранского договора в 1921 г.

Большие успехи были достигнуты также в установлении дружбы с Афганистаном. В послании В. И. Ленина и М. И. Калинина Аманулла-хану, отправленном 27 мая 1919 г., приветствовалось намерение Афганистана «завязать близкие отношения с русским народом», что открывало широкую возможность «...взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние» (док. № 116). Вскоре между двумя странами были установлены нормальные отношения и состоялся обмен дипломатическими представителями. 14 апреля 1919 г. В. И. Ленин принял в Москве афганское посольство. В дружеской беседе глава Советского правительства подчеркнул необходимость совместной борьбы Советской России и мусульманского Востока «в великой освободительной войне» (док. № 171).

Столь же дружественно относилось Советское правительство к Турции, с которой тоже шли переговоры об установлении равноправных добрососедских отношений. «Советское правительство,— писал народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин председателю Великого Национального Собрания Турции Мустафе Кемаль-Паше,— с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы» (док. № 372). События следующих лет показали, что дружба с великим соседом жизненно необходима Турецкому государству, а осложнения отношений с СССР по вине турецкой стороны самым пагубным образом отражаются на национальных интересах Турции.

Большое внимание уделяло Советское правительство в 1919—1920 гг. отношениям с Китаем. Советское правительство подтвердило свой категорический отказ от всех форм дискриминации Китая и свою готовность «раз навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними Российскими правительствами совместно с Японией и союзниками» (док. № 142).

В том включены новые материалы, в которых содержатся ценные сведения о развитии политических и деловых связей между двумя странами (док. №№ 6, 279, 283, 364, ранее не печатавшиеся). Правительство Туркестанской Автономной Советской Республики и китайские коммерсанты заключили в Ташкенте соглашение о товарообмене. На конференции советских и китайских представителей, состоявшейся в апреле 1920 г. в Верхнеудинске, китайская сторона признала права Советской России на КВЖД и дала заверение в недопущении белогвардейских банд на территорию Китая (см., кроме указанных, также док. № 331). Дружественные связи двух великих народов укреплялись.

Ведя упорную борьбу за мир со всеми капиталистическими странами, Советское правительство предлагало такую форму сосуществования и сотрудничества, как взаимовыгодные деловые, прежде всего торговые, связи. В условиях блокады и непризнания, когда официальные дипломати-

ческие отношения были крайне затруднены, Советское правительство использовало для установления связей с зарубежными деловыми кругами такие учреждения, как Российский Красный Крест, Центросоюз.

Много нового содержится в данном издании о советско-американских деловых отношениях, здесь впервые опубликован ряд важных документов о деятельности миссии Л. Мартенса в США.

«Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами, *но особенно* с Америкой», —заявил В. И. Ленин, отвечая на вопрос одного из американских журналистов (док. № 166). В борьбе за такую договоренность Советское правительство проявило очень большую активность. Оно исходило при этом из того, что «сношения между Советской Россией и Америкой принесут величайшую пользу обеим сторонам, что обе получат от них крупнейшую выгоду» (док. № 251) и через Л. Мартенса предложило закупить в США оборудование для железных дорог, сельскохозяйственные машины, горное оборудование и ряд других товаров, соглашаясь продать американцам лен, шкуры, меха, пиломатериалы и др. и разместить в американских банках золото на сумму в 200 млн. долларов для оплаты первых закупок. Советская Россия соглашалась также предоставить Америке ряд концессий (док. № 117, публикуется впервые). Все эти предложения вызвали большой интерес у американской буржуазии. Только в течение 10 месяцев 1919 г. представительство РСФСР в США, возглавляемое Мартенсом, установило деловые контакты с 941 американской фирмой из 32 штатов, заключило соглашения об обмене товарами на сумму около 15 млн. долларов и вело переговоры о закупках ценного для Советского государства оборудования на сумму почти 300 млн. долл.

Было бы целесообразно, по нашему мнению, дополнить том сведениями о переговорах Л. Мартенса с фирмой Форда в Детройте и о работе технического отдела Советского бюро в Нью-Йорке[8] или использовать имеющиеся здесь данные в примечаниях. Материалы второго тома «Документов...» убедительно показывают, что американское правительство, ставя ненависть к советскому народу выше экономических интересов своей собственной страны, чинило в то время различные препятствия развитию деловых связей с Советской Россией (док. №№ 127, 150, 181 и др., все они публикуются впервые). Оно, например, отправляло значительное количество пароходов с военными материалами и товарами белогвардейским «правительствам», задерживало суда, имевшие на борту груз, предназначенный для Советской России. В том, что фактический объем советско-американской торговли был в то время невелик, виновато целиком правительство США.

К развитию взаимовыгодных деловых связей с Советским государством проявляла интерес буржуазия всех крупных капиталистических стран. Рецензируемый том подтверждает это положение многими документами, большая часть которых ранее не печаталась (док. №№ 20, 269, 332, 403).

Итальянское правительство пожелало купить в Советской России лес, нефть, табак, хлеб, предлагая взамен электроматериалы и машины. После предварительных переговоров между кооперативными организациями обеих стран в июне 1920 г. было подписано соглашение о торговле и товарообмене (док. №№ 383, 402, печатаются впервые). Советское правительство, учитывая интересы взаимной выгоды, предлагало установить деловые связи Японии, Австралии (док. №№ 238, 267, опубликованы впервые), Чехословакии («Чехия весьма сильно стремится завести с нами деловые отношения»,— сообщил в НКИД Л. Б. Красин — док. № 371, публикуется впервые; ср. док. № 377), Норвегии (док. № 390, также публикуется впервые) и другим странам. Советские представительства в Копенгагене и Лондоне весьма активно вели деловые переговоры со многими капиталистическими странами (см. новые док. №№ 211, 318 и др.); однако антисоветские политические тенденции часто брали верх над соображениями экономической выгоды, в силу чего переговоры затягивались и не приводили к немедленным существенным результатам. Так было, например, с Англией, Канадой, Италией. Успешнее шла торговля с нейтральными странами, особенно Швецией, с которой было подписано несколько крупных деловых соглашений (о чем свидетельствуют новые док. №№ 348, 349 и сведения, содержащиеся в примечаниях к стр. 760), а также Данией (приложение, док. №№ 4, 5).

Некоторые итоги развития деловых связей с зарубежными странами содержатся в докладе Народного комиссариата торговли и промышленности VII съезду Советов, выдержки из которого публикуются в приложении к тому. Было бы целесообразно, на наш взгляд, включить в «Приложения» также извлечения из доклада о деятельности Наркомвнешторга за 1918—1920 гг.[9].

Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР проделала над вторым томом «Документов внешней политики СССР» большую и весьма плодотворную археографическую работу. Помимо того, что в книгу включено большое количество источников, ранее никогда не публиковавшихся, составители сверили и уточнили по архивным экземплярам изданные в прошлом документы, включенные

[8] ЦГАОР, ф. 413, оп. 3, д. 216, лл. 15, 29.

[9] ЦГАОР, ф. 413, оп. 4, д. 77

в настоящий том. Это дало возможность внести исправления в текст ряда документов, иногда уточняющие их содержание (док. №№ 97, 235 и др.).

В некоторых случаях тщательная проверка текстов перед включением их в том позволяет уточнить и даты написания документов, неправильно указанные в литературе (док. №№ 142, 155, 230, 235 и др.).

Научно-справочный аппарат составлен хорошо; он включает 113 примечаний-комментариев, составленных преимущественно по архивным материалам и удачно дополняющих содержание публикуемых документов, а также предметно-тематический указатель, указатель документов, касающихся отношений Советских республик с зарубежными странами, и перечень иностранных документов.

Публикация документов и материалов, освещающих внешнюю политику Советского государства, связи СССР с зарубежным миром, приняла в последние годы значительные размеры, что следует всячески приветствовать. Параллельно с капитальным многотомным изданием в свет выходят очень полезные и нужные тематические сборники. К их числу относится двухтомник переписки глав правительств СССР, Англии и США в годы Великой Отечественной войны, книга о советско-французских отношениях в военные годы, документы Локарнской конференции 1925 г., а также опубликованные МИД СССР совместно с МИД Чехословакии новые источники по истории Мюнхена [10]. Материалы, содержащиеся в этих книгах, дали возможность подвергнуть неопровержимой критике грубейшие извращения внешней политики СССР накануне и во время второй мировой войны, допущенные в иностранных буржуазных документальных изданиях и исторических сочинениях, и с большой убедительностью показать роль Советского Союза как организатора и ведущей силы в политической, а затем вооруженной борьбе против фашизма.

[10] Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958.

Серьезный научный и политический интерес представляет также серия документальных сборников «Из истории международной пролетарской солидарности», издаваемая ГАУ МВД СССР и ЦГАСА СССР.

В первом сборнике этой серии [11] помещено более 500 документов об участии интернациональных (чешских, китайских, корейских, финских и других) частей Красной Армии в борьбе против белогвардейцев и интервентов на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на юге и западе Советской России. Второй сборник [12] содержит около 450 документов, ярко характеризующих борьбу зарубежных трудящихся в защиту молодой Советской республики против военной интервенции в 1917—1920 гг., за признание Советской России в 1921—1924 гг. Следует особо отметить такое важное достоинство обеих названных книг, как включение в их состав документов из архивов Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Чехословакии, а также использование печати зарубежных коммунистических партий.

Нам представляется, что и в дальнейшем целесообразно, продолжая выпуск томов «Документы внешней политики СССР», издавать тематические сборники по наиболее актуальным вопросам данной проблемы.

К числу таких вопросов относятся, например, борьба Советского Союза за сокращение вооружения и вооруженных сил; советско-американские отношения; материалы международных конференций, в которых участвовал СССР.

Изданием книг документов, воссоздающих гигантскую работу Советской страны на мировой арене, историки и архивисты помогают борьбе за дальнейшее оздоровление международной обстановки, за мир во всем мире.

А. Е. Иофф

[11] Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917—1922. М., 1957.

[12] Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924). М., 1958.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ДАНЪАНЬ ГУНЦЗО» («АРХИВНОЕ ДЕЛО»)

Ежемесячный журнал «Данъань гунцзо» — орган Государственного архивного управления (ГАУ) КНР — начал издаваться в 1954 г. Он рассчитан на архивистов-практиков и научных работников.

Настоящий обзор посвящен материалам, опубликованным в журнале в 1958 г. (№ 1—12). В основном это статьи и документы, отражающие состояние архивного дела в настоящее время, задачи архивистов в период строительства социализма в КНР, а также материалы по истории архивного дела и сообщения из-за рубежа.

Важное место отведено в журнале публикации постановлений и директив в области архивного дела и пропаганде задач

работников архивного фронта в период строительства социализма.

В № 1 журнала за 1958 г. напечатано «Постановление о реорганизации архивного дела и работы с материалами», принятое на IV расширенном заседании Комитета по планированию научной работы при Государственном административном совете и утвержденное на 57-м заседании Государственного административного совета 6 сентября 1957 г. В постановлении отмечен ряд достижений в области архивной работы за истекший период — первичное упорядочение материалов во вновь созданных ведомственных архивах. Так, в архиве Министерства геологии было собрано и упорядочено значительное количество материалов, содержащих сведения о рудных богатствах страны; в архиве Министерства внешней торговли закончено упорядочение материалов за предреволюционный период и началось составление каталога документов.

Большую работу проделало Государственное архивное управление по укреплению центральных и местных архивов, в которых уже предварительно закончено упорядочение документов. В то же время в постановлении указывается, что в этой области еще много нерешенных вопросов. Прежде всего необходимо обратить внимание на достижение единообразия в упорядочении и систематизации материалов и ускорение темпов работы. Необходимо установить деловые контакты архивных органов с другими научными учреждениями в области упорядочения исторических, философских, экономических и других источников. ГАУ должно стать руководящим центром в области исследовательской работы над архивными документами, а также направлять и контролировать деятельность государственных и ведомственных архивов. Постановление обращает особое внимание на необходимость публикации архивных материалов и издания справочников и указателей.

ЦК КПК и правительство КНР придают серьезное значение развитию архивного дела. В январе 1956 г. в Комитете по планированию научной работы при Государственном административном совете было создано Отделение по координации работы с материалами и источниками. Отделение должно направлять исследовательскую работу, изучать принципы и методы управления архивами, вопросы унификации и пользования архивными документами. Руководителем отделения назначен тов. Цзэн Сань. Ряд статей и заметок в журнале посвящен активному участию архивистов в движении за исправление стиля работы (№ 1, стр. 3—4).

Важнейшее значение для победы революции на идеологическом и политическом фронтах имела установка партии на трудовое воспитание и перевоспитание кадров, курс на соединение практики и теории в процессе обучения.

ГАУ в соответствии с этим курсом ЦК КПК направило в феврале 1958 г. несколько своих сотрудников в деревню для трудового перевоспитания (№ 2, стр. 4; см. также № 1, стр. 4).

Под руководством партийных и государственных органов провинции Цзянсу и при помощи сотрудников архива студенты Историко-архивного отделения Народного университета за месяц (июнь — июль 1958 г.) полностью завершили работу по упорядочению четырех отделов. Работа включала систематизацию, формирование дел, экспертизу, описание и т. д. В 29 просмотренных ящиках они обнаружили более двух тысяч документов о китайско-английских и китайско-японских отношениях, студенческом движении и т. д. Редакция указывает, что эта работа укрепила знания студентов в области теории и практики архивного дела, способствовала повышению их идеологического уровня и выработке самостоятельных навыков в труде (№ 9, стр. 33).

1958 г.— первый год второго пятилетнего плана. Направление работы архивистов в период второй пятилетки определяется грандиозными задачами, стоящими перед страной. «В настоящее время... постепенное улучшение делопроизводства и архивного дела является настоятельно необходимым»,— указывается в передовой статье второго номера журнала. «Необходимо умножить силы и быстрыми темпами двигаться вперед» (стр. 1).

Второй номер журнала открыл на своих страницах обсуждение проблемы «О красных и о специалистах». Правильное понимание работниками этого вопроса имеет большое политическое значение. В статье Лу Као-юаня критикуются глубоко ошибочные мнения, существующие еще у некоторой части работников, будто можно быть специалистом, но не быть «красным», то есть политически грамотным работником, владеющим марксистско-ленинской теорией. Автор показывает также ошибочность взгляда, будто «красный» — это обязательно член партии, а вступление в партию означает, что специалист стал «красным». Статья призывает тех членов партии, которые еще недостаточно глубоко владеют своей специальностью, приложить все усилия в этой области. В заключение автор обращается ко всем архивным работникам с призывом стать «и красными, и специалистами».

Статья Лу Као-юаня вызвала живейший отклик среди архивистов. Первые итоги этого движения были подведены в четвертом номере журнала. В передовой статье подчеркивалось, что «если архивист не будет всем сердцем и всеми мыслями служить народу, он не сможет быть хорошим работником».

Архивная работа — важный участок социалистического строительства. Особенно ясно это стало в период борьбы против контрреволюционных и правых буржуаз-

ных элементов. Упорядочение и изучение архивов серьезно помогли разоблачению многих из них.

Весной 1958 г. в Китае развернулось движение за необычайно быстрые темпы развития народного хозяйства, то есть за то, что образно называется «скачком».

Архивные работники также выдвинули предложение пересмотреть темпы своей работы и планы на будущее. В марте под таким лозунгом прошли конференции в провинции Хэнань, г. Тяньцзине и других местах; в дальнейшем движение охватило всю страну. Конференция в Тяньцзине происходила 20—31 марта 1958 г. Она приняла решение закончить в короткий срок сбор архивных материалов периода КНР и дореволюционных правительств, утвердить технику упорядочения материалов, активно проводить работу по отбору и просмотру архивных материалов, продолжать готовить кадры архивистов. В четвертом номере журнала приводятся многочисленные выступления и высказывания, в которых горячо поддерживается новый курс (стр. 12—13). Специальные страницы журнала с марта 1958 г. стали освещать движение за необычайно быстрые темпы развития.

С 7 по 16 апреля в Секретариате ЦК КПК и ГАУ состоялись две конференции руководящих архивных работников, на которых представители архивных учреждений обсуждали свою работу в свете исторических задач, поставленных перед страной. Участники совещаний пришли к единому мнению, что архивное дело должно идти в ногу с развитием страны, служить делу строительства социализма. Чтобы успешно выполнить намеченные задачи, нужно прежде всего повысить идеологический уровень работников, бороться со всякого рода чуждыми социализму явлениями — консерватизмом, догматизмом и др.

Решения конференции вызвали широкий отклик. В шестом номере журнала помещены отчеты о прошедших в провинциях Шэньси, Хэнань, Хэбэй, Аньхой и других конференциях, единогласно поддержавших решения апрельских совещаний (стр. 18—20).

Таковы основные вехи развития архивного дела в Китае за 1958 г.

Целый ряд статей освещает важные вопросы о становлении архивных учреждений в стране и работе в них.

Так, во втором номере журнала имеется сообщение о создании местных архивов в 11 провинциях, округах местного самоуправления и городах центрального подчинения — Шанхае, Тяньцзине, Пекине, провинциях — Аньхой, Хэйлунцзян, Ляонин, Хэбэй, Шэньси, Сычуань, во Внутренней Монголии (стр. 6). В четвертом номере опубликовано сообщение о создании Бюро упорядочения материалов в провинции Шаньдун. Интересный фактический материал содержится в статье Гу Юэ «Работа по упорядочению и использованию материалов в 1-м Историческом архиве». В этом архиве хранится около 5 млн документов эпох Мин и Цин, представляющих большой интерес для изучения целого ряда проблем истории Китая. Ранее в архиве не существовало единой методики обработки и хранения материалов, что создавало большие трудности при пользовании источниками.

К настоящему времени при помощи ГАУ и сотрудников ряда учебных заведений удалось разобрать около 800 тыс. документов. В архиве создана специальная исследовательская группа.

Среди дискуссий, развернутых журналом, следует отметить обсуждение проблемы «Является ли формирование документов в дела научной проблемой и может ли оно осуществляться?». Дискуссия началась еще в третьем номере журнала за 1957 г. Редакция получила 27 статей, в которых предлагалось решение проблемы. В пятом номере журнала редакция подвела итоги дискуссии (стр. 11—13). Подчеркнув важность поднятого вопроса, редакционная статья отмечает, что в ходе обсуждения его была утверждена научная система расстановки.

В статье говорится, что «опыт Китая и Советского Союза свидетельствует о научности этой теории. Мы надеемся и призываем архивных работников активно осуществлять решение Государственного административного совета».

Весьма ценная статья Фэн Чжи-чжи «Председатель Мао Цзэ-дун обращает серьезное внимание на сбор материалов» (№ 10, стр. 13). Автор подчеркивает, что вожди революции всегда, как свидетельствует изучение теории и практики советского архивного дела, придавали значение использованию архивных материалов. В своей статье Фэн Чжи-чжи показывает, что товарищ Мао Цзэ-Дун в этом отношении наследовал великие революционные традиции. Так, в условиях борьбы с гоминдановцами, он придавал большое значение захвату их архивов. О необходимости использования архивов имеются его замечания в работах «Место Коммунистической партии Китая в национальной войне», «Перестроим нашу учебу» и многих других. Автор считает, что серьезное внимание товарища Мао Цзэ-дуна к использованию материалов должно вдохновлять архивных и научных работников страны.

Интересные факты имеются в статье «Каким образом в Пекинской библиотеке собираются и хранятся авторские рукописи» (стр. 21—22). Здесь приводятся сведения о имеющихся в Пекинской библиотеке рукописях по истории движения «4-го мая», истории КПК, движения за новую культуру, по вопросам политики, экономики и культуры за 40 лет. Весьма ценным для ученых является составленный библиотекой авторский и предметный каталог рукописей. Интересна также заметка о Цюань Цзу-ване, коллекционере авторских рукописей эпохи Цин (XVII—XX вв.) (стр. 26).

В ряде статей отражен процесс становления методов классификации материалов в архивах Китая. Среди материалов на эту тему можно отметить статью Инь Чжэнь-ци «Об изучении десятичной системы классификации материалов» (№ 4, стр. 21—23), где автор также освещает вопрос о методах классификации материалов в старом Китае.

Большое место в журнале уделяется обмену опытом по упорядочению и использованию архивов. Особенно интересны статьи И Тун «Развивать опыт по использованию архивов» (№ 10, стр. 5—7), Гэ Фэна «Опыт работы по сбору и использованию материалов в провинции Хэнань» (№ 10, стр. 3—4) и др.

Интересные сведения о содружестве архивистов и историков приводятся в статье Чу Юэ «Исторический факультет Пекинского университета принимает участие в упорядочении исторических материалов». Коллектив факультета в свободное от работы время помог архивистам привести в порядок документы эпохи Цин, хранящиеся в 1 Историческом архиве. Работу возглавил декан факультета, известный китайский историк Цзян Бо-цзань (№ 7, стр. 20).

Наконец, в журнале имеются сведения об организуемых в Китае выставках архивных документов. Наиболее интересной была выставка архивов эпохи Мин и Цин в Пекине. Она была открыта в известном памятнике эпохи Мин — хранилище архива «Хуаншиу». В ней приняли участие Архив эпохи Мин и Цин, Нанкинская комиссия по упорядочению исторических материалов III Института истории Академии наук КНР.

Выставку посетило более 6 тысяч человек. Среди них были руководящие товарищи и кадровые работники, архивисты и работники канцелярий, известные историки и научные работники других отраслей знаний, преподаватели и т. п. Выставку посетили делегация архивных работников ДРВ, советские специалисты и т. д.

В Китае сейчас собрано большое количество архивных документов. В архиве эпох Мин и Цин—более 5 млн документов, в Нанкинском архиве более 1,3 млн томов документов, освещающих историю страны в эпоху бейянского господства, гоминдановского правления, марионеточных режимов и т. д. Конечно, на выставке представлена лишь небольшая часть этих материалов. В первом зале дан исторический очерк развития архивного дела в КНР, показано внимание партии и правительства к делу централизации архивов, создания единой системы управления ими и подготовки кадров архивных работников. Здесь же отражены успехи указанных выше архивов за девять лет работы. Важнейшая часть выставки посвящена демонстрации самих документов, размещенных в 30 специальных тематических разделах. Документы, представленные здесь, являются ярким доказательством предательской деятельности Юань Ши-кая и Цао Куня, борьбы Гоминдана с развитием революционного движения; материалы свидетельствуют о сговоре китайской и международной реакции в порабощении китайского народа и освещают вехи борьбы китайского народа за свое освобождение.

В журнале печатаются переводы статей по архивному делу из иностранных, главным образом советских, журналов.

Рецензируемый журнал, несомненно, представляет интерес для всех, кто изучает развитие архивного дела в КНР.

Р. А. Мировицкая

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК [1]

Рецензируемая книга является первым томом нового периодического издания, которое осуществляется Археографической комиссией Академии наук СССР. «Археографический ежегодник» ставит своей задачей, как об этом написано в предисловии, опубликование «статей и материалов по археографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам» [2], имеющим «громадное значение для развития исторической науки в целом» (стр. 3). С этой точки зрения нельзя не приветствовать выход первого тома ежегодника и не пожелать ему дальнейшего развития и укрепления.

Книга состоит из четырех разделов. Со-

[1] Археографический ежегодник за 1957 год. Под. ред. акад. М. Н. Тихомирова, Изд. АН СССР, М., 1958, 520 стр.

[2] По-видимому, должно быть «...и другим вспомогательным историческим дисциплинам».

гласно предисловию, в первый раздел входят статьи «по вопросам археографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам», второй раздел состоит из обзоров архивного материала, библиографических обзоров, систематических обзоров документов;; в третьем разделе помещены публикации документов; в четвертом — хроника. В отношении публикаций сделана оговорка о том, что в ежегоднике предполагается печатать только небольшие публикации документов, имеющие выдающееся значение и снабженные комментариями (там же).

Внутри каждого раздела (кроме второго) соблюдается хронологическая последовательность. Такое деление тома и распределение в нем материала, кроме тех случаев, о которых будет сказано ниже, никаких сомнений не вызывает. Возникает лишь вопрос — будет ли эта структура сохранена в следующих томах ежегодника?

Том открывается двумя статьями, посвященными нумизматике: Г. А. Федорова-Давыдова «Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой орде» и В. Л. Янина «О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII вв.». Нельзя не признать удачным помещение в одном сборнике этих статей, ибо сопоставление выводов, полученных как в отношении золотоордынской денежной системы, так и в отношении русской денежной системы, позволяет сделать ряд интересных наблюдений и выводов и прежде всего о том, что, несмотря на наличие общих весовых стандартов, русская и золотоордынская денежные системы развивались самостоятельно, вопреки установившемуся в начале XX в. мнению о том, что русская монетная чеканка ведет свое начало от золотоордынских монетных норм. Таким образом, опубликованные в ежегоднике статьи, помимо специального интереса, имеют большое значение и для решения общих вопросов истории России периода феодализма.

Далее следует очень интересная статья А. Н. Насонова «О тверском летописном материале в рукописях XVII в.», центральное место в которой занимает публикация найденного им фрагмента тверского летописного свода. Эта публикация интересна прежде всего тем, что подтверждает выводы А. Н. Насонова, сделанные им в 1926 г. о существовании тверского летописного свода [3].

В то же время необходимо отметить, что эту статью (являющуюся своего рода комментарием к публикуемому отрывку из тверского свода) следовало поместить не в первом разделе сборника, а в третьем, где должны публиковаться источники; это нисколько не умалило бы ее большого научного значения и интереса.

В статье А. А. Зимина «Состав Боярской думы в XV—XVI вв.» ставится задача выяснить состав Боярской думы, начиная с конца XV в. по 1584 г., «без чего,— пишет автор,— нельзя представить себе деятельность этого учреждения» (стр. 44) и определить роль, которую оно «играло... в административном аппарате Российского централизованного государства». Автор справедливо замечает, что «изменения в составе Боярской думы наглядно отражают борьбу за укрепление государственного аппарата, за ограничение власти боярской аристократии» (стр. 41).

Исходя из этих совершенно верных предпосылок, А. А. Зимин строит свое исследование. Начиная с характеристики использованных им источников, он прежде всего решительно отрицает достоверность основного источника для определения состава Боярской думы — т. н. «Шереметевского списка думных чинов». Здесь следует отметить, что несмотря на всю решительность тона, автор не показал и не доказал недостоверность этого источника [4], составленного в официальных целях и базирующегося на вполне достоверном материале разрядных книг, которые А. А. Зимин считает для себя основным источником. В этом исследовании, кроме «Шереметевского списка» и разрядных книг, использовано огромное количество различных источников, потребовавших большой и крайне трудоемкой предварительной работы, которая, правда, значительно облегчена благодаря работам С. Б. Веселовского, не только введшим в научный оборот такие источники, как синодики и вкладные книги монастырей, но и составившим к ним указатели, которые сделали этот материал доступным для исследователей [5]. Говоря об использованных А. А. Зиминым источниках, следует отметить недостаточное использование им летописей и, в частности, хронографа 1512 г., где под 1497 г. сохранился список бояр Ивана III [6].

[3] А. Н. Насонов. Летописные своды Тверского княжества. «Доклады» АН СССР, 1926; его же. Летописные памятники Тверского княжества, ч. I—II. «Известия» Отделения гуманитарных наук АН СССР, 1930, № 9—10.

[4] А. А. Зимин в сущности повторил то, что уже было сказано В. О. Ключевским и С. Б. Веселовским, обратившими внимание на неверность хронологических показаний «Шереметевского списка» (В. О. Ключевский. Боярская дума. П., 1919, стр. 217; С. Б. Веселовский. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном. «Исторические записки», т. 15, стр. 67).

[5] С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940; см. также его же. «Синодики и вкладные книги монастырей» (рукопись).

[6] ПСРЛ, т. XXII, прилож. II, стр. 513; С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа 1512 г. «Исторический архив», М., 1951, т. 7, стр. 272—273.

Выяснить состав (количественный и именной) Боярской думы в конце XV в., а тем более проследить происходившие в нем изменения, А. А. Зимину не удалось из-за отсутствия материала, что он отмечает и сам (стр. 44).

Исследование же состава Боярской думы и характер тех изменений, которые в нем происходили в течение XVI в. (до 1584 г.), особенно в период опричнины, дало интересные и ценные результаты, хотя громадный использованный материал позволял ожидать от автора более развернутого исследования. В целом же статья является несомненным вкладом в историографию XVI в.

При сопоставлении текста и подстрочных примечаний бросается в глаза несогласованность приводимых автором дат в тексте и под строкой. А. А. Зимин дает одну датировку получения боярского чина, а источники сообщают другую (стр. 54, прим. 153; стр. 57, прим. 200; стр. 63, прим. 260 и т. д.). Эта несогласованность в какой-то степени подрывает доверие и к цифрам (численному составу по годам) таблицы. К статье приложены таблица численного состава Боярской думы и список членов ее. Таблица полезна, ибо она со всей наглядностью позволяет проследить сначала рост, а затем резкое падение количества бояр — членов Боярской думы. Что же касается окольничих, то тут определенной тенденции не заметно. Это обстоятельство, к сожалению, осталось в тексте статьи не отмеченным и не объясненным. Кроме сказанного выше о сомнительности цифр таблицы, следует отметить также некоторое несовпадение цифр таблицы с цифрами, приводимыми в тексте; так, например, в таблице отмечено, что в 1563 г. было 42 человека бояр, в 1564 г.— 33, а в тексте сказано, что накануне опричнины было в думе 33—34 боярина (стр. 72 и 82).

Что же касается списка, то он ничего не дает читателю, ибо в нем не указано, за какое время он составлен, не проставлены даты у отдельных членов думы и, наконец, не указано, кем является данное лицо — боярином или окольничим.

В. И. Буганов в статье «Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 годов» установил существование сокращенной редакции разрядной книги 1605 г., определил время, место, цели составления ее и путем сопоставления текста краткой и пространной редакции пришел к выводу, что текст краткой редакции является сокращенным текстом пространной редакции, которую, по его мнению, необходимо опубликовать, так как она содержит много нового и притом официального материала.

Автору статьи «Новоторговый устав 1667 г.» Е. В. Чистяковой при содействии А. А. Зимина и В. А. Александрова удалось найти и изучить три новых списка устава, текст которых, однако, не имеет существенных отклонений от опубликованных списков. Е. В. Чистякова поставила перед собой задачу изучить источники устава, определить его значение как исторического источника и показать его влияние на торговое законодательство второй половины XVII в.

В числе источников автор называет личные письма, проекты и отдельные высказывания автора Новоторгового устава А. Л. Ордина-Нащокина; однако в дальнейшем ограничивается только лишь разбором трех его псковских «памятей». Вопрос о влиянии устава на торговое законодательство II половины XVII в., поставленный в начале статьи, не рассматривается вовсе, равно как и вопрос о практическом применении устава, оставленный Е. В. Чистяковой для специального исследования. На основании текста устава автор пытался установить перечень предметов товарного производства России XVII в., а также определить условия труда, наличие вольнонаемных рабочих, связь ремесленников с рынком и т. п. вопросы, ответы на которые трудно найти в уставе и на которые с гораздо большей полнотой отвечают другие многочисленные источники.

Б. Б. Кафенгауз в своей статье «Таможенные книги XVIII в.» справедливо отмечает, что вопросы внутренней и внешней торговли, мелкой промышленности и сельского хозяйства России XVIII в. мало привлекали внимание исследователей и что изучение этих вопросов является одной из первоочередных задач советских историков. Также справедливо и то, что важнейшим источником для изучения истории как внутреннего рынка, так и внешней торговли XVIII в. являются таможенные книги XVIII в., которые, в отличие от таможенных книг XVII в. (прочно вошедших в научный оборот), почти не изучены. Изучение таможенных книг XVIII в., хранящихся в ЦГАДА, позволило Б. Б. Кафенгаузу не только дать подробную характеристику их, но и написать на их материале специальную монографию[7], использовав материал таможенных книг за первую половину XVIII в.

Статья В. К. Яцунского «О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв.» посвящена одному из наиболее отсталых участков советской археографии. В этой статье В. К. Яцунский показал типы источников и дал образцы наиболее интересных из них — окладных книг, ведомостей и т. п. Кроме того, В. К. Яцунский, «не претендуя на составление целостной программы публикации» (стр. 171), развил в своей статье грандиозную программу публикаций источников по социально-

---

[7] Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958.

экономической истории России XVIII—XIX вв. К сожалению, в своей интересной и обстоятельной статье автор не поставил вопрос о формах публикации перечисленных им источников, многие из которых требуют предварительной обработки.

В работе В. А. Кондратьева «Из истории издания документов о деятельности Советов рабочих депутатов 1905 г.» поставлена задача дать краткий обзор документальных изданий по истории Советов и показать на их примере развитие приемов и методов издания документов. Проделать эту работу было крайне важно, ибо документы по истории первой русской революции, издававшиеся как в центре, так и на местах, нигде не подвергались рассмотрению, кроме беглого обзора их в книге С. Н. Валка «Советская археография» (М.— Л., 1948), а вместе с тем в дореволюционных изданиях делалась попытка фальсификации истории первой русской революции, не говоря уже о том, что многие издания основательно забыты.

Г. Е. Рейхберг в своей статье «Издание серии документальных сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция и местные архивы», раскрывая задачи этой серии документальных сборников, знакомит читателя со специальной «памяткой», разработанной для местных архивов на предмет систематического выявления материалов для запланированной серии.

И. А. Миронова в свой статье «Записки И. Д. Якушкина о движении декабристов» подвергает тщательному и всестороннему источниковедческому анализу прочно вошедшие в литературу «Записки» И. Д. Якушкина и приходит к выводу, что вследствие своей достоверности и широте затрагиваемых в них вопросов они являются одним из важнейших источников по истории движения декабристов.

Работа Б. Г. Литвака «К истории формуляра уставной грамоты 1861 г.» представляет не только серьезный научный интерес, но и приобретает в настоящий момент практическое значение в связи с той большой работой, которая ведется по подготовке к печати уставных грамот.

Второй раздел сборника содержит тематические обзоры архивных материалов фондов Астраханской приказной палаты, Государственного архива Ростовской области и фондов ряда архивов, содержащих документы о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. Первый из них подробно раскрывает историю русско-индийских торговых отношений в последней четверти XVII в., второй — историю Донского казачества в XVIII—XIX вв., третий — подготовку и проведение Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.[8]. Авторы последнего обзора проделали огромную работу в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве военно-морского флота и Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. В этих архивах сосредоточен основной материал по данной теме. Материалы фондов, хранящихся в указанных архивохранилищах, позволяют, как это хорошо показано авторами обзора, изучить выдающуюся роль Петроградского военно-революционного комитета и непосредственную роль рабочих и солдат Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г., роль Петроградских городского и районных Советов, организацию Красной гвардии, проследить ход самого восстания и многие другие не менее важные моменты восстания. При отсутствии развернутых научных описаний данных фондов опубликование обзоров приобретает важное значение, помогая ориентироваться в огромнейшей массе документов.

Проделанная С. М. Каштановым трудоемкая работа по выявлению и составлению хронологического перечня иммунитетных грамот XVI в. (как опубликованных, так и не опубликованных) облегчает исследование не только занимающимся этими вопросами, но и всем тем, кто изучает различные стороны исторического процесса XVI в., ибо автором указываются не только даты, но и раскрывается содержание каждой грамоты, сообщаются сведения о последующих «подтверждениях» ее и подлинности, указывается место хранения и, наконец, перечисляются все ее публикации. Поэтому очень важно скорейшее издание как второй части перечня, так и указателей к нему. Однако, давая безусловно положительную оценку этой полезной работе, необходимо отметить некоторые досадные моменты. В статье не дано определение иммунитетной грамоты и не перечислены разновидности грамот, включенных в обобщенное понятие иммунитетной грамоты; поэтому у пользующегося перечнем нет уверенности в его полноте. На стр. 303 сделана оговорка о том, что «подтверждения» 1505—1583 гг. «указываются в обязательном порядке», но следовало бы отметить (хотя бы условным

[8] Р. В. Овчинников. Обзор документов Астраханской приказной палаты о русско-индийской торговле последней четверти XVII в.; А. П. Пронштейн. Обзор материалов по истории Донского казачества XVIII—XIX вв., хранящихся в Государственном архиве Ростовской области; И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг, Ю. С. Токарев. Обзор документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.

знаком) те грамоты, которые не имеют более поздних «подтверждений». Далее допущена досадная фактическая неточность — говорится о «картотеке печатных актов, составленной в начале XX в. под руководством А. С. Лаппо-Данилевского» и хранящейся в архиве Ленинградского отделения Института истории (стр. 305). В этой картотеке жалованных грамот и других публичных актов не было, ибо она включала только частные акты; кроме того, она погибла в годы Великой Отечественной войны. Вероятно, автор имел в виду другую картотеку, составленную в 1934—1935 гг. под руководством С. Н. Валка и действительно хранящуюся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР

Весьма полезная работа была проделана О. И. Шведовой, составившей указатель «Трудов» губернских архивных комиссий и отдельных их изданий. Эта работа восполнила серьезный пробел в существующих библиографиях.

Редакция ежегодника поступила правильно, поместив отчет об археографических поездках сотрудников отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 1953—1956 гг. Отчет еще раз показал необходимость таких поездок как в целях разыскания и спасения, так и описания (и введения таким образом в научный оборот) имеющихся на местах рукописей и отдельных документов. Археографической комиссии следовало бы сделать из этого соответствующие выводы и планомерно и систематически проводить такие поездки по заранее выработанному плану, согласованному с другими, заинтересованными учреждениями.

Переходя к публикациям отдельных документов, помещенных в ежегоднике, и признавая весь интерес опубликованных документов, следует, однако, отметить, что из девяти новгородских грамот [9]—две были опубликованы ранее [10] по другим, отличным от настоящих, спискам, поэтому в настоящем издании следовало бы отметить в подстрочных примечаниях имеющиеся в них разночтения.

Интересная публикация Я. С. Лурье сделана по частной машинописной копии; это, конечно, снижает степень достоверности печатаемого материала. Кроме того, удивляет отсутствие указания на шифр, под которым публикуемые документы хранятся в Венском государственном архиве.

Заканчивается рецензируемый том хроникой, в которой наибольшее внимание привлекают статьи Л. Н. Пушкарева «Четыре года работы сектора источниковедения и издания исторических документов дооктябрьского периода (1953—1957 гг.)» и Ю. О. Бема «Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР». В первой статье дано обстоятельное и четкое представление о работе сектора, много сделавшего за короткий срок своего существования не только в отношении опубликования многих ценных сборников документов по различным вопросам истории СССР, но и проведшего большую и очень сложную работу по выработке правил издания документов, а также достигшего известной координации издательских усилий отдельных научно-исследовательских и архивных учреждений Украины, Белоруссии, Прибалтики и т. д. Выпускаемые сектором «Проблемы источниковедения» всегда публикуют интересные и ценные статьи по отдельным вопросам археографии и источниковедения и пользуются заслуженным вниманием специалистов. Статья же Ю. О. Бема вызывает удивление своей фактической неточностью. Так, например, «Первая Археографическая комиссия» проводила археографические экспедиции не только в 1904 г., но и до и после этого времени; в 1922 г. Археографическая комиссия была не только передана в Академию наук СССР, но и слита с постоянной исторической комиссией, что изменило профиль ее работы. Из статьи остается неясным, в течение какого времени существовал Археографический совет, каковы были его задачи и каковы результаты деятельности. То же можно сказать и об Археографической комиссии, существовавшей с 1944 по 1948 г. Нет достаточной четкости и в изложении задач нынешней Археографической комиссии и проделанной ею работы.

В целом рецензируемый сборник безусловно содержателен, интересен и полезен, ибо в нем нашли свое освещение различные проблемы истории СССР периодов феодализма, капитализма, империализма. Они разработаны в серьезных и интересных статьях, базирующихся на большом, свежем документальном материале. Некоторые из них по сути дела являются монографическими исследованиями. Этот монографический характер статей следует сохранить и в последующих томах ежегодника. В них хотелось бы увидеть и обещанные в предисловии статьи по археографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

К. Н. Сербина

---

[9] В. И. Корецкий. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря.

[10] Е. В. Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. ЧОИДР, М., 1868, кн. 1; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1946, № 288.

КНИГА О РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК[1]

Выходом в свет второго выпуска книги «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук» окончен большой труд, посвященный истории одного из крупнейших хранилищ рукописей Советского Союза.

Первый выпуск состоит из двух почти равных частей. Он открывается статьей М. Н. Мурзановой — «Первые фонды рукописных книг академической библиотеки». Статья содержит три очерка: «К истории библиотеки Петра I», «Обзор Собрания рукописных книг Петра I», «К истории собрания книг царевича Алексея Петровича». Далее следуют статьи Е. И. Бобровой «Обзор иностранных печатных книг Собрания Петра I» и В. А. Петрова «История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в.». Вторая часть книги («Приложения») включает в себя публикацию «Реестров» 1725 и 1729 гг., книг и рукописей библиотеки Петра I и описи рукописей отдельных собраний XVIII в.

Прежде всего необходимо отметить огромную работу, проделанную авторами обзоров Собрания Петра I, по выявлению среди рукописных и печатных фондов библиотеки книг, принадлежавших Петру. Для этого пришлось произвести «сплошной просмотр материалов отдела рукописной книги, ограниченный конечным 1725 г. Просмотрены были одна за другой все рукописи, включая при этом и те, время написания которых не было установлено точно» (стр. 32). В результате удалось определить с возможной полнотой круг чтения Петра, его сына Алексея Петровича и составить представление о процессе формирования книжных фондов Библиотеки Академии наук в XVIII в.

Следует отметить, что более правильным было бы поместить сразу вслед за очерком истории библиотеки Петра I и обзором русских рукописных книг его собрания, обзор иностранных печатных книг Собрания Петра I, а уже после этого — очерк о книжном собрании Алексея Петровича. Эти обзоры настолько цельно и полно воссоздают круг «книжных» интересов Петра, что разделять их не было смысла, несмотря на то, что написаны они разными авторами.

Нередко случается, что исследователь, занимаясь тем или иным вопросом, склонен придавать ему большее значение, чем это есть на самом деле. В какой-то степени это нашло место и в рассматриваемой книге. Мы имеем в виду оценку, данную М. Н. Мурзановой, библиотечной деятельности Петра I: «Петр I положил в России начало *первому государственному книгохранилищу и научной библиотеке*» (стр. 9—10, подчеркнуто автором). Нет спору, что роль Петра I в создании государственного книгохранилища в России, каким явилась Библиотека Академии наук, была огромна. Но из слов М. Н. Мурзановой получается, что до Петра I на Руси не было государственных книжных собраний, а имелись лишь частные библиотеки. С подобным утверждением нельзя согласиться. Без сомнения, государственными и, в какой-то степени научными, были дворцовые библиотеки и библиотеки некоторых приказов. Дело, очевидно, заключается в том, что Петр I положил основание первому государственному книгохранилищу светского характера, библиотеке научной в современном значении этого слова. Можно, вероятно, сказать, что Петр положил основание *публичной* библиотеке, так как книги, переданные им из своей коллекции в Кунсткамеру, предназначались для ознакомления с ними широкого круга лиц.

Во втором томе рассматриваемой книги приводится цитата из доклада академика А. А. Шахматова, сделанного на общем собрании Академии наук в 1899 г.: «Рукописное отделение... составляет то зерно, из которого образовалась вся Библиотека Академии, ибо в нем хранятся рукописи, сопутствовавшие Петру Великому в его путешествиях, принадлежавшие к царевичевской библиотеке сыновей Алексея Михайловича, к библиотеке Алексея Петровича» (стр. 26). Эта характеристика Шахматова, данная рукописному отделу Библиотеки Академии наук (БАН), полностью подтверждается обзором первого тома. Первые статьи первого тома «Исторического очерка...» по существу являются историческим очерком образования и становления Библиотеки Академии наук. В этом отношении название первого тома не соответствует его содержанию, но такое несоответствие полностью оправдано ролью рукописного отдела в формировании Библиотеки Академии наук.

Во втором выпуске содержатся материалы по истории рукописного отдела БАН за период с начала XIX в. по 1954 год. Здесь по существу дана вся история рукописного отдела как самостоятельной большой части Библиотеки Академии наук. Выпуск открывается обстоятельным «Историческим очерком рукописного отделения Библиотеки Академии наук», написанным А. И. Копаневым и В. А. Петровым. Этот очерк, так же как и исторические обзоры первого тома, характерен тем, что история рукописного отдела здесь тесно связана с историей самой Академии и

---

[1] Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Ответственный редактор В. П. Адрианова-Перетц, вып. I, XVIII в., М.— Л., Изд. АН СССР, 1956, 483 стр.; вып. II, XIX—XX вв., М.— Л., Изд. АН СССР, 1958, 398 стр.

всей отечественной науки. В частности, авторы очерка уделяют внимание деятельности Археографической комиссии по собиранию рукописей в России.

История деятельности рукописного отдела в этот период может быть разделена на два основных направления: пополнение фондов рукописного отдела новыми приобретениями и описание рукописных собраний, которыми располагал отдел к этому времени. За первое десятилетие XX в., благодаря неутомимой деятельности академика А. А. Шахматова и В. И. Срезневского, были приведены в известность фонды рукописного отдела, остававшиеся в своей значительной части, из-за отсутствия описаний, недоступными для исследователей. Одновременно шло пополнение рукописного собрания путем закупок рукописей и археографическими экспедициями, систематически проводившимися рукописным отделом. Из «Исторического очерка...» мы видим, что работа по выявлению и описанию рукописей в собраниях рукописного отдела, интенсивно начатая по инициативе А. А. Шахматова, успешно ведется в отделе до настоящего времени. Красноречивым свидетельством этой работы является рецензируемая книга. Большая работа развернута отделом по обслуживанию многочисленных читателей и ознакомлению широких масс с книжной культурой древней Руси путем организации выставок и экскурсий. Не прекращается до настоящего времени и работа отдела по пополнению фондов. К сожалению, пополнение идет в основном за счет приобретения рукописных собраний у частных лиц, археографическая же деятельность рукописного отдела по существу прекратилась. За послевоенный период была организована лишь одна археографическая экспедиция в 1952 г. в Латвийскую ССР, в результате которой было приобретено 29 рукописей. Приводимые в книге слова А. А. Шахматова о том, что «Еще не потеряна надежда на новые находки, нельзя думать, будто иссяк источник, могущий сообщить новые факты из истории культуры русского народа» (стр. 22), несмотря на то, что они были сказаны в 1907 г., сохранили свое значение и в настоящее время, и прямой долг рукописного отдела продолжить столь успешно проводившиеся им в начале XX в. археографические экспедиции.

Центральной частью второго тома являются обзоры собраний рукописей. Всего в этих обзорах описано сорок семь собраний, составляющих русский фонд рукописного отдела. Сорок три обзора написаны М. Н. Мурзановой, два обзора А. И. Копаневым и два — В. Ф. Покровской. Кроме того, имеются обзоры собрания иностранных рукописей (автор Е. И. Боброва) и собрания греческих рукописей (автор Е. Э. Гранстрем). Обзоры дают общую, суммарную характеристику тех собраний, из которых состоит фонд рукописного отдела, раскрывают историю происхождения и поступления каждого собрания, как единого целого, в библиотеку, обращают внимание читателя на наиболее ценные и интересные рукописи. Разумеется, обзор не может заменить описания рукописей, однако он должен дать читателю полное представление о составе собрания и его особенностях. Обзор является своего рода сокращенным и обобщенным конспектом подробного описания собрания, он служит первоначальным источником, по которому читатель будет знакомиться с коллекцией рукописей. Не заменяя описания, обзор должен дать с исчерпывающей полнотой представление о составе и характере собрания, в нем должны быть перечислены все наиболее ценные рукописи рассматриваемого собрания, указано на наличие или отсутствие более подробного его описания, отмечено, какие из рукописей опубликованы и какие не опубликованы, но представляют научный интерес.

В целом обзоры рецензируемой книги отвечают тем требованиям, которые можно к ним предъявить, и заслуживают самой высокой оценки, так же как и обзоры первого выпуска. Всем обзорам без исключения присуща полнота исторических сведений о лицах или учреждениях, от которых рассматриваемые собрания поступили в Библиотеку Академии наук. В них обстоятельно излагается история создания того или иного собрания и его поступления в библиотеку. Помимо исторических сведений о собраниях, характеристики их состава, обзоры отмечают палеографические особенности рукописей (наиболее интересен в этом отношении обзор Архангельского собрания).

Однако хотелось бы обратить внимание и на некоторые недостатки обзоров. Почти в каждом из них отмечается наличие или отсутствие подробного описания (печатного или на карточках) рассматриваемого собрания. Но в обзорах собраний Э. И. Калужняцкого, А. А. Дмитриевского, Г. Д. Филимонова, А. Л. Петрова, Ф. А. Каликина и некоторых других таких сведений, к сожалению, нет. Читателю не ясно: отсутствуют ли вообще подробные описания этих собраний или же составитель обзоров просто не упомянул о них.

Большинство собраний рукописного отдела имеет подробные описания либо печатные, либо на карточках. Но в целом ряде случаев на некоторое количество рукописей того или иного собрания подробного описания нет, а имеется лишь инвентарная опись. Иногда количество таких рукописей достигает довольно высокой цифры. Так, например, в собрании Н. Я. Колобова отсутствуют описания более чем на 300 единиц хранения. Читателя может заинтересовать вопрос: на какие именно рукописи нет подробного описания? Перечислять все эти рукописи означало бы заменять обзор описанием. Одна-

ко каким-то образом дать особую характеристику, хотя бы краткую, тех рукописей, на которые нет подробного описания, было совершенно необходимо. Это значительно увеличило бы справочную ценность всех обзоров.

В первом томе, в очерке В. А. Петрова, посвященном истории рукописных фондов с 1730 г. до конца XVIII в., при характеристике списков летописей указывалось, в каких изданиях и как эти списки были использованы. В некоторых случаях и в обзорах второго тома даются сведения о публикации той или иной рукописи, упоминаемой в обзоре.

Сведения о публикуемых списках даны в обзоре собрания Воронцовых, отмечается опубликованный список «Истории об отцах и страдальцах соловецких» из собрания А. Е. Бурцева, говорится, что было опубликовано предисловие инока Селивана к переводу «бесед» Иоанна Златоуста по списку из собрания Э. И. Калужняцкого, называются опубликованные рукописи из собрания А. Л. Петрова. Подобного рода сведения в обзорах чрезвычайно ценны. Было бы необходимым *во всех* случаях при упоминании списков летописей, литературных произведений, житийных памятников отмечать, использовались ли они в каких-либо изданиях или нет. К сожалению, авторы обзоров этого не сделали.

Имеются в обзорах и некоторые совсем незначительные, но тем более досадные, недостатки. Так, например, непонятно, почему при перечислении списков житийных произведений авторы обзоров как бы пытаются «оправдаться» в том, что они обращают внимание читателя на житийные тексты, оговариваясь, что последние являются своего рода историческими источниками. Никто не станет оспаривать исторического значения целого ряда житийных памятников древнерусской литературы. Но это одна из сторон житий. Не менее, если не более, ценны для нас произведения житийного жанра и как литературное явление. И, разумеется, в обзорах надо было отмечать списки житий без каких-либо оговорок, как большой самостоятельный раздел древнерусских произведений. В обзоре основного фонда неудачным представляется определение житий Никона, боярыни Морозовой и Евдокии Урусовой как «своеобразных биографий» (стр. 92). В конце концов каждое житие является своеобразной биографией и каждое из них, в чем-то совпадая с другими, отличается своей оригинальностью. В начале описания собрания Ф. М. Плюшкина говорится, что в нем 295 ед. хр., а в конце сообщается, что «подобное описание имеется на 296 ед. хр.» (стр. 126 и 128). В «Историческом очерке» сообщается, что к 1 августа 1925 г. в рукописном отделе «находилось документальных материалов 1300 метров полок, рукописей — 750 метров» (стр. 57—58). Конечно, эти сведения интересны и очень наглядны, однако в советских хранилищах материалы, как правило, не измеряются на погонные метры стеллажей. Такие сведения были бы более уместны в занимательно-популярном очерке. В то же время они свидетельствуют о плохой постановке учета рукописей в БАН.

Заканчивается второй том исследованием М. В. Кукушкиной «Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX вв.». Это большое самостоятельное исследование (кстати сказать, его гораздо целесообразнее было бы издать отдельной книгой) требует особой рецензии специалиста по филиграням и историка русских бумажных фабрик. Пока же хочется лишь отметить кропотливую и поистине «филигранную работу», проделанную автором по изучению водяных знаков на русской бумаге XVIII — нач. XIX в. Работа М. В. Кукушкиной в значительной степени дополняет все известные труды в этой области. Особая ее ценность заключается в том, что водяные знаки русских бумажных фабрик XVIII — нач. XIX в. являлись наименее изученными. Благодаря исследованию М. В. Кукушкиной в научный оборот входит обзор, описание и характеристика 637 филиграней, из которых 489 публикуются впервые. Работа М. В. Кукушкиной выгодно отличается от всех известных работ по бумажным водяным знакам тем, что это не только справочник, но и обзор филиграней, данный на фоне истории русских бумажных фабрик, которым принадлежали рассматриваемые в исследовании филиграни.

Бесспорно, «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук» по содержанию гораздо шире своего названия. В значительной степени это книга по истории русской книжной культуры вообще. Поэтому она будет высоко оценена не только теми, кому приходится непосредственно работать над книгами рукописного отдела БАН, не только специалистами, занимающимися вопросами, связанными с рукописной книгой, но и всеми любителями и ценителями русской книги.

Л. А. Дмитриев

Научная информация

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

13—15 апреля 1959 г. в г. Ташкенте состоялось совещание руководящих и научных работников архивных учреждений республик Средней Азии и Казахстана. На совещании с докладом «Задачи архивных учреждений в свете решений XXI съезда КПСС» выступил заместитель начальника Главного архивного управления СССР Н. Р. Прокопенко. Кроме того, были заслушаны содоклады начальника Архивного управления Узбекской ССР А. Х. Насырова «О работе Архивного управления по руководству государственными архивами Узбекской ССР», начальника Архивного управления Казахской ССР Н. Н. Федорова «О работе Архивного управления по руководству ведомственными архивами» и начальника Архивного отдела Киргизской ССР В. Д. Самсонова «Об организационных мероприятиях, направленных на улучшение работы архивных учреждений Киргизской ССР».

Н. Р. Прокопенко рассказал о решениях XXI съезда КПСС и отметил, что архивные учреждения страны, в том числе и республик Средней Азии и Казахстана, за последние годы добились известных положительных результатов в выполнении основных задач, вытекающих из решений XX съезда КПСС, постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» и аналогичных постановлений республиканских правительств. Осуществленные в связи с этим Главным архивным управлением, республиканскими и местными архивными органами мероприятия способствовали дальнейшему улучшению всей деятельности советских архивов. Архивные учреждения стали значительно больше уделять внимания вопросам обеспечения сохранности и всестороннего использования документальных материалов.

Многолетний опыт деятельности советских архивных учреждений по концентрации документальных материалов, обеспечению их сохранности и использованию, развитие научной работы архивов, активное участие их в творческой разработке научных проблем нашли свое выражение в новом «Положении о Государственном архивном фонде Союза ССР», утвержденном Советом Министров СССР 13 августа 1958 г. Принятие правительством этого важного государственного акта свидетельствует о новом проявлении внимания и заботы партии и правительства к дальнейшему развитию архивного дела в нашей стране.

Одновременно докладчик подчеркнул наличие ряда существенных недостатков в деятельности архивных учреждений, особенно по руководству ведомственными и районными государственными архивами, по организации использования документальных материалов в народнохозяйственных целях и созданию научно-справочного аппарата в архивах. Эти недостатки в значительной мере объясняются тем, что к работе архивных учреждений еще слабо привлекается внимание республиканских и местных партийных, советских и профсоюзных органов и научной общественности республик. В докладе определены основные задачи архивных учреждений, вытекающие из решений XXI съезда КПСС.

Одной из важнейших задач советских архивистов является комплектование государственных и ведомственных архивов документальными материалами. В связи с этим необходимо перестроить и повысить уровень работы архивных органов по организационному и методическому руководству государственными и ведомственными архивами, обратив главное внимание на постоянный контроль за сохранностью всех основных документальных материалов в учреждениях, организациях, предприятиях и государственных архивах, на организацию широкой работы по созданию в архивах предметно-тематических каталогов, хороших описей и других видов научно-справочных пособий.

Работники архивных учреждений, отмечалось в докладе, обязаны активизировать

работу по подготовке и изданию документальных источников, которые должны помогать работникам общественных наук создавать фундаментальные труды, раскрывающие закономерности развития советского общества, издавать такие документальные сборники и публикации, которые служили бы делу коммунистического воспитания трудящихся и борьбе с буржуазной идеологией и ревизионизмом.

Докладчик подчеркнул, что коренные вопросы архивного строительства могут быть успешно решены лишь в том случае, если архивные учреждения будут постоянно опираться на широкую общественность, будут умело и своевременно ставить эти вопросы перед партийными и советскими органами республик и усилят внимание к правильному подбору, воспитанию и повышению научной квалификации кадров архивных органов и архивов.

В содокладах и выступлениях участников совещания приводилось много примеров положительного опыта в работе архивных учреждений, критиковались недостатки в их деятельности и внесен ряд ценных предложений, направленных на активизацию работы архивных органов и государственных архивов по выполнению задач, вытекающих из решений XXI съезда КПСС и утвержденного Советом Министров СССР нового Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР.

Много внимания совещание уделило вопросам улучшения состояния и деятельности ведомственных и районных государственных архивов. О положительном опыте руководства и оказания помощи ведомственным архивам в Казахстане со стороны архивных органов рассказали начальник Архивного управления Казахской ССР т. *Федоров*, начальник Архивного отдела Актюбинской области т. *Бикбаев*, начальник Архивного отдела Карагандинской области т. *Мознаим*, начальник Архивного отдела Семипалатинской области т. *Ботин*.

Для улучшения руководства ведомственными архивами в Архивном управлении Казахстана создан специальный отдел, укомплектованный квалифицированными научными работниками-инспекторами. Архивное управление издало на казахском языке 30 тыс. экземпляров правил работы ведомственных архивов и снабдило ими почти все учреждения, организации и предприятия республики, что значительно облегчило работу архивных органов по контролю за ведомственными архивами. По инициативе Архивного управления, разработаны и согласованы с Министерством финансов Казахской ССР и профсоюзными органами и в октябре 1957 г. распоряжением Совета Министров республики утверждены расценки и новый порядок работы по экспертизе и научно-технической обработке документальных материалов учреждений, организаций и предприятий через создаваемые архивными органами хозрасчетные группы архивных работников.

Для оказания помощи учреждениям в научно-технической обработке документальных материалов Архивный отдел Актюбинской области создал в областном центре хозрасчетную переплетную мастерскую. Такие мастерские уже начали создавать и в некоторых районных центрах. Приводились примеры привлечения к работе ведомственных архивов внимания общественности. По инициативе архивных отделов Актюбинской и Джамбульской областей, в 1958 г. были созданы рейдовые бригады из представителей архивных органов и редакций областных газет, которые проверили состояние архивов в ряде областных учреждений. Материалы о результатах рейда были опубликованы в областных газетах. В Южно-Казахстанской и Актюбинской областях начат общественный смотр архивов.

Следствием этих мероприятий было почти полное завершение научно-технической обработки документальных материалов в архивах республиканских учреждений Казахстана и в большинстве ведомственных архивов Актюбинской области. Архивный отдел Семипалатинской области добился полного упорядочения документальных материалов в архивах предприятий и организаций, подведомственных совнархозу.

Серьезным недостатком в работе ведомственных архивов является слабое использование документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях. В то же время многие участники совещания говорили о широких возможностях архивов и приводили примеры эффективного использования документальных материалов ведомственных архивов. Материалы архива Всесоюзного научно-исследовательского института хлопководства в г. Ташкенте, например, использовались научно-исследовательским бюро Московского института инженеров водного хозяйства имени В. Р. Вильямса для разработки вопросов агротехники и поливного режима кукурузы, Узгипроводхозом — для составления схемы реконструкции системы канала Киз-Кеткен в Кара-Калпакской АССР, Министерством сельского хозяйства Узбекской ССР — для составления проекта хозяйственного землеустройства земель Самаркандского района. На основе изучения материалов технического архива Среднеазиатского отделения института «Гидроэнергопроект» составлен целый ряд типовых проектов гидротехнических сооружений и отдельных элементов гидромеханической и электрической части ГЭС, которые широко используются строительными организациями.

Развертывается использование документальных материалов ведомственных архивов и в Казахстане. Так, в Кустанае на основе документальных материалов архи-

ва исполкома областного Совета депутатов трудящихся подготовлена и издана брошюра «Наш целинный край». Материалы архива Министерства просвещения были использованы на выставке в Индии для показа прогресса народного образования в Казахской ССР. По материалам архива Статистического управления издан статистический справочник о народном хозяйстве и культуре в Казахстане. В некоторых крупных ведомственных архивах Казахской ССР (Министерство геологии и охраны недр, Министерство сельского хозяйства и др.) организуется тематическая разработка фондов и тем самым начата работа по созданию тематических каталогов.

Однако таких примеров активного использования документальных материалов ведомственных архивов еще мало. Это объясняется, главным образом, неудовлетворительным состоянием научно-справочного аппарата архивов. Выступающие на совещании говорили о необходимости усиления методической помощи ведомственным архивам со стороны архивных органов и государственных архивов, повышении ответственности руководителей учреждений, организаций и предприятий за состояние и работу ведомственных архивов. Начальник Архивного управления Казахской ССР Н. Н. Федоров высказал мысль о том, что было бы очень полезно, если ведомственные архивы станут как бы филиалами соответствующих государственных архивов, чтобы работа в них строилась в основном так же, как и в государственных архивах.

Тт. Кокоть (Ташкент) и Бикбаев (Актюбинск) считают целесообразным организацию при областных и городских учреждениях объединенных архивов для учреждений одного ведомства.

Заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР т. *Беглов* внес предложение о привлечении актива к работе архивных органов по инспектированию и оказанию помощи ведомственным архивам и создании института внештатных инспекторов архивных управлений (отделов). В связи с тем, что, по новому положению о Государственном архивном фонде СССР, документальные материалы по личному составу будут приниматься в государственные архивы из учреждений через 40 лет, т. *Рудницкий* (Сталинабад) считает необходимым создать картотеки в ведомственных архивах на эти материалы.

Одобряя меры, принимаемые Главным архивным управлением по вопросам улучшения организации текущего делопроизводства, совещание рекомендовало архивным органам усилить контроль за состоянием документальной части текущего делопроизводства в учреждениях, организациях и предприятиях, обратив особое внимание на разработку и внедрение номенклатур дел и на организацию подготовки кадров делопроизводителей. Начальник Архивного отдела Киргизской ССР т. *Самсонов* сообщил, что, на основании проводимого в настоящее время детального изучения постановки делопроизводства в республиканских учреждениях, Архивный отдел предполагает в 1959 г. составить обзор по этому вопросу и разослать его во все учреждения, организации и предприятия. Одновременно намечается войти в Совет Министров республики с предложениями по улучшению состояния и ведения делопроизводства в учреждениях и подготовить методическое пособие по делопроизводству. Тов. Самсонов считает, что Главное архивное управление должно организовать подготовку специалистов по делопроизводству во всесоюзном масштабе. Методист-консультант Архивного управления Казахской ССР т. *Кажемуратов* внес предложение о включении в учебные планы гуманитарных высших учебных заведений курса по изучению постановки делопроизводства в советских учреждениях. Начальник отдела Главного архивного управления *А. Г. Федоров* в своем выступлении указал на то, что архивные управления и отделы должны не только утверждать номенклатуры дел в учреждениях, организациях и предприятиях, но главным образом следить за тем, чтобы эти номенклатуры правильно применялись на практике. Интересную мысль высказал т. Рудницкий (Таджикистан), предложивший объявить конкурс на подготовку методического пособия по делопроизводству.

На совещании подчеркивалась необходимость усиления внимания техническим и кино-фото-фоноархивам. В Казахстане и других республиках архивные органы осуществляют практические мероприятия по оказанию помощи учреждениям в налаживании работы над техническими и кино-фото-фонодокументами. В архивном управлении Казахской ССР и Архивном отделе Карагандинской области выделены специальные инспекторы по техническим архивам, ведется паспортизация технических архивов и оказывается помощь проектным организациям и предприятиям в подготовке кадров для этих архивов. Архивный отдел Карагандинской области, например, помог учреждениям подобрать работников для технических архивов и организовал двухнедельную стажировку этих работников в техническом архиве института «Гипрошахт».

Широко обсуждались вопросы улучшения состояния и деятельности районных (городских) государственных архивов. В ряде областей Узбекской, Казахской и Туркменской ССР проведены общественные смотры районных архивов, что способствовало привлечению к архивам внимания советских и партийных органов и общественности. В результате смотра, как отметила начальник Архивного отдела Наманганской области т. *Карпова*, в текущем году во всех районных государственных архивах области начато картонирование документальных материалов, что

особенно важно для обеспечения сохранности документальных материалов в климатических условиях Средней Азии. Исполком Актюбинского областного Совета депутатов трудящихся в 1958 г. выделил 110 тысяч рублей на строительство новых зданий для районных государственных архивов и в текущем году — 80 тысяч рублей. Архивный отдел за счет этих средств в прошлом году организовал строительство зданий архивов в 6 районах, из них четыре здания уже сданы в эксплуатацию, а строительство двух зданий будет закончено в 1959 г.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос об организационно-правовом статуте районных (городских) архивов. Большинство выступавших на совещании работников архивных учреждений считает более целесообразным создать в крупных районах и городах государственные архивы с постоянным составом документальных материалов, которые концентрировали бы материалы из ряда ближайших районных архивов, оставив при этом существующие районные государственные архивы с переменным составом документальных материалов, основной функцией которых был бы контроль за состоянием архивов районных и сельских учреждений. Учитывая непрерывный рост количества интеллигенции в районах и селах, такие межрайонные государственные архивы могут стать центрами краеведческой и другой научной работы в отдаленных уголках нашей страны.

Серьезное внимание совещание уделило вопросам обеспечения сохранности и улучшения условий хранения документальных материалов. Выступавшие на совещании с удовлетворением отмечали, что после издания Постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. значительно расширилось строительство новых современных архивохранилищ для центральных, республиканских и областных государственных архивов. В настоящее время в крупных городах нашей страны строится 32 новых архивохранилища, в которых будет размещено до 40 миллионов ед. хр. Большие здания центральных государственных архивов строятся в Ашхабаде, Ташкенте и Алма-Ате. Заместитель министра внутренних дел Казахской ССР т. *Николаев* в своем выступлении на совещании сообщил, что правительство республики выделило на семилетку (1959—1965 гг.) 12 млн рублей на строительство зданий государственных архивов. Кроме Алма-Аты, в настоящее время идет строительство зданий государственных архивов в гг. Чимкенте и Усть-Каменогорске; в ближайшее время начнется стрительство архивохранилищ в гг. Караганде и Павлодаре. Почти во всех союзных республиках созданы центральные лаборатории по реставрации и микрофотокопированию документальных материалов, а в Казахстане, кроме этого, организуются межобластные лаборатории. Многие архивы начали работу по созданию страхового фонда микрофотокопий.

Однако в выступлениях и решении совещания отмечено, что, осуществляя мероприятия по обеспечению сохранности документальных материалов, архивные управления-отделы и государственные архивы упускают основное — контроль за полнотой сохранности документальных материалов важнейших учреждений, организаций и промышленных предприятий.

Большое влияние на обеспечение сохранности документальных материалов должны оказывать правильная постановка комплектования архивов документальными материалами и экспертизы ценности документов. Советским архивоведением разработаны основные научные принципы комплектования и экспертизы ценности документальных материалов. За последние годы Главным архивным управлением подготовлены и изданы правила комплектования государственных архивов, инструкции по фондированию и экспертизе документальных материалов в государственных архивах. Отмечая все это, участники совещания указывали, вместе с тем, на существенные недостатки в практической деятельности архивных учреждений. Многие архивные органы и архивы работу по комплектованию архивов документальными материалами пускают на самотек, нарушают установленный порядок в этой работе; экспертные комиссии архивных учреждений сосредоточивают основное свое внимание не на отборе документальных материалов, подлежащих постоянному хранению в архивах, а на рассмотрении отборочных списков материалов, отобранных к уничтожению. Архивные органы и архивы обязаны не просто принимать документальные материалы, а активно отбирать на хранение документы, имеющие важное научное и практическое значение, подчеркивалось на совещании. Тов. Самсонов считает, что назрела необходимость в создании специальных перечней категорий документальных материалов, подлежащих государственному хранению. После издания таких перечней следует более решительно предоставлять учреждениям право самим решать вопросы об уничтожении документальных материалов временных сроков хранения. В порядке опыта Архивный отдел Киргизии намерен подготовить по одному из ведомств перечень документальных материалов, подлежащих сдаче в государственные архивы. Вносилось также предложение о необходимости разработки перечней документальных материалов для совнархозов и пересмотра существующих типовых и ведомственных перечней.

На совещании отмечалось, что архивные органы Казахской, Туркменской, Грузинской и Эстонской ССР начали важную работу по собиранию документальных материалов личного происхождения и исто-

рических документов, находящихся у частных лиц. В связи с этим в центральных государственных архивах Казахской, Туркменской и Эстонской ССР в начале 1959 г. созданы отделы фондов литературы и искусств. Начальник отдела Центрального государственного архива Казахской ССР т. *Абилова* рассказала на совещании о первых шагах в работе вновь созданного отдела. Работники этого отдела установили личные контакты с деятелями литературы и искусства Казахстана, подготовили и опубликовали в республиканской газете статью о задачах и порядке концентрации в архиве документальных материалов личных фондов. Эти мероприятия уже дают положительные результаты. Один из крупных писателей Казахстана — Сабит Муканов первый откликнулся на обращение архива и в начале апреля передал на хранение в государственный архив значительную часть своего архива. Многие другие писатели и композиторы Алма-Аты также изъявили желание передать свои материалы в архив. Совещание рекомендовало всем государственным архивам организовать активную работу по собиранию документальных материалов общественных деятелей, выдающихся деятелей науки, литературы, искусства и передовиков социалистического труда.

Участники совещания широко обсуждали вопросы организации использования документальных материалов в научных, народнохозяйственных и культурно-просветительных целях и создания в архивах высококачественного научно-справочного аппарата. Приводились примеры эффективного использования архивных документов в народнохозяйственных и практических целях. Архивное управление Узбекской ССР организовало выявление документов о деятельности совнархозов Туркестанской АССР в 1918—1924 гг. Эти документы были использованы затем директивными органами при разработке структуры и функций современных совнархозов. Ферганский совнархоз использовал в своей практической деятельности представленные ему документальные материалы из государственных архивов со сведениями о добыче полезных ископаемых.

Архивный отдел Киргизской ССР в текущем году подготовил и направил в Министерство просвещения республики обзор документальных материалов о трудовом обучении и политехнизации школ в Киргизии в 1919—1935 гг. В Центральном государственном архиве Казахской ССР заканчивается выявление архивных материалов, сведения которых могут оказать практическую помощь при сооружении канала Иртыш — Караганда, составлен справочник о документальных материалах по развитию животноводства и т. д.

Оживилась работа по популяризации документальных материалов государственных архивов через печать, радио, телевидение и выставки. За последние 3 года архивными учреждениями Казахстана опубликовано в периодической печати 239 статей и документальных подборок, организовано 31 выступление по радио и телевидению, подготовлено 17 выставок архивных документов, которые экспонировались на предприятиях, в учреждениях и домах культуры. Подготовка фотовыставок широко практикуется и архивистами Таджикистана.

Большая работа проведена архивными учреждениями по публикации документальных материалов. Особенно оживилась научно-публикаторская работа в государственных архивах Узбекистана, Казахстана и Туркмении. Это объясняется тем, что архивные органы этих республик сумели наладить тесное сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями республики. Многие научные работники институтов истории республиканских академий наук, институтов истории партии, государственных университетов в Узбекской, Казахской и Туркменской ССР принимают активное участие в научно-публикаторской деятельности архивов. Выступавшие на совещании представители научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений тт. *Станишевский, Соколов, Курбанов, Чадров* говорили о необходимости дальнейшего развития сотрудничества с архивными органами.

Важное значение имеет координация усилий архивных учреждений Средней Азии и Казахстана в области научно-публикаторской работы. В настоящее время уже ведется совместная работа архивных органов этих республик по подготовке к изданию сборников документов «Культурное строительство в Туркестане» и «Гражданская война в Средней Азии и Казахстане». По первому сборнику роль координирующего центра выполняет Архивное управление Узбекской ССР, а по второму — Архивное управление Казахской ССР. Участники совещания говорили о необходимости повышения координирующей роли Главного архивного управления в подготовке таких межреспубликанских изданий документов. Профессор Среднеазиатского государственного университета т. Станишевский высказал предложение об издании имеющихся в государственных архивах документов, разоблачающих происки империалистов в странах Ближнего Востока, о подготовке сборника документов об участии рабочих и дехкан Туркестана в Октябрьской революции и гражданской войне в России и на Украине.

Доцент этого же университета т. Соколов считает необходимым привлечь к работе по подготовке сборников документов о русско-китайских дружественных связях государственные архивы республик Средней Азии и Казахстана.

Начальник отдела Архивного управления Казахской ССР т. *Бейсенов* по-

делился опытом работы по подготовке библиографического справочника документальных публикаций в Казахстане. В процессе подготовки справочника работники Архивного управления выявили и взяли на учет до тысячи названий отдельных изданий архивных документов. В текущем году работу над справочником предполагается завершить. Тов. Бейсенов считает, что Главное архивное управление должно заняться организацией архивной библиографии и начать издание общесоюзного ежегодника документальных публикаций. Многие выступавшие на совещании указывали на серьезный недостаток в работе архивных учреждений по использованию документальных материалов, заключающийся в том, что при подготовке публикаций и информаций они почти не привлекают документы ведомственных архивов.

Начальник Архивного отдела Кара-Калпакской АССР т. *Бикташев* правильно считает, что местным архивным органам и архивам надо дать больше самостоятельности в вопросах организации использования документальных материалов, так как во многих республиках им приходится в основном выполнять запросы и поручения вышестоящих архивных управлений.

На совещании единодушно отмечалось, что серьезным тормозом в дальнейшем развертывании использования документальных материалов является неудовлетворительное состояние научно-справочного аппарата во многих государственных и особенно ведомственных архивах. Хотя за последние годы подготовлено и издано несколько путеводителей по архивам и обзоров документальных материалов, в большинстве местных государственных архивов подготовка путеводителей идет медленно. Это объясняется, главным образом, неудовлетворительным состоянием первичного научно-справочного аппарата на фонды архивов. Вполне обоснованно высказывалось сомнение в целесообразности издания в настоящее время путеводителей в тех государственных архивах, где по большинству фондов советского периода документальные материалы еще не сконцентрированы и находятся в ведомственных архивах. В государственных архивах слабо развернута работа по каталогизации документальных материалов.

В связи с этим в каждой республике необходимо разработать классификаторы применительно к документальным материалам архивов республик, используя общесоюзную классификационную схему, подготавливаемую в настоящее время Главным архивным управлением [1]. Совещание рекомендовало архивным органам республик в течение 1959—1960 гг. подготовить и издать общереспубликанские справочники о фондах государственных архивов.

Успешное выполнение задач, вытекающих из решений XXI съезда КПСС, в значительной мере будет зависеть от постановки научно-методической и организационной работы архивных органов и архивов, от постоянного совершенствования научной квалификации сотрудников архивных учреждений.

Участники совещания положительно оценили первый номер научно-информационного бюллетеня Главного архивного управления «Вопросы архивоведения» и выразили общее пожелание о том, чтобы этот бюллетень реорганизовать в архивоведческий журнал. Заместитель редактора журнала «Исторический архив» т. *Иваницкий* и начальник Архивного отдела Бухарской области т. *Бекбулатов* выразили несогласие с мнением некоторых товарищей о нецелесообразности издания информационных бюллетеней республиканскими архивными управлениями и подчеркнули их большую роль в обобщении и распространении положительного опыта работы архивных учреждений. Надо только позаботиться о расширении авторского актива и повышении качества публикуемых в бюллетенях материалов. В некоторых выступлениях на совещании давались критические замечания в адрес учебного пособия «Теория и практика архивного дела в СССР» и статей тт. Митяева и Красовского, опубликованных в журнале «Исторический архив» [2] по основным вопросам экспертизы научной и практической ценности документальных материалов.

На совещании отмечалось укрепление кадров архивных органов и государственных архивов республик Средней Азии и Казахстана специалистами с высшим историко-архивным образованием и увеличением числа работников из местной национальности, которые проявляют стремление получить специальное образование. В Московском государственном историко-архивном институте обучается 11 казахов, только в 1958 г. в институт принято 4 человека, направленных Архивным отделом Кара-Калпакской АССР. Многие работники архивных учреждений учатся в институте заочно. Начальник Архивного отдела Туркменской ССР т. *Головкин* говорит о необходимости оказания помощи научным работникам архивов в подготовке диссертаций. Вносились предложения о целесообразности проведения в Ташкенте или Алма-Ате межреспубликанских курсов и семинаров работников архивных учреждений.

За последнее время в республиках Средней Азии и Казахстана осуществлены некоторые мероприятия по улучшению структуры архивных учреждений.

---

[1] См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 226—227.

[2] «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 185—195; 1959, № 1, стр. 178—181.

Существовавшие ранее несколько республиканских государственных архивов объединены в один Центральный государственный архив республики. В объединенных республиканских архивах Казахской и Киргизской ССР изменена структура. Вместо ранее существовавших нескольких фондовых отделов в Центральном государственном архиве Киргизской ССР созданы отделы: фондов учреждений, кино-фотодокументов, использования. Центральный государственный архив Казахской ССР имеет: отдел фондов, комплектования, учета и экспертизы, отдел кино-фото-фонодокументов, отдел фондов литературы и искусства, научно-публикаторский отдел, отдел использования и научно-справочного аппарата. Выступавшие на совещании архивные работники Казахстана и Киргизии поделились опытом реорганизации архивов и считают, что новая структура дает им возможность сконцентрировать усилия на основных участках деятельности архивов.

В связи с тем, что составленные во многих республиках перспективные планы развития архивного дела страдают существенными недостатками и неполностью предусматривают выполнение основных задач, вытекающих из решений XXI съезда КПСС, совещание поручило архивным управлениям и архивным отделам доработать и уточнить эти планы, согласовать их с соответствующими республиканскими учреждениями и представить на рассмотрение Советов Министров республик.

Совещание обратилось с призывом к работникам архивных учреждений СССР приложить всю свою энергию и знания к дальнейшему подъему и совершенствованию архивного дела, к тому, чтобы максимально и эффективно использовать документальные материалы Государственного архивного фонда страны для успешного выполнения задач, поставленных XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза.

С. Т. Плешаков

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЭСТОНСКОЙ ССР

31 декабря 1958 г. Совет Министров Эстонской ССР принял постановление «О состоянии и мерах улучшения архивного дела в Эстонской ССР»[1].

В постановлении отмечается, что архивные органы, государственные и ведомственные архивы республики провели большую работу по упорядочению режима хранения и лучшему использованию документальных материалов министерств и ведомств, однако состояние архивного дела в республике нуждается в серьезном улучшении.

Совет Министров Эстонской ССР обязал руководителей Совета народного хозяйства республики, министерств и ведомств, исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся, учреждений, организаций и предприятий принять меры к устранению недостатков в архивном деле. Министерству внутренних дел совместно с Академией наук Эст. ССР поручено разработать и внести на утверждение Совета Министров Эст.ССР перспективный план развития архивного дела в республике на 1959—1965 гг., обратив особое внимание на расширение использования документальных материалов в научных, народнохозяйственных и справочных целях, а также представить предложения о дальнейшем упорядочении сети городских и районных государственных архивов и техническом усовершенствовании существующих архивохранилищ.

Министерству внутренних дел, совместно с Академией наук Эст. ССР, вменяется также в обязанность разработать перспективный план публикации документальных материалов государственных архивов на 1959—1965 гг.; провести в течение 1959—1965 гг. всестороннюю экспертизу по определению ценности хранящихся в государственных архивах материалов, а все не имеющие научно-исторического, народнохозяйственного или справочного значения документы изъять в установленном порядке; подготовить предложения по организации сбора, хранения и использования в научных и культурных целях творческих и других материалов деятелей науки, культуры и искусства; разработать и утвердить перечни учреждений, организаций и предприятий, документальные материалы которых подлежат первоочередному приему на хранение в государственные архивы.

Совет Министров Эстонской ССР предложил научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждениям передать в 1959 г. находящиеся у них коллекции рукописей и другие исторические материалы на хранение в государственные архивы. Руководителям редакций республиканских газет и журналов, Комитета радиовещания и телевидения и других организаций поручено в течение 1959 г. обработать имеющиеся у них фото-фоноархивы и передать их на хранение в отдел кино-фото-фонодокументов Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Эст. ССР.

Кроме того, Совет Министров Эстонской

---

[1] «Ведомости Эстонской ССР», 1959, № 1, стр. 48—50.

ССР обязал руководителей Совета народного хозяйства, министерств, ведомств, учреждений, предприятий и организаций республики завершить в 1959 г. упорядочение хранящихся в их архивах документальных материалов и навести порядок в документальной части текущего делопроизводства, а исполнительные комитеты городских и районных Советов депутатов трудящихся — усилить контроль за состоянием документальных материалов в учреждениях, организациях и предприятиях и руководство деятельностью городских и районных государственных архивов.

Этим же постановлением утверждена сеть государственных архивов Эстонской ССР, в состав которой входят: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (г. Таллин); Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (г. Тарту); Таллинский городской и Харьюский районный государственные архивы с постоянным составом документальных материалов.

Б. А. Жалейко

О БИБЛИОТЕКЕ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ, ОБНАРУЖЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТСКОЙ АССР

В конце 1958 г. Археографическая комиссия Академии наук СССР предприняла археографические экспедиции по Приморскому краю и Бурятской АССР. Хотя эти экспедиции и носили предварительный характер, однако и они показали, какие широкие возможности представляют для ученых рукописные и старопечатные материалы Сибири и Дальнего Востока, частично уже обнаруженные и систематизированные, а частично еще ожидающие своего открывателя.

Настоящее сообщение ставит своей задачей ознакомить читателей с результатами предварительных поисков, проведенных в Бурятской АССР, являющейся одной из наиболее малоисследованных в археографическом отношении областей нашей страны. Между тем одно только ознакомление с ее историей позволяет сделать предположение о наличии у местного населения древних рукописей и старопечатных книг. Наряду с большим количеством памятников тибетский письменности, здесь можно встретить и древнерусские памятники старины. Дело в том, что в некоторых селах Бурятии (Тарбогатай, Исток, Б. Кунамай, Бичур, Мухоршибир и др.) живут группы русского населения — потомки старообрядцев, переселившихся в Забайкалье из европейских областей России еще во второй половине XVIII в.

До самого последнего времени сбором памятников русской культуры в Забайкалье занимались мало и в большинстве случайно. Одним из энтузиастов в области изучения русской старины является сотрудник Бурятского научно-исследовательского института Академии наук СССР К. М. Герасимова. В 1943—1944 гг. она ездила по «семейским селам» [1], собирая и закупая там древнерусские иконы для Республиканского краеведческого музея, обратила внимание на наличие у населения различных рукописных и старопечатных книг. Однако, не являясь специалистом в этой области, она не занялась их изучением и приобретением. Когда в 1954 г. в Тарбогатайском районе охотниками-бурятами была найдена пещера с замурованными в ней книгами и рукописями, находка была передана Республиканскому краеведческому музею, откуда и поступила в библиотеку Бурятского научно-исследовательского института.

Обнаруженные книги и рукописи составляли часть библиотеки, собранной старообрядческим епископом Афанасием, жившим в начале 1930-х гг. в с. Тарбогатай и носившего титул епископа «Иркутско-амурской и всего Дальнего Востока епархии». Афанасий принадлежал к белокриницкой епархии, центр которой, как известно, находился в Москве на Рогожском кладбище.

Как это явствует из записей, сделанных на некоторых книгах библиотеки, Афанасий происходил из семьи тарбогатайских крестьян Федотовых и был тесно связан с многими видными деятелями старообрядчества, вел с ними переписку, получал от них книги. В основу его библиотеки легли книги и рукописи, которые составляли семейное достояние Федотовых, но он ее пополнял за счет поступлений от местных крестьян-старообрядцев, старообрядческих священников близлежащих сел, из монастырей (например, Иркутско-Вознесенского). Афанасий получал также книги из Москвы, Иркутска, Хабаровска, Благовещенска, Барнаула и других городов.

В числе лиц, снабжавших Афанасия книгами, был видный старообрядческий начетчик-москвич Михаил Бриллиантов. На одной из книг имеется запись, свидетельствующая о том, что она приобретена у известного собирателя рукописей и книг Вострякова. Всего библиотека содержит

---

[1] «Семейские села» — местное название населенных пунктов, жители которых являются потомками старообрядцев XVIII в. (часть из них переселилась в Забайкалье большими *семьями*).

14 рукописей, 20 гектографических изданий, 128 книг, из которых 17 — старопечатных. Первоначально библиотека была значительно больше; по-видимому, часть книг и рукописей не попала в пещеру и осталась на руках у населения, часть погибла от сырости вследствие длительного хранения под землей.

Сотрудники Археографической комиссии ознакомились с библиотекой, когда она была передана Бурятскому научно-исследовательскому институту. Библиотека хранится в помещении Института. Рукописи и гектографические издания отделены от печатных книг и находятся в рукописном отделе Института. К сожалению, это разделение произведено не очень тщательно, и некоторые старопечатные книги попали в рукописный отдел. Книги и рукописи хранятся в хороших условиях, на стеллажах в сухом, отапливаемом помещении. Научным сотрудником Археографической комиссии А. И. Роговым они были разобраны, описаны и распределены по тематике.

Библиотеку условно можно разделить на четыре основных раздела: рукописи, гектографические издания, старопечатные книги, издания, напечатанные в конце XVIII — начале XIX в.

Раздел рукописей включает в себя списки, сделанные в XIX в. с сочинений как относящихся к более раннему времени (XVII—XVIII вв.), так и с сочинений, написанных в самом XIX в. Большинство рукописей представляет собой старообрядческие сборники, главным образом полемических сочинений, направленных против господствующей церкви и отчасти против «беспоповцев». Многие из них написаны в форме посланий и обращений («Десять посланий Петра Белокриницкого к беспоповцам» и др.).

Среди рукописных книг выделяется старообрядческий сборник второй половины XIX в. Он богато иллюстрирован заставками поморского типа, миниатюрами. Помимо полемических сочинений, относящихся к более позднему времени, он включает в себя выписки из распространенных в Древней Руси книг: «Маргарит», «Проскринитарий» Арсения Суханова, вторую часть «Патерика», а также поучения Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Ефрема Сирина и других. В сборнике имеются также поучения неизвестных авторов, например, «Слово о Федоре наемнице»; жития святых Якова Мниха Постника, Феодосии, Кондратия, Киприана. Русских житий сборник, к сожалению, не содержит. Из общего содержания сборника несколько выпадает список с одного из разделов грамоты «На права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.[2] Раздел называется «О иногородних и иностранных гостях городовое положение». Включение этого документа в состав сборника объясняется тем, что в указанном положении провозглашено свободное вероисповедание. Требуя свободы вероисповедания, старообрядцы, видимо, ссылались на закон 1785 г. В сборнике имеется любопытная запись: «Сия книга много требует разума».

Особый интерес представляет также сборник, в состав которого вошли сочинения по истории раскола. Он открывается сказанием «О раскольничьем мятеже, бывшем 5 июля 1682 г., чрез 48 дней после ужаснейшего стрелецкого возмущения, сочиненное очевидцем из раскольников». Сказание представляет собой список (с незначительными отклонениями) с известного сочинения одного из деятелей раскола Саввы Романова, опубликованного в 1859 г. К. Тихонравовым, под названием «История о вере и челобитная о стрельцах»[3]. Вторую часть сборника составляет «Помянник», который содержит раздел «За благочестие пострадавших», где, между прочим, перечислены имена старообрядцев, «сожженных благочестия ради», причем на полях отмечено место казни каждого из них.

Как обычно в сборниках старообрядческих рукописей, и в этой библиотеке имеется немало нотных крюковых рукописей: «Демественник», с заставкой поморского типа, «Ирмологий» с заставками, «Стихарарь». Рукописные книги библиотеки написаны в основном полууставом. Часть из них имеет картонный переплет, другие переплетены досками, обтянутыми кожей. На многих рукописях имеются владельческие записи.

Второй раздел — гектографические издания — содержит старообрядческие полемические сочинения XIX в., послания старообрядческих епископов, а также документы старообрядческих съездов. Особого научного интереса они не имеют.

Наиболее интересен третий раздел — старопечатные книги.

Они относятся к XVII — началу XVIII в. Большинство старопечатных книг библиотеки составляют богослужебные книги — служебные минеи, требники, псалтыри, церковные уставы.

Самая ранняя из описанных нами книг «Служебник», напечатанный в Москве в 1623 г.[4].

Кроме того, имеются «Поучительные слова Ефрема Сирина» (М., 1647), «Толкование Четвероевангелия Феофилакта Болгарского», «Благовестник» (М., 1749) и «Четья-Минея» Дмитрия Ростовского (декабрь — январь — февраль), выпущенная вторым изданием в Киеве в 1714 г. Последняя, как свидетельствует запись,

---

[2] ПСЗ, т. XXI, № 16188, стр. 379—380.

[3] «Летописи русской литературы и древности», т. V. М., 1859, отд. II, стр. 111—148.

[4] И. Каратаев. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730 г. СПб., 1861, № 233.

куплена «в Москве у Вострякова за цену 6 рублей 50 коп., кроме пересылки» (почерк XIX в.).

Библиотека содержит также старопечатные книги светского содержания: «Грамматика» (московское издание грамматики Милетия Смотрицкого, 1648 г.[5]), «Синопсис» Иннокентия Гизеля, с надписью «Книга капитана Сергея Лавейкина», напечатанный третьим изданием в Киеве в 1680 г., излагающий важнейшие сведения по русской и украинской истории, благодаря чему он сделался своеобразным учебным пособием (всего он выдержал до 30 изданий)[6], и другие книги.

Обращает внимание запись на Псалтыри, изданной в 1652 г. в г. Москве: «1868 г. ноябрь с 11 на 12 был пожар в Погорелове в 2 часа ночи, сгорела новая улица, и на площади и на старой улице сгорело 34 дома. В числе этого пожара сгорел и наш дом Екатерины Федоровой Влахировой».

Некоторые старопечатные книги не имеют начала или конца; встречаются также отдельные разрозненные листы из книг печати XVII в., подробно описать которые не представилось возможным.

Среди книг, напечатанных в конце XVIII — начале XIX в., обращает на себя внимание большое количество книг, набранных шрифтом, стилизованным под XVII в., и представляющих собой перепечатки со старопечатных книг, но они выполнены в старообрядческих типографиях в XIX — начале XX вв. (минеи, церковные уставы, поучения, псалтыри и т. д.).

Библиотека содержит также значительное количество отдельных выпусков таких церковных журналов, как «Старообрядец», «Старообрядческая мысль», «Церковь», «Христианское чтение», а также периодических изданий светского содержания («Думы забайкальского учителя» № 5—6, март 1918 г. и др.). Имеется немало исторических сочинений, таких, как «Иудейская война» Иосифа Флавия (ч. 1, 1786), Н. Н. Бантыш-Каменского «Исторические известия о возникшей в Польше унии» (1794), «Церковная история» Евсевея Панфила, т. 1 (1858), «Известия истинное» Сильвестра Медведева (1914 г.) и др. Естественно, что большинство изданий посвящено вопросам истории старообрядчества.

Обнаруженная библиотека свидетельствует о наличии в Бурятской АССР большого количества рукописных и старопечатных материалов как в виде собраний, так и отдельных материалов, хранящихся у местного населения. Об этом говорит также то обстоятельство, что подобные материалы имеются, хотя и в незначительном количестве, в Республиканском краеведческом музее (например, богослужебные сборники XIX в., принадлежавшие, судя по записям на них, когда-то местным крестьянам).

Как это уже отмечалось выше, Бурятия чрезвычайно богата тибетскими рукописями. В рукописном фонде Бурятского научно-исследовательского института имеется около 5000 томов уникальных тибетских рукописей. Это так называемые сулебумы, сочинения ургинских и бурятских лам. Кроме того, имеются буддийские канонические тексты (ганжур, данжур), ксилографы и т. д. Институт ведет большую работу в области тибетологии, а также источников по истории Бурятии.

Бурятская АССР представляет интерес и для историков, занимающихся движением декабристов. В ее музеях и архивах сохранились интересные материалы, связанные с пребыванием на ее территории таких, например, деятелей, как Бестужев, рукописи которого хранятся в музее г. Кяхты.

Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР предполагает в 1959 г. организовать совместно с Бурятским научно-исследовательским институтом АН СССР экспедицию с целью выявления и приобретения ценных рукописей, старопечатных книг, древних икон и других памятников культуры.

Ю. О. Бем, А. И. Рогов

[5] И. Каратаев. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730 г., № 574.

[6] Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 1, под ред. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 99—100; 111—112.

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ЦГВИА СССР

В марте 1959 г. состоялось заседание Научного совета ЦГВИА СССР. На заседании присутствовали члены совета, представители «Военно-исторического журнала» и журнала «Исторический архив», исследователи, занимающиеся в читальном зале ЦГВИА, и научные сотрудники архива. Обсуждался вопрос о перспективном плане научной работы ЦГВИА на 1959—1965 гг. Докладчик, заместитель начальника ЦГВИА *Г. В. Богданов* остановился на задачах архива в свете решений XXI съезда КПСС.

При разработке перспективного плана руководство архива связалось с рядом институтов АН СССР и другими научно-исследовательскими учреждениями; в результате был намечен ряд тем, полезных при

решении отдельных проблем семилетнего плана развития народного хозяйства Советского Союза. Так, предполагается завершение тематического выявления документов о месторождениях полезных ископаемых, о гидрометрии рек, по отдельным вопросам градостроительства и планировки русских городов, по истории строительства железных, шоссейных и грунтовых дорог и другим темам, имеющим народнохозяйственное значение.

Большая работа будет проведена архивом по научно-технической обработке документальных материалов и усовершенствованию справочного аппарата, созданию классификатора и предметно-тематического каталога, тематической разработке важнейших фондов. Намечено издать ряд сборников документов: «П. А. Румянцев», (т. 3), о Северной войне 1700—1721 гг., о партизанах и народном ополчении в Отечественной войне 1812 г., завершить издание общесоюзной серии о втором периоде первой русской революции, опубликовать сборники о революционном движении в армии в 60-х гг. XIX в., о русско-китайских связях в XIX в. Архив примет участие в подготовке сборников о восстании в Польше в 1863 г., о Восточном кризисе и освобождении Болгарии в 1877—1878 гг. и сборника «Россия и страны юго-восточной Азии». Намечено создать обзоры фонда Кабинета военного министра Временного правительства, где содержатся документы периода подготовки и проведения Октябрьской революции, и фонда Особого совещания по обороне государства.

Л. Г. Бескровный (Ин-т истории АН СССР) указал, что в плане публикаторской работы отсутствует тема по истории первой мировой войны, пятидесятилетие которой будет через несколько лет.

О необходимости выпустить сборник о первой мировой войне говорил также *А. Л. Сидоров* (Ин-т истории АН СССР). Он приветствовал инициативу архива о подготовке обзора фонда «Особого совещания по обороне государства», который содержит весьма интересные документы по экономике России накануне Октябрьской революции.

В. Ф. Ляхов («Военно-исторический журнал») в своем выступлении также остановился на необходимости усилить внимание к разработке вопросов, относящихся к истории первой мировой войны, и предложил подготовить ряд публикаций на эту тему.

О. Н. Чаадаева (Ин-т истории АН СССР) и *И. И. Корнева* (Историко-архивный ин-т) и другие рекомендовали при окончательной доработке перспективного плана расширить тематику работ, освещающих революционное движение в русской армии в XIX и XX вв., а также предусмотреть разработку вопросов по истории первой мировой войны.

Н. А. Халфин (Ин-т востоковедения АН СССР) отметил чрезвычайную важность и актуальность той части перспективного плана ЦГВИА, которая посвящена вопросам международных отношений. Внешнеполитические проблемы и связанные с ними вопросы о дружественных и культурных связях Советского Союза с зарубежными странами, в частности со странами Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, очень важны для нас; разработка их послужит вкладом в дело сохранения и упрочения мира.

Г. М. Деренковский (Ин-т истории АН СССР), так же как и большинство других выступающих, отметил значительную напряженность перспективного плана архива. Он отметил, что нельзя планировать работу, исходя из существующей в настоящее время издательской базы. Вероятно, через два-три года издательская база настолько расширится, что издание сборников сможет быть обеспечено с меньшими трудностями, чем сейчас.

О необходимости расширения тематики публикаторской работы указывал в своем выступлении *Б. П. Тихомиров* (ГАУ МВД СССР). Он предложил уделить больше внимания истории дружественных связей России с зарубежными странами, революционному движению в русской армии, а также подумать о возможности разработки тем по экономике России.

С. А. Никитин (Ин-т славяноведения АН СССР) также выразил пожелание расширить тематику работ при выявлении документальных материалов, предусмотреть ряд новых тем, связанных, в частности, с историей русско-чешских отношений и с историей первого сербского восстания 1804—1813 гг.

Е. И. Голубцов (ЦГИАМ) подчеркнул целесообразность подготовки сборников в архивах по таким темам, которые являются профилирующими для того или иного архива. По другим темам, которые не являются основными для данного архива, следует проводить выявление документов.

Полковник *Н. И. Шауров* остановился в своем выступлении на сборниках, посвященных истории воздухоплавания и авиации в России, над которыми в ЦГВИА давно уже ведется успешная работа. Он отметил, что вышедший в 1956 г. сборник «Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.» получил чрезвычайно высокую оценку в печати и во время обсуждений его в Доме авиации и ДОСААФ, поэтому необходимо в ближайшие годы закончить работу над его последующими выпусками.

Ряд выступавших на Научном совете останавливались на вопросах, связанных с методической работой и научно-технической обработкой документальных материалов. *В. Н. Автократов* (журнал «Исторический архив») подчеркнул необходимость усилить внимание к этим вопросам при доработке плана. Он отметил также важность теоретической разработки вопросов архивоведения.

Для ЦГВИА, сказала *А. В. Кузюкова*

(ГАУ МВД СССР), одной из основных задач в настоящее время является работа над классификатором документальных материалов. Архиву следует подумать и о других методических вопросах, связанных, в частности, с все расширяющимся микрофотокопированием документальных материалов.

Подполковник *В. Д. Конобеев* призывал предусмотреть в плане архива более сжатые сроки для работы по усовершенствованию научно-справочного аппарата, в частности, старых сдаточных описей, которые не раскрывают содержание документов. Пользование такими описями чрезвычайно затрудняет работу исследователей.

Научный совет ЦГВИА с некоторыми добавлениями и рекомендациями одобрил перспективный план научной работы архива на 1959—1965 гг. и отметил, что намеченные мероприятия неразрывно связаны с задачами широкого использования документальных сокровищ архива в интересах дальнейшего развития советской науки и успешного выполнения величественной программы коммунистического строительства.

Р. Е. Альтшуллер

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в фонде Главного штаба (ф. 400, оп. 261/911) обнаружены документальные материалы об открытии в Порт-Артуре в 1899 г. бесплатной городской начальной двухклассной школы им. А. С. Пушкина для обучения русских и китайских детей.

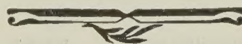
Школа возникла, как доносил военному министру начальник Квантунской области генерал-майор Д. А. Субботич, «по инициативе русской интеллигенции и на средства города», а также на пожертвования, собранные среди жителей Порт-Артура в дни празднования столетнего юбилея А. С. Пушкина (д. 176, ч. 1, л. 93). Закладка школы состоялась 22 мая 1899 г., место для нее было отведено бесплатно.

В докладной записке начальника Азиатской части Главного штаба генерал-майора Д. В. Путяты о школьном деле в Квантунской области, составленной 26 октября 1899 г., указывалось, что школа им. А. С. Пушкина была открыта 17 октября, что в ней обучается 14 русских и 57 китайских детей, кроме того, на вечерних курсах для взрослых китайцев занимается 14 человек; школа обеспечена педагогическим персоналом. В докладной записке сообщалось также об открытии 27 июня 1899 г. еще одной бесплатной русской школы для китайских детей в местечке Бидзыво, в которой было 37 учеников (там же, л. 102). Кроме указанных, бесплатные русские школы для китайских детей существовали еще в двух районах Квантунской области, в Цзиньчжоу и Талиянване. В этих школах национальное обучение сочеталось с изучением русского языка.

Окружной инспектор училищ Приамурского края Д. С. Маргаритов писал в своем донесении начальнику Квантунской области С. И. Алексееву, что «желающих изучать русский язык китайцев, не только детей, но и взрослых, вполне достаточно». Поэтому, несмотря на то, что «школы помещены в случайных помещениях, имеют случайных учителей, и тем не менее переполнены настолько учащимися, что приходится отказывать в поступлении в них» (д. 176, ч. 3, л. 40).

Пушкинская школа в Порт-Артуре была в то время единственной школой, где совместно обучались русские и китайские дети, в основном малосостоятельных родителей, что вызывало раздражение знати и высшего офицерства (см. там же, л. 23). В феврале 1900 г. Пушкинская школа была преобразована в двухклассное русско-китайское бесплатное городское училище.

А. Е. Соловьев, В. И. Виноградов



ПОПРАВКА

В № 3 журн. «Исторический архив» за 1959 г. в статье А. И. Логиновой «Итоги научно-публикаторской деятельности архивных учреждений за 1958 г. и некоторые вопросы археографии» последний абзац на стр. 166 (с переходом на стр. 167) следует читать:

«Многотомные документальные издания «Документы внешней политики СССР» и «Внешняя политика России XIX и начала XX века» —подготавливаются Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР и публикуются Министерством иностранных дел СССР».

А. И. АНДРЕЕВ

(1887—1959)

12 июня 1959 г. на 73 году скончался видный историк, археограф и источниковед, доктор исторических наук, профессор Александр Игнатьевич Андреев.

За 45 лет научной деятельности А. И. Андреевым опубликовано более 150 работ. Круг его научных интересов очень широк.

Исследования А. И. Андреева характеризуются первоклассным знанием источниковедческой базы. Образцами таких работ являются его монография «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век» и статьи о Судебнике 1589 г., Новоторговом уставе 1667 г.

Много труда А. И. Андреев внес в разработку истории Академии наук СССР. Он являлся крупным специалистом по археографии. При его участии и под его редакцией изданы такие капитальные сборники документов как «Грамоты Коллегии экономии» (тт. I—II), «Письма и бумаги Петра Великого» (тт. VII—VIII), «История Сибири» Г. Ф. Миллера (тт. I—II), труды и переписка В. Н. Татищева, сочинения М. В. Ломоносова; им опубликованы сборники «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке XVIII—XIX вв.» и «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». Кроме того, он принимал участие в издании «Полного собрания сочинений А. Н. Радищева» (т. III) и др.

А. И. Андреев много сделал для развития и преподавания вспомогательных исторических дисциплин. Заведуя кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте, он участвовал в составлении и редактировании пособий по этим дисциплинам. С 1956 г. А. И. Андреев состоял членом бюро Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР.

А. И. Андреев принимал деятельное участие в архивном строительстве в СССР; с 1918 по 1925 г. он работал в одном из ленинградских архивов; под его руководством был составлен «Путеводитель» по архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Талантливый ученый и опытный педагог, он вырастил многих специалистов-источниковедов, археографов и историко-географов.

А. И. Андреев отличался преданностью науке и редким трудолюбием; уже будучи тяжело больным, он не прекращал научной работы. В его лице советская историческая наука потеряла видного ученого-исследователя.

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Contents